Отъ Н. Н. Карышева № 1217

S 109/320

БИБЛІОТЕКА М. П. М. проф. КАРЫШЕВА

Эдуардъ Бернштейнъ.

ОЧЕРКИ

из ъ

ИСТОРІИ и ТЕОРІИ

СОЦІАЛИЗМА.

Переводъ С. С. Штейнберга.

Изданіе Б. Н. Звонарева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная улица, 3—5.
1902.

2011096425

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ защиту традиціоннаго пониманія марксизма.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ изданіи я предлагаю публикѣ сборникъ статей, напечатанныхъ мною въ теченіе многихъ лѣтъ. Я полагаю, что это новое изданіе моихъ статей оправдывается тѣмъ, что заключающійся въ нихъ матеріалъ можетъ дать толчекъ для возбужденія мысли и для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ.

Если это предположеніе дало мнѣ смѣлость опубликовать настоящій сборникъ, то при выборѣ статей игралъ рѣщающую роль другой болѣе личный мотивъ. Критики, удостоившіе меня своимъ вниманіемъ, пробудили во мнѣ желаніе сопоставить мои статьи, относящіяся къ различнымъ періодамъ моей публицистической дѣятельности, чтобы такимъ образомъ показать неосновательность мнѣнія тѣхъ, кто утверждалъ, что въ моихъ взглядахъ произошла рѣзкая перемѣна. Я не могу и не хочу отрицать того, что теперь я думаю иначе, чѣмъ десять или двадцать лѣтъ назадъ. Но я протестую противъ того мнѣнія, по которому эта перемѣна взглядовъ проистекаетъ изъ простого измѣненія въ настроеніи, вызваннаго перемѣной внѣшнихъ условій, а не изъ убѣжденія, явившагося плодомъ долгаго развитія.

Конечно, я долженъ признать, что это развитіе не было вполнѣ прямолинейнымъ и непрерывнымъ. Это объясняется уже характеромъ моихъ работъ, которыя представляютъ не академическія изслѣдованія, не личныя мнѣнія, но произведенія члена партіи, написанныя для оправданія потребностей, воззрѣній и стремленій политической партіи. Каждый писатель, находящійся въ такомъ положеніи и согласный въ основныхъ пунктахъ съ воззрѣніями партіи, будетъ по возможности удерживаться отъ высказыванія тѣхъ взглядовъ, которые уклоняются отъ мнѣнія большинства его партійныхъ това-

рищей. Вопросъ о томъ, насколько писатель долженъ умалчивать о своихъ разногласіяхъ съ партійными воззрѣніями, еще не рѣшенъ. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ, несомнѣнно, всякій, говорящій ex cathedra factionis и пользующійся выгодами такого оффиціальнаго положенія, долженъ будетъ сдерживать свои личныя мнѣнія. Это обстоятельство рядомъ съ тѣмъ, что для меня дѣло шло не объ основныхъ разногласіяхъ, но лишь—какъ и теперь—о нѣсколько видоизмѣненномъ приложеніи признанныхъ основныхъ мыслей соціализма — служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему, на первый взглядъ, въ моихъ статьяхъ нѣтъ послѣдовательнаго развитія пунктовъ моего разногласія съ партіей. Однако, мнѣ кажется, что при болѣе внимательномъ чтеніи моихъ статей можно замѣтить постепенное развитіе этихъ разногласій.

Наиболѣе раннія статьи, вошедшія въ сборникъ, относятся къ 1890 г., т. е. къ послѣднему году существованія закона противъ соціалистовъ. Мнѣ казалось нецѣлесообразнымъ вносить статьи, относящіяся еще къ болѣе раннему времени, не потому, что бы я боялся публиковать статьи, написанныя въ то время, когда нѣмецкая соціалъ-демократія находилась подъ гнетомъ исключительныхъ законовъ, и на мою долю выпала отчасти задача быть голосомъ преслѣдуемой партіи. Я исполнялъ свою обязанность насколько могъ лучше, и если кое-что изъ написаннаго мною тогда я бы теперь не написалъ, то многое я повторилъ бы безъ измѣненія при подобныхъ же обстоятельствахъ, а многое, на мой взглядъ, годится и для настоящаго времени. Однако, если печатать статьи, относящіяся ко времени борьбы противъ исключительныхъ законовъ, то пришлось бы воспроизводить такія— которыя теперь потеряли всякій смыслъ, и сборникъ увеличился бы до невозможныхъ размѣровъ. Поэтому изъ этого періода я внесъ лишь статьи 1890 г., когда соціалъ-демократія снова получила нѣкоторую свободу прессы. Эти статьи, написанныя въ то время, когда исключительный законъ доживалъ свои послѣдніе дни, принадлежатъ по своему направленію къ эпохѣ, которая тогда была провозглашена, какъ „новый курсъ".

Впрочемъ, выборъ статей долженъ говорить самъ за себя. Я руководствовался главнымъ образомъ содержаніемъ статей,

стараясь сдѣлать сборникъ по возможности разностороннимъ Поэтому же я счелъ нужнымъ внести кое-гдѣ сокращенія. Далѣе я счелъ подходящимъ удалить изъ полемическихъ статей всѣ мѣста и выраженія, которыя не находились въ необходимой связи съ обсуждаемымъ предметомъ, но касались лишь личности противника и поэтому переступали границу объективно допустимаго. Я всегда стремился внести въ полемику полнѣйшую честность. Но въ пылу борьбы иногда вырывается слово, которое оказывается лишнимъ при спокойномъ обсужденіи, а потребности дня или предвзятое мнѣніе ведутъ къ выраженіямъ и подстановкамъ, которыя послѣ кажутся неумѣстными. Я совершенно не понимаю, зачѣмъ подобныя выраженія должны быть перепечатаны, если даже ихъ можно извинить, принявъ во вниманіе субъективные мотивы. Иначе обстоитъ дѣло съ тѣми полемическими мнѣніями, которыхъ я теперь хотя и не раздѣляю, но не вслѣдствіе какихъ-либо личныхъ выходокъ, а вслѣдствіе того, что я теперь не придерживаюсь отразившихся въ нихъ воззрѣній. Я счелъ себя не въ правѣ измѣнить что-либо въ нихъ, но ограничился лишь пропусками тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣло шло о неважныхъ предметахъ; къ болѣе же важнымъ статьямъ я прибавилъ примѣчанія или дополненія, въ которыхъ выяснилъ насколько и почему мои теперешніе взгляды отличаются отъ прежнихъ. Тоже самое относится и къ не полемическимъ статьямъ.

Всѣ статьи раздѣлены на три группы. Къ первой группѣ отнесены всѣ статьи, въ которыхъ преобладаетъ защита традиціоннаго пониманія марксистскаго ученія. Вторая группа состоитъ изъ статей, которыя печатались въ теченіе 1896—1898 г.г. подъ общимъ названіемъ: „Проблемы соціализма", и въ которыхъ уже дѣлаются попытки критики традиціонныхъ взглядовъ. Третью группу образуютъ статьи, опубликованныя послѣ появленія моей книги: „Die Voraussetzungen des Socialismus" *) (весна 1899 г.) и посвященныя защитѣ высказанныхъ въ этой книгѣ взглядовъ. Статьи распредѣлены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ. Впро-

*) Есть русскій переводъ: „Историческій матеріализмъ". Изд. Т-ва „Знаніе".

чемъ, мѣстами я отступалъ отъ этого принципа и распредѣлялъ статьи по ихъ внутреннему содержанію.

Такова была цѣль этого сборника и принципы, которыми я руководствовался при выборѣ статей. Что касается выраженнаго въ нихъ мировоззрѣнія, то я здѣсь не буду его касаться. Объ этомъ міровоззрѣніи въ достаточной мѣрѣ говорятъ сами статьи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ онѣ расходятся съ ортодоксальнымъ марксизмомъ, въ другихъ же не выходятъ изъ круга обычныхъ соціалъ-демократическихъ идей. Наврядъ ли найдется соціалистъ, который бы цѣнилъ книгу меньше лишь потому, что она только отчасти посвящена защитѣ соціалистическаго ученія противъ его противниковъ, въ большей же части занимается провѣркой этого ученія. Соціализмъ, какъ теорія, не представляетъ ничего законченнаго и онъ не можетъ быть законченной теоріей, потому что предметъ его анализа представляетъ нѣчто не законченное, находящееся въ процессѣ постояннаго развитія. Ходъ этого развитія ставитъ передъ нимъ постоянно новыя проблемы, открываетъ постоянно новыя перспективы. Нѣкоторыя изъ старыхъ ходячихъ словъ теряютъ отчасти свой смыслъ, нѣкоторыя названія не соотвѣтствуютъ болѣе предмету, который они обозначали, традиціонная схема уже не совпадаетъ съ измѣнившимися отношеніями. Рано или поздно, добровольно или противъ воли—каждый вынужденъ передъ своимъ разумомъ сводить счеты между новой дѣйствительностью и соотвѣтственными положеніями старой теоріи. Такое испытаніе, если оно совершается самими участниками, служитъ признакомъ внутренней силы, и никакая развивающаяся и ростущая партія не можетъ его избѣжать. Въ этомъ смыслѣ я замѣтилъ въ одномъ англійскомъ еженедѣльномъ журналѣ, по поводу дебатовъ на прошлогоднемъ партійномъ конгрессѣ въ Гановерѣ, что эти дебаты для нѣмецкой соціалъ-демократіи знаменуютъ кризисъ, поскольку въ каждомъ организмѣ временная нервозность и возбудимость знаменуетъ переходъ отъ одной фазы развитія къ другой; и я бы желалъ, чтобы критическія статьи этого сборника разсматривались какъ симптомъ наступленія подобной переходной эпохи.

Эдуардъ Бернштейнъ.

Лондонъ. Ноябрь, 1900.

Задачи соціалъ-демократіи въ парламентахъ.

(1890 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поразительный успѣхъ соціалъ-демократіи на выборахъ въ рейхстагъ 20-го февраля 1890 г. и обусловленное этимъ успѣхомъ усиленіе ея положенія въ рейхстагѣ въ связи съ конфликтомъ изъ-за способа празднованія 1-го мая, пережитымъ партіей вскорѣ послѣ выборовъ, повелъ къ новымъ дебатамъ о положеніи соціалъ-демократіи въ рейхстагѣ и о характерѣ ея задачъ. Авторъ счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ споръ, что онъ и исполнилъ по поводу статьи, появившейся 7-го мая 1890 г. въ „Sächsischen Arbeiter-Zeitung". Статья эта заключала, между прочимъ, слѣд. выраженія:

„Даже если бы мы получили еще столько мѣстъ, сколько мы уже пріобрѣли, то обязанности парламентской фракціи не расширились бы въ значительной мѣрѣ. Какъ фракція парламента, защищающаго буржуазное общество, она, разумѣется, не можетъ выйти изъ рамокъ этого общества; она должна постоянно оставаться въ рамкахъ существующаго строя. Что она можетъ, такъ это—послужить оплотомъ противъ реакціи, которая постоянно хочетъ отнять у насъ политическую силу; она можетъ помѣшать дѣлать подарки аграріямъ за счетъ рабочихъ, а также воспользоваться въ интересахъ рабочихъ возможнымъ соціальнымъ столкновеніемъ. Конечно, это не много въ сравненіи съ настоящими цѣлями нашей партіи; все же это лучше, чѣмъ ничего. Не-

обходимо помнить, что при существующемъ строѣ рабочіе не могутъ больше получить".

Такимъ образомъ, замѣчаетъ „Соціалъ-демократъ" въ номерѣ отъ 5-го апрѣля, соціалъ-демократической фракціи предоставляется только оборонительная дѣятельность; но представители полутора милліоновъ нѣмецкихъ рабочихъ обязаны также заявлять свои требованія господствующимъ классамъ, хотя, конечно, эти требованія не должны выходить изъ рамокъ существующаго строя. „Соціалъ-демократія ничего не потребуетъ отъ современнаго государства, чего оно *не можетъ* осуществить безъ радикальнаго измѣненія функцій общественнаго организма". Но все-таки поле ея парламентской дѣятельности гораздо шире, чѣмъ то, которое отводится ей въ цитируемомъ выше отрывкѣ, и она должна воспользоваться этимъ полемъ дѣятельности; въ этомъ—ея долгъ, неисполненіе котораго тяжело ляжетъ на партію. Вопросъ этотъ—одинъ изъ наиболѣе важныхъ для партіи въ настоящій моментъ.

Тотъ же вопросъ обсуждался, хотя нѣсколько въ иномъ смыслѣ, и въ „Wiener Arbeiter Zeitung". Эта газета настаивала на необходимости въ парламентской дѣятельности партіи подчеркивать ея конечныя цѣли. Въ отвѣтъ на статью въ „Wiener Arbeiter Zeitung" въ „Соціалъ-демократѣ" появились три статьи, подъ названіемъ: „Подводные камни". Первая изъ нихъ разсматривала ростъ партіи въ различныхъ слояхъ общества; двѣ слѣдующихъ, а также появившаяся вскорѣ замѣтка по поводу законопроекта защиты рабочихъ, внесеннаго соціалъ-демократами въ рейхстагъ, написаны на тему, указанную въ заглавіи. Эти статьи и помѣщаются ниже.

I.

Наврядъ ли найдется хотя одинъ соціалъ-демократъ, который бы воображалъ, что полтора милліона голосовъ, полученныхъ нами на выборахъ 20-го февраля, принадлежатъ всецѣло убѣжденнымъ приверженцамъ нашихъ стремленій. √Поэтому разсужденія нашихъ противниковъ о томъ, что необыкновенный приростъ соціалъ-демократическихъ голосовъ

служитъ лишь выраженіемъ недовольства и оппозиціоннаго настроенія, что избиратели, подавшіе голоса въ пользу соціалъ-демократовъ, еще не являются защитниками утопическаго „Zukunft-staat'a“ —и при томъ все это съ такой миной, какъ будто они открыли Америку и провозгласили новую истину—вызываетъ у насъ только улыбку. До извѣстной степени все это правда, и никогда нами не отрицалось, но что выигрываютъ отъ этого наши противники—они и сами, вѣроятно, не сумѣютъ сказать. Невозможно придумать болѣе глупаго утѣшенія. Выборы являются лишь для части избирателей выраженіемъ ихъ политической или соціальной теоріи, у большинства же они выражаютъ лишь ихъ настоящее настроеніе, главнымъ образомъ, довѣріе или недовѣріе извѣстной партіи къ ея представителямъ. Это справедливо по отношенію ко всѣмъ партіямъ, съ той только разницей, что у соціалъ-демократовъ убѣжденныхъ послѣдователей больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ партіяхъ.

Что же выигрываютъ наши противники, если они объявляютъ, что соціалъ-демократическіе избиратели не являются защитниками обобществленія средствъ производства, государственной организаціи труда, свободной любви и тому подобныхъ ужасовъ, справедливо или несправедливо приписываемыхъ соціалъ-демократіи ея противниками? Ровно ничего. Фактъ, что эти избиратели тѣмъ не менѣе подаютъ голоса въ пользу партіи, мрачные планы которой изображаются всѣми партіями, какъ верхъ ужаса и безумія, сохраняетъ свое значеніе и, именно, для этихъ же партій. Этотъ фактъ показываетъ, что все болѣе и болѣе широкіе слои населенія теряютъ къ нимъ довѣріе и переносятъ это довѣріе на соціалъ-демократію. Полтора милліона соціалистическихъ голосовъ не представляютъ вотума недовѣрія ко всему буржуазному обществу, но они представляютъ вотумъ недовѣрія ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ и, наоборотъ, вотумъ довѣрія къ партіи.

Значеніе этого факта никто не скрываетъ въ нашихъ рядахъ, но возможно, что его значеніе для партійной тактики оцѣнивается слишкомъ низко.

До тѣхъ поръ, пока партія представляла въ парламентѣ ничтожное меньшинство, это не имѣло большого значенія.

Волей или неволей, но соціалъ-демократическіе депутаты не могли придерживаться другой тактики, кромѣ чисто отрицательной, протестующей. Конечно, они никогда не были настолько доктринерами, чтобы ограничиваться только протестами, но всегда при удобныхъ условіяхъ выставляли и положительныя требованія къ законодательству; однако, по необходимости эта положительная дѣятельность, которая, кстати, нисколько не противорѣчитъ отрицательному отношенію нашей партіи ко всему современному обществу—лишена системы.

Замѣтимъ, между прочимъ, что протестующее положеніе соціалъ-демократіи не надо смѣшивать съ протестомъ представителей несправедливо присоединенной провинціи или представителей нарушенныхъ династическихъ интересовъ etc. Эти представители могутъ ограничиться оспариваніемъ формальнаго права существующаго; но мы боремся не за возвращеніе извѣстнаго прошедшаго состоянія, но за развитіе въ извѣстномъ направленіи существующаго строя, нашъ протестъ носитъ не реакціонный, а реформаторскій характеръ, и поэтому, воздерживаясь отъ положительныхъ требованій, мы не только не усилили бы дѣйствія нашего протеста, но ослабили бы его.

Однако, можно быть положительнымъ... и положительнымъ. Быть положительнымъ съ точки зрѣнія защитниковъ современнаго общества, значитъ работать въ смыслѣ укрѣпленія этого общества, усиленія государства и примиренія народныхъ массъ съ существующимъ порядкомъ. Въ этомъ смыслѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи о положительной дѣятельности соціалъ-демократіи. Положительная программа соціалъ-демократіи концентрируется около двухъ главныхъ требованій: *расширеніе народныхъ правъ и улучшеніе матеріальнаго положенія рабочаго класса*, поскольку это возможно при существующихъ отношеніяхъ.

Такъ было до сихъ поръ и такъ должно продолжаться и въ будущемъ. Принципіально въ дѣятельности нашей партіи не можетъ быть никакого измѣненія, имѣетъ ли она двадцать или сто представителей въ парламентѣ, имѣетъ ли она сто тысячъ, полъ-милліона, или два милліона голосовъ. Но вмѣстѣ съ ростомъ партіи должно измѣнять-

ся значеніе, придаваемое ею различнымъ сторонамъ своей дѣятельности.

Для партіи, представляющей ничтожную часть народа и являющейся въ нѣкоторомъ родѣ сектой—какъ бы мало сектантски она ни была настроена—достаточно время отъ времени излагать въ общихъ чертахъ свои планы; бо̀льшаго ей не нужно, да большаго ей и не дозволяютъ. Вмѣстѣ съ ростомъ ея приверженцевъ растутъ ея права, а также *обязанности*. Общей критики уще недостаточно; теперь уже необходимо вмѣшиваться вездѣ, гдѣ выступаютъ на сцену интересы избирателей. Она имѣетъ право вносить предложенія, дѣлать запросы, участвовать въ коммисіяхъ, и мы полагаемъ, что она должна употребить всѣ силы, чтобы воспользоваться своимъ правомъ. Мы не скрываемъ отъ себя опасностей, связанныхъ съ этой дѣятельностью, въ особенности опасность слишкомъ высокой оцѣнки парламентаризма, но нужно избѣгать этой опасности. Силу доказываютъ не тѣмъ, что избѣгаютъ дѣятельности, связанной съ опасностями, но тѣмъ что преодолѣваютъ эти опасности. Мы уже раньше говорили объ этомъ и повторяемъ здѣсь: кто заражается ядомъ парламентаризма и гибнетъ, тотъ рано или поздно погибъ бы отъ развращающихъ вліяній, которыхъ много и внѣ парламента.

Мы придерживаемся, такимъ образомъ, мнѣнія, что увеличеніе числа соціалъ-демократическихъ депутатовъ влечетъ за собой естественно ростъ ихъ участія въ парламентской дѣятельности. При возможности раздѣленія труда отсюда не проистекаетъ увеличенія рабочей тяжести отдѣльныхъ депутатовъ, и потому необходимо вводить принципъ раздѣленія труда. Мы не придерживаемся нелѣпой теоріи, по которой каждый способенъ ко всякой дѣятельности, но мы полагаемъ, что для каждой силы найдется поле дѣятельности, на которомъ при желаніи она можетъ много сдѣлать. Честолюбіе партіи должно состоять въ томъ, чтобы оправдать довѣріе полутора милліоновъ избирателей. Toujours en vedette:—таковъ долженъ быть ея пароль. Она должна быть постоянно на посту тамъ, гдѣ нужно охранять права народа, гдѣ нужно заклеймить несправедливость, защищать слабыхъ, бороться съ сильными.

Политическое положеніе Германіи таково, что значеніе рейхстага на судьбы нѣмецкаго народа по всей вѣроятности значительно увеличится. Это увеличиваетъ задачи той партіи, которая въ парламентѣ является естественнымъ защитникомъ всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ. Игнорированіе или слишкомъ низкую оцѣнку этихъ задачъ въ ихъ радикальной противоположности ко всему существующему государственному и общественному строю мы считаемъ величайшей опасностью, которой необходимо избѣжать.

Поэтому разсмотримъ эти задачи внимательнѣе.

II.

Говорить здѣсь о необходимости законодательной защиты труда, значило бы оскорблять нашихъ читателей. Не только среди соціалъ-демократовъ, но среди всѣхъ способныхъ мыслить людей на этотъ счетъ господствуетъ полное единодушіе. Лишь небольшая кучка защитниковъ неограниченной свободы эксплуатаціи да заблудившихся въ лабиринтѣ мелкобуржуазныхъ діалектическихъ уловокъ анархистовъ еще „принципіально" спорятъ противъ этой необходимости. Внѣ этихъ сферъ существуютъ лишь разногласія относительно размѣра необходимой защиты, относительно тѣхъ отраслей промышленности, на которыя должна распространиться защита и относительно того, какъ далеко она должна простираться въ каждомъ данномъ вопросѣ. Поскольку этотъ споръ происходитъ между представителями предпринимателей и рабочихъ, онъ насъ теперь не интересуетъ. Но и среди защитниковъ законодательной охраны изъ среды самихъ рабочихъ или рабочихъ партій существуютъ на этотъ счетъ различныя разногласія, и эти разногласія достойны изслѣдованія, особенно, поскольку они вытекаютъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія.

До тѣхъ поръ, пока дѣло шло почти исключительно о распространеніи общихъ требованій, мы пользовались, какъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ, всевозможными аргументами, какіе были только приведены съ какой-либо стороны въ пользу защищаемаго положенія. Правильно ли

это было—объ этомъ можно спорить, во всякомъ случаѣ мы теперь пережили эту фазу и обязаны произвести выборъ между самими аргументами, оставивъ только тѣ, которые находятся въ согласіи со всѣми нашими воззрѣніями на буржуазное общество и на сущность капиталистическаго производства.

Напр., совершенно справедливо, что общее сокращеніе рабочаго дня не только выгодно для рабочихъ, но также устраняетъ нѣкоторыя отрицательныя стороны конкурренціонной борьбы, отъ которыхъ страдаютъ сами капиталисты. Но когда буржуазные филантропы и реформаторы утверждаютъ, что законодательное введеніе нормальнаго рабочаго дня вырветъ съ корнемъ всѣ вредныя стороны капиталистическаго способа производства и такимъ образомъ укрѣпитъ и сохранитъ капитализмъ, то они становятся на ложный путь. Надежда, что капиталистическій способъ производства можетъ быть сохраненъ посредствомъ прогрессивнаго сокращенія рабочаго дня, представляетъ утопію. Законы экономической конкурренціонной борьбы не могутъ быть устранены тѣмъ, что будетъ отрѣзана одна ихъ вѣтвь. Скорѣй можетъ случиться противоположное. Ихъ значеніе еще увеличится, и сокращеніе рабочаго дня не только не послужитъ препятствіемъ для крушенія буржуазнаго способа производства, но скорѣй еще приблизитъ тотъ моментъ, когда онъ долженъ будетъ уступить мѣсто высшей производственной формѣ. Значеніе сокращенія рабочаго дня для всѣхъ членовъ общества заключается въ томъ, что оно *облегчитъ* переходъ къ высшему общественному способу производства, дастъ возможность осуществить послѣдній съ меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ при господствѣ нестѣсняемой эксплуатаціи.

Для насъ, впрочемъ, безразлично, вѣрятъ ли буржуазные защитники законодательной охраны труда въ указанную выше утопію. Отъ души желаемъ имъ этой вѣры. Потому что это все-таки лучшая вѣра, чѣмъ та, которую питаютъ защитники полной свободы конкурренціи. Но мы не можемъ оставаться равнодушными, когда среди рабочихъ эта утопія, хотя бы отчасти, получаетъ признаніе, когда въ рабочихъ кругахъ распространяется вѣра въ то, что законодательство о сокращеніи рабочаго дня надолго создастъ благосостояніе

и обезпеченное существованіе для рабочихъ. Это воззрѣніе естественно должно повести къ тому, что требованію охраны труда будетъ придано несоотвѣтствующее значеніе, и другія не менѣе важныя требованія будутъ отодвинуты на второй планъ, и на нихъ будетъ обращено слишкомъ мало вниманія. Уже теперь замѣчаются признаки такого направленія. Какъ раньше идея государственнаго соціализма, такъ теперь идея законодательной охраны труда заставляетъ многихъ отодвигать на второй планъ идею политическаго и экономическаго освобожденія рабочаго класса.

Этимъ совершается большая ошибка, противъ которой мы должны предупредить. Главной цѣлью законовъ объ охранѣ труда является усиленіе способности рабочаго класса къ политической и экономической борьбѣ за свои интересы.

Напр., фабричный законъ, купленный цѣною сокращенія свободы коалицій рабочихъ, совершенно нецѣлесообразенъ и негоденъ. Тоже надо сказать относительно всѣхъ реформъ, которыя косвенно вредятъ самостоятельной борьбѣ рабочихъ за свои интересы.

Поэтому мы можемъ только поздравить соціалъ-демократическую фракцію въ рейхстагѣ за то, что она въ законопроектѣ объ охранѣ труда поставила на первое мѣсто охрану рабочихъ коалицій. То, что по этому поводу писала „Democratische Correspondenz“, просто смѣшно. Такъ какъ, говоритъ эта газета, реакціонеры желаютъ еще сократить право рабочихъ коалиціей, то депутаты рабочихъ должны отказаться отъ требованія ихъ расширенія и сплотиться для защиты существующихъ законовъ. Другими словами, вмѣсто того, чтобы итти впередъ на борьбу съ защитниками капитализма, надо ограничиться лишь одной оборонительной ролью. Прекрасная тактика, при которой рабочіе могутъ только потерять, а ихъ враги только выиграть. Нѣтъ, необходимо кратко и ясно формулировать то, что, какъ показала практика, необходимо для рабочихъ, чтобы обезпечить имъ свободу коалицій. Если бы законопроектъ былъ сначала до конца составленъ въ этомъ смыслѣ. то мы бы назвали его совершеннымъ, поскольку это слово вообще имѣетъ смыслъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на нашъ взглядъ, онъ дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ противникамъ.

Вернемся, однако, къ прерванной нити нашего изложенія.

Какъ ни важны мѣры охраны труда, все-таки они представляютъ лишь одну часть того, что можно сдѣлать въ современномъ обществѣ. Эти мѣры обнимаютъ всю область реформъ, направленныхъ на улучшеніе матеріальнаго и духовнаго положенія этого класса; на расширеніе его политическаго и соціальнаго вліянія. Говоря это, мы, конечно, не открываетъ ничего новаго, но повторяемъ основную мысль, ставшую общимъ мѣстомъ нашей программы. Но мы и не имѣемъ намѣренія открывать новыя истины, а лишь установить задачи настоящаго, исходя изъ установленныхъ принциповъ.

Въ настоящее время наша партія больше, чѣмъ когда либо, можетъ — и, слѣдовательно, должна — защищать политическіе интересы рабочаго класса. Необходимо пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы требовать расширенія народныхъ правъ и защищать народныя права отъ посягательства реакціонеровъ. Возраженіе, что на практикѣ это ведетъ къ усиленію парламентскаго вліянія партіи, не имѣетъ значенія. Путь къ полной политической свободѣ ведетъ черезъ парламентъ, а не вокругъ него. Парламентаризмъ, несмотря на всѣ свои недостатки, все таки является наиболѣе передовымъ общественнымъ учрежденіемъ въ Германіи, и никакое доктринерское разсужденіе не измѣнитъ этой истины. Мы вообще еще должны осуществить большую часть того, что, собственно говоря, должно было быть дѣломъ передовыхъ буржуазныхъ партій, но что ими совершенно оставлено безъ вниманія. Такъ, напримѣръ, мы должны бороться противъ милитаризма, противъ привиллегій рожденія, противъ устарѣлыхъ правовыхъ учрежденій — все это означаетъ прежде всего расширеніе сферы дѣятельности парламента, т. е. рейхстага.

Работая въ этомъ направленіи, партія не жертвуетъ ни однимъ параграфомъ своей программы. Она лишь освобождается отъ звонкихъ и радикальныхъ антипарламентскихъ фразъ. Если бы эти фразы пріобрѣли силу, то онѣ стали бы опасными подводными камнями для партіи. Слѣдствіемъ ихъ было бы горькое разочарованіе избирателей, и рано или поздно довѣріе послѣднихъ къ соціалъ-демократіи было бы

поколеблено. Но этого не должно быть, и этого не будетъ. Соціалъ-демократическая фракція не будетъ придавать слишкомъ мало значенія своимъ парламентскимъ задачамъ и при каждомъ удобномъ случаѣ будетъ бороться за интересы и права рабочаго народа. Своей неутомимой дѣятельностью она заставитъ господствующіе классы сдѣлать тѣ уступки рабочему классу, которыя вообще возможны, и *на практикѣ* покажетъ массамъ, *чего нельзя* ждать отъ современнаго парламента.

Если „Wiener Arbeiter Zeitung“ въ цитированной выше статьѣ полагаетъ, что наши депутаты должны выставить въ парламентѣ соціалистическія требованія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то мы, съ своей стороны, высказываемся противъ этого предложенія. Для этого еще не созрѣли ни политическія, ни экономическія условія, которыя должны быть еще созданы. Если же газета полагаетъ, что при критикѣ современнаго положенія и дѣйствій властей необходимо ясно выдвинуть соціалистическую точку зрѣнія, то она высказала мысль, которая, насколько мы можемъ судить, пользуется въ партіи всеобщимъ признаніемъ. Точно также она выражаетъ лишь слѣдствія новаго положенія, когда говоритъ о необходимости расширенія парламентской дѣятельности по сравненію съ прошлымъ. Мы повторяемъ, впрочемъ, что основные принципы парламентской дѣятельности соціалъ-демократіи остаются безъ измѣненія.

III.

Американскій партійный органъ—„St. Louis Tageblatt“—недавно подвергъ критикѣ внесенный въ рейхстагъ соціалъ-демократической фракціей законопроектъ охраны рабочихъ и пришелъ во многихъ пунктахъ къ инымъ выводамъ, чѣмъ составители законопроекта. Не говоря уже о томъ, что авторы проекта никогда не воображали, будто они создали нѣчто совершенное, критика газеты, которая не разъ высказывала полное сочувствіе нѣмецкой соціалъ-демократіи, не только достойна вниманія, но и очень желательна. Взгляды, отличающіеся

отъ принятыхъ, должны быть откровенно высказаны, чтобы ихъ можно было или опровергнуть, или одобрить. Споръ съ людьми, которые спорятъ не изъ любви къ противорѣчіямъ, а потому, что у нихъ дѣйствительно существуютъ сомнѣнія, полезенъ уже потому, что эти сомнѣнія раздѣляются вмѣстѣ съ ними многими другими людьми. И дѣйствительно, пониманіе, лежащее въ основаніи статьи St. Souis Tageblatt'а, встрѣчалось нами часто въ соціалистическихъ кругахъ, такъ что обсужденіе его получаетъ особый интересъ.

По мнѣнію St. Louis Tageblatt'а недостатки нѣмецкаго законопроекта охраны труда заключаются прежде всего въ двухъ пунктахъ. Первая ошибка состоитъ въ *установленіи времени для* законодательнаго проведенія *восьмичасового рабочаго дня*.

„Отсрочку законодательнаго введенія восьмичасового рабочаго дня до 1898 г.—пишетъ St. Louis Tageblatt, а девятичасового рабочаго дня до 1894 г. мы считаемъ за *тактическую ошибку*.

Приведемъ обоснованіе этого взгляда.

„Наши нѣмецкіе товарищи не хотѣли „испугать“ промышленность и дали ей срокъ для подготовки. Но этотъ срокъ такъ длиненъ, что надежда не укрѣпитъ духа рабочихъ, ожиданіе же ихъ утомитъ“.

Идеалъ и дѣйствительность раздѣлены здѣсь почти необозримымъ промежуткомъ времени.

Вчера мы упоминали о томъ, что Поудерли—этотъ образецъ разсчетливости и осторожности—предложилъ растянуть путь отъ 10-ти часового до 8-ми часового дня на 3 4 года; онъ хотѣлъ, чтобы каждый годъ производилось небольшое сокращеніе; сначала вводится всеобщій 9-ти часовой рабочій день, потомъ $8^{1}/_{2}$ и, наконецъ, 8 часовой.

„Федерація труда“ сочла подобное всеобщее одновременное сокращеніе неудобнымъ и предложила другой методъ, состоящій въ послѣдовательномъ введеніи 8-ми часового рабочаго дня въ различныхъ отрасляхъ промышленности, такъ что распространеніе его на *всю* промышленность потребовало бы также нѣсколькихъ лѣтъ.

Мы предпочитаемъ второй способъ, такъ какъ его *результаты замѣтнѣе*.

Примѣръ *всесторонняго благотворнаго вліянія* 8-ми часового рабочаго дня, введеннаго въ какую либо промышленную отрасль, имѣлъ бы громадное значеніе; онъ разрушилъ бы возраженіе предпринимателей: „мы не можемъ, потому что это раззоритъ насъ“.

Конечно, необходимо принять во вниманіе отличіе нѣмецкихъ отношеній отъ американскихъ; систематическій образъ мысли нѣмцевъ дѣлаетъ невозможнымъ какой бы то ни было „скачекъ“.

Само собой понятно, что наши нѣмецкіе товарищи въ своей законодательной дѣятельности должны переходить отъ этапа къ этапу и не могутъ сдѣлать скачекъ отъ 11 и 12-ти часового рабочаго дня сразу къ 8-ми часовому. Но здѣсь, въ Америкѣ мы не можемъ понять, почему понадобился четырехлѣтній срокъ для перехода отъ 10 къ 9 и отъ 9 къ 8-ми часовому рабочему дню.

Законодательное ограниченіе ежедневнаго времени эксплуатаціи кажется для капиталиста всегда дерзкимъ требованіемъ—все равно, какъ бы велико или незначительно ни было требуемое сокращеніе рабочаго времени. Поэтому усилія, которыя придется затратить для борьбы съ капиталистами и ихъ защитниками въ прессѣ и рейхстагѣ будутъ при самыхъ скромныхъ и невинныхъ требованіяхъ нѣмецкихъ соціалистовъ одними и тѣми же, дадутъ ли они для введенія десятичасового дня отсрочку въ 4—2 или въ одинъ годъ.

Болѣе скорое введеніе восьмичасового дня наполнило бы души рабочихъ надеждой и бодростью; „восемь же лѣтъ“, повторяемъ, это равносильно потерѣ силъ.

Въ теченіе 8-ми лѣтъ законъ можетъ быть 8 разъ снова отмѣненъ. Въ теченіе восьми лѣтъ капиталисты могутъ изобрѣсти безчисленные пути и средства, чтобы помѣшать успѣху рабочихъ.

Ждать восемь лѣтъ 8-ми часового дня—это даже на годъ больше того, чѣмъ работалъ Іаковъ чтобы получить Рахиль.

И даже онъ былъ обманутъ и долженъ былъ работать еще семь лѣтъ, такъ какъ вмѣсто Рахили онъ получилъ Лію“.

Такъ пишетъ „St. Louis Tageblatt“.

Мы ни въ какомъ случаѣ не раздѣляемъ его опасеній.

Сравненіе съ американскимъ движеніемъ въ пользу восьмичасового дня не имѣетъ значенія уже потому, что тамъ дѣло идетъ о завоеваніи восьмичасового дня посредствомъ силы организаціи и коалицій, тогда какъ въ Германіи—о введеніи восьмичасового дня посредствомъ государственнаго закона. Послѣдній долженъ быть общеобязательнымъ и охватить всѣ отрасли промышленности, тогда какъ профессіональная борьба обнимаетъ болѣе или менѣе широкій кругъ наиболѣе развитыхъ промышленныхъ областей. Далѣе, даже планъ Поудерли предлагаетъ постепенное сокращеніе десятичасового рабочаго дня на девяти и затѣмъ на восьмичасовой, слѣдовательно, считаетъ десятичасовой рабочій день за современное нормальное положеніе. Для Америки это въ общемъ правильно, въ Германіи же мы должны считаться съ 11, 12 и даже 14-ти часовымъ рабочимъ днемъ, хотя цѣлая группа рабочихъ работаетъ 10, даже $9^1/_2$, а нѣкоторыя категоріи даже 9 часовъ. Для послѣднихъ десятичасовой рабочій день на первый взглядъ кажется безполезнымъ, но это лишь кажется, такъ какъ на самомъ дѣлѣ положеніе и этихъ рабочихъ улучшится. Въ тѣхъ же отрасляхъ промышленности, гдѣ рабочій день продолжается 13 и 14 ч., немедленный переходъ къ 8-ми часовому рабочему дню вызоветъ необходимо при современныхъ отношеніяхъ значительныя потрясенія, которыя отзовутся на положеніи рабочихъ. Переходъ здѣсь долженъ совершиться постепенно.

Съ этимъ согласенъ даже и „St. Louis Tageblatt“, который считаетъ само собой понятнымъ, что въ законодательной дѣятельности надо переходить отъ этапа къ этапу; но въ такомъ случаѣ естественно, что сроки для введенія сокращеннаго рабочаго дня должны быть опредѣлены такимъ образомъ, чтобы отнять почву у всякаго возраженія, исходящаго изъ необходимости сохранить техническую производительность и постоянство хозяйственной дѣятельности. Для этого существуетъ только два пути.

Или выставляется какъ требованіе относительная конечная цѣль—въ данномъ случаѣ законодательный восьмичасовой рабочій день—и предоставляется противникамъ дѣлать

уступки, поскольку они чувствуютъ себя въ данный моментъ къ этому вынужденными.

Или же выставляются такія требованія, которыя немедленно же осуществимы. Но въ послѣднемъ случаѣ необходимо указать путь при существующихъ условіяхъ къ конечной цѣли, если не хотятъ ее совершенно отодвинуть на задній планъ.

Первый путь обыкновенно выбирается, когда движеніе еще слабо и молодо, потому что тогда агитаціонныя соображенія выдвигаются на первый планъ; второй же—когда движеніе становится сильнѣе, дѣлается народнымъ движеніемъ.

Американское профессіональное движеніе служитъ лишь доказательствомъ этихъ соображеній. Такъ, плотники, работавшіе до сихъ поръ 10 часовъ, удовлетворились девятичасовымъ рабочимъ днемъ; въ каждой промышленной отрасли ближайшія требованія измѣняются сообразно обстоятельствамъ. И хотя наши американскіе товарищи живутъ среди болѣе благопріятныхъ условій, всетаки они были бы рады привести къ всеобщему введенію восьмичасового рабочаго дня. Какъ ни сочувствуемъ мы способу борьбы американскихъ рабочихъ, все-таки мы не можемъ не высказать на этотъ счетъ большихъ сомнѣній.

Когда Поудерли назначилъ срокомъ введенія восьмичасового рабочаго дня 1894 г., то не въ этомъ еще заключалась его важнѣйшая ошибка. Если бы его планъ былъ вообще осуществимъ, то мы бы отдали ему предпочтеніе передъ планомъ Федераціи профессіональныхъ союзовъ. Но главнымъ недостаткомъ плана являлось то, что онъ висѣлъ въ воздухѣ, былъ ни рыба, ни мясо. Въ теоріи онъ стоитъ выше плана Федераціи, потому что онъ обнимаетъ *всѣхъ* рабочихъ, но на практикѣ онъ далеко уступалъ послѣднему, потому что отказывался отъ единственнаго средства, которое могло бы обезпечить *всѣмъ* рабочимъ восьмичасовой рабочій день,—отъ *законодательства*.

Нѣмецкій планъ, избравшій путь законодательства, долженъ былъ считаться съ тѣми же обстоятельствами, съ которыми приходится считаться американскимъ профессіональнымъ союзамъ въ ихъ борьбѣ. Онъ долженъ былъ, если не хотѣлъ выйти за предѣлы осуществимаго, установить такіе

сроки, которые дали бы возможность произвести техническія измѣненія, вызываемыя сокращеніемъ рабочаго дня; а нигдѣ сокращеніе рабочаго времени не совершалось съ такой быстротой, какъ это предполагается въ нѣмецкомъ проектѣ. Этотъ проектъ не только не отнимаетъ надежды у рабочихъ, какъ полагаетъ „St. Louis Tageblatt", но лишь придаетъ имъ бодрости. Конечно, восемь или семь лѣтъ для отдѣльнаго человѣка долгое время—цѣлая вѣчность по сравненію съ быстротой, съ которой мы постигаемъ и вырабатываемъ теоретическую мысль. Но мы уже пережили время неопредѣленныхъ мечтаній, наши рабочіе уже знаютъ, что ихъ полное освобожденіе можетъ быть лишь дѣломъ цѣлыхъ поколѣній; почему же ихъ должна испугать мысль, что такое важное завоеваніе, какъ пріобрѣтеніе восьмичасового рабочаго дня, отодвигается до 1898 г.? Мы абсолютно этого не понимаемъ. Конечно, мы бы желали имѣть законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ скорѣй, чѣмъ черезъ семь лѣтъ, но нашъ разумъ говоритъ, что при современныхъ отношеніяхъ болѣе скорое достиженіе этой цѣли невозможно; онъ говоритъ намъ далѣе, что если проектъ соціалъ-демократической фракціи, отодвигающій 10-ти часовой день на 1891 г., 9-ти часовой—на 1894 г., 8-ми часовой на 1898 г.,—будетъ принятъ, то онъ означалъ бы физическое возрожденіе нѣмецкаго рабочаго класса и имѣлъ бы необыкновенное значеніе для дальнѣйшей соціально-политической борьбы за освобожденіе. Разъ отсрочка въ принципѣ принята, продолжительность ея—если только она не слишкомъ значительна—имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

* * *

Второе возраженіе относилось къ равномѣрному представительству предпринимателей и рабочихъ въ проектѣ рабочихъ камеръ. Въ этомъ пунктѣ я постольку соглашался съ критикой „St. Louis Tageblatt'а", поскольку мнѣ казалось неудовлетворительнымъ представительство интересовъ труда и капитала въ одной и той же организаціи. Смотря по тому, какія цѣли преслѣдуетъ организація, я и теперь придерживаюсь того же мнѣнія.

Что касается возраженія „St. Louis Tageblatt'а" противъ сроковъ для сокращенія рабочаго дня, предложенныхъ въ соціали-

стическомъ законопроектѣ 1890 г., то оно вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ можетъ служить хорошимъ урокомъ при обсужденіи принциповъ и методовъ соціально-политическихъ проектовъ. Теперь у насъ 1900 г. Ни восьмичасовой, ни даже девяти или десятичасовой максимальный день не стали всеобщимъ закономъ. Путь къ нему оказызывается значительно длиннѣй, чѣмъ предполагалъ „St. Louis Tageblatt" и его критикъ. И въ то же время рабочее движеніе не только не ослабѣло, но усилилось.

Къ вопросу о желѣзномъ законѣ заработной платы.

(1890—1891 г.г.).

I. Брентано о соціалъ-демократіи и законъ заработной платы.

Важность вопроса о томъ, существуетъ ли законъ заработной платы и поскольку этотъ законъ можетъ быть названъ желѣзнымъ, не нуждается въ доказательствѣ. Этотъ вопросъ имѣетъ большое значеніе не только для теоретическаго познанія основъ общественной жизни, но также для практики повседневной борьбы. Наше отношеніе къ различнымъ предложеніямъ и предпріятіямъ, имѣющимъ цѣлью улучшеніе положенія рабочихъ, поскольку здѣсь не замѣшаны какіе либо классовые или иные интересы, зависитъ отъ законовъ или правилъ, которыми регулируется при извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ доходъ рабочихъ.

Естественно поэтому, что въ вопросѣ о правильности или неправильности программы соціалъ-демократіи первое мѣсто при дебатахъ занялъ желѣзный законъ заработной платы, и тотъ фактъ, что критическое обсужденіе этого закона, воспринятаго вначалѣ, какъ догматъ, носитъ одновременно дѣловой и страстный характеръ, служитъ лишь признакомъ прогресса и внутренней силы партіи. Пріемъ, сдѣланный докладу референта на конгрессѣ въ Галензерѣ, и послѣдовавшія за этимъ въ соціалистической прессѣ статьи показали самымъ нагляднымъ образомъ, что интересъ къ теоретическому выясненію стоитъ у членовъ партіи выше всѣхъ иныхъ соображеній. Не въ рядахъ соціалистовъ, но въ рядахъ ихъ противниковъ предложеніе внести въ пересмотрѣнную программу возраженія относительно закона заработной платы въ новой формулировкѣ было встрѣчено криками.

Въ классическомъ видѣ это имѣло мѣсто въ статьѣ проф. Брентано, помѣщенной въ „Deutsches Wochenblatt“ отъ 6 ноября 1890 г.: *Моя полемика съ Карломъ Марксомъ. Или замѣтка по вопросу о прогрессѣ рабочаго класса и его причинахъ* Въ первой части статьи—Брентано, тотъ самый Брентано, котораго Энгельсъ въ предисловіи къ 6-му изданію „Капитала“ вызвалъ на объясненія, какъ автора въ свое время анонимно появившейся ругательной статьи противъ Карла Маркса, старается увернуться отъ необходимости взять обратно — выражаясь мягко—ложное обвиненіе*). Вторая часть должна показать, что Брентано несравненно лучше понимаетъ общественный процессъ, чѣмъ Карлъ Марксъ. „Да послужитъ опубликованіе этой полемики къ тому, чтобы пошатнуть авторитетъ обоготвореннаго Карла Маркса, чтобы удержать его учениковъ отъ отпаденій, подобныхъ тѣмъ, которыя заключаются въ этихъ протестахъ, и да побудитъ оно къ новому прогрессу и новымъ учрежденіямъ на почвѣ существующаго строя“.

„Прогрессъ“, который Брентано привѣтствуетъ, заключается въ принятыхъ въ Галлѣ рѣшеніяхъ относительно законодательства объ охранѣ труда и относительно профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Указавъ на улучшенія, достигнутыя большею частью англійскихъ рабочихъ съ помощью фабричнаго законодательства и профессіональныхъ организацій, Брентано пишетъ буквально слѣдующее:

„Благодаря этимъ организаціямъ было достигнуто то, что заработная плата, несмотря на пониженіе среднихъ цѣнъ на средства существованія, не только не понизилась, но даже возвысилась. Они отвергли желѣзный законъ заработной платы, который впервые выставилъ не Лассаль и не Рикардо, а Тюрго, и который, несмотря на то, что былъ объявленъ въ Галлѣ несуществующимъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою правильность тамъ, гдѣ уровень заработной платы *уже*

---

*) Дѣло идетъ объ утвержденіи Брентано, будто бы Марксъ въ своемъ Учредительномъ Воззваніи и въ „Капиталѣ“ „сочинилъ“ приписанное Гладстону выраженіе. Несправедливость этого обвиненія Марксъ уже достаточно выяснилъ. Правильно лишь то, что фраза Гладстона въ томъ видѣ, какъ она была передана отчетомъ Times'а и въ какомъ она, вѣроятно, и сказана имъ, многими была ложно понята.

болѣе не опредѣляется обычаемъ и гдѣ *еще* организація рабочихъ не сдерживаетъ давленія безработныхъ, гдѣ, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ высота заработной платы опредѣляется конкурренціей рабочихъ. Этотъ желѣзный законъ заработной платы въ той или иной формулировкѣ былъ до сихъ поръ краеугольнымъ камнемъ соціально-революціонныхъ доктринъ. Родбертусъ и Марксъ одинаково учили, что при капиталистическомъ производствѣ заработная плата необходимо остается на уровнѣ средствъ существованія, необходимыхъ для сохраненія и размноженія рабочихъ, и что, поэтому, при ростущей производительности труда она выражается все въ меньшей и меньшей долѣ стоимости всего продукта; поэтому, старанія Либкнехта на конгрессѣ въ Галлѣ—если вѣрить газетнымъ отчетамъ—доказать что вожди соціалъ-демократіи никогда не вѣрили въ желѣзный законъ заработной платы, а пользовались имъ лишь какъ удобнымъ агитаціоннымъ средствомъ — не отличаются ни особой честностью, ни практичностью. Вспомните только, съ какимъ презрѣніемъ Лассаль отзывался объ англійскихъ рабочихъ организаціяхъ, которыя мнятъ превратить рабочаго-товаръ въ человѣка; какъ Швейцеръ объявилъ съ дьявольской откровенностью, что онъ организуетъ профессіональные союзы не для того, чтобы улучшить положеніе рабочихъ, но потому что ихъ неизбѣжная неудача еще увеличитъ классовую ненависть; и съ какой злобой нѣмецкая соціалъ-демократія въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій преслѣдовала англійскіе профессіональные союзы. Лишь опытъ научилъ соціалъ-демократію тому, что тамъ, гдѣ рабочіе организованы, не можетъ быть рѣчи о желѣзномъ законѣ заработной платы. Именно, столь ненавидимые англійскіе профессіональные союзы доказали соціалъ-демократіи, что даже внутри капиталистическаго способа производства достигаемое ими приспособленіе предложенія рабочей силы къ спросу на нее можетъ парализовать пагубное дѣйствіе „резервной арміи“. Этотъ прогрессъ сказывается въ заявленіи Бебеля на народномъ собраніи лѣтомъ прошлаго года; Бебель сказалъ тогда, что нѣмецкая соціалъ-демократія отказалась отъ мысли о быстромъ переворотѣ современнаго хозяйственнаго строя и стремится основать свою дѣятельность на почвѣ современ-

ныхъ отношенiй; какъ на практическую цѣль Бебель указалъ на дѣйствительное рабочее законодательство; тотъ же прогрессъ сказался и на конгрессѣ въ Галлѣ, который съ такимъ вниманiемъ остановился на вопросѣ объ организацiи профессiональныхъ союзовъ. Все это находится въ рѣзкомъ противорѣчiи съ доктриной соцiальной революцiи".

Насъ завело бы слишкомъ далеко желанiе разъяснить всѣ неправильности и ошибки приведенной цитаты. Онѣ опровергаются всей парламентской и внѣпарламентской дѣятельностью нѣмецкой соцiалъ-демократiи. Что касается тѣхъ ея мѣстъ, которыя относятся къ желѣзному закону заработной платы, то они заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнiя. Не потому, что Брентано впервые высказалъ эти мысли, а потому, что они проходятъ черезъ всю—за нѣкоторыми исключенiями—профессорскую и непрофессорскую литературу по соцiальному вопросу и стали въ нѣкоторомъ родѣ догматомъ т. наз. общественнаго мнѣнiя. Въ связи съ этимъ я надѣюсь, что мое разъясненiе укажетъ нѣкоторыя новыя или недостаточно отмѣченныя точки зрѣнiя на законъ заработной платы и тѣмъ будетъ способствовать лучшему его пониманiю. Планъ этой работы былъ мною задуманъ еще раньше того, какъ этотъ вопросъ, благодаря конгрессу въ Галлѣ, получилъ интересъ современности.

Но прежде, чѣмъ перейти къ темѣ, я позволю себѣ маленькое разъясненiе. Брентано утверждаетъ, что желѣзный законъ заработной платы, „который открытъ не Лассалемъ, не Рикардо, но Тюрго... служитъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ соцiально-революцiонныхъ доктринъ";—„Родбертусъ и Марксъ одинаково учили и т. д. и т. д." О концѣ поговоримъ ниже.

Что бы ни побудило Брентано зачислить Родбертуса въ ряды соцiальныхъ революцiонеровъ, мы не можемъ включить автора соцiальныхъ писемъ въ наше разъясненiе. Родбертусъ никогда не утверждалъ, что онъ внесъ что-либо новое въ ученiе о законѣ заработной платы; онъ воспринялъ его отъ своихъ предшественниковъ; его собственныя изслѣдованiя относятся къ другой области.

Еще менѣе утверждалъ Лассаль, что онъ сказалъ нѣчто новое о законѣ заработной платы. Съ самаго начала своей

агитаціонной дѣятельности Лассаль объявилъ, что желѣзный законъ заработной платы открытъ и доказанъ либеральной экономической школой. „Адамъ Смитъ и Сэй, Рикардо и Мальтусъ, Бастіа и Джонъ Стюартъ Миль единодушно признаютъ его“ *). Но названіе „желѣзный“ было впервые примѣнено къ этому закону Лассалемъ. И не только названіе. Вмѣстѣ съ названіемъ для него связывалось представленіе объ абсолютно дѣйствительномъ. Онъ былъ по крайней мѣрѣ послѣдователенъ въ своемъ воззрѣніи—правъ ли онъ былъ или не правъ—это другое дѣло.—Онъ не говорилъ одновременно о желѣзномъ законѣ заработной платы и о профессіональныхъ организаціяхъ, которыя будто бы могутъ уничтожить этотъ законъ.

Что законъ заработной платы въ простѣйшей формѣ находится у Тюрго—извѣстно всѣмъ. Но Тюрго ни въ какомъ случаѣ не первый его высказалъ. За сто лѣтъ до него законъ этотъ формулировалъ В. Петти, и въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ онъ встрѣчается въ произведеніяхъ цѣлаго ряда предшественниковъ геніальнаго француза. Но впервые Рикардо внесъ его въ теорію со всѣми его послѣдствіями и сдѣлалъ его краеугольнымъ камнемъ строго логической системы политической экономіи. Ссылка на Тюрго совершенно не у мѣста. Конечно, для оцѣнки закона заработной платы важно знать, что онъ уже выставленъ въ XVII столѣтіи, признавался всѣми выдающимися представителями политической экономіи XVIII вѣка, но у современныхъ вождей экономической науки мы будемъ напрасно искать какъ объясненія этого факта, такъ и слѣдующихъ изъ него выводовъ. Здѣсь они оставляютъ насъ безъ всякой помощи, несмотря на ихъ честное, но осуществляемое не совсѣмъ честными средствами стремленіе „пошатнуть авторитетъ обоготвореннаго Маркса“.

*) Offenes Antwortschreiben. Gessammtausgabe. Bd. II. p. 422.

II.

Желѣзный законъ заработной платы.

Въ „Открытомъ отвѣтѣ“—вступительномъ произведеніи соціалистической агитаціи Фердинанда Лассаля авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ формулируетъ желѣзный законъ заработной платы:

„*Желѣзный экономическій законъ*, опредѣляющій при современныхъ отношеніяхъ, при господствѣ предложенія и спроса на трудъ, заработную плату, заключается въ слѣдующемъ: средняя заработная плата всегда низводится къ *необходимымъ средствамъ существованія*, которыя потребны при существующихъ привычкахъ для сохраненія и размноженія народонаселенія. Къ этому пункту тяготѣетъ въ своихъ колебаніяхъ дѣйствительная заработная плата, которая никогда надолго не подымается надъ этимъ уровнемъ и никогда надолго не падаетъ ниже его. Она не можетъ надолго подняться надъ нимъ, потому что въ противномъ случаѣ, благодаря улучшенному положенію рабочихъ, умножились бы браки между рабочими и ускорилось ихъ размноженіе, увеличеніе *рабочаго народонаселенія* повлекло бы усиленное предложеніе *рукъ*, которое снова заставило бы заработную плату понизиться до стараго уровня и даже ниже его.

Заработная плата не можетъ также на долгое время упасть ниже необходимыхъ средствъ существованія, потому что въ такомъ случаѣ наступаетъ выселеніе, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и, наконецъ, вызванное нищетой *уменьшеніе числа рабочихъ*, которое сокращаетъ предложеніе рабочихъ и, слѣдовательно, заставляетъ заработную плату повыситься до прежняго уровня.

Такимъ образомъ, дѣйствительная средняя заработная плата постоянно колеблется около своего центра тяжести; иногда она нѣсколько возвышается надъ нимъ (періоды процвѣтанія въ какой-либо или во всѣхъ отрасляхъ промышленности), иногда же опускается ниже его (періоды болѣе или менѣе общаго бѣдственнаго состоянія, кризиса)“ *).

---

*) Gesammtausgabe Bd, II. 421—422.

Въ послѣдующихъ полемическихъ произведеніяхъ Лассаль не всегда строго придерживался этого опредѣленія. Въ различныхъ мѣстахъ у него встрѣчаются—въ зависимости отъ того, на какого писателя онъ ссылается—незначительныя видоизмѣненія. Но въ основныхъ чертахъ онъ постоянно возвращается къ нему, поскольку онъ 1) ставитъ колебанія заработной платы въ зависимость отъ *прилива и отлива народонаселенія*, 2) отождествляетъ нормальную заработную плату, т. е. естественную цѣну товара—рабочей силы *съ необходимыми жизненными средствами*. „Ограниченіе средней заработной платы жизненными средствами, необходимыми въ данной странѣ при существующихъ привычкахъ для сохраненія и размноженія народонаселенія—таковъ, повторяю вамъ, желѣзный и жестокій законъ, опредѣляющій при современныхъ отношеніяхъ заработную плату" *).

Упомянемъ еще два мѣста изъ позднѣйшихъ произведеній Лассаля, такъ какъ они характерны для предпосылокъ, изъ которыхъ онъ исходитъ при разсмотрѣніи закона заработной платы. Вотъ эти мѣста:

„Но какъ *возможна* эта побѣда (побѣда рабочихъ надъ предпринимателями при складываніи съ себя косвенныхъ налоговъ), когда по единогласному утвержденію всѣхъ экономистовъ, высота заработной платы зависитъ отъ отношенія предложенія труда къ спросу на него, т. е. отъ количества ищущихъ работы и количества національнаго капитала, затрачиваемаго на покупку рабочей силы? *Существующій въ странѣ капиталъ—фондъ заработной платы—не только не увеличивается косвенными налогами*, но по мнѣнію Смита и Рикардо *значительно ими сокращается*. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока число рабочихъ не уменьшилось, *заработная плата не можетъ подняться*, такъ какъ фондъ заработной платы, *затрачиваемый на покупку труда капитала* не увеличился и, слѣдовательно, спросъ на рабочія руки не возросъ. Даже болѣе, именно изъ теоріи Ад. Смита и Рикардо слѣдуетъ, что рабочій теперь вдвойнѣ угнетенъ, находится между двумя огнями; съ одной стороны его угнетаетъ по-

---

*) Die indirecte Steuer und die Lage der Arbeiterclassen Gesammtausgabe Bd. II. p. 288.

вышеніе цѣнъ на жизненныя средства, а съ другой—его гнететъ сокращеніе предпринимательскаго капитала и, слѣдовательно, сокращеніе спроса на трудъ" *).

„Промышленное процвѣтаніе и національный капиталъ представляютъ лишь спросъ на трудъ. Другая сторона отношенія—предложеніе труда—представляется количествомъ населенія. Именно, господство предложенія и спроса имѣетъ слѣдствіемъ законъ заработной платы, который я развилъ изъ отношенія спроса и предложенія" **).

Другими словами, заработная плата зависитъ отъ числа рабочихъ и количества національнаго капитала, „затрачиваемаго на трудъ", а это количество предполагается для даннаго момента неизмѣннымъ. Это и есть теорія такъ называемаго *рабочаго фонда*, или *фонда заработной платы*, изложенная классической политической экономіей буржуазіи и употреблявшаяся послѣдующими экономистами съ особенной любовью для защиты притязаній капитала или для борьбы съ притязаніями рабочихъ. *Теорія фонда заработной платы и теорія народонаселенія*—вотъ два основныхъ закона, изъ которыхъ Фердинандъ Лассаль выводитъ свой желѣзный законъ заработной платы.

III.

Законъ народонаселенія.

Основателемъ закона народонаселенія въ томъ видѣ, въ которомъ онъ положенъ въ основаніе желѣзнаго закона заработной платы, по которому слѣд. народонаселеніе имѣетъ „естественную" тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ необходимыя для его содержанія средства, считается обыкновенно Мальтусъ. Извѣстно, однако, что Мальтусъ въ своемъ произведеніи „Essay on Population", появившемся въ 1798 г. въ существенномъ лишь повторилъ то, что до него развивалъ цѣлый рядъ экономистовъ. Мальтусу принадлежитъ

*) Тамъ же р. 422.

**) Arbeiterlesebuch. Gesammtausgabe Bd. II, p. 512. Note.

лишь практическое примѣненіе изъ этого народно-хозяйственнаго „естественнаго закона". Въ числѣ предшественниковъ Мальтуса имъ самимъ указаны: Тоунсендъ (Townsend. A Dissertation on the pour laws, 1786) Джемсъ Стюартъ (James Steuart. Principles of political economy. 1767), Веніаминъ Франклинъ (Benjamin Franclin Observations conserning the increase of mankind etc, 1751), Артуръ Юнгъ (Artur Ioung, Political arithmetics, 1774). За восемь лѣтъ до Мальтуса венеціанецъ Ортесъ въ своихъ Riflessioni sulla popolagione etc (1790) уже говорилъ о геометрической прогрессіи размноженія народонаселенія, которая ведетъ къ перенаселенію и бѣдности, если не будетъ принято предупредительныхъ мѣръ (безбрачіе etc). „Открытіе" Мальтуса, слѣдовательно, сводится къ доказательству того, что въ то время какъ народонаселеніе умножается въ геометрической прогрессіи (1, 2, 4, 8, 16 и т. д.), средства къ существованію умножаются только въ арифметической прогрессіи (1, 2, 3, 4, 5 и т. д.). Большинство изъ послѣдователей Мальтуса отказались отъ этого закона въ его абстрактной формулировкѣ и удержали лишь утвержденіе, что народонаселеніе имѣетъ тенденцію умножаться быстрѣй, чѣмъ средства существованія; въ этомъ смыслѣ законъ Мальтуса воспринятъ также Рикардо. Рикардо въ различныхъ мѣстахъ ясно указалъ на свое принципіальное согласіе съ Мальтусомъ.

„Я счастливъ"—пишетъ онъ въ своемъ главномъ произведеніи, —что могу при этомъ случаѣ выразить свое восхищеніе передъ „Опытомъ о народонаселеніи" Мальтуса. Нападенія противниковъ на это великое произведеніе послужили лишь доказательствомъ его правильности". Два другихъ авторитета, на которыхъ ссылается Лассаль, Джонъ Стюартъ Милль въ „Основахъ политической экономіи (§§ 242, 243 Melthussches Gesetz) становятся на сторону Мальтуса; Рошеръ называетъ „основные взгляды Мальтуса" „прочнымъ достояніемъ науки".

Здѣсь мы пока не будемъ касаться экономистовъ, писавшихъ послѣ Мальтуса и Рикардо и остановимся лишь на ихъ предшественникахъ, которые, какъ мы видѣли, писали уже въ 1751 г. Рошеръ даже замѣчаетъ, что уже въ 1592 г. итальянецъ Джіовани Ботеро указывалъ на разницу въ спо-

собности людей къ размноженію и способности „città“ къ пропитанію и высказалъ мысль, что первое возростало бы до безконечности, если бы ему не ставило препятствій второе. Это очень старая истина, которая, однако, кое-что должна скрывать въ себѣ.

Присмотримся, однако, нѣсколько внимательнѣе къ послѣднему автору. Его произведеніе относится къ 1592 г. Извѣстно же, что въ XVI столѣтіи процвѣтаніе итальянскихъ торговыхъ республикъ замѣнилось упадкомъ. Открытіе морского пути въ Остъ-Индію, а также открытіе Америки подорвали ихъ господство на міровомъ рынкѣ. Ихъ мѣсто занимаютъ сѣверныя торговыя націи и прежде всего Голландія. Венеціанскіе капиталы, не находя дома прибыли, переселяются въ Голландію, точно такъ же, какъ сто лѣтъ спустя голландскій капиталъ переселился въ Англію, а въ XIX столѣтіи англійскіе капиталы—въ Соединенные Штаты, Южную Америку, Австралію и т. д. Если, слѣдовательно, въ тотъ моментъ, когда этотъ упадокъ достигалъ высшаго пункта—въ серединѣ XVII столѣтія, Голландія уже овладѣла торговлей съ Остъ-Индіей, а также къ ней перешла торговля между юго-западомъ и сѣверо-востокомъ Европы *)—если въ этотъ моментъ дѣлается открытіе, что люди имѣютъ тенденцію слишкомъ быстро размножаться, что земля, которая здѣсь отождествляется съ civitas „città“—городской общиной, не можетъ прокормить населенія, то это по меньшей мѣрѣ подозрительный признакъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ изслѣдовать болѣе подробно хозяйственныя отношенія того времени, когда было вновь сдѣлано то же самое открытіе, ставшее съ тѣхъ поръ прочнымъ достояніемъ науки.

Не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, что Англія во второй половинѣ прошлаго столѣтія находилась въ такомъ же или аналогичномъ положеніи, какъ итальянскіе приморскіе города въ концѣ XVI столѣтія. Въ эту эпоху Англія обогнала Голландію какъ въ торговомъ, такъ и промышленномъ отношеніи. Но Англія представляла нѣчто большее,

*) Gustav von Jülich. Geschichte des Handels. Цитировано: Capital I Bd 2 Aufl. p. 785.

чѣмъ „cittá“ съ немногочисленными подчиненными сельскими округами. Она была обширной страной, сила которой до тѣхъ поръ покоилась на крестьянствѣ—Ieomanry *). Но это крестьянство со времени реформаціи было согнано съ своей земли посредствомъ цѣлаго ряда безсовѣстныхъ узурпацій и насилій и наполнило большія дороги и города толпами безработныхъ. Реставрація и „славная революція“ конца XVII столѣтія еще ускорили этотъ процессъ посредствомъ законовъ объ убѣжищахъ для бѣдныхъ, огораживанія общинныхъ земель и „отчистки“ большихъ имѣній. Для нарождающейся мануфактуры этотъ процессъ былъ очень удобенъ. Онъ доставлялъ ей необходимыя рабочія силы—пролетаріатъ, не защищенный никакими цеховыми правилами. Но мануфактура не развивалась достаточно быстро, чтобы поглотить всю армію „освобожденныхъ“ земледѣльческихъ рабочихъ. Поэтому, та самая Англія, въ которой процвѣтали торговля, ремесла, искусство и науки, имѣла цѣлую армію „бѣдныхъ“, которые легли всей тяжестью на общины **). Политическая экономія того времени, для которой причины этого излишняго населенія далеко не были тайной, такъ какъ процессъ, создавшій его, совершался передъ ея глазами и былъ заклейменъ многими изъ ея представителей, однако дѣлаетъ выводъ, что этотъ избытокъ населенія нужно приписать вредному стремленію человѣчества слишкомъ быстро размножаться.

Почему же промышленность не могла поглотить эту резервную армію пролетаріевъ, несмотря на то, что она одновременно постоянно жаловалась на недостатокъ рабочихъ силъ? Причину этого явленія нужно искать во внутреннихъ свойствахъ тогдашней промышленности, въ *способѣ производства* той эпохи. Обратите вниманіе на даты, къ которымъ

---

*) По Маколею еще въ концѣ XVII ссолѣтія сельскіе жители составляли 4/5 всего населенія Англіи.

**) По Eden'y. „Geschichte der Armen“ узурпація общинныхъ земель и сопровождавшая ее агрикультурная революція произвели такое быстрое дѣйствіе на земледѣльческихъ рабочихъ, что въ періодъ 1765—1780 ихъ заработокъ упалъ ниже необходимаго минимума и долженъ былъ быть пополненъ оффиціальной помощью бѣднымъ. Das Capital I Bd pag. 757.

относится появленіе цитируемыхъ Мальтусомъ книгъ: 1751, 1767, 1774, 1786 и сравните съ ними годы великихъ техническихъ открытій. Въ 1764 г. Джемсъ Гаргривъ изобрѣтаетъ прядильную машину „джени“ и Джемсъ Уатъ паровую машину, въ 1767 г. Аркрейтъ изготовляетъ прядильное веретено, въ 1779 г. изобрѣтается прядильный станокъ, т. н. „мюль“, а въ 1785 г. паровая машина впервые употребляется какъ двигатель прядильной машины. Прошло, конечно, много лѣтъ прежде чѣмъ эти изобрѣтенія вошли во всеобщее употребленіе; въ началѣ они были лишь исключеніями изъ общаго правила. Господствующимъ же типомъ промышленности того временц, когда писали Франклинъ, Стюартъ. Юнгъ, Тоунсендъ, а также Фергюсонъ, Адамъ Смитъ, Сей, была *мануфактура*, та самая мануфактура, которая уже существовала, когда Вильямъ Петти писалъ въ концѣ XVII столѣтія свой „Essay on the multiplication of mankind“.

Въ чемъ состоитъ характерная особенность мануфактурнаго производства? Въ томъ, что оно уже представляетъ капиталистическое производство, хотя во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ ремесло. Оно покоится на раздѣленіи труда въ отдѣльномъ хозяйствѣ, тогда какъ въ ремесленномъ производствѣ въ его первоначальной формѣ существуетъ лишь общественное раздѣленіе труда. Но отдѣльный частичный рабочій въ мануфактурѣ остается собственно ремесленникомъ, личное искусство котораго и виртуозность, съ которой онъ выполняетъ свою спеціальную операцію, какъ бы она ни была проста--продолжаютъ лежать въ основаніи всего механизма. Если въ экономическомъ отношеніи рабочій находится уже въ прямой зависимости отъ предпринимателя, не стѣсняемаго цеховыми предписаніями, то съ другой стороны предпріятіе зависитъ отъ рабочаго. Весь механизмъ мануфактуры останавливается, если искусный рабочій отказывается исполнять свою спеціальную операцію. Его индивидуальность уже ограничена, но она еще существуетъ, хотя и въ ограниченной формѣ. Конечно, въ мануфактурѣ, которая уже переходитъ въ фабрику, рядомъ съ обученнымъ рабочимъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе необученный, но первый играетъ еще главную роль, подобно тому, какъ это можно наблюдать и теперь въ тѣхъ отра-

слахъ промышленности, которыя еще сохранили существенно мануфактурный характеръ (плотничьи, типографскія работы и т. п,). Въ этихъ промышленныхъ отрасляхъ можно еще встрѣтить *всѣ категоріи, съ которыми оперируетъ классическая политическая экономія*.

Карлъ Марксъ въ „Капиталѣ“ изобразилъ въ истинно классической формѣ характерные признаки мануфактурнаго производства какъ съ технической стороны, такъ съ экономической и соціальной, и если бы размѣры статьи дозволили, я бы охотнѣе всего перепечаталъ здѣсь всю главу. Однако, я долженъ ограничиться лишь наиболѣе характерными для предмета нашей работы цитатами изъ 4-го отдѣла, названнаго: „Капиталистическій характеръ мануфактуры“, отсылая читателя къ главѣ оригинала.

„Значительное число рабочихъ“,—пишетъ Марксъ,—соединенныхъ подъ властью одного и того же капитала составляетъ естественный исходый пунктъ какъ вообще для коопераціи, такъ и для мануфактуры. И наоборотъ: вслѣдствіе мануфактурнаго раздѣленія труда увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ становится техническою необходимостью. Минимальное число работниковъ, которое капиталистъ долженъ употребить для извѣстнаго дѣла, предписывается при этомъ уже существующимъ раздѣленіемъ труда. Съ другой стороны, тѣ выгоды, которыя могутъ быть получены вслѣдствіе дальнѣйшаго раздѣленія труда, обусловливаются дальнѣйшимъ увеличеніемъ числа работниковъ, увеличеніемъ пропорціональнымъ числу ихъ въ каждой отдѣльной группѣ. Но съ увеличеніемъ перемѣнной части капитала, должна увеличиваться и постоянная его часть, затраты на орудія производства, машины, строенія, печи и т. д., и въ особенности—затраты на сырой матеріалъ, количество котораго возрастаетъ гораздо быстрѣе работниковъ. Количество сырого матеріала, потребляемаго въ данное время даннымъ количествомъ труда, увеличивается въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ возростаетъ производительная сила труда отъ его раздѣленія. Слѣдовательно, возростаніе минимума капитала, который долженъ находиться въ рукахъ отдѣльнаго капиталиста, другими словами, превращеніе въ капиталъ общественныхъ средствъ существованія и средствъ

производства все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, составляетъ законъ, вытекающій изъ техническаго характера мануфактуры.

..„Мануфактурное раздѣленіе труда,—посредствомъ разложенія ремесленной дѣятельности, посредствомъ спеціализаціи рабочихъ инструментовъ, посредствомъ образованія спеціальныхъ работниковъ, посредствомъ ихъ группированія и соединенія въ одинъ общій механизмъ,—создаетъ качественное расчлененіе и количественную пропорціональность общественныхъ процессовъ производства; слѣдовательно, оно создаетъ опредѣленную организацію общественнаго труда, а посредствомъ этой организаціи развиваетъ въ то же время новую общественную производительную силу труда. Какъ специфически капиталистическая форма общественнаго процесса производства,—а при данныхъ условіяхъ оно не могло принять иной формы, кромѣ капиталистической,—мануфактурное раздѣленіе труда есть лишь особенный способъ порождать относительную прибавочную стоимость, возвышать, на счетъ работника, самовозростаніе стоимости капитала, и увеличивать такимъ образомъ на его счетъ то, что называется обыкновенно общественнымъ богатствомъ, „Wealth of Nations“ и т. д. Мануфактурное раздѣленіе труда не только повышаетъ общественную производительную силу труда въ пользу капиталиста, вмѣсто того, чтобы увеличивать ее въ пользу работника, но еще и повышаетъ ее посредствомъ изуродованія отдѣльнаго работника. Оно производитъ новыя условія, усиливающія власть капитала надъ трудомъ. Поэтому, если, съ одной стороны, исторически оно является прогрессомъ и необходимой фазой въ экономическомъ развитіи общества, зато, съ другой стороны, оно оказывается средствомъ цивилизованной, утонченной эксплуатаціи“.

„Въ продолженіе мануфактурнаго періода въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. того періода, когда мануфактура составляетъ преобладающую форму капиталистическаго производства, она не бываетъ въ состояніи достигнуть полнаго осуществленія своихъ тенденцій, вслѣдствіе многочисленныхъ препятствій, лежащихъ на пути къ такому осуществленію. Хотя мануфактура, какъ мы уже видѣли, рядомъ съ іерархическимъ подраздѣленіемъ работниковъ на груп-

пы, создаетъ также простое раздѣленіе на искусныхъ работниковъ и чернорабочихъ, тѣмъ не менѣе число послѣднихъ остается постоянно очень ограниченнымъ, вслѣдствіе преобладающаго вліянія первыхъ. Хотя она и приспособляетъ различныя спеціальныя работы къ различнымъ степенямъ зрѣлости, силы и развитія своихъ рабочихъ органовъ и, такимъ образомъ, стремится къ производительной эксплуатаціи женщинъ и дѣтей, тѣмъ не менѣе такая тенденція разбивается о народныя привычки и сопротивленія работниковъ мужчинъ. Хотя производимое мануфактурою расчлененіе ремесленной дѣятельности на ея простѣйшіе составные элементы и понижаетъ издержки на обученіе работника, а потому и стоимость рабочей силы, тѣмъ не менѣе для многихъ, болѣе трудныхъ спеціальныхъ работъ, требуется довольно продолжительное обученіе, и даже тамъ, гдѣ такая продолжительность времени обученія въ сущности излишня, она все-таки ревностно отстаивается работниками. Такъ мы видимъ, напримѣръ, что въ Англіи, laws of apprenticeschip (законы объ ученичествѣ), съ ихъ семилѣтнимъ временемъ обученія, продолжали держаться въ полной силѣ до конца мануфактурнаго періода, и были отмѣнены только со времени наступленія періода крупной промышленности. Такъ какъ ремесленная ловкость и сноровка остаются постоянно основаніемъ мануфактурнаго способа производства, и такъ какъ общій механизмъ, дѣйствующій въ мануфактурѣ не обладаетъ никакимъ объективнымъ скелетомъ, который былъ бы независимъ отъ самихъ работниковъ, то капиталъ постоянно принужденъ бороться съ неподчиненіемъ работниковъ, съ отсутствіемъ желательной для него субординаціи. „Слабость человѣческой натуры такова“, восклицаетъ нашъ другъ Ure, „что чѣмъ искуснѣе работникъ, тѣмъ болѣе онъ склоненъ становиться своевольнѣе и, конечно, тѣмъ менѣе онъ соотвѣтствуетъ той механической системѣ, которой, какъ цѣлому, онъ можетъ нанести значительный вредъ“. Поэтому, во все продолженіе мануфактурнаго періода, мы слышимъ непрерывныя жалобы на отсутствіе дисциплины между работниками. И если бы даже мы не имѣли свидѣтельствъ писателей того времени, то одни уже эти простые факты,—что начиная съ XVI сто-

лѣтія вплоть до эпохи крупной промышленности, капиталу не удалось овладѣть всѣмъ свободнымъ временемъ мануфактурнаго работника; что мануфактуры вообще не долговѣчны и что онѣ исчезаютъ въ одной странѣ и появляются въ другой, вмѣстѣ съ переселеніемъ работниковъ;—одни эти факты, говоримъ мы, свидѣтельствовали бы не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ цѣлая библіотека. „Порядокъ долженъ быть созданъ тѣмъ или другимъ способомъ!“ восклицаетъ въ 1770 году, неоднократно уже цитированный нами, авторъ: „Essay on Trade and Commerce“. Порядокъ! вырывается снова, 66-ю годами позже, изъ устъ доктора Andrew Ure; „порядка“ недоставало въ мануфактурѣ, „основанной на схоластической догмѣ раздѣленія труда“, и только, наконецъ, „Аркрайтъ создалъ порядокъ“.

Въ то же время мануфактура не была въ состояніи ни охватить общественнаго производства во всемъ его объемѣ, ни проникнуть въ захваченныхъ ею отрасляхъ производства до сколько-нибудь значительной глубины. Она красовалась, какъ какое-то архитектурное украшеніе на вершинѣ экономическаго зданія, покоившагося на широкомъ основаніи городской ремесленной промышленности и сельскихъ кустарныхъ промысловъ. Ея собственное узкое техническое основаніе оказалось—на извѣстной ступени ея развитія—въ противорѣчіи съ созданными ею же самою потребностями производства *).

Таковъ способъ производства, на почвѣ котораго классическая политическая экономія строила свои догматы; и законъ народонаселенія Мальтуса, равно какъ и выведенный изъ него законъ заработной платы вполнѣ соотвѣтствуетъ духу этого способа производства.

Не трудно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что въ эпоху производства, когда уже существуетъ сильная концентрація капитала, и рабочій уже функціонируетъ, какъ принадлежность капиталистическаго производственнаго механизма, при чемъ послѣдній въ свою очередь зависитъ отъ искусства рабочихъ и вообще движется довольно тяжеловѣсно, не трудно видѣть, что въ эту эпоху должны были возникнуть

*) „Капиталъ“, I т. Второе изд. 1898 г., стр. 312, 317, 320 и 321.

тѣ представленія объ отношеніи капитала и труда, о вліяніи спроса и предложенія на заработную плату, объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ спросъ и предложеніе рабочихъ, которыя мы находимъ у экономистовъ XVIII столѣтія. Если, однако, въ эпоху Ад. Смита машина едва начинала проникать въ производство, то въ то время, когда Мальтусъ писалъ свою книгу о народонаселеніи, она уже овладѣла цѣлымъ рядомъ отраслей промышленности, совершивъ въ нихъ полную революцію. Поэтому изслѣдованіе экономическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія мануфактурнаго періода здѣсь требуетъ объясненія. Однако, политическая экономія, появившаяся въ качествѣ самостоятельной науки лишь въ мануфактурный періодъ, еще долго опиралась на „законы", выведенные изъ этого специфическаго способа производства. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда позднѣйшій буржуазный экономистъ критикуетъ своихъ предшественниковъ, онъ дѣлаетъ это въ силу всевозможныхъ мотивовъ, только не въ силу того, что они были толкователями уже пережитого способа производства. Техническія измѣненія, внесенныя машиной, были хвастливо отмѣчены, экономическій переворотъ, обусловленный ими, поскольку онъ проявился на поверхности и, слѣдовательно, не могъ быть не замѣченъ, вызвалъ лишь нѣсколько хвалебныхъ фразъ. Тотъ же фактъ, что механическая крупная промышленность имѣла слѣдствіемъ не только увеличеніе зависимости труда отъ капитала, но существенное измѣненіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, выдвинутъ впервые лишь Оуэномъ и его школой, отмѣченъ послѣдователями Сенъ Симона и Фурье и всесторонне изслѣдованъ Карломъ Марксомъ.

Рикардо, „Принципы" котораго появились въ 1817 г., слѣд. въ эпоху, когда революціонное дѣйствіе машины проявилось уже во всей силѣ, придерживается еще понятій, выросшихъ на почвѣ мануфактурнаго періода. Правда, онъ уже видитъ количественныя измѣненія, вносимыя машиной въ производственныя отношенія, но не замѣчаетъ качественныхъ. Даже въ главѣ о машинахъ, которую онъ прибавилъ къ третьему изданію своей книги (1821 г.), и въ которой онъ съ полной откровенностью признался, что исходилъ, по отношенію къ вытѣсненнымъ машиной рабочимъ, изъ теоріи компенса-

ціи *), онъ еще придерживается воззрѣній мануфактурной эпохи.

Такъ въ первой же главѣ мы встрѣчаемся съ слѣдующей фразой: „Какъ они (различные роды человѣческаго труда) ни были первоначально различны, какъ ни были различны затраты таланта, ловкости, или времени для изученія извѣстнаго ремесла по сравненію съ другимъ, всетаки мы можемъ предположить, что *эта затрата остается изъ поколѣнія въ поколѣніе почти неизмѣнной* **).

Въ главѣ о заработной платѣ мы читаемъ: „Въ другомъ случаѣ (именнно, въ давно населенныхъ и обработанныхъ странахъ) народонаселеніе размножается быстрѣй, чѣмъ необходимый для него фондъ. Всякій ростъ промышленной дѣятельности, если онъ не сопровождается сокращеніемъ прироста народонаселенія, еще увеличитъ зло, потому что *производство не можетъ развиваться съ такой же быстротой*“ ***).

Въ главѣ о прибыляхъ мы находимъ слѣдующее мѣсто: Такимъ образомъ, прибыль имѣетъ естественную тенденцію падать, такъ какъ, вмѣстѣ съ прогрессомъ общества и ростомъ благосостоянія, растущія потребности удовлетворяются все съ большей и большей затратой труда ****). Поэтому я попытался доказать, во-первыхъ, что возрастаніе заработной платы не поведетъ за собой возростанія цѣнъ товаровъ, *но лишь уменьшеніе прибылей*“ *****).

*) Теорія, по которой машины, вытѣсняющія рабочихъ, въ то же время освобождаютъ капиталъ, дающій занятія тѣмъ же рабочимъ. „Моя ошибка“, пишетъ Рикардо, вытекала изъ предположенія, по которому каждый разъ, когда чистый доходъ общества возрастаетъ, возрастаетъ также его валовой доходъ. Теперь же я имѣю основаніе предполагать, что фондъ, изъ котораго получаютъ доходъ землевладѣльцы и капиталисты можетъ возрастать, въ то время какъ фондъ, отъ котораго преимущественно зависитъ рабочій классъ, можетъ уменьшаться, откуда слѣдуетъ, если мое предположеніе правильно, что одна и та же причина, увеличивая чистый доходъ страны, одновременно порождаетъ перенаселеніе и ухудшаетъ положеніе рабочихъ“ (236).

**) Тамъ же, 15.

***) Тамъ же, 54.

****) Тамъ же, 66.

*****) Тамъ же, 71.

Въ главѣ „Вліяніе роста капиталовъ на прибыль и процентъ", читаемъ: „Если бы можно было увеличивать производство предметовъ потребленія рабочихъ постоянно съ одной и той же легкостью, то тогда, какъ бы не увеличивались капиталы, *продолжительное измѣненіе въ отношеніи между заработной платой и уровнемъ прибыли было бы не мыслимо...* И онъ (Адамъ Смитъ) кажется не замѣчаетъ, что одновременно съ возрастаніемъ капитала возрастаетъ въ такой же степени работа, которую онъ долженъ выполнить" *).

Я бы могъ привести еще десятокъ примѣровъ, гдѣ трудъ и капиталъ разсматриваются, какъ въ приведенныхъ цитатахъ, по ихъ роду и производительности, какъ данные и въ своихъ отношеніяхъ почти неизмѣнные факторы. Однако, въ то время въ англійской промышленности игралъ уже большую роль трудъ дѣтей и женщинъ. почти изо дня въ день возрастала производительная сила труда, и жизнь на каждомъ шагу доказывала, что прибыли не должны необходимо падать вмѣстѣ съ ростомъ заработной платы. Тѣмъ не менѣе, даже въ упомянутой выше главѣ о машинахъ, Рикардо по существу придерживается тѣхъ же взглядовъ. Правда онъ признаетъ, что машина иногда можетъ вытѣснить рабочихъ, но даже въ этой добавочной главѣ, въ которой мы уже встрѣчаемъ болѣе глубокое пониманіе дѣйствія машинъ, нѣтъ и намека на пониманіе того, что машинное производство создаетъ совершенно новые законы спроса и предложенія по отношенію къ рабочей силѣ. Для Рикардо распространеніе машиннаго производства нисколько не подрываетъ значенія закона народонаселенія Мальтуса. Этотъ законъ продолжаетъ имѣть силу, какъ раньше, развѣ только въ болѣе острой формѣ.

---

*) Тамъ же, 174.

IV.

Теорія фонда заработной платы.

1) Теорія фонда заработной платы въ классической политической экономіи.

Не желая погружаться слишкомъ глубоко въ древность, мы остановимся на Адамѣ Смитѣ, который развилъ теорію фонда заработной платы въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Спросъ на наемныхъ рабочихъ, очевидно, можетъ рости лишь пропорціонально приросту фондовъ, предназначенныхъ на уплату заработной платы“.

„Эти фонды“, прибавляетъ Адамъ Смитъ, бываютъ двухъ родовъ: они состоятъ, во-первыхъ, изъ дохода (revenue), превышающаго издержки необходимаго содержанія, и во-вторыхъ, изъ капитала (stock), превышающаго издержки на работу ихъ хозяевъ“ *).

Въ видѣ примѣра онъ приводитъ случай „помѣщика рантье и капиталиста“, которые увеличиваютъ число своихъ слугъ, когда возростаетъ избытокъ ихъ дохода надъ необходимыми расходами на содержаніе ихъ семьи, а также „независимаго ремесленника“... „напр., ткача или сапожника“, который пріобрѣлъ капиталъ, большій, чѣмъ требуется на покупку матеріаловъ для его собственной работы и на содержаніе семьи до продажи продукта, и который изъ избытка даетъ зенятіе одному или нѣсколькимъ подмастерьямъ, чтобы получить прибыль отъ ихъ труда. Если этотъ избытокъ увеличивается, то онъ „будетъ, естественно, увеличивать число своихъ подсматерьевъ“. Спросъ на наемныхъ рабочихъ слѣдовательно, необходимо увеличивается, вмѣстѣ съ приростомъ капитала страны и не можетъ увеливаться безъ этого прироста **).

Что здѣсь прежде всего поражаетъ, такъ это примѣры. Оба приведенные примѣра заимствованы изъ эпохи еще болѣе ранней, чѣмъ мануфактурная. Сопоставленіе рабочаго и прислуги, равно какъ изображеніе ремесленника, работаю-

*) Ad. Smith: Untersuchung I 95.

**) Тамъ же, 95, 96.

щаго рядомъ съ подмастерьями, которымъ онъ даетъ занятіе по мѣрѣ прироста своего „капитала"—все это относится къ эпохѣ феодальнаго хозяйства; и если во время Адама Смита, именно, въ Шотландіи еще существовали многочисленные примѣры подобныхъ отношеній, то рядомъ съ этими остатками вымирающаго способа производства, какъ типъ новаго хозяйства, уже развивалась мануфактура, въ которой занятіе давалъ уже не мастеръ подмастерьямъ, но капиталистъ—обыкновенно купецъ—дававшій работу и мастеру и подмастерью, „чтобы изъ ихъ труда извлечь прибыль". Мастерская уступаетъ мѣсто фабрикѣ, и изъ подмастерьевъ, входившихъ въ семью ремесленника, развивается современный во всѣхъ отношеніяхъ „свободный" пролетаріатъ. Этотъ процессъ протекаетъ передъ глазами Адама Смита; не скрывая его недостатковъ, Смитъ привѣтствуетъ его, какъ общественный прогрессъ; онъ критикуетъ цеховыя правила и восхваляетъ вводимое мануфактурой раздѣленіе труда. Тѣмъ характернѣе, что какъ примѣръ для теоріи фонда заработной платы онъ приводитъ ремесленника.

Между тѣмъ, это возвращеніе къ устарѣлымъ формамъ хозяйства—какъ извѣстно, не единственное у Адама Смита—встрѣчается не только у него одного. Какъ только экономисты начинаютъ говорить о теоріи фонда заработной платы—которая долгое время считалась догматомъ—они забываютъ свои хвалебные гимны непрерывному прогрессу машинъ и подставляютъ на мѣсто нормальнаго состоянія современнаго общества, если не полное средневѣковье, то по крайней мѣрѣ Китай, не вышедшій изъ стадіи мануфактуры.

„Въ нашихъ обществахъ", пишетъ въ 1821 г. Дестюдъ-де-Траси, „фондъ, изъ котораго заимствуется заработная плата, *представляетъ почти постоянную* величину" *).

Рикардо пишетъ: „Но въ обоихъ случаяхъ" — какъ въ случаѣ, когда параллельно съ ростомъ капитала **) возростаетъ его мѣновая стоимость, такъ и въ томъ случаѣ,

*) Destude de Tracy „Traité de la volonté et de ses effets". pag. 202. Citiert in Marx' Capital II Bd. p. 485.

**) Подъ которымъ Рикардо понимаетъ всѣ необходимыя для продолженія производства потребительныя цѣнности, включая пищу и одежду.

когда послѣдняя остается неизмѣнной или понижается—„рыночная плата возростетъ, потому что вмѣстѣ съ ростомъ капитала въ такой же степени растетъ спросъ на трудъ“ *).

И Рикардо пишетъ это немедленно послѣ утвержденія, что капиталъ, какъ сумма вещей можетъ увеличиваться, тогда какъ мѣновая стоимость его будетъ одновременно падать, такъ какъ прибавка можетъ быть изготовлена съ помощью машинъ *безъ увеличенія* и даже *при сокращеніи* потребныхъ до сихъ поръ на его возстановленіе рабочихъ силъ.

Джонъ Стюартъ Милль пишетъ: „Заработная плата можетъ возрости лишь благодаря увеличенію затраченнаго на наемъ рабочихъ общаго фонда или благодаря уменьшенію числа рабочихъ; равно какъ она *можетъ уменьшиться лишь благодаря уменьшенію назначеннаго для уплаты рабочимъ фонда или благодаря возростанію числа оплачиваемыхъ рабочихъ* **).

Для примѣра нѣмецкихъ экономистовъ, возьмемъ Рау. „Спросъ“—именно, спросъ на рабочихъ—„по крайней мѣрѣ въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ работаютъ для дохода, зависитъ отъ случаевъ, въ которыхъ предприниматель можетъ выгоднымъ образомъ приложить рабочую силу, *и въ зависимости отъ находящагося для этой цѣли въ распоряженіи капитала*... Если народонаселеніе, по сравненію съ этой частью капитала, очень велико, то этотъ капиталъ можетъ дать занятія только части рабочихъ, во всякомъ случаѣ, заработная плата будетъ настолько низка, что едва будетъ хватать на необходимыя средства существованія“ ***).

Эта теорія, или какъ Марксъ назвалъ ее, эта догма классической политической экономіи уже довольно давно вызывала возраженія, именно, со стороны *англійскихъ соціалистовъ* первыхъ десятилѣтій XIX вѣка и со стороны ихъ послѣдователей на континентѣ. Но опроверженіе ограничивалось главнымъ образомъ доказательствомъ того, что заработная плата рабочихъ берется не изъ *денежнаго или товарнаго капитала*, находящагося во владѣніи предпринима-

---

*) The works of David Ricardo. p. 51.

**) Mill: Grundlegungen der pol. Oekonomie. Bd. II p. 2.

***) Rau. Grundsätze der Volkswirtschaftleben 6. Aufl. 1860.

телей, но изъ всей суммы *общественнаго дохода*, находящагося въ постоянномъ процессѣ воспроизводства; заработная плата, такимъ образомъ, имѣетъ свою *естественную* границу не въ размѣрахъ капитала, какъ это имѣетъ мѣсто при господствѣ капиталистической собственности. Такимъ образомъ, они критикуютъ догматъ съ точки зрѣнія своего соціалистическаго пониманія общества, но не изслѣдуютъ, поскольку онъ имѣетъ значеніе въ существующемъ капиталистическомъ обществѣ.

„Масса дѣйствительно накопленныхъ богатствъ совершенно незначительна по сравненію съ производительными силами общества, къ какой бы ступени цивилизаціи послѣднее ни принадлежало; или, по сравненію съ дѣйствительнымъ потребленіемъ этого самого общества въ теченіе лишь нѣсколькихъ лѣтъ—такъ незначительна, что главное вниманіе законодателей и экономистовъ должно было бы быть направлено на производительныя силы и ихъ будущее свободное развитіе, а не на накопленное богатство, которое лишь поражаетъ взоръ... Очень мало размышляютъ, а большинство и не подозрѣваетъ, какъ ничтожны, какъ по своей величинѣ, такъ и по своему значенію, дѣйствительныя накопленія по сравненію съ человѣческими производительными силами, даже по сравненію съ обыкновеннымъ потребленіемъ одного человѣческаго поколѣнія въ теченіе лишь нѣсколькихъ лѣтъ... Въ силу владѣнія этой постоянной, долго сохраняющейся, лишь медленно потребляющейся частью общественнаго богатства—землей, сырымъ матерьяломъ, орудіями, которыми совершается работа, домами, дающими пристанище во время работы—въ силу этого владѣнія, собственники этихъ предметовъ распоряжаются, въ видахъ собственной выгоды, годовой производительной силой всѣхъ дѣйствительно производительныхъ рабочихъ обществъ, какъ бы ничтожны ни были всѣ эти предметы по сравненію съ постоянно возобновляемыми продуктами этого труда... Это вѣчный круговоротъ изъ производства и потребленія. Въ этой громадной массѣ годового производства и потребленія небольшое количество истиннаго накопленія едва замѣтно. Дѣйствительное накопленіе имѣетъ совершенно второстепенное значеніе и это значеніе оно получаетъ почти исключительно бла-

годаря своему вліянію на распредѣленіе годового продукта“ *).

„Я докажу, что этотъ фактъ (именно, что рабочіе во время исполненія своей работы находятъ необходимыя жизненныя средства) вытекаетъ изъ общаго принципа человѣческихъ учрежденій и что дѣйствія, приписываемыя товарному фонду, называемому циркулирующимъ капиталомъ, представляютъ продуктъ одновременно совершаемаго (coexisting) труда. Отдѣльный капиталистъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи фонда, необходимаго для содержанія рабочихъ, рабочій не зависитъ отъ накопленнаго капитала и не можетъ отъ него зависѣть... Польза постояннаго капитала покоится не на прежнемъ, а на настоящемъ трудѣ; онъ приноситъ своему владѣльцу прибыль не потому, что онъ накопленъ, но потому, что онъ представляетъ средство для распоряженія надъ трудомъ“ **).

Книга Томсона появилась въ первомъ изданіи въ 1824 г., книга Ходскина—въ 1825 г. Опроверженіе теоріи фонда со стороны нѣмецкихъ экономистовъ, имѣвшее мѣсто въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій (Hermann „Staatswirtschaftliche Untersuchungen“. 1832 г. и Rodbertus“ Zur Erklärung unserer staatswirtschaftlichen Zustäde“, 1842 г.),—вращаются, въ существенномъ, въ томъ же кругѣ идей, какъ и изслѣдованія названныхъ англійскихъ соціалистовъ и очень вѣроятно написаны подъ ихъ вліяніемъ или подъ вліяніемъ возбужденной ими литературы. Авторы заимствуютъ свои доказательства изъ обращенія продуктовъ, которое изображается лишь въ общихъ чертахъ, при чемъ слѣдствія, вытекающія изъ особой природы капиталистическаго производства или опредѣляющіе факторы ими совсѣмъ упускаются, или устраняются въ произведеніяхъ фантазіи.

По Германну, заработная плата уплачивается потребителями, тогда какъ капиталъ служитъ лишь „перевозочнымъ средствомъ“; по Родбертусу, рабочіе „получаютъ свою плату не изъ капитала, не изъ существующаго при началѣ работы

*) William Thomson Jnquiry into the principles of the Distribution of Wealth. Цитировано Марксомъ въ „Капиталъ“ II 309—313.

**) T. Hodgskin. Labour defendet against the Claims of Capital p. 12, 15.

запаса, но изъ собственнаго продукта или, если этотъ продуктъ состоитъ не изъ средствъ потребленія, какъ это бываетъ при раздѣленіи труда, — то изъ средствъ потребленія, производимыхъ въ тотъ же періодъ времени, за который они получаютъ плату“ *).

Оба опроверженія страдаютъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: они берутъ общество, какъ единою цѣлое и абстрагируютъ отъ особенностей его капиталистической организаціи. У Родбертуса это понятно: какъ и въ другихъ мѣстахъ своего замѣчательнаго труда, такъ и здѣсь онъ имѣетъ въ виду свои рабочія деньги и, поэтому, перескакиваетъ сразу изъ общества, какъ оно есть, въ общество, какъ оно должно быть. При этомъ онъ придаетъ выраженію, что рабочій ссужаетъ капиталисту свой трудъ, такой смыслъ, который придаетъ самому рабочему видъ мелкаго капиталиста. Если и справедливо, что рабочій получаетъ плату по окончаніи *работы*, то во всякомъ случаѣ это не совершается въ сроки, соотвѣтствующіе *производственнымъ періодамъ*. Механикъ, плотникъ и т. п. наврядъ ли поблагодарили бы, если бы имъ начали выдавать заработную плату по окончаніи производственнаго періода. Возможно, что Родбертусъ, бывшій сельскимъ хозяиномъ, имѣлъ въ виду сельскаго рабочаго эпохи натуральнаго хозяйства, при чемъ рабочій получалъ вознагражденіе частью урожая. Онъ пишетъ буквально слѣдующее: „Конечно, и при господствѣ раздѣленія труда въ началѣ каждаго производственнаго періода, за который уплачивается заработная плата, имѣется въ наличности запасъ средствъ труда, именно тѣхъ, которыя необходимы для существованія рабочаго въ теченіе труда. *Однако, заработная плата за трудъ, совершаемый въ теченіе даннаго періода, выплачивается не изъ этого запаса.* Вѣрнѣй онъ уже существуетъ, какъ запасъ средствъ потребленія въ рукахъ рабочихъ, и происходитъ, какъ доходъ, изъ предшествующаго періода, для котораго онъ въ свое время служилъ платой, но опять таки какъ доля продукта. *Этотъ* запасъ аналогиченъ запасу, которымъ обладалъ человѣкъ въ эпоху изолированнаго хозяйства, и который

---

*) Rodbertus. „Zur Erklärung ect“ p. 16.

нужно также называть не капиталомъ, а доходомъ" *). Какъ въ приведенной цитатѣ, такъ и въ утвержденіи, къ которому Родбертусъ постоянно возвращается, что рабочій получаетъ плату „всегда изъ продуктовъ того самого времени, за которое онъ вознаграждается", авторъ совершенно абстрагируетъ отъ особенностей современнаго способа производства. „Запасъ", получаемый рабочимъ въ началѣ каждаго новаго рабочаго періода (недѣли, двухъ недѣль, мѣсяца) въ формѣ заработной платы, хотя и представляетъ вознагражденіе за работу прошлаго періода, однако ни въ какомъ случаѣ не реализуется въ продуктахъ этого періода, но въ продуктахъ значительно болѣе отдаленной эпохи. Характернымъ признакомъ капиталистическаго производства именно является то обстоятельство, что запасъ, которымъ существуетъ въ теченіе производственнаго періода рабочій, противопоставляется ему, какъ запасъ капиталиста, какъ *капиталъ*. Такъ какъ Родбертусъ совершенно упускаетъ изъ виду этотъ фактъ, то его разсужденія на эту тему теряютъ всякое практическое значеніе.

Тоже относится и къ теоріи Германна. Здѣсь также задача разрѣшается тѣмъ, что капиталистъ просто устраняется — къ сожалѣнію, только на бумагѣ. То, что капиталистъ производитъ не для собственнаго потребленія, но для рынка, что, слѣд., въ послѣднемъ счетѣ потребители въ цѣнѣ готоваго продукта оплачиваютъ также овеществленный въ немъ трудъ, безспорно справедливо, однако, это нисколько не измѣняетъ того факта, что рабочій получаетъ и долженъ получить свою плату задолго до того времени, когда продуктъ приходитъ къ потребителю. Правда, если бы дѣло происходило такъ, какъ его рисуетъ Германнъ въ своей теоріи, если бы, именно, предприниматель, прежде чѣмъ приступать къ производству, велъ переговоры съ потребителями о томъ, сколько послѣдніе предложатъ за продуктъ, то тогда ссылка на потребителя, какъ на рѣшающій въ послѣднемъ счетѣ моментъ, имѣла бы въ извѣстныхъ границахъ смыслъ. Но такъ какъ такія идиллическія отношенія существуютъ лишь въ видѣ исключенія, по правилу же цѣна опредѣляется со-

*) Rodbertus. 17.

вершенно инымъ способомъ, то остается лишь удивляться, какъ могъ Брентано воспринять эту замѣчательную теорію. Въ самомъ дѣлѣ, Брентано въ появившейся въ 1872 году книгѣ „Zur Kritik der englischen Gewerkvereine“ объявляетъ: „Истинный эквивалентъ труда заключается не въ капиталѣ, но въ томъ, что предлагаютъ въ обмѣнъ потребители. Но то, что предлагаетъ потребитель, не представляетъ ни въ какомъ случаѣ постоянной, неизмѣнной суммы. Эта сумма различна, въ зависимости отъ степени нужды потребителя въ данномъ товарѣ, и она можетъ увеличиться до размѣровъ всего его богатства“ *). Жаль, что Брентано не указалъ, какими средствами рабочіе въ современной системѣ хозяйства достигаютъ этой „истинной цѣнности“ своей работы, которую „предлагаютъ потребители“.

Изъ англійскихъ опроверженій теоріи фонда заработной платы наиболѣе извѣстно, данное Торнтономъ. Это опроверженіе чисто эмпирическаго характера и представляетъ простое сопоставленіе опытныхъ данныхъ англійскихъ профессіональныхъ союзовъ. Торнтонъ ссылается на то, что предприниматель при уплатѣ рабочимъ руководствуется не тѣмъ, что онъ *можетъ* дать рабочимъ сообразно своимъ средствамъ и доходамъ, но тѣмъ, что онъ *долженъ* имъ платить соотвѣтственно положенію рабочаго рынка; онъ указываетъ, что предприниматель не имѣетъ никакого фонда, относительно котораго онъ говоритъ: это крайняя мѣра того, что я могу выдать рабочимъ и что, поэтому, я имъ выдамъ, каковы бы ни были обстоятельства. Чего нѣтъ у отдѣльнаго предпринимателя, того нѣтъ и для совокупности всѣхъ предпринимателей, поэтому не можетъ быть рѣчи о какомъ-то національномъ фондѣ заработной платы; для совокупности рабочихъ, точно также, сумма дохода не представляетъ абсолютно ограниченной величины; эта величина, скорѣй, способна въ извѣстныхъ границахъ къ растяженію. Авторъ перечисляетъ шесть случаевъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, профессіональный союзъ посредствомъ организованнаго воздѣйствія можетъ на долгое время повысить заработную плату; эти случаи—слѣдующіе:

*) Brentano. „Zur Kritik etc“ p. 202.

1) Въ промышленной отрасли, въ которой, благодаря ея особенному характеру, предприниматели фактически пользуются монополіей для своего округа.

2) Въ производствѣ, для веденія котораго извѣстная страна предлагаетъ, по сравненію съ остальными, особенныя преимущества.

3) Въ производствѣ, въ которомъ, благодаря ростущему богатству или благодаря ростущему числу заказчиковъ, спросъ въ данное время постоянно возростаетъ.

4) Въ производствѣ, въ которомъ, безъ увеличенія и даже при значительномъ сокращеніи цѣны, увеличившаяся, благодаря улучшеннымъ машинамъ и процессамъ труда, производительность даетъ въ распоряженіе работодателей бо́льшую массу товаровъ и, слѣдовательно, увеличиваетъ ихъ валовой доходъ.

5) Во всѣхъ производствахъ, если возвышеніе заработной платы происходитъ одновременно и равномѣрно повсюду.

6) Въ каждомъ производствѣ, въ которомъ дѣло поставленно на широкую ногу, такъ, что несмотря на низшій процентъ прибыли, достигается большая прибыль, чѣмъ въ меньшемъ по размѣрамъ производствѣ съ высшимъ процентомъ *).

Въ своей книгѣ, появившейся въ 1869 г., Торнтонъ утверждаетъ: „не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, что сумма годовой заработной платы англійскихъ рабочихъ, благодаря профессіональнымъ союзамъ, въ настоящее время превышаетъ на 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ ту сумму, которую они получали бы безъ помощи союзовъ“ *), что составитъ, по Торнтону, на каждаго робочаго въ отдѣльности, въ среднемъ 2 фунта ежегодно. (Около 18 р. 50 к.).

Если присмотрѣться внимательнѣй къ пунктамъ Торнтона, то не трудно замѣтить, что въ первыхъ трехъ повышеніе заработной платы можетъ быть переложено на потребителей, что, слѣд., здѣсь оправдывается теорія Германна. Къ нимъ нужно прибавить, собственно, пятый случай; но

*) Thornton „Die Arbeit.“ 317—318.

**) Тамъ же, 334.

онъ—единственный, въ которомъ Торнтонъ не опирается на доказанные факты, потому что одновременное и равномѣрное повышенiе заработной платы во всѣхъ отрасляхъ промышленности еще никогда не имѣло мѣста,—къ тому же онъ и не вѣренъ, что не удивительно въ книгѣ, въ которой нѣтъ и намека на систематическое изслѣдованiе производственныхъ отношенiй.

Такъ, напр., при формулировкѣ первыхъ трехъ случаевъ совершенно неразслѣдованнымъ остается особенный характеръ этихъ производствъ, тогда какъ очевидно, какъ много связано съ этимъ вопросомъ. Возьмемъ, напр., первый случай. Конечно, вѣрно, что въ цѣломъ рядѣ производствъ—напр., въ строительномъ дѣлѣ, въ производствѣ на заказъ платья и т. п. производствахъ—рабочiе могутъ съ полнымъ основанiемъ надѣяться при хорошей организацiи и благопрiятныхъ условiяхъ промышленности достигнуть и удержать повышенiе заработной платы, но это правило далеко не безусловно. Чѣмъ далѣе проведенъ принципъ раздѣленiя труда, тѣмъ менѣе равными становятся шансы различныхъ рабочихъ. Мѣстныя и всемiрныя монопольныя производства, въ которыхъ главными факторами производства служатъ машины, женщины и несовершеннолѣтнiе, почти исключены изъ этого правила. Сверхъ того, именно во многихъ монопольныхъ производствахъ, власть предпринимателей по отношенiю къ рабочимъ такъ велика, что послѣднiе ничего не могутъ добиться посредствомъ союзовъ, если только вообще всякiе союзы не запрещены имъ подъ страхомъ голодной смерти.

Лишь въ 4-мъ и 6-мъ случаѣ Торнтонъ обратилъ вниманiе на способъ производства, какъ на важный факторъ борьбы труда съ капиталомъ, но онъ сдѣлалъ это въ 6-мъ случаѣ въ очень общихъ выраженiяхъ. Что условiя, указанныя въ обоихъ параграфахъ, облегчаютъ рабочимъ борьбу за повышенiе заработной платы,—это подтверждается какъ простымъ размышленiемъ, такъ и довольно многочисленными опытами. Но здѣсь многое зависитъ отъ природы производства и характера работы.

Къ какимъ нелѣпостямъ приводитъ Торнтона его чисто внѣшнiй характеръ изслѣдованiя, видно изъ слѣдущаго при-

мѣра, который можно было бы легко умножить. На 324 стр. своей книги онъ говоритъ буквально слѣдующее: „Даже въ странѣ, въ которой торговля находится въ прогрессивномъ развитіи, юніонизмъ не можетъ возвысить заработную плату въ какомъ-либо производствѣ безъ того, чтобы не помѣшать возростанію спроса на произведенія другихъ производствъ, которое бы имѣло мѣсто въ иномъ случаѣ, или безъ того, чтобы не сократить въ такомъ же размѣрѣ спроса на рабочія силы въ другихъ производствахъ“.

Отсюда вытекаетъ, что при всѣхъ обстоятельствахъ повышеніе заработной платы уплачивается все тѣми же потребителями, тогда какъ рабочіе, завоевавшіе это повышеніе, систематически уничтожаютъ избытокъ своего дохода. Прибыль же предпринимателя представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ *Noli me tangere*, такъ что мы возвращаемся окольнымъ путемъ къ только что погребенной теоріи заработнаго фонда. Какое утѣшительное зрѣлище!

2) Теорія фонда заработной платы и современная промышленность.

Что же правильно въ теоріи фонда заработной платы? Правильна ли она или ошибочна? Въ какомъ отношеніи она правильна и въ какомъ отношеніи ошибочна?

Опроверженія, приведенныя нами выше, лишь отодвигаютъ вопросъ, вмѣсто того, чтобы на него отвѣчать. Классическая политическая экономія никогда не утверждала, будто рабочій получаетъ плату, какую ему *можетъ* уплатить предприниматель. Поэтому, опроверженіе Торнтона направлено не противъ самого ученія классической политической экономіи, но противъ его *толкованій*, предпринятыхъ въ интересахъ капиталистовъ. Рикардо, который подчеркиваетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, что онъ говоритъ лишь о благахъ, „производимыхъ подъ дѣйствіемъ заграничной конкурренціи“, и который, слѣдовательно, совершенно устраняетъ вопросъ о заработной платѣ въ монопольныхъ производствахъ, во многихъ мѣстахъ говоритъ о повышеніи заработной платы *за счетъ прибыли*. Онъ даже считаетъ политико-экономической аксіомой ту истину, что *увеличеніе*

заработной платы не возвышаетъ цѣны товаровъ, а наоборотъ „неизбѣжно сокращаетъ прибыль“ или, какъ онъ выражается въ одномъ мѣстѣ, „отнимаетъ у работодателей часть ихъ дѣйствительной прибыли“. Какъ уже сказано, Торнтонъ опровергъ все что угодно, только не теорію фонда заработной платы, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она лежитъ въ основаніи закона заработной платы Рикардо. Онъ не высказалъ ничего, что бы поколебало этотъ законъ въ его основныхъ положеніяхъ.

Этого нельзя сказать о тѣхъ, кто опровергалъ теорію фонда заработной платы, утверждая, что заработная плата уплачивается въ послѣднемъ счетѣ *потребителемъ*. Ходъ мысли здѣсь, какъ видно изъ предыдущаго, прямо противоположенъ рикардовскому. Спрашивается только, даетъ ли эта теорія что-либо новое.

Мы рѣшительно отрицаемъ это. Уже Ад. Смитъ говоритъ въ цитатѣ, приведенной въ началѣ предыдущей главы, о капиталѣ и доходѣ, какъ источникахъ фонда заработной платы, а ссылка на потребителей не говоритъ, собственно говоря, ничего больше. Дѣло не въ томъ, что потребители въ концѣ концовъ уплачиваютъ въ продуктѣ и заработную плату, но въ томъ, платятъ ли они такую плату, какую требуютъ рабочіе. Рикардо оспариваетъ возможность переложенія повышенія заработной платы на потребителей—необходимо замѣтить, что онъ говоритъ всегда о товарахъ, производимыхъ подъ дѣйствіемъ безграничной конкурренціи;—изобрѣтатели теоріи, по которой заработную плату уплачиваютъ не предприниматели, но потребители, должны были бы опровергнуть теорію Рикардо. Они обходятъ трудности проблемы, устраняя всѣ промежуточные члены между рабочимъ какъ потребителемъ и производителемъ, т. е. всю капиталистическую систему хозяйства. Если это понятно еще въ устахъ соціалистовъ, то въ устахъ буржуазныхъ экономистовъ подобное утвержденіе теряетъ всякій смыслъ.

Что касается уже упомянутой теоріи Германна, которую такъ высоко цѣнятъ люди, вродѣ Рошера, Брентано и ихъ учениковъ, то ея значеніе можетъ быть лучше всего выяснено тѣми выводами, которые изъ нея дѣлалъ самъ авторъ въ различные періоды своей жизни.

Экономическія изслѣдованія Германна появились въ первомъ изданіи въ 1832 г. Тогда въ Германіи еще не существовало рабочаго вопроса въ современномъ смыслѣ этого слова; дѣло шло скорѣй о томъ, чтобы освободить промышленность отъ всѣхъ оковъ, стѣсняющихъ ея развитіе, среди которыхъ были разнаго рода привилегіи. То безпристрастіе, которое мы встрѣтили въ произведеніи Ад. Смита по отношенію къ труду и капиталу, мы находимъ также у Германна. Сдѣланное имъ открытіе, что заработную плату уплачиваютъ не предприниматели, а потребители, направлено противъ протекціонизма меркантильной системы и цеховыхъ пережитковъ, прочно еще сидѣвшихъ въ правительственныхъ канцеляріяхъ. „Стыдно сказать, что правительство выслушиваетъ разсказы предпринимателей о томъ, что они прокармливаютъ столько-то и столько-то жителей государства, тогда какъ можно сказать съ тѣмъ же правомъ наоборотъ, что эти жители прокармливаютъ столько-то и столько-то предпринимателей. Только благодаря грубой недобросовѣстности предпринимателей, они могутъ, опираясь на подобныя разсужденія, добиваться покровительства въ формѣ ли пошлинъ или въ формѣ ссудъ, и правительство нарушаетъ свои обязанности, удовлетворяя эти требованія“ *).

Такъ сильно выражался авторъ, который еще не вкусилъ отъ древа познанія—борьбы буржуазіи съ пролетаріатомъ.

Между появленіемъ перваго и второго изданія книги Германна протекло 38 лѣтъ. Германнъ не успѣлъ вполнѣ закончить второго изданія; онъ умеръ во время его подготовленія въ 1868 г., и оно было издано по оставшейся рукописи послѣ его смерти въ 1870 г. двумя молодыми доцентами—теперь профессорами—Мейеромъ и Гельферихомъ. Во второмъ изданіи теорія фонда заработной платы хотя и опровергается тѣми же аргументами, но языкъ уже много мягче по отношенію къ капиталу и направленъ въ прямо противоположную сторону. Только что приведенная цитата изчезла, и на мѣсто ея поставлена слѣд. фраза: „Ученіе, по которому источникомъ заработной платы является капиталъ предпри-

*) Cap. IV, Wirkung des Capitals p. 285.

нимателя, не только совершенно ложно въ теоретическомъ отношенiи, но также въ высшей степени вредно на практикѣ, такъ какъ оно укрѣпляетъ въ рабочемъ поверхностное мнѣнiе, что предприниматель даетъ ему работу и что высота заработной платы зависитъ только отъ послѣдняго. Когда за подобную мнимую истину цѣпляется нуждающiйся рабочiй, которому кажется, что мнимо свободный предприниматель въ актѣ установленiя заработной платы противопоставляется ему, какъ враждебное лицо, то никто не удивится этому; но то, что эгоистическое поведенiе рабочихъ во время стачекъ укрѣпляется еще „наукой", говорящей что источникомъ заработной платы является капиталъ предпринимателя, показываетъ, до какой степени нужно быть осторожнымъ при установленiи общихъ научныхъ законовъ въ практическихъ дисциплинахъ" *).

Какъ различно звучитъ эта фраза по сравненiю съ написанной 38 лѣтъ назадъ! На мѣсто „грубой недобросовѣстности капиталистовъ" стало „эгоистическое поведенiе рабочихъ во время стачекъ". Рабочимъ нужно объяснить дѣло. А какимъ образомъ? На первый взглядъ, старой ссылкой на потребителя. Но потребитель теперь уже имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ прежде. Правда, онъ выплачиваетъ предпринимателю цѣну продукта и въ этой цѣнѣ цѣну овеществленнаго въ продуктѣ труда, но онъ не *предлагаетъ* цѣну, а *диктуетъ* ее. Эта мысль скрывается въ выраженiи: „*мнимо свободный* предприниматель въ актѣ установленiя заработной платы". Потребитель уже не г. Гинцъ или Кунцъ, но *рынокъ*, и его законы суть законы рынка, законы *конкурренцiи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы пришли къ тому пункту, изъ котораго исходитъ Рикардо, и должны изслѣдовать, на основанiи какихъ законовъ совершается раздѣленiе результатовъ производства. Ссылка на потребителей такъ же мало опровергаетъ теорiю фонда заработной платы, какъ ссылка на смѣну временъ года опровергаетъ систему Птоломея. Какъ изъ послѣдней не вытекаетъ еще невѣрности утвержденiя о вращенiи солнца вокругъ земли, точно также изъ простого факта обращенiя продуктовъ еще не

---

*) 2 Aufl. p. 479.

слѣдуетъ неправильности утвержденія, по которому высота заработной платы зависитъ отъ величины фонда, находящагося въ рукахъ предпринимателей въ цѣляхъ уплаты заработной платы. Классическая политическая экономія хорошо знала, что этотъ фондъ участвуетъ въ оборотѣ, когда причисляла издержки на заработную плату къ оборотному капиталу. Фактъ періодическаго обновленія фонда, какъ вообще фактъ періодическаго обновленія различныхъ составныхъ частей оборотнаго капитала, нисколько не измѣняетъ свойствъ капитала. Между рабочимъ и потребителемъ находится капиталистъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы понять каковы свойства той части капитала, которая предназначается для уплаты рабочимъ. Или, если разсматривать вопросъ съ общественной точки зрѣнія, то задача—въ томъ, каковы формы, при системѣ капиталистическаго производства, части капитала, обращаемой въ заработную плату.

Очевидно, что для отвѣта на этотъ вопросъ мы должны прежде всего знать, какъ вообще производится общественное богатство. Классическая политическая экономія, какъ мы уже видѣли, исходила изъ предпосылокъ, соотвѣтствующихъ мануфактурному производству. Но капиталистическое развитіе не остановилось на мануфактурѣ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ оно создало крупную промышленность, покоющуюся на механическомъ производствѣ, которая завоевала одну отрасль промышленности за другой и сдѣлалась господствующей формой производства. Поэтому, прежде чѣмъ идти дальше, мы должны нѣсколько подробнѣй изслѣдовать эту форму производства и ея соціальныя слѣдствія.

Буржуазная политическая экономія до сихъ поръ разсматривала обыкновенно машину съ точки зрѣнія производимаго ею технологическаго переворота въ процессѣ производства. Машина есть средство для увеличенія производительности труда въ цѣляхъ удовлетворенія возросшаго спроса міроваго рынка. До извѣстной степени это правильно: воздѣйствіе расширеннаго рынка на развитіе способа производства есть фактъ, котораго никто не будетъ отрицать. Въ заключительномъ отдѣлѣ главы „Такъ называемое первоначальное накопленіе“ Марксъ показываетъ, какъ распущеніе придворныхъ свитъ и экспропріація сельскаго населенія въ

концѣ среднихъ вѣковъ подготовили для нарождающейся минуфактуры одновременно „свободныя“ рабочія силы и рынокъ. „Экспропріація и изгнаніе части сельскаго населенія освобождают для промышленнаго капитала вмѣстѣ съ рабочими не только ихъ средства существованія и рабочій матеріалъ, но создаютъ также внутренній рынокъ“ *). Немного дальше Марксъ показываетъ, какъ міровой рынокъ создаетъ промышленнаго капиталиста.

„Безъ сомнѣнія,—пишетъ онъ въ главѣ: „Возникновеніе промышленнаго капиталиста“—нѣкоторые мелкіе цеховые мастера и еще больше самостоятельные мелкіе ремесленники или даже наемные работники, обращались въ мелкихъ капиталистовъ sans phrase... между тѣмъ черепашій ходъ этого способа вовсе не соотвѣтствовалъ торговымъ потребностямъ новаго мірового рынка, который былъ созданъ великими открытіями конца XV вѣка“ **). Какимъ образомъ торговый и ростовщическій капиталъ сталъ промышленнымъ капиталомъ, какимъ образомъ колоніальная система, система государственныхъ долговъ и система протекціонизма содѣйствовали этому процессу,—это читатель долженъ прочитать самъ у Маркса, такъ какъ мы не можемъ здѣсь этого излагать ***).

Но машина не только увеличила въ громадной степени производительность труда, она также совершенно измѣнила взаимныя отношенія отдѣльныхъ факторовъ производствен-

*) Капиталъ I. стр. 654.

**) Тамъ же стр. 655, 656.

***) Изъ изложеннаго выше можно видѣть, какъ справедливо Брентано въ своемъ произведеніи: „О причинахъ соціальной нужды“ говоритъ о Марксѣ: „Характерно и поразительно, что Марксъ не замѣтилъ этой зависимости современной (!) промышленности отъ мірового рынка“ (17). Возводимый въ дальнѣйшемъ противъ Маркса упрекъ, будто послѣдній переворачиваетъ причинное отношеніе между двумя факторами, когда онъ говоритъ: „Крупная промышленность создала міровой рынокъ“, тогда какъ справедливо обратное утвержденіе—этотъ упрекъ относится въ лучшемъ случаѣ лишь къ абсолютной формѣ утвержденія, такъ какъ причинная связь здѣсь состоитъ въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Ср. мѣсто въ III т. Капитала, I. часть, глава 14, гдѣ Марксъ говоритъ, что развитіе торговли, которое вначалѣ было основаніемъ капиталистическаго способа производства, впослѣдствіи стало его продуктомъ (III Bd. I Teil, P. 218).

наго процесса, и это обстоятельство послужило немаловажнымъ основаніемъ для ея введенія. Въ мануфактурѣ личность рабочаго, его индивидуальное искусство еще играло рѣшающую роль. Рабочіе—порознь или въ группахъ—выполняютъ спеціальныя операціи своими ручными орудіями. „Если рабочій присваивается процессомъ, то предварительно процессъ приспособляется къ рабочему“ *). Въ механическомъ производствѣ этотъ человѣческій элементъ въ раздѣленіи труда отсутствуетъ; процессъ труда, а вмѣстѣ съ нимъ и субъективный факторъ его—рабочій—приспособляется къ объективному фактору—машинѣ,—или къ технологическому организму, представляемому современной фабрикой. Въ то время какъ до сихъ поръ рабочій пользовался орудіемъ, теперь имъ пользуется рабочій инструментъ или техническій аппаратъ. Не онъ, а автоматическіе, движимые силою природы моторы заставляютъ его дѣйствовать, и онъ долженъ въ своей работѣ подчиняться ихъ движенію. Гибкость и проворство все болѣе и болѣе вытѣсняютъ искусство и мускульную силу ремесленника. Чѣмъ болѣе совершенствуется машина тѣмъ однообразнѣе становятся дѣйствія находящагося при машинѣ рабочаго, такъ что въ концѣ концовъ онъ болѣе походитъ на часть машины, чѣмъ на существо, одаренное волею и разумомъ.

Соотвѣтственно этому, вмѣстѣ съ введеніемъ машинъ въ производство, измѣняется его субъективный факторъ. Гдѣ машина дѣлаетъ лишней мускульную силу, вводится трудъ дѣтей и женщинъ рядомъ съ трудомъ взрослыхъ мужчинъ или совершенно становится на мѣсто послѣдняго. „Трудъ женщинъ и дѣтей былъ первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ“ **). Съ какимъ безстыдствомъ совершалась эксплуотація дѣтей въ современной крупной промышленности, съ какой жадностью капиталъ овладѣвалъ дѣтьми пролетаріевъ и высасывалъ изъ нихъ жизненные соки, чтобы обращать ихъ въ прибавочную стоимость, разсказываютъ отчеты фабричныхъ и санитарныхъ инспекторовъ промышленныхъ округовъ. Сотни и тысячи дѣтей гибли

---

*) Capital I, 395.

**) Capital pag. 411.

подъ бременемъ непосильной работы; зло достигло такихъ размѣровъ, что законодательство должно было въ концѣ концовъ вмѣшаться, несмотря на рѣзкое сопротивленіе со стороны фабрикантовъ. Въ настоящее время въ большинствѣ промышленныхъ странъ законодательство установило предѣльный возрастъ, конечно, по большей части недостаточный, ниже котораго работа на фабрикахъ запрещена; точно также рабочій день несовершеннолѣтнихъ рабочихъ сокращенъ. Но фабраканты пользуются каждымъ пропускомъ въ законѣ, чтобы сохранить для себя работу дѣтей.

Работа женщинъ также обставлена всевозможными ограниченіями, что однако не мѣшаетъ постоянному расширенію примѣненія на фабрикахъ женскаго труда. Многія отрасли промышленности пользуются только женскимъ трудомъ, во многихъ—женщины-работницы составляютъ большинство, въ другихъ—значительное меньшинство; наконецъ, все новыя и новыя производства вводятъ трудъ женщинъ.

Но и работа мужчинъ на современныхъ фабрикахъ имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ въ ремесленномъ и мануфактурномъ производствѣ. Роль обученныхъ рабочихъ значительно сократилась по сравненію съ ролью необученныхъ. Даже болѣе, это раздѣленіе, игравшее такую большую роль въ мануфактурномъ производствѣ и поэтому въ классической политической экономіи, теряетъ въ современной промышленности часто всякое практическое значеніе, такъ что совсѣмъ нерѣдко случается, что необученные, но также не разрушенные механическимъ производствомъ рабочіе, цѣнятся выше, чѣмъ „обученные". И каждый новый прогрессъ техники, каждое новое усовершенствованіе въ машинахъ давитъ на высшіе роды труда и низводитъ новыя категоріи его на уровень простого неквалифицированнаго труда *). Въ то время какъ введеніе новыхъ машинъ и усо-

---

*) Хотя вышеизложенный законъ представляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ тенденцій капиталистическаго производства, онъ не можетъ быть сохраненъ въ той абсолютной формѣ, которая ему придана. На высшей ступени машины или иного рода усовершенствованія дѣлаютъ *излишнимъ т. наз. неквалифицированный трудъ* и создаютъ или обусловливаютъ новый механическій трудъ *высшаго рода.* Уходъ за машиной также представляетъ часто очень квалифицированный трудъ. Рядомъ съ

вершенствованій при мануфактурномъ производствѣ встрѣчалось съ сопротивленіемъ рабочихъ, и завѣщанныя ремесломъ традиціи являлись сильнымъ препятствіемъ техническому прогрессу, благодаря чему производственный процессъ, какъ въ техническомъ такъ и въ экономическомъ отношеніи въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ и даже десятилѣтій оставался качественно неизмѣннымъ, даже въ томъ случаѣ, когда производство количественно возростало, характернымъ признакомъ машиннаго производства служитъ постоянное измѣненіе, революція. Измѣненія въ машинахъ совершаются чрезъ короткіе промежутки времени; едва введены новыя машины, какъ они уже устарѣли, и часто единственнымъ препятствіемъ техническому прогрессу является не сопротивленіе рабочихъ, но, наоборотъ, ихъ неспособность къ сопротивленію. Это зналъ уже Рикардо: „Машины и трудъ“, пишетъ онъ въ главѣ о машинахъ, „находятся между собой въ конкурренціонной борьбѣ и часто машина не можетъ быть введена до тѣхъ поръ, пока не подымется трудъ (т. е. заработная плата)“.

Въ мануфактурѣ отношеніе части капитала, вложенной въ орудія труда, сырой матеріалъ, къ той его части, которая вложена въ заработную плату приблизительно постоянное. Оно измѣняется обыкновенно лишь въ случаѣ измѣненія цѣны одного изъ этихъ факторовъ и пропорціонально этому измѣненію. Если напримѣръ заработная плата поднялась на 10%, то это отношеніе—предположивъ, что оно раньше было $x : y$—теперь будетъ $x : \frac{11}{10} y$. Это увеличеніе могло совершаться лишь за счетъ цѣны продукта или предпринимательской прибыли.

машинами, требующими одной внимательности и смазки, есть и такія, которыя требуютъ значительной силы, упражненія, ловкости. Поэтому, именно, въ наиболѣе усовершенствованныхъ фабрикахъ мы встрѣчаемся часто съ *очень дифференцированной іерархіей труда*. Отдѣльная личность, правда, отступаетъ все больше и больше на задній планъ по сравненію съ цѣлымъ предпріятіемъ, но человѣческій элементъ сохраняетъ и въ крупной промышленности свое значеніе. Это, а также и то обстоятельство, что въ большинствѣ добывающихъ производствъ производительность возростаетъ очень медленно, измѣняетъ сказанное въ текстѣ, хотя и не колеблетъ основного различія между трудомъ на мануфактурахъ и въ крупной промышленности. Объ этомъ больше въ добавленіи.

Иначе дѣло обстоитъ въ машинномъ производствѣ или въ революціонизированномъ имъ обществѣ. Здѣсь отношеніе между той частью капитала, которая затрачена на средства производства, и той, которая затрачивается на покупку рабочей силы, постоянно періодически колеблется. Даже при неизмѣнной цѣнѣ индивидуальной рабочей силы и всѣхъ относящихся сюда продуктовъ это отношеніе постоянно мѣняется и, именно, такъ, что *y*, т. е. постоянный, функціонирующій какъ средства производства, капиталъ, становится все больше по сравненію съ *x*, т. е. той частью капитала, которая затрачена на покупку рабочей силы. Въ процессѣ измѣненія находится не только технологическое основаніе производства—сберегающая трудъ машина,—но весь процессъ труда. Каждое увеличеніе цѣны человѣческой силы уравнивается въ сравнительно короткое время новыми методами труда, дозволяющими болѣе интенсивную эксплуотацію промышленныхъ рабочихъ повышеніемъ производительности человѣческаго труда и одновременнымъ образованіемъ избыточныхъ рабочихъ *). Между тѣмъ сама человѣческая сила уже не та, какой она была въ мануфактурный періодъ. Она освобождается отъ ремесла и его шаблоновъ. Она становится эластичной силой. Гдѣ вчера былъ взрослый, семейный мужчина, тамъ теперь находится несовершеннолѣтняя дѣвушка; мѣсто обученнаго, искуснаго ремесленника занимается теперь простой рабочей силой. Чѣмъ больше вводится „сберегающая трудъ“ машина и методы, тѣмъ болѣе возростаетъ — относительно и абсолютно — находящихся въ распоряженіи производства рабочихъ силъ.

Если при такихъ обстоятельствахъ, даже по отношенію къ отдѣльному предпринимателю, можно говорить только съ большими ограниченіями о фондѣ заработной платы, какъ о точно опредѣленной части промышленнаго капитала, то въ примѣненіи ко всему обществу это слово или понятіе теряетъ всякое уловимое значеніе. Отдѣльный предприниматель можетъ и долженъ по крайней мѣрѣ приблизительно разсчитать размѣръ той части капитала, которую при существующихъ обстоятельствахъ онъ долженъ будетъ выдать въ формѣ

*) Объ измѣненіи этой мысли см. дополненіе.

заработной платы. Но вопросъ, можетъ ли онъ затратить эту сумму, рѣшается для него не величиной его кошелька, но предпологаемымъ *доходомъ* предпріятія. Величина кошелька рѣшаетъ лишь вопросъ, можетъ ли онъ начать и вести *все предпріятіе*.

Мы придемъ къ тому же результату, если будемъ изслѣдовать теорію фонда заработной платы въ томъ болѣе широкомъ ея смыслѣ, который ей придали Рикардо и Джонъ Стюартъ Милль. Какъ видно изъ цитированнаго выше предложенія, Милль исходитъ изъ представленія объ обществѣ, какъ цѣломъ. Существуетъ, по Миллю, общественный фондъ заработной платы, опредѣляемый или, какъ часть оборотнаго капитала, „назначеннаго на непосредственную покупку рабочей силы“, включая также „всѣ фонды, которые, не представляя части промышленнаго капитала, уплачиваются въ обмѣнъ за работу, какъ напр., плата солдатамъ, домашней прислугѣ и всѣмъ другимъ непроизводительнымъ рабочимъ.“ Этотъ общественный фондъ заработной платы разсматривается или, какъ данная величина, которую должны раздѣлить между собой рабочіе, и къ которой—если они хотятъ хорошо жить—они должны приспособлять свое число. Это обобщеніе, къ которому Милля привело его прямо слѣпое преклоненіе передъ теоріей Мальтуса, еще ухудшаетъ старую теорію фонда заработной платы, вмѣсто того, чтобы ее улучшить.

При современныхъ производственныхъ отношеніяхъ нѣтъ ни малѣйшей возможности конструировать для всего общества фондъ „заработной платы“, какъ опредѣленную или ограниченную часть общественнаго капитала. Да и самъ этотъ капиталъ представляетъ книгу за семью печатями. Граница его матеріальныхъ размѣровъ еще можетъ быть приблизительно опредѣлена; что касается его потенціальной силы, которая — при постоянномъ потокѣ производства и проникающей всѣ его развѣтвленія *кредитной системы*— имѣетъ главное значеніе, она при господствѣ современной анархіи производства ускользаетъ отъ какого-бы то ни было контроля. „Классическая политическая экономія“, пишетъ Марксъ, „любитъ выражаться объ общественномъ капиталѣ,

какъ о напередъ постоянной величинѣ съ постоянной силой“ *). Какъ мы видѣли, это пониманіе соотвѣтствовало мануфактурному способу производства; по крайней мѣрѣ тамъ оно было естественно. Но оно не имѣетъ абсолютно никакого смысла въ періодъ крупной промышленности. Общественный капиталъ—даже если мы не будемъ обращать вниманія на накопленіе—находится въ процессѣ постояннаго измѣненія, и его силы безграничны. Даже въ періоды такъ называемаго процвѣтанія эти силы получаютъ не полное развитіе. Промышленной резервной арміи капитала соотвѣтствуетъ постоянно возрастающій свободный капиталъ, избытокъ вещественныхъ производительныхъ силъ. „Какъ только созданы соотвѣтствующія крупной промышленности общія условія производства, эта форма хозяйства обнаруживаетъ эластичность, способность внезапнаго расширенія, границы которой опредѣляются лишь сырымъ матеріаломъ и рынкомъ сбыта... Необыкновенная способность фабричнаго производства къ быстрому расширенію и его зависимость отъ мірового рынка создаютъ необходимо лихорадочное производство и слѣдующее за нимъ переполненіе рынковъ и застой въ дѣлахъ... Если исключить періоды процвѣтанія, то между капиталистами происходитъ ожесточенная борьба изъ-за рынковъ“ **). Не подобныя ли мѣста „Капитала“ вызвали у Брентано замѣчаніе, что теорія Маркса „совершенно упускаетъ изъ виду вліяніе на хозяйственную жизнь недостаточнаго потребленія“ и что Марксъ совершенно игнорируетъ „вліяніе относительнаго упадка или недостаточнаго спроса“?

Что касаетсся „недостаточнаго потребленія“, то онъ вполнѣ правъ. Выражаясь языкомъ цеховыхъ ученыхъ, онъ сталъ критическимъ пунктомъ въ морфологіи современной промышленности. Болѣзнь вѣка—ожирѣніе—сдѣлалась и ея болѣзнью; источникомъ ея страданій является не недостатокъ, а избытокъ общественныхъ богатствъ. Она взываетъ къ медицинскому искусству, которое бы время отъ времени освобождало ее безболѣзненно отъ избытка жира и надѣется на благодѣтельное вліяніе картелей, рекомендуемыхъ ей

*) Capital pag. 634.

**) Das Capital I, 473—475.

Швеннигерами политической экономіи, какъ универсальное средство. Мы же подождемъ и посмотримъ, какъ хорошо поможетъ это средство. Пока же въ этихъ крикахъ о „недостаточномъ потребленіи" и о необходимости картелей мы видимъ лишь признаніе того, что современное общество знаетъ пока еще одинъ предѣлъ для расширенія своихъ производительныхъ органовъ и, слѣд.,—„фонда заработной платы"—это интересъ капиталистовъ. Капиталистическая организація и управленіе производствомъ, монополія на средства производства въ рукахъ капиталистовъ, зависимость рабочаго отъ законовъ міроваго рынка—вотъ настоящій секретъ, единственное реальное основаніе знаменитой теоріи фонда заработной платы.

V.

Крупная промышленность и теорія народонаселенія.

Сказанное о теоріи фонда заработной платы можно повторить въ примѣненіи къ закону народонаселенія Мальтуса. Онъ возникъ на почвѣ способа производства, который хотя уже разрушилъ средневѣковый цеховой строй, однако удержалъ еще многочисленные элементы ремесла, т. е. на почвѣ мануфактурнаго производства. Средніе вѣка имѣли также свои законы народонаселенія, но эти законы носили мѣстный, а не національный характеръ, и извѣстно, какъ обыкновенно разрѣшалъ вопросъ о народонаселеніи цеховой союзъ. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ дорогъ и постепенной отмѣной постановленій, стѣснявшихъ торговлю и сношенія, мѣстные вопросы о народонаселеніи потеряли всякое значеніе, но предразсудокъ не исчезъ. Онъ остался подъ формой всеобщаго закона народонаселенія; а отсталость земледѣлія, которое хотя мѣстами и приняло капиталистическую форму, но въ общемъ носило характеръ крестьянской обработки; далѣе, несовершенство средствъ сообщенія, которыя не допускали еще передвиженія въ широкихъ размѣрахъ,—еще болѣе способствовали его распространенію въ XVIII столѣтіи. Но съ тѣхъ поръ какъ желѣзныя дороги и пароходы до такой степени побѣдили разстояніе, что доставка пище-

ницы изъ Калифорніи въ Берлинъ или Франкфуртъ требуетъ теперь менѣе времени, чѣмъ прежде доставка того же груза изъ одного изъ названныхъ городовъ въ другой; съ тѣхъ поръ какъ примѣненіе современной техники и прогрессъ сельскохозяйственной науки—въ особенности сельскохозяйственной химіи—революціонизировали все сельское хозяйство и перевернули всѣ старыя понятія о естественной границѣ плодородія земли *)—съ тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о законѣ народонаселенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимала классическая политическая экономія. Для нея нѣтъ теперь ни малѣйшаго матеріальнаго основанія. Если же, несмотря на это, такъ называемая реалистически-историческая школа національной экономіи въ Германіи придерживается ученія Мальтуса, конечно, не въ его первоначальной рѣзкой формулировкѣ, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что ея экономическія изслѣдованія—оставляя въ сторонѣ всѣ ихъ остальныя качества—слишкомъ благовоспитаны въ буржуазномъ духѣ, чтобы идти дальше „вчерашняго дня". Въ этомъ—замѣтимъ въ скобкахъ—и заключается секретъ ихъ превосходства надъ классической политической экономіей. Теперь очень легко умно разсуждать объ абстракціяхъ классической политической экономіи и въ то же время, съ одной стороны, все еще придерживаться выросшаго на почвѣ мануфактурнаго производства ученія, по которому „люди имѣютъ тенденцію размножаться скорѣй, чѣмъ масса средствъ питанія", съ другой стороны, выставлять въ качествѣ рѣшающаго фактора въ „морфологіи промышленности" вліяніе относительнаго упадка или недостаточнаго спроса"; это—все что угодно, только не исторично **).

*) Принципіально я придерживаюсь и теперь мысли, высказанной въ этой фразѣ, поскольку она говоритъ о томъ, что постоянно открываются новые методы, посредствомъ которыхъ земля и остальной неорганическій міръ даетъ больше средствъ питанія и наслажденія. То, что практика медленно слѣдуетъ за теоріей—это ужъ другое дѣло.

**) Несправедливость исторической школы по отношенію къ классической политической экономіи послѣ того какъ приведенное выше было уже написано, хорошо выяснена въ произведеніи д-ра Р. Шиллера (R. Schüller, „Die classische Nationalökonomie und ihre Gegner", Berlin 1895). Ср. также работу того же автора: „Die Wirtschaftspolitik der historischen Schule". Что касается спеціально Мальтуса, то относительно него можно

Правда, что „относительный упадокъ“ — это горе современной промышленности, а также и сельскаго хозяйства, если вообще еще имѣетъ смыслъ принципіально отдѣлять промышленность и сельское хозяйство, какъ двѣ отрасли производства. На свѣтѣ существуетъ „не слишкомъ много людей“, но „слишкомъ много“ жизненныхъ средствъ и предметовъ наслажденія, *товаровъ*. Мы живемъ въ эпоху хроническаго перепроизводства и не только такого, которое вытекаетъ изъ малаго потребленія массъ. Послѣдняго никто не будетъ отрицать, но, во-первыхъ, малое потребленіе массъ существовало еще тогда, когда о кризисахъ ничего не было извѣстно, во-вторыхъ, если бы дѣйствительно единственной причиной перепроизводства была недостаточная покупательная сила массъ, какъ иногда говорится, то оставался бы необъясненнымъ тотъ фактъ, что кризисамъ — этимъ явнымъ проявленіямъ перепроизводства предшествуютъ всегда періоды, когда „заработная плата возрастаетъ и рабочій классъ получаетъ большую, чѣмъ обыкновенно, долю назначенной для потребителей части годового продукта *). Въ эти періоды „усиливается потребленіе необходимыхъ средствъ существованія; рабочій классъ (въ который теперь включается и резервная армія) принимаетъ временное участіе въ потребленіи предметовъ роскоши, обыкновенно ему недоступныхъ, и кромѣ того тѣхъ предметовъ, которые въ обычное время представляютъ предметы „необходимаго“ потребленія лишь для класса капиталистовъ, — и тѣмъ не менѣе именно въ это время начинается перепроизводство, даже болѣе — усиленное перепроизводство, которое ведетъ

сказать, измѣняя извѣстное выраженіе, qu'il n'était pas malthusien. Онъ такъ настойчиво указывалъ на условность своихъ утвержденій, ихъ зависимость отъ особыхъ хозяйственныхъ отношеній, что его ученіе — въ томъ видѣ, въ которомъ онъ его изложилъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей книги — принципіально уже включаетъ въ себя утвержденіе Маркса, что каждая производственная эпоха имѣетъ свои собственные законы народонаселенія — во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ ему. Даже больше, у Маркса и Энгельса часто встрѣчаются сильные отзвуки Мальтуса и даже старой формулы желѣзнаго закона зар. платы. Ср. напр. Marx Capital III Bd. p. 199 и Энгельсъ Zur Wohnungsfrage, 2 Aufl. pag 35.

*) Das Capital II Bd. pag. 406.

къ временному потрясенію всего буржуазнаго хозяйства со всѣмъ его великолѣпіемъ.

Если при такихъ обстоятельствахъ и можно говорить о законѣ народонаселенія, то ясно, что этотъ законъ долженъ совершенно отличаться отъ ученія Мальтуса, а не только отъ его первоначальной формы, которой свойственны были нѣкоторыя преувеличенія и неправильности, какъ думаетъ Брентано *). Гдѣ всѣ предпосылки находятся въ явномъ противорѣчіи съ фактами, тамъ не помогутъ никакія исправленія: необходимо открыто заявить, что теорія, если она и была въ свое время правильной, никуда не годится въ эпоху, когда всѣ предприниматели, какъ въ области индустріи, такъ и земледѣлія, постоянно жалуются на то, что продукты—совершенно обратно ученію Мальтуса—имѣютъ тенденцію размножаться быстрѣй чѣмъ спросъ, чѣмъ спрашивающіе *люди*; въ эпоху, когда предприниматели всѣми силами стараются обязать другъ друга придерживаться „мудрой предусмотрительности и воздержанности—этой панацеи всѣхъ мальтузіанцевъ — въ производствѣ *потребительныхъ цѣнностей*.

Конечно, современное крупно-капиталистическое хозяйство имѣетъ свой законъ народонаселенія, соотвѣтственно указанію Маркса на то, что каждый особый способъ производства имѣетъ свои особые законы населенія, правильные лишь для этой исторической эпохи“ **). А послѣ всего выше изложеннаго, откуда видна тѣсная связь между вопросомъ заработной платы и вопросомъ народонаселенія, станетъ яснымъ также, что каждый особый историческій способъ производства имѣетъ также свои *законы заработной платы*, правильные только для этой эпохи. Законы, регулирующіе теперь заработную плату, не могутъ быть тѣми же, какъ за 100 или 150 лѣтъ, если только не считать законами политической экономіи общія банальныя истины и если не выводить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, изъ факта, что $1 \times 1 = 1$ или $1 - 1 = 0$, заключенія, что спросъ и предложеніе и минимумъ

*) Brentano: „Die Arbeitergilden der Gegenwart“. II Bd. 170. Это утвержденіе нужно исправить, соотвѣтственно предшествующему примѣчанію.

**) Das Capital I, 656.

средствъ существованія опредѣляютъ теперь заработную плату точно такъ же, какъ за 100 или 150 лѣтъ. Все это было бы прекрасно, если бы спросъ и предложеніе теперь не имѣли совершенно иного вида, чѣмъ за 100 лѣтъ и если бы знаменитый минимумъ средствъ существованія не представлялъ такой растяжимой вещи!

Въ 23-й главѣ „Капитала“, названной: „Всеобщій законъ накопленія“, Марксъ изложилъ обстоятельства, опредѣляющія, подъ вліяніемъ современнаго капиталистическаго производства и при его постоянномъ развитіи, спросъ и предложеніе особаго „товара“—рабочей силы; и я опять долженъ отослать читателя къ изученію въ оригиналѣ этой главы, которая является наиболѣе важной главой всей книги, и въ которой Марксъ впередъ опровергъ девять десятыхъ своихъ критиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только полное незнакомство съ этой главой, можетъ объяснить разсужденія о законѣ заработной платы Рикардо и Маркса или Маркса и Лассаля; только этимъ незнакомствомъ объясняется слѣдующее утвержденіе Брентано: „Марксъ, подобно Родбертусу училъ одинаково (!), что въ рамкахъ капиталистическаго производства заработная плата необходимо ограничивается нужными для существованія и размноженія средствами существованія“. Уже одного взгляда на заглавія подраздѣленій названной главы достаточно, чтобы убѣдиться, что Марксъ изслѣдуетъ вопросъ съ такой точки зрѣнія, которая не приходила въ голову ни одному изъ его предшественниковъ или современниковъ *).

„Возростающій спросъ на рабочую силу при накопленіи и при неизмѣнномъ органическомъ составѣ капитала“—таково названіе первой части. Здѣсь изслѣдуется наиболѣе благопріятный для рабочихъ случай роста капитала. Если составъ капитала остается неизмѣннымъ, т. е. если опредѣленная масса средствъ производства требуетъ одно и то же

*) Болѣе полное знакомство съ экономической литературой принуждаетъ меня ограничить приведенное выше утвержденіе. Марксъ превосходитъ своихъ предшественниковъ систематичностью и глубиной анализа, но самой проблемой занимались уже до него многіе авторы. Болѣе подробно объ этомъ въ дополненіи.

количество рабочей силы, то ростъ капитала означаетъ одновременный ростъ спроса на трудъ. Рабочіе получаютъ возможность завоевать лучшія условія жизни, привыкнуть къ новымъ потребностямъ, или, выражаясь другими словами, большая, чѣмъ до сихъ поръ часть прибавочнаго продукта, попадаетъ въ руки рабочихъ въ формѣ платежныхъ средствъ. Однако, это идиллическое состояніе имѣетъ свои границы. Уменьшеніе количества неоплаченнаго труда, отдаваемаго рабочимъ капиталисту, „никогда не можетъ идти дальше того пункта, за которымъ оно серьезно угрожало бы капиталистическому характеру процесса производства". Если цѣна рабочей силы подымается на столько, что начинаетъ угрожать прибыли, то накопленіе пріостанавливается. Спросъ на рабочихъ уменьшается и цѣна труда—заработная плата—„снова опускается до уровня, соотвѣтствующаго потребности капитала въ реализаціи". (Марксъ). Этотъ уровень не долженъ быть обязательно низшимъ въ физическомъ смыслѣ, хотя онъ къ нему можетъ очень приближаться; онъ можетъ быть даже выше первоначальнаго уровня, такъ какъ при возростаніи капитала, несмотря на уменьшающуюся относительно прибавочную стоимость, ея масса можетъ увеличиваться *). Такъ какъ въ томъ случаѣ, когда накопленіе совершается быстро, спросъ на рабочихъ обыкновенно ростетъ, а когда оно уменьшается или останавливается, спросъ на рабочихъ падаетъ, то политическая экономія, преклоняющаяся передъ Мальтусомъ, выводитъ отсюда заключеніе, что въ первомъ случаѣ существовало бы слишкомъ мало рабочихъ,

*) Приведемъ примѣръ для иллюстраціи. Предприниматель даетъ занятіе 100 рабочимъ при заработной платѣ въ 3 марки въ день и при относительной прибавочной стоимости въ 100%, т. е. тоже въ 3 марки. Его капиталъ растетъ и требуетъ теперь уже 150 рабочихъ. Между тѣмъ вмѣстѣ съ ростомъ спроса на рабочихъ заработная плата увеличилась настолько, что она серьезно начинаетъ угрожать накопленію капитала. Спросъ падаетъ и капиталистъ принужденъ все-таки давать рабочимъ большую заработную плату, чѣмъ раньше. Если онъ повышаетъ заработную плату до 3 м. 50 пфен., такъ что относительная прибавочная стоимость равняется $2{,}50 : 3{,}50 = 71{,}4\%$ то при тѣхъ же условіяхъ масса прибавочной стоимости повысится съ $100 \times 3 = 300$ марокъ до 150×2 марки 50 пф. $= 375$ марокъ, тогда какъ заработная плата осталась выше прежняго уровня.

а во второмъ—слишкомъ много ихъ и она даетъ наемнымъ рабочимъ мудрый совѣтъ „при помощи умныхъ и предусмотрительныхъ мѣръ урегулировать свое размноженіе такъ, чтобы количество ихъ соотвѣтствовало потребностямъ капитала *). Тогда долженъ водвориться на землѣ миръ и благоволѣніе.

Читатель, конечно, замѣтилъ, что альтернатива, развитая выше, лежитъ въ основаніи „желѣзнаго закона заработной платы, и онъ пойметъ теперь, почему буржуазные филистеры не видятъ въ немъ ничего „ужаснаго", ничего особенно худого. Жаль только, что этотъ законъ, имѣвшій въ эпоху классической политической экономіи хотя относительное значеніе, съ тѣхъ поръ уже потерялъ всякій смыслъ, благодаря дальнѣйшему развитію капиталистическаго способа производства.

Для Адама Смита является аксіомой то положеніе, что вмѣстѣ съ ростомъ капитала въ томъ же отношеніи возростаетъ спросъ на рабочихъ. Рикардо также въ общемъ придерживается этого предположенія. Лишь въ упомянутой выше добавочной главѣ къ третьему изданію своего сочиненія онъ признаетъ, что спросъ на рабочихъ благодаря введенію машинъ часто возростаетъ „въ уменьшающейся пропорціи" и что „мнѣніе рабочихъ, будто примѣненіе машинъ часто противно ихъ интересамъ, покоится не на предразсудкѣ и заблужденіи (какой еретикъ!) и вполнѣ согласно съ правильными принципами политической экономіи! **) Однако его примѣры носятъ чисто гипотетическій характеръ и не опираются на исчерпывающій анализъ процесса капиталистическаго производства.

Относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала въ дальнѣйшемъ процессѣ накопленія и сопутствующей концентраціи,—таково названіе слѣдующей части названнаго выше изслѣдованія Маркса. Здѣсь авторъ доказываетъ, что вмѣстѣ съ ростомъ капитала совершается переворотъ въ его

*) Конечно, сказанное не относится къ дружественно расположеннымъ и соціалистически настроеннымъ мальтузіанцамъ, какъ Милль и др., для которыхъ ограниченіе числа рабочихъ является средствомъ, для улучшенія положенія рабочихъ.

**) Principles etc., 239.

органическомъ строеніи, какъ Марксъ называетъ отношеніе между постояннымъ капиталомъ, вложеннымъ въ средства производства, и перемѣннымъ, затраченнымъ на покупку рабочей силы. Конкурренціонная борьба предпринимателей ведется посредствомъ удешевленія товаровъ, а послѣднее зависитъ при остальныхъ неизмѣнныхъ условіяхъ отъ производительности труда. Но послѣдняя увеличивается усовершенствованіемъ машинъ; требуются большія затраты на постройки, машины и т. под., наоборотъ человѣческая сила становится въ томъ же отношеніи избыточной. „Постоянно возростающая часть капитала превращается въ средства производства, постоянно уменьшающаяся—въ рабочую силу".

Этотъ процессъ ускоряется вмѣстѣ съ ростущей концентраціей. Періоды спокойствія, въ теченіе которыхъ ростъ капитала и вмѣстѣ съ нимъ и ростъ предпріятій представляетъ простое расширеніе производства на старомъ техническомъ основаніи—эти періоды все сокращаются. Все большее число рабочихъ становится излишнимъ — „освобождается". Рабочія силы, привлеченнныя сегодня ростомъ капитала, завтра снова выбрасываются. Такъ какъ этотъ процессъ совершается не одновременно и не равномѣрно въ различныхъ отрасляхъ промышленности, то значительное количество рабочихъ притягивается то одной изъ нихъ, то другой, а такъ какъ онъ совершается вездѣ, гдѣ есть крупная промышленность, то освобожденіе избыточныхъ рабочихъ происходитъ постоянно *), и эти выброшенные на поверхность производства рабочіе образуютъ постоянную резервную армію рабочихъ, находящуюся въ каждый моментъ въ распоряженіи капитала. Здѣсь не имѣетъ мѣста перенаселеніе по отношенію къ существующимъ средствамъ производства и существованія, но лишь перенаселеніе по отношенію къ временной потребности капитала въ реализаціи. Но эта послѣдняя представляетъ очень растяжимую величину. Сегодня еще можетъ случиться, что всѣ рабочіе заняты и даже чувствуется нѣкоторый недостатокъ въ рабочихъ силахъ, но завтра потребность капитала внезапно сокращается, и тысячи рабочихъ выбрасываются на мостовую, такъ что государство и обще-

*) Созданіе совершенно новыхъ отраслей промышленности, производящихъ машины, замедляетъ процессъ, но не уничтожаетъ его.

ство волей неволей должны прійти на помощь, чтобы предотвратить голодъ или что-нибудь еще худшее. Въ такіе моменты буржуа говоритъ о перенаселеніи и жалуется на то, что людей слишкомъ много на свѣтѣ. Но кого слишкомъ много? Раньше—Шульце или чиновниковъ Мейеровъ? О нѣтъ, это—все очень полезные сограждане, потому что своимъ потребленіемъ они поддерживаютъ производство. Излишними оказываются тѣ, кто долженъ лишь потреблять въ процессѣ производства, кто потребляетъ производительно—*рабочіе*.

Это перенаселеніе представляетъ необходимый *продуктъ* капиталистическаго производства не только, какъ слѣдствіе, но и какъ *цѣль*. Современное производство нуждается въ этомъ перенаселеніи, оно должно имѣть на рынкѣ въ своемъ распоряженіи любое количество рабочихъ для того, чтобы капиталъ имѣлъ возможность свободно дѣйствовать; развивать свободно свою благодѣтельную дѣятельность. И это перенаселеніе всегда существуетъ, хотя и не всегда въ одинаковыхъ размѣрахъ; но филистеръ его не всегда замѣчаетъ, даже болѣе, онъ кричитъ о недостаткѣ рабочихъ, если при цвѣтущемъ состояніи дѣлъ перенаселеніе относительно понижается. Капиталъ нуждается въ немъ, чтобы имѣть возможность расширить производство въ любомъ размѣрѣ въ каждый данный моментъ; онъ нуждается въ немъ, далѣе, для того, чтобы удерживать заработную плату занятыхъ рабочихъ на уровнѣ, соотвѣтствующемъ его потребности въ реализаціи. Это перенаселеніе, по терминологіи Маркса, образуетъ *„промышленную резервную армію капитала“* *).

---

*) За послѣднее время появилось возраженіе на то, будто капиталистическое производство изъ самого себя создаетъ промышленную резервную армію. По этому мнѣнію, промышленность при господствѣ капитализма даетъ пристанище все большему количеству рабочихъ. Явленіе же „резервной арміи“ представляетъ слѣдствіе завѣщанной эпохой феодализма крупной земельной собственности и соотвѣтствующаго поземельнаго права, которое влечетъ за собой обезлюденіе деревень и постоянный притокъ въ городѣ худо оплачиваемыхъ членовъ земледѣльческаго населенія (рабочихъ, мелкихъ крестьянъ, ихъ сыновей и т. под.) Эта теорія, защищаемая съ особенной настойчивостью д-ромъ Францемъ Оппенгеймеромъ) (Frans Oppenhemier: „Grossgrundeigentum und Sociale Frage“. Berlin 1898) не можетъ быть оставлена безъ вниманія уже по-

„Желѣзный законъ заработной платы“ предполагаетъ, что когда заработная плата, благодаря недостаточному предложенію рабочихъ, поднимается надъ необходимыми средствами существованія, то браки рабочихъ умножаются и рабочее населеніе увеличивается быстрѣе обыкновеннаго, такъ что черезъ извѣстный промежутокъ времени образуется усиленное предложеніе рабочихъ силъ и заработная плата опять понижается. Если даже не обращать вниманія на остальныя ошибки этого закона, то онъ предполагаетъ такой способъ производства, періоды развитія котораго совпадаютъ съ вре-

тому, что на самомъ дѣлѣ въ странахъ съ развитой промышленностью наблюдается частью относительное, частью же абсолютное (тамъ гдѣ преобладаетъ крупная земельная собственность) уменьшеніе сельскаго населенія и, наоборотъ, постоянный приростъ промышленныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, это утвержденіе, какъ кажется на первый взглядъ, подтверждается данными опыта, тогда какъ у Маркса несомнѣнно въ эмпирическомъ матеріалѣ чувствуется большой недостатокъ. Однако, Оппенгеймеръ забываетъ два обстоятельства. Во-первыхъ, то, что приростъ промышленнаго населенія въ указанныхъ странахъ покоится до извѣстнаго момента въ развитіи въ значительной степени на *отдѣленіи* промышленности отъ сельскаго хозяйства, съ которымъ она находится въ связи съ древнихъ временъ, и слѣд., на *географическомъ передвиженіи, т. е. на сокращеніи промышленныхъ рабочихъ въ деревняхъ и въ отсталыхъ, въ хозяйственномъ отношеніи, странахъ.* Поэтому развитіе отдѣльныхъ странъ не даетъ правильной картины дѣйствія капитализма. Мы должны или изслѣдовать весь необозримый міровой рынокъ или подвергнуть анализу исторію опредѣленной отрасли производства. Какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ мы встрѣчаемся съ примѣрами, потверждающими выводы Маркса, напр.,—хлопчатобумажную промышленность. Во-вторыхъ, Оппенгеймеръ упускаетъ, что теперь въ передовыхъ странахъ уже не господствуетъ неограниченная капиталистическая система и свободная конкурренція, но что ей положены предѣлы фабричными и санитарными законами, народнымъ образованіемъ, рабочими союзами и т. под. противоположными силами, препятствующими полному осуществленію капиталистическихъ тенденцій. Если, слѣд., дѣйствительность имѣетъ другой видъ, чѣмъ бы слѣдовало по дедукціи Маркса, то это еще не доказываетъ невѣрности этой дедукціи и правильности ученія о самоисцѣляющей силѣ свободной конкурренціи, или объ исчезновеніи промышленной резервной арміи послѣ распаденія крупной земельной собственности. Критика Оппенгеймера относится лишь къ одностороннимъ и преувеличеннымъ выводамъ изъ дедукцій Маркса, но не касается ихъ ядра. У Маркса въ экономическое развитіе постоянно вплетаются этическія и политическія сужденія, которыя пополняютъ пробѣлы или противорѣчія перваго.

менемъ необходимымъ для подростанія новаго поколѣнія. Но эти времена давно отошли въ прошлое. Когда писался „Капиталъ", полный циклъ промышленнаго періода —умѣренный ходъ дѣлъ, ускоренный ходъ дѣлъ, бѣшеный ходъ дѣлъ, кризисъ и слѣдуемый за нимъ застой—совершался обыкновенно на протяженіи десяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ эти періоды становятся все короче и короче, и нижеприводимая мысль Маркса имѣетъ еще болѣе основанія: „Прежде чѣмъ наступитъ дѣйствительное возростаніе работоспособнаго населенія вслѣдствіе повышенія заработной платы, промышленный круговоротъ уже нѣсколько разъ пройдетъ черезъ всѣ свои стадіи". Эта цитата заимствована изъ третьяго отдѣла названной выше главы, озаглавленнаго: Прогрессивное производство относительнаго перенаселенія или промышленной резервной арміи.

Промышленная резервная армія, реальности которой не можетъ опровергать самый реалистическій изъ буржуазныхъ экономистовъ, представляетъ живое опроверженіе „желѣзнаго" закона заработной платы, и Марксъ, который впервые установилъ способъ ея образованія, указалъ на то, что ея ростъ не зависитъ отъ абсолютнаго прироста или уменьшенія населенія, —который изслѣдовалъ ея формы и вліяніе на заработную плату, постоянно и ясно отвергая „желѣзный законъ заработной платы"—Марксъ, оказывается, считалъ этотъ самый желѣзный законъ заработной платы, лишь въ немного иной „формулировкѣ", „краеугольнымъ камнемъ соціально революціонной доктрины". Это—то же самое что сказать: Ляпель поддерживался лишь немного въ иной формулировкѣ теоріи Кювье объ образованіи формацій земли.

Всѣ факторы, оказывающіе вліяніе при механическомъ крупномъ производствѣ на заработную плату, представляютъ *эластичныя силы*. Даже само понятіе необходимыхъ средствъ существованія, около котораго качается подобно маятнику заработная плата,—эластично. Такъ какъ это понятіе зависитъ между прочимъ отъ высоты культурнаго развитія страны, то возможно, что рабочіе въ эпоху прогрессивнаго развитія производства привыкаютъ къ новымъ потребностямъ, которыя, въ концѣ концовъ, входятъ въ понятіе объ ихъ обычныхъ средствахъ существованія. Съ другой сто-

роны, даже при господствѣ капиталистическаго производства обычныя потребности рабочихъ измѣняются; что же касается такъ называемаго минимальнаго предѣла заработной платы, то рабочіе текстильнаго и др. механическихъ производствъ знаютъ хорошо, какъ страшно растяжимъ этотъ предѣлъ. При такихъ обстоятельствахъ терминъ: „желѣзный законъ заработной платы" можетъ лишь повести къ заблужденіямъ. Законъ заработной платы въ современномъ крупномъ капиталистическомъ производствѣ хуже чѣмъ желѣзный, и именно, благодаря своей эластичности. Онъ опредѣляется не ростомъ или уменьшеніемъ дѣйствительнаго числа рабочаго населенія по отношенію къ величинѣ капитала, но постоянно укорачивающимися періодическими колебаніями въ развитіи капитала; эти колебанія не только опредѣляютъ заработную плату, но подчиняютъ жизнь все бо́льшей и бо́льшей части рабочаго класса колеблющимся интересамъ реализаціи капитала. Вообще, законъ заработной платы опредѣляется гнетомъ силы капитала, зависимостью рабочаго отъ владѣющихъ капиталомъ предпринимателей, однимъ словомъ, всѣмъ господствомъ капиталистическаго хозяйственнаго строя. Нужно устранить этотъ послѣдній, а не законъ заработной платы, какъ бы его тамъ ни называли.

Этимъ кончается наше изслѣдованіе, поскольку оно носитъ общій характеръ. Намъ остается еще изслѣдовать, какія слѣдствія вытекаютъ отсюда для практическаго поведенія рабочихъ въ настоящее время. При этомъ намъ придется опять сказать нѣсколько словъ о г. Брентано.

VI.

Практическіе выводы.

Послушаемъ еще разъ, что говоритъ Брентано о „желѣзномъ законѣ заработной платы и объ англійскихъ профессіональныхъ союзахъ:

„Благодаря этимъ организаціямъ было достигнуто, что заработная плата, несмотря на пониженіе среднихъ цѣнъ на средства существованія, не только не понизилась, но даже возвысилась. Они опровергли желѣзный законъ заработной

платы, который впервые выставилъ не Лассаль и не Рикардо, а Тюрго, и который, несмотря на то, что былъ объявленъ въ Галлѣ не существующимъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою правильность тамъ, гдѣ уровень заработной платы *болѣе уже* не опредѣляется обычаемъ и гдѣ еще организація рабочихъ не сдерживаетъ давленія безработныхъ, гдѣ, слѣд., на самомъ дѣлѣ высота заработной платы опредѣляется конкурренціей рабочихъ".

Мы уже указывали въ началѣ нашего изслѣдованія на удивительную логику, которая одновременно считаетъ „желѣзный законъ" „опровергнутымъ" и „правильнымъ". Посмотримъ теперь внимательнѣе на опредѣленіе Брентано *).

Желѣзный законъ, по мнѣнію Брентано, сохраняетъ свою правильность тамъ, гдѣ заработную плату „*уже болѣе*" не опредѣляетъ обычай.

На самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ наоборотъ. Гдѣ „обычай" вліяетъ опредѣляющимъ образомъ на высоту заработной платы, тамъ понятіе желѣзнаго закона заработной платы скорѣй всего примѣнимо. Не даромъ во всѣхъ опредѣленіяхъ этого закона, даваемыхъ его защитниками, обычай играетъ выдающуюся роль. Напр., Лассаль даетъ ему слѣд. опредѣленіе: „Желѣзный экономическій законъ... заключается въ слѣдующемъ: средняя заработная плата всегда низводится къ необходимымъ средствамъ существованія, которыя потребны *при существующихъ привычкахъ* для сохраненія и размноженія народонаселенія". Точно также Рикардо, при опредѣленіи естественной цѣны труда, говоритъ: „If essentially depends on the habits and customs of the people" — она въ значительной степени зависитъ отъ нравовъ и обычаевъ народа **). И дѣйствительно „нравы и обычаи" долгое время играли рѣшающую роль при опредѣленіи заработной платы. Эту рѣшающую роль они играли въ средневѣковомъ ремеслѣ, на что указываютъ многочисленныя древнія цеховыя постановленія; позже ту же роль они играли въ мануфактурномъ производствѣ, что понятно, такъ какъ мануфактура, какъ мы уже указывали, покоится на ре-

*) L. Brentano. Meine polemik mit Karl Marx. Deutsche Wochenblatt № 45, pag. 537.

**) Ricardo, ed. Mc. Culloch pag. 52.

месленномъ производствѣ *). Тамъ же, гдѣ машина и современное крупное производство прямо или косвенно революціонизировали промышленность, нравы и привычки перестаютъ оказывать какое-либо вліяніе на установленіе заработной платы. Они продолжаютъ играть нѣкоторую роль лишь тамъ, гдѣ промышленный переворотъ еще не имѣлъ мѣста.

Но это именно и есть тѣ производства, въ которыхъ профессіональные союзы сравнительно примѣняются чаще всего. Рядомъ съ ними профессіональное движеніе имѣетъ успѣхъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ кругъ рабочихъ ограничивается или особыми требованіями къ физической силѣ, или къ техническому образованію, или въ которыхъ широко примѣняется фабричное законодательство—„Это первое сознательное и планомѣрное воздѣйствіе общества на естественный процессъ производства“ **),—являющееся на помощь рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ безмѣрными притязаніями капитала. Послѣднее обстоятельство является, напримѣръ, одной изъ главныхъ причинъ того, что рабочіе въ англійской хлопчатобумажной промышленности сумѣли сохранить свои организаціи, несмотря на рядъ кризисовъ, и даже расширить ихъ кругъ дѣйствія. Законъ долженъ былъ снова *создать* или вынудить въ промышленности *„нравы и обычаи“*, аналогичные существовавшимъ въ мануфактурный и ремесленный періодъ, когда рабочій былъ еще человѣкомъ, а не простымъ живымъ придаткомъ къ машинѣ,—прежде чѣмъ рабочіе могли возстать посредствомъ коалицій

*) „Еще въ теченіе большей части XVIII столѣтія до эпохи крупной промышленности капиталу не удалось въ Англіи овладѣть всей недѣлей рабочаго посредствомъ оплачиванія всей недѣльной его силы—исключенія составляютъ однако сельскохозяйственные рабочіе (Das Capital I Bd. pag. 283). Въ доказательство Марксъ приводитъ характерную полемику между Постлетвейтомъ, извѣстнымъ экономическимъ писателемъ XVIII ст., и анонимнымъ авторомъ произведенія: An Essai on Trade and Commerce, containing Observations on Taxation. Въ этомъ произведеніи, представляющемъ страстную защиту интересовъ эксплуотаторовъ, встрѣчаемъ слѣд. фразу: „Что человѣчество имѣетъ естественную склонность къ удобству и лѣни, мы можемъ видѣть, наблюдая мануфактурную чернь, которая въ среднемъ работаетъ не болѣе 4-хъ дней въ недѣлю, кромѣ случаевъ вздорожанія средствъ существованія“.

**) Das Capital I Bd., 506.

противъ слишкомъ узкаго понятія „необходимыхъ средствъ существованія“ и завоевать себѣ заработную плату, которая, хотя до извѣстной степени, обезпечила имъ существованіе, достойное человѣка.

Между тѣмъ эти важные моменты обыкновенно опускаются при обсужденіи вопроса о пользѣ профессіональныхъ союзовъ, связь которыхъ съ закономъ заработной платы не нуждается въ особомъ доказательствѣ. Если Брентано не могъ изъ чтенія „Капитала“ понять различія отношеній Маркса и Лассаля къ вопросу о законѣ заработной платы, то различіе ихъ отношеній къ профессіональнымъ союзамъ должно бы было ему показать, что его нельзя устранить простой ссылкой на „нѣсколько иную формулировку“. Это—между прочимъ. Что касается принципіальной стороны вопроса о полезности профессіональныхъ союзовъ, то всѣ, кто хочетъ дать абсолютный отвѣтъ—положительный или отрицательный—совершаютъ неизбѣжно ошибку: они насилуютъ факты, предполагая повсюду существованіе либо мануфактуры, либо господство неограниченнаго механическаго производства. Другіе, хотя и сознаютъ невозможность примѣненія одного и того же шаблона ко всей промышленности, однако, благодаря отсутствію критерія, основаннаго на глубокомъ анализѣ производительнаго процесса, ищутъ рѣшающія различія во внѣшнихъ признакахъ, которые не совпадаютъ повсюду съ этими различіями.

Несомнѣнно, что рабочіе во многихъ случаяхъ завоевали, при помощи своихъ организацій, улучшеніе условій существованія. Но возможность устройства организаціи далеко не вездѣ одинакова; часто она является результатомъ особенно благопріятныхъ условій, объясняемыхъ характеромъ промышленности и ея историческимъ развитіемъ. Если, напр., въ новѣйшее время наборщики почти во всѣхъ странахъ добились сравнительно лучшихъ условій труда, то они обязаны этимъ, лишь на первый взглядъ, своимъ организаціямъ. Если же мы присмотримся внимательнѣй, то увидимъ, что ихъ организація въ значительной степени является *слѣдствіемъ* благопріятныхъ условій труда. До сравнительно недавняго времени, книгопечатаніе представляло въ значительной степени кооперацію съ ремесленнымъ характеромъ;

такъ какъ занятіе наборщика требуетъ извѣстной школьной подготовки, то кругъ рабочихъ держался въ извѣстныхъ границахъ; съ другой стороны, постоянное развитіе книжной торговли и газетнаго дѣла расширяло рабочій рынокъ. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что наборщики по большей части связаны съ опредѣленной мѣстностью. Только печатанье отдѣльныхъ произведеній и нѣкоторыхъ случайныхъ работъ не зависитъ отъ мѣста появленія *), наоборотъ, газеты, играющія такую выдающуюся роль въ типографскомъ дѣлѣ должны быть изготовлены на мѣстѣ ихъ появленія. Всѣ эти обстоятельства облегчили типографщикамъ при помощи своихъ организацій устранить „гнетъ безработныхъ на заработную плату“ и удержать заработную плату на извѣстной высотѣ. Аналогичны—если не совершенно схожи — условія въ строительномъ дѣлѣ, гдѣ также до сихъ поръ преобладаетъ ремесленная кооперація, и производство связано съ извѣстнымъ мѣстомъ; „обычай“ здѣсь играетъ довольно значительную роль и придаетъ заработной платѣ извѣстную устойчивость, такъ что она въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно колеблется около „обычныхъ потребностей“. Необходимо упомянуть здѣсь также о томъ обстоятельствѣ, что произвольному растяженію рабочаго времени въ теченіе многихъ мѣсяцевъ „строительнаго сезона“ положены границы самой природой. Но чѣмъ болѣе новѣйшая техника разрушаетъ традиціи, напр., вводя подъемныя машины, замѣняющія искусныхъ носильщиковъ женщинами или несовершеннолѣтними или простыми чернорабочими, чѣмъ болѣе улучшенные пути сообщенія облегчаютъ привлеченіе рабочихъ изъ отставшихъ странъ, тѣмъ растяжимѣе становятся здѣсь предѣлы „естественной заработной платы“. Однимъ словомъ, если каменщики, плотники и другіе занятые въ строительномъ дѣлѣ

*) И этимъ обстоятельствомъ объясняется стремленіе перенести ихъ печатаніе въ провинцію. Такъ, напр., большая часть продуктовъ лондонскаго книжнаго рынка, лондонскихъ журналовъ и т. под. набирается и печатается въ Шотландіи. Что касается литографіи и ея побочныхъ развѣтвленій, то въ Англіи трудно встрѣтить литографированную вещь безъ штемпеля: „Нарисовано въ Англіи, напечатано въ Германіи“. Если бы не различіе языковъ, то, вѣроятно, мы наблюдали бы такое же явленіе въ типографскомъ дѣлѣ.

рабочіе добились, при помощи своихъ организацій, болѣе благопріятной заработной платы, тогда какъ нѣмецкіе ткачи продолжаютъ изъ года въ годъ влачить свое жалкое существованіе, то это зависитъ не отъ того, что первые поняли значеніе организацій, а вторые нѣтъ, но отъ того, что въ производствѣ первыхъ, рабочій, какъ человѣкъ, еще имѣетъ нѣкоторое значеніе, тогда какъ во второмъ производствѣ неограниченно господствуетъ машина *). Мы уже упоминали, какъ фабричное законодательство дало возможность англійскимъ ткачамъ снова завоевать лучшія условія существованія. Въ тѣхъ же отрасляхъ англійской промышленности, въ которыя фабричное законодательство еще не вмѣшалось, и которыя уже оставили старыя формы мануфактурнаго производства, положеніе рабочихъ еще и въ настоящее время жалкое. Сила профессіональныхъ организацій не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ числу членовъ данной отрасли промышленности, и ихъ вліяніе на заработную плату и др. условія труда часто лишь номинально и ограничивается извѣстными фабриками. А гдѣ организація рабочихъ *„еще не“* удерживаетъ „гнета безработныхъ“ — тамъ опять таки, въ противоположность утвержденію Брентано,—не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было „желѣзномъ законѣ заработной платы“. Напр., въ современной домашней промышленности не существуетъ никакихъ „обычныхъ потребностей“, которыя бы регулировали заработную плату; наоборотъ, заработная плата регулируетъ „обычныя потребности“ и понижаетъ ихъ до уровня, который необходимъ, чтобы человѣкъ прямо не умиралъ съ голоду, а иногда и ниже этого уровня. Всѣ попытки поднять посредствомъ коалицій положеніе рабочихъ въ этой промышленности потерпѣли неудачу; больше, что удавалось—это при благопріятныхъ условіяхъ временно нѣсколько смягчить бѣдственное положеніе. Но на долгое время организація здѣсь ничего не можетъ сдѣлать, и первый кризисъ снова повергаетъ рабочихъ въ ихъ прежнее или еще худшее бѣдственное положеніе.

Повторяемъ, тотъ фактъ, что рабочіе защищаемые фабричнымъ законодательствомъ отъ чрезмѣрной работы ско-

---

*) Ср. примѣчаніе на стр. 66—67.

рѣе могутъ добиться болѣе высокой заработной платы, не требуетъ новаго доказательства со стороны Брентано. Объ этомъ писалъ уже Марксъ еще до того времени, какъ Брентано предпринялъ свое путешествіе въ Англію, точно такъ же какъ генеральный совѣтъ Интернаціонали совѣтовалъ рабочимъ континента организацію профессіональныхъ союзовъ, какъ средство борьбы съ гнетомъ капитала, прежде чѣмъ исторически-реалистическая національная экономія увидѣла въ этихъ союзахъ панацею отъ всѣхъ соціальныхъ золъ.

„Если оставить въ сторонѣ высшіе мотивы“, читаемъ въ предисловіи къ „Капиталу“, „собственный интересъ господствующихъ теперь классовъ повелѣваетъ имъ устранять всѣ контролируемыя закономъ препятствія, замедляющія развитіе рабочаго класса. *Поэтому* я отвелъ въ этой книгѣ между другими предметами *обширное мѣсто также исторіи, содержанію и результатамъ англійскаго фабричнаго законодательства.* Одна нація можетъ и должна учиться у другой“. И каковы, по Марксу, результаты фабричнаго законодательства? Въ примѣчаніи къ стр. 110*) онъ пишетъ: „Чтобы предотвратить ложные выводы изъ сказаннаго въ текстѣ, я долженъ замѣтить, что англійская хлопчатобумажная промышленность *послѣ изданія Factory-Act* 1850 г., въ отношеніи къ регулированію рабочаго времени, должна быть названа англійской *образцовой промышленностью.* Англійскій рабочій, занятый въ хлопчатобумажной промышленности, стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше своего товарища на континентѣ“. А на 299 стр. въ текстѣ, послѣ изображенія борьбы рабочихъ за нормальный рабочій день, мы читаемъ: „Однако, принципъ побѣдилъ вмѣстѣ съ побѣдой въ крупныхъ отрасляхъ промышленности, представляющими истинное созданіе современнаго производства. Чудесное развитіе послѣдняго въ періодъ 1853—1860, *рядомъ съ физическимъ и нравственнымъ возрожденіемъ фабричныхъ рабочихъ*, бросалось въ глаза... Фарисеи „политической экономіи“ провозгласили сознаніе необходимости ограниченнаго закономъ рабочаго дня новымъ пріобрѣтеніемъ ихъ „науки“.

Приведенныя здѣсь слова изъ великаго произведенія теоретика современнаго соціализма не требуютъ никакихъ ко-

*) 2 Aufl. pag. 266—267.

ментаріевъ. Большинству читателей они уже давно знакомы и приведены здѣсь лишь въ видѣ заключительной иллюстраціи предшествующаго изслѣдованія.

Что показало это изслѣдованіе?

Съ одной стороны, мы видѣли, что, хотя при господствѣ капиталистической системы производства, заработная плата имѣетъ высшій предѣлъ—именно въ потребности капитала въ реализаціи, но о „желѣзномъ" законѣ заработной платы не можетъ быть и рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ сами собой всѣ выводы, сдѣланные друзьями и врагами рабочаго дѣла, изъ этого, завѣщаннаго классической буржуазной политической экономіей, закона по отношенію къ соціально-политическимъ интересамъ рабочаго класса. Нельзя назвать *безразличнымъ фактомъ вздорожаніе важныхъ предметовъ потребленія рабочихъ благодаря новымъ налогамъ или другимъ финансово-политическимъ мѣропріятіямъ* (монополіи и т. под.), потому что *не вѣрно*, что заработная плата, повинуясь народно-хозяйственному „закону", необходимо *подымается* въ такой же мѣрѣ *). *Не безразлично*, организованные ли, или неорганизованные рабочіе противопоставляются капиталу, потому что неорганизованные рабочіе легче подчиняются

---

*) Между тѣмъ такого взгляда долго придерживались соціалисты, опиравшіеся на теорію заработной платы Рикардо. Такъ, напр., Годскинъ пишетъ въ цитированномъ выше произведеніи 1825 г.: „Въ самомъ дѣлѣ, поскольку очевиденъ ихъ вредъ (рѣчь идетъ о хлѣбныхъ налогахъ) для капиталистовъ, постольку сомнителенъ онъ и для рабочихъ. Они понижаютъ уровень прибыли, но они не уменьшаютъ въ окончательномъ результатѣ заработной платы. Существуютъ пошлины на хлѣбъ, или нѣтъ, капиталистъ долженъ выдать рабочему необходимыя средства существованія, и до тѣхъ поръ пока онъ господствуетъ, онъ и не дастъ болѣе. Др. словами, рабочій долженъ давать капиталисту приблизительно одно и то же количество труда за ломоть хлѣба, независимо отъ того представляетъ ли этотъ ломоть продуктъ одного часа, или одного дня труда (22—23). Это воззрѣніе, которое позже оспаривалось чартистами во время ихъ борьбы съ защитниками свободы торговли, играетъ еще значительную роль въ „Нищетѣ философіи" Маркса и въ относящейся къ тому же періоду въ его развитіи рѣчи его о свободѣ торговли, на что указываетъ ясно Энгельсъ въ предисловіи къ названному выше произведенію. Но въ 1872 г. это воззрѣніе было объяснено Энгельсомъ въ его брошюрѣ о квартирномъ вопросѣ въ томъ же смыслѣ, какъ и Лассалемъ въ его „Открытомъ отвѣтѣ", и въ новомъ изданіи 1887 г. произведеній Энгельса это мѣсто осталось неизмѣненнымъ.

сокращенію заработной платы, и никакой „народо-хозяйственный законъ“ не подымаетъ самъ заработной платы до ея первоначальнаго уровня. Но также не вѣрно, что всѣ рабочіе имѣютъ одинаковую *возможность* добиться при помощи однихъ союзовъ сноснаго существованія. Эта возможность существуетъ лишь для одной, все уменьшающейся части рабочаго класса. *Не вѣрно,* что *законодательная защита труда не имѣетъ никакого значенія для рабочаго класса,* потому что она *не устраняетъ эксплуотаціи.* Оставляя въ сторонѣ значеніе, которое имѣетъ само-по-себѣ сокращеніе рабочаго времени для рабочихъ, какъ индивидовъ и какъ класса, оно увеличиваетъ силу сопротивленія рабочихъ гнету капитала. Каждое повышеніе заработной платы является дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ, каждое уменьшеніе заработной платы, каждое вздорожаніе средствъ существованія рабочихъ является для нихъ дѣйствительной потерей.

Съ другой стороны, мы видѣли, что капиталистическое развитіе не можетъ быть остановлено ни рабочими союзами, ни законодательной охраной труда. Мы видѣли, что это развитіе имѣетъ тенденцію постоянно создавать избыточныхъ рабочихъ, замѣщая живыхъ рабочихъ механической силой, втягивая въ производство все новые и новые слои населенія. Мы видѣли, какъ создается постоянно существующая армія безработныхъ, дающая предпринимателямъ возможность оказывать давленіе на заработокъ занятыхъ въ данное время рабочихъ, которая уменьшаетъ съ каждымъ годомъ возможность добиться увеличенія заработной платы и увеличиваетъ возможность ея сокращенія. Все это, въ связи съ ростущей концентраціей капитала, вытѣсненіемъ мелкихъ производителей крупными и крупныхъ еще болѣе крупными, дѣлаетъ освобожденіе рабочаго класса возможнымъ лишь на одномъ пути, именно, соціализированія средствъ производства, общественнаго управленія производствомъ. Такимъ образомъ, передъ рабочимъ классомъ стоитъ двойная проблема. Съ одной стороны, защита своихъ интересовъ въ настоящее время, борьба противъ всякой попытки ухудшить ихъ положеніе и—за возможное улучшеніе его. Съ другой стороны, рабочіе должны подготовлять событія будущаго, во-первыхъ, улучшая свое физическое и духовное положеніе—

обезпечивая за собой лучшія условія существованія — и, во-вторыхъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ государствѣ и обществѣ для созданія законовъ и учрежденій, которые должны ускорить и облегчить указанную выше, необходимую общественную реформу. Какой смыслъ имѣетъ здѣсь *желѣзный законъ заработной платы?* На борьбу въ рамкахъ современнаго общества онъ можетъ оказывать вліяніе, лишь внося путаницу въ понятія, питая либо *иллюзіи*, либо *пессимистическія представленія*, при чемъ первыя не менѣе вредны, чѣмъ вторыя; что касается борьбы будущаго, то онъ ея не исчерпываетъ. Если даже предположить, что этотъ законъ охватываетъ всѣ отношенія заработной платы, т. е. зависимость рабочаго отъ капитала, что впрочемъ можно сдѣлать лишь насилуя первоначальный его смыслъ, то и тогда онъ бы не заключалъ въ себѣ всей великой борьбы, которую ведетъ соціалъ-демократія. Мы стремимся не къ разрушенію какого-либо закона заработной платы, не къ устраненію системы заработной платы, но къ уничтоженію всей системы, капиталистической хозяйственной системы, къ уничтоженію какъ капиталистической эксплуотаціи человѣка человѣкомъ, такъ и связанной съ капиталистической системой хозяйства анархіи производства.

VII.

Дополненіе: нѣкоторые недостатки пониманія марксистами проблемы заработной платы.

Въ теченіе десяти лѣтъ, протекшихъ со времени появленія помѣщенной выше статьи, взгляды автора на многіе важные пункты изслѣдуемаго вопроса значительно измѣнились. Поскольку эти измѣненія не могли быть отмѣчены въ помѣщенныхъ выше короткихъ примѣчаніяхъ, они излагаются, по возможности, въ сжатой формѣ въ нижеслѣдующемъ.

Основная мысль, по которой первоначальныя формулировки закона заработной платы предпологаютъ отношенія мануфактурнаго періода (преобладаніе ремесленнаго производства подъ руководствомъ умѣренно большихъ капита-

ловъ), или сознательно, какъ это было у экономистовъ XVIII столѣтія, или безсознательно, какъ дѣлали экономисты въ первой половинѣ XIX столѣтія, перенося понятія мануфактурнаго періода на современную крупную промышленность съ ея господствомъ крупнаго капиталиста надъ рабочимъ, подчиненнымъ машинѣ и всему процессу производства—эту мысль, по которой такъ называемый законъ заработной платы соотвѣтствуетъ эпохѣ, предшествовавшей господству крупной промышленности, я и теперь считаю правильной; она еще болѣе укрѣпилась во мнѣ.

Но крупное производство овладѣло до сихъ поръ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ промышленныхъ отраслей. Еще въ XIX столѣтіи въ немъ было занято меньшинство рабочихъ даже въ самой Англіи, и большая часть этого меньшинства (масса рабочихъ текстильной промышленности) состояла изъ *экспропріированныхъ рабочихъ домашней промышленности* и сельскихъ пролетаріевъ и ихъ дѣтей. Для этихъ по большей части совершенно безпомощныхъ рабочихъ машина скоро создала ужасныя условія существованія, тогда какъ *въ то же самое время* въ другихъ отрасляхъ промышленности, образовавшихся прямо изъ ремесла, стояла сносная, а иногда и высокая заработная плата, рабочій день не достигалъ безчеловѣчныхъ размѣровъ и рабочіе сумѣли сохранить многіе обычаи ремесленной эпохи. Смотря по тому, на какую изъ этихъ двухъ областей промышленности направлялось вниманіе экономиста, его представленіе о законѣ заработной платы принимало пессимистическій или оптимистическій характеръ; смотря по тому, обращалось ли вниманіе на различіе промышленныхъ отношеній или принималось отдѣльное явленіе за господствующій типъ, закону заработной платы придавалась болѣе или менѣе условная или абсолютная („желѣзная") формулировка. Иногда же соединялось то и другое: формулировка закона производилась въ самыхъ абсолютныхъ выраженіяхъ, но затѣмъ ей давалось самое растяжимое или, говоря словами Маркса, самое губкообразное объясненіе. Отъ этого внутренняго противорѣчія едва ли свободенъ хоть одинъ изъ экономистовъ — буржуазнаго или соціалистическаго направленія — писавшихъ послѣ Рикардо. Это противорѣчіе служитъ какъ бы оборот-

ной медалью другого противорѣчія, встрѣчаемаго также почти у всѣхъ толкователей этого несчастнаго „закона“; а именно: люди, проклинающіе Мальтуса, считаютъ этотъ законъ „желѣзнымъ“, люди же, высоко цѣнящіе этого ученаго, считаютъ его эластичнымъ, гибкимъ.

Всѣ эти противорѣчія неизбѣжны, если стремятся соединить подъ понятіемъ единаго „закона“ явленія, представляющія результатъ многихъ факторовъ и пріобрѣтающія совершенно различный характеръ, смотря по преобладанію одного или другого изъ этихъ факторовъ. Приходится прибѣгать къ абстракціямъ, при чемъ дѣло не обходится безъ произвола, который затѣмъ покупается цѣной ряда ограниченій и оговорокъ. Чѣмъ добросовѣстнѣе совершается процессъ абстрагированія, тѣмъ банальнѣе является получаемый „законъ“, который превращается въ формулу, объясняющую все, или—ничего. Если вслѣдствіе научнаго или какого иного предвзятаго мнѣнія абстрагированіе совершается тенденціозно, т. е. если произвольно берется какое-либо явленіе за типичное, господствующее, и кладется въ основаніе дальнѣйшихъ дедукцій, то въ концѣ концовъ дѣйствительность заявляетъ свои права и принуждаетъ снабжать „желѣзный“ законъ безчисленными „если“ и „но“.

Капиталъ, какъ олицетвореніе эксплуататорскихъ тенденцій современнаго класса капиталистовъ, никогда не господствовалъ неограниченно надъ современнымъ обществомъ. Въ раннюю эпоху своего существованія онъ долженъ былъ считаться съ всевозможными силами, учрежденіями, обычаями перешедшими изъ до-капиталистическаго періода и сохранившими значительную жизнеспособность. Такъ, напримѣръ, даже въ періодъ своего наибольшаго процвѣтанія капиталъ, такъ не любящій праздниковъ, не могъ отучить рабочихъ Ланкашира отъ празднованія недѣли освященія церквей (Kirchweihwoche). Позже, онъ принужденъ былъ считаться съ законодательствомъ, поставившемъ различнаго рода ограниченія свободному господству спроса и предложенія. Эти обстоятельства въ связи съ эмиграціей рабочихъ изъ экономически отсталыхъ странъ, ростущимъ выселеніемъ въ еще не занятыя земли и постоянно—за исключеніемъ короткихъ перерывовъ—расширяющимся рынкомъ для вывоза объ-

ясняютъ, почему даже „въ образцовой странѣ капитализма“ рынокъ никогда не былъ чистымъ продуктомъ капитала. То же самое необходимо сказать и относительно другихъ странъ. Можно установить лишь нѣкоторыя *тенденціи* капиталистическаго хозяйства, перекрещиваемыя другими тенденціями, и то, что обозначается соціологомъ, относящимся враждебно къ буржуазной политической экономіи, какъ истинный продуктъ капитализма, защитникъ ея назоветъ случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ какими-либо внѣшними вліяніями—напр., болѣзнями дѣтей—нарушающими правильное развитіе.

Классическимъ примѣромъ сказаннаго можетъ служить различное объясненіе и оцѣнка промышленныхъ кризисовъ, связь которыхъ съ закономъ заработной платы достаточно смѣло установлена въ помѣщенной выше статьѣ. Относящіяся къ этому предмету мѣста въ главахъ V и VI я оставилъ безъ измѣненія съ своего рода жестокимъ злорадствомъ. Если эти мѣста примиряютъ меня съ слишкомъ пылкими критиками моей книги „Voraussetzungen des Socialismus“ *), напоминая мнѣ о моихъ прегрѣшеніяхъ того же рода, то, съ другой стороны, они должны служить предостереженіемъ для всѣхъ, кто полагаетъ, что прогрессъ по отношенію къ марксизму заключается—да простятъ мнѣ искусственное выраженіе!—въ сверхъ-марксизмѣ. Съ какой увѣренностью я тогда разсуждалъ съ марксистской точки зрѣнія о кризисахъ, съ какой категоричностью утверждалъ необходимость постояннаго сокращенія „промышленнаго цикла“, обостренія кризисовъ и превращенія ихъ въ всеобщее правило. Наступленіе знаменитаго катаклизма могло быть, на основаніи моихъ словъ, вычислено почти съ математической достовѣрностью.

Fuimus Troes! Въ концѣ 1884 г. въ предисловіи къ нѣмецкому изданію „Нищеты Философіи“ Энгельсъ показалъ какъ нужно исправить взгляды Маркса на этотъ предметъ. Сотрудникъ Маркса высказалъ здѣсь далеко не въ аподиктической формѣ предположеніе, что при измѣнившихся от-

*) Есть русскій переводъ: „Историческій матеріализмъ“. Эд. Бернштейнъ. Изд. Т—ва „Знаніе“.

ношеніяхъ мірового рынка анархія производства проявляется въ нѣсколько иной формѣ, а именно, въ формѣ хроническаго застоя съ незначительными колебаніями, при чемъ періоды процвѣтанія совершенно отсутствуютъ. Но десять лѣтъ спустя Энгельсъ выставилъ новую гипотезу—въ одномъ изъ примѣчаній къ третьему тому „Капитала“ *), по которой промышленный циклъ, имѣвшій сначала продолжительность въ 5 лѣтъ, затѣмъ удлинившійся до 10 лѣтъ, теперь еще болѣе удлинился, и изображенное состояніе является лишь подготовительнымъ періодомъ для новаго всемірнаго краха необыкновенной силы. Тамъ же Энгельсъ констатируетъ, что широкое развитіе путей сообщенія и рынковъ частью ослабило, частью устранило старый очагъ кризисовъ, облегчило борьбу съ мѣстнымъ перепроизводствомъ, но онъ видитъ во всѣхъ этихъ элементахъ, препятствующихъ повторенію старыхъ кризисовъ, „зародышъ гораздо болѣе сильнаго будущаго кризиса“.

Замѣтьте хорошенько, что только „*зародышъ*“. Достигнутъ ли зародыши полнаго развитія, или это развитіе будетъ задержано противоположными силами,—это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ никто не можетъ предсказать a priori. Поэтому Энгельсъ выражается здѣсь въ высшей степени осторожно. Въ теченіе шести лѣтъ, протекшихъ послѣ появленія названнаго примѣчанія, не появилось никакихъ признаковъ мірового краха необычайной силы. Иногда появлялись болѣе или менѣе значительныя грозовыя тучи, которыя, однако, разсѣивались, не оставляя послѣ себя замѣтныхъ послѣдствій. Этотъ фактъ и размышленіе о развитіи пониманія кризисовъ у Энгельса, заставляютъ меня задать вопросъ, не *уменьшаетъ* ли отмѣченное Энгельсомъ развитіе, въ связи съ другими фактами современной хозяйственной жизни, вліянія мѣстныхъ или частныхъ кризисовъ на общій ходъ дѣлъ и не *увеличиваетъ* ли оно *возможности взаимнаго уравновѣшенія* колебаній настолько, что общіе кризисы, на подобіе имѣвшихъ мѣсто раньше, немыслимы впредь на долгое время.

Отвѣта на эти вопросы наука еще не дала. Правда, не

*) 2-я часть 27 стр., ср. также стр. 97 въ первой части III т.

было недостатка въ возраженіяхъ противъ постановки подобныхъ вопросовъ или противъ оцѣнки фактовъ, на которые опираются вопросы. Но они приписываютъ мнѣ въ большинствѣ случаевъ вещи, которыхъ я никогда не утверждалъ, и носятъ, за всѣмъ тѣмъ, чисто спекулятивный характеръ, противопоставляя по существу—но не по формѣ, которая, наоборотъ, обыкновенно аподиктична—предположеніе предположенію. Однако, наиболѣе рѣшительныя изъ этихъ утвержденій не могутъ поколебать того факта, что вопросъ о кризисахъ представляетъ проблему, которую никакой маломальски знающій человѣкъ въ настоящее время не возьмется рѣшать съ помощью „нѣсколькихъ старыхъ банальныхъ выраженій. Мы можемъ лишь указать, какіе элементы современнаго хозяйства оказываютъ вліяніе на кризисы и какія силы противодѣйствуютъ имъ. Но невозможно составить апріорнаго сужденія объ окончательномъ взаимномъ отношеніи этихъ силъ или объ ихъ развитіи“ *).

Если, напримѣръ, нѣкоторые писатели, желая спасти старыя формулы, объясняютъ отсутствіе кризиса или кризисовъ, которые должны были бы по теоріи имѣть мѣсто, ссылкой на нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства или исключительныя явленія, (постройка желѣзныхъ дорогъ въ восточной Азіи, въ Африкѣ и т. п.), то они забываютъ, что мы живемъ въ эпоху, когда подобные отводные каналы для промышленности почти постоянно открываются.

Военныя вооруженія, которыя несомнѣнно „облегчаютъ“ товарный и рабочій рынокъ, играютъ здѣсь далеко не рѣшающую роль; нельзя сказать этого также про расширеніе иностранныхъ рынковъ, важность которыхъ нельзя, впрочемъ, отвергать. Все большее и большее значеніе играетъ во всѣхъ большихъ промышленныхъ государствахъ ростущее потребленіе *внутри страны*... По недавнему расчету проф. Вернера Зомбарта въ „Socialen Praxis“ вывозъ изъ

*) Voraussetzungen etc. p. 82 (см. Бернштейнъ, „Историческій матеріализмъ“ стр. 147—148). Я цитирую это мѣсто, потому что многіе говорятъ, что я утверждалъ, будто больше не будетъ крупныхъ кризисовъ. Но мнѣ не приходило въ голову утверждать этого. Я лишь опровергалъ, что предполагаемые великіе кризисы, связанные съ всеобщимъ застоемъ, *неизбѣжны*, и я продолжаю придерживаться высказаннаго взгляда.

Германіи продуктовъ промышленности за послѣднія два десятилѣтія возросъ *по крайней мѣрѣ на 50 проц. медленнѣе* возростанія внутренняго потребленія тѣхъ же продуктовъ. *Отстаетъ* не масса вывоза, но *доля вывозимыхъ продуктовъ*, другими словами, все меньшая доля ростущаго производства идетъ на вывозъ, все большая—потребляется внутри страны. Какіе классы потребляютъ этотъ продуктъ—этотъ вопросъ можно пока оставить безъ отвѣта *).

Но изъ предыдущаго ясно, что исправленная Марксомъ старая теорія заработной платы болѣе не соотвѣтствуетъ современнымъ отношеніямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ сама собой та часть моихъ разсужденій, которая опиралась на эту теорію. Несомнѣнно, что кризисы, разъ они наступаютъ, *пропорціонально своимъ размѣрамъ и своей интенсивности* имѣютъ тенденцію понизить заработную плату до ея низшаго размѣра. Но мы не видимъ ни одного факта, который съ достовѣрностью могъ бы намъ предвѣщать ростъ кризисовъ и даже, если бы оправдалось предположеніе Энгельса, что продолжительность промышленнаго круговорота все увеличивается, то и это все-таки означало бы совершенное измѣненіе всего вопроса. Чѣмъ *продолжительнѣе промышленный круговоротъ*, тѣмъ болѣе совпадаетъ онъ съ приблизительнымъ возобновленіемъ рабочаго населенія и поэтому тѣмъ возможнѣе приспособленіе въ духѣ мальтузіанства. Далѣе, удлиненіе промышленнаго круговорота должно быть разсматриваемо, какъ поворотъ къ лучшему (какъ улучшеніе). Тогда бы мы имѣли передъ собой, рядомъ съ *сокращеніемъ періодовъ производства*, которое является результатомъ усовершенствованной техники, *удлиненіе періодовъ сбыта*, — что представляетъ несомнѣнно *большой соціальный прогрессъ*. Мнѣ возразятъ: да, но зато тѣмъ разрушительнѣе будущіе кризисы. Однако, мы встрѣчаемся здѣсь прямо-таки съ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ. *Какъ можно соединить уско-*

*) Ср. по этому вопросу очень интересныя сопоставленія Мея (R. F. Mey: „Die Wirtschaft in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft" Berlin 1901) въ главѣ о доходѣ и потребленіи, особенно стр. 39—50 этого произведенія. По Мею потребленіе предметовъ необходимости возросло въ Германіи съ 1882 по 1897 г. на 29%. Книга Мея попалась мнѣ въ руки, когда глава уже находилась въ печати.

ренное производство и сокращенie путей сбыта съ удлиненнымъ промышленнымъ круговоротомъ такъ, чтобы въ результатѣ получился небывало сильный кризисъ? Этотъ вопросъ мы изслѣдуемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

Если въ вопросѣ о кризисахъ мы стоимъ передъ своего рода Non liquet, то въ не лучшемъ положенiи находится тѣсно связанный съ нимъ вопросъ *о промышленной резервной армiи.* Существованiе подобной армiи, т.-е. избыточнаго промышленнаго населенiя, не подвергается при этомъ ни малѣйшему сомнѣнiю.

Но если промышленое населенiе въ главныхъ промышленныхъ странахъ увеличивается быстрѣе, чѣмъ общее число жителей, при чемъ процентъ безработныхъ не увеличивается, то даваемое до сихъ поръ *объясненiе* этого факта, по которому, именно, резервная армiя создается постоянно „капиталомъ", не можетъ быть удержано. Правда, что статистическiй матерiалъ по этому предмету еще очень недостаточенъ. Для болѣе раннихъ перiодовъ мы не имѣемъ никакой статистики безработныхъ и даже въ настоящее время—лишь ея зародыши, тогда какъ лишь за послѣднее время въ основу промышленной статистики положены общiе принципы, дозволяющiе сравненiе ея результатовъ. Однако, упомянутый выше фактъ болѣе быстраго возрастанiя промышленнаго населенiя, по сравненiю съ общимъ числомъ жителей, точно установленъ—для Англiи, Германiи и другихъ странъ, а существующая сравнительная статистика безработныхъ не указываетъ на какой-либо ростъ безработицы *).

*) То, что Марксъ пишетъ въ главѣ: „Теорiя компенсацiи по отношенiю къ вытѣсненному машинами труду" (Капиталъ I т. Гл. 13. § 6), противъ Миллей (отца и сына) и Макъ-Куллоха относится лишь къ формальному обоснованiю этой теорiи названными писателями и къ тому же не всегда справедливо. Марксъ замѣняетъ, напримѣръ, экономическiй вопросъ изслѣдованiемъ о *способѣ* компенсацiи, — что является несомнѣнно очень важнымъ пунктомъ для заинтересованныхъ рабочихъ и для пониманiя отношенiй зависимости въ современномъ обществѣ, но имѣетъ совершенно второстепенное значенiе для интересующей насъ *экономической* проблемы. Это смѣшенiе совершенно разнородныхъ точекъ зрѣнiя лучше всего видно изъ слѣдующихъ параграфовъ. (Притяженiе и отталкиванiе рабочихъ и т. д.), гдѣ Марксъ говоритъ, будто политическая экономiя съ радостью поддерживаетъ ужасную теорему,

Къ вопросу о промышленной резервной арміи имѣетъ отношеніе еще обстоятельство, котораго мы уже касались въ примѣчаніи къ стр. 66—67, а именно вопросъ о *мѣстной* и *профессіональной* подвижности рабочаго класса. То, что въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности случаются періодическія пріостановки дѣлъ или что, благодаря новымъ изобрѣтеніямъ, рабочіе остаются безъ занятій до тѣхъ поръ, пока, благодаря росту и увеличенію числа предпріятій, не находятъ работы въ той же самой или другой отрасли производства — все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Однако, какъ видно изъ 23-й главы I тома „Капитала", при теоріи о растущей промышленной резервной арміи Марксъ имѣлъ въ виду не эти случаи безработицы, которымъ придавалъ лишь второстепенное значеніе. Онъ обвиняетъ буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что они смѣшиваютъ „законы", регулирующіе *общее движеніе заработной платы*, или отношеніе между рабочимъ классомъ, т.-е. *совокупной рабочей силой и совокупнымъ общественнымъ капиталомъ* съ законами, распредѣляющими рабочее населеніе между особыми областями производства *). Съ точки зрѣнія Маркса, это строгое раздѣленіе совершенно законно. Мѣстная и профессіональная безработица существовала и въ до-капиталистическую эпоху и она не представляетъ характернаго явленія капиталистической эры, хотя причины ея частью уже иныя. Однако, рабочій лишь въ абстракціи представляетъ теперь не что иное, какъ частицу „совокупной рабочей силы". *Фактически* же онъ остается въ значительной долѣ *спеціалистомъ*, для котораго

по которой основанная на машинномъ производствѣ фабрика, по прошествіи извѣстнаго періода, „вымучиваетъ большее число рабочихъ, чѣмъ она первоначально выбросила на мостовую" (Das Capital I Bd. 4 Aufl. p. 413). Но дѣло идетъ не о томъ, является ли занятіе рабочихъ мученіемъ или нѣтъ, но о томъ, ростетъ ли *возможность* занятій или нѣтъ. Но въ этомъ отношеніи Марксъ высказывается очень осторожно. Онъ признаетъ возможность прироста занятыхъ рабочихъ (pag. 415) и успокоиваетъ свою научную совѣсть вставочнымъ предположеніемъ, въ которомъ говоритъ, что упомянутая теорема, „ужасна для всякаго филантропа, признающаго вѣчную естественную необходимость капиталистическаго способа производства" (pag. 413). Это предложеніе является совершенно безсмысленнымъ риторическимъ украшеніемъ.

*) 4 Aufl. p. 603.

переходъ отъ одной спеціальности въ другую далеко не всегда представляетъ легкое дѣло; точно также и къ *перемѣнѣ мѣста* его можетъ побудить обыкновенно лишь продолжительная безработица. Въ большинствѣ случаевъ, въ теченіе долгаго времени въ одной отрасли производства наблюдается безработица, а въ другой — недостатокъ рабочихъ. Поэтому, статистика безработныхъ совершенно не даетъ вѣрной картины отношенія между „совокупной рабочей силой" и „совокупнымъ общественнымъ капиталомъ", особенно, если включаетъ сезонныхъ рабочихъ (рабочихъ, занятыхъ въ строительной промышленности, сельскохозяйственныхъ рабочихъ и т. п.).

Если мы желаемъ получить вѣрную картину дѣйствительныхъ отношеній, то мы должны избавиться отъ непроизвольнаго представленія о рабочемъ въ современной промышленности, какъ объ олицетворенной частицѣ перемѣннаго капитала. Какъ уже было замѣчено, роль его отличается отъ роли рабочаго въ ремесленномъ или мануфактурномъ производствѣ, но это различіе не идетъ такъ далеко, чтобы уничтожить особенности спеціальнаго труда. Наоборотъ, именно, въ высоко развитыхъ отрасляхъ современной промышленности мы встрѣчаемся съ необыкновенно далеко пошедшей спеціализаціей человѣческаго труда, начиная отъ грубой мускульной или наблюдательной работы и кончая высоко-квалифицированными операціями, требующими отъ исполнителя остроты зрѣнія, вѣрности и ловкости руки, нервной силы и изобрѣтательности. Что же касается рабочихъ машинъ, то онѣ бываютъ очень различныхъ родовъ, причемъ за одними можетъ наблюдать первый сильный рабочій, для управленія же другими требуется образованный и искусный спеціалистъ. Еще очень велико число производствъ и занятій, въ которыхъ искусная рука, опытный глазъ, смышленость рабочаго — играютъ необыкновенно важную, если не рѣшающую роль. Далѣе, именно, въ тѣхъ производствахъ, которыя удовлетворяютъ наиболѣе элементарнымъ потребностямъ людей — потребности въ питаніи и въ жилищѣ — трудъ человѣка еще мало вытѣсняется машинами. Производительность земледѣлія и другихъ отраслей добывающей промышленности возрастаетъ въ очень умѣрен-

ной прогрессіи, тогда какъ, съ другой стороны, баснословныя цифры роста производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ (текстильная промышленность) значительно теряютъ въ своей ослѣпительной силѣ, если принять въ расчетъ стоимость требующихся машинъ и вложеннаго капитала. Коротко говоря, хотя эластичность факторовъ производства необыкновенно возросла въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности, однако, если взять весь производительный организмъ общества, то получается картина, далеко уступающая той, которую обыкновенно рисуютъ себѣ на основаніи вышеупомянутыхъ производствъ.

Каковъ бы былъ законъ заработной платы, если бы рабочій классъ представлялъ на самомъ дѣлѣ аморфную, легко подвижную массу, какимъ онъ является съ точки зрѣнія упомянутаго выше понятія совокупной рабочей силы и т. п. и сдѣланныхъ изъ него выводовъ,—этого вопроса мы не будемъ изслѣдовать; значеніе подобной, построенной на облакахъ гипотезы очень сомнительно даже въ цѣляхъ большей наглядности изложенія. Въ дѣйствительности смѣна профессій взрослымъ рабочимъ, хотя и происходитъ довольно часто въ легко изучаемыхъ производствахъ, однако ни въ какомъ случаѣ не представляетъ *массового явленія* и не играетъ серьезной роли. Вліяніе измѣнчивой притягательной силы различныхъ профессій проявляется главнымъ образомъ при посредствѣ новичковъ и обучающихся рабочихъ. „Истинная рабочая сила“ еще не утеряла совершенно своего человѣческаго характера, что очень непріятно для ея покупателя, а часто также и для ея носителя.

Во всякомъ случаѣ здѣсь сохраняетъ свою справедливость высказанная мною въ другомъ мѣстѣ мысль, а именно, что современные наемные рабочіе не представляютъ однородной массы, не связанной ни собственностью, ни семьей и т. п., какъ предполагалось въ Коммунистическомъ манифестѣ. И такъ какъ это представленіе не вѣрно, такъ какъ рядомъ съ уничтоженіемъ или уменьшеніемъ различій образуются все новыя дифференцировки и спеціализаціи труда, то понятіе резервной арміи капитала надо считать въ такой же степени устарѣвшимъ, какъ понятіе совокупнаго общественнаго капитала или совокупной рабочей силы; все это—

абстрактныя понятія, въ основаніи которыхъ, правда, лежатъ реальные факты, но которыя упускаютъ столько промежуточныхъ звеньевъ и столько различій, что они служатъ очень туманнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Не существуетъ никакого совокупнаго общественнаго капитала, отличнаго или отдѣльнаго отъ совокупной рабочей силы, хотя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно съ полнымъ правомъ отдѣлять и противопоставлять другъ другу капиталъ рабочей силѣ. Сложеніе, съ одной стороны, частныхъ капиталовъ, съ другой — рабочихъ, даетъ, благодаря множеству взаимоотношеній и функціональныхъ различій, представленіе объ обществѣ, ведущее лишь къ заблужденіямъ. Съ общественной точки зрѣнія капиталъ нужно понимать лишь какъ потенціальную силу, составной частью которой является и рабочая сила *).

Почти тоже нужно сказать о резервной арміи капитала. Существуетъ достаточно конкретныхъ случаевъ, соотвѣтствующихъ этому понятію; въ большинствѣ производствъ существующее предложеніе рабочей силы превышаетъ спросъ на нее. Тѣмъ не менѣе понятіе промышленной резервной арміи, „регулирующей общее движеніе заработной платы“, находящейся въ полномъ распоряженіи „*капитала*“ и удерживающей заработную плату на опредѣленномъ уровнѣ,— представляетъ обобщеніе, не соотвѣтствующее дѣйствительности. Оно противорѣчитъ крупнымъ различіямъ въ заработной платѣ и въ условіяхъ труда.

Этимъ ни въ какомъ случаѣ не опровергается зависимость современнаго рабочаго отъ владѣльца капитала. Какъ уже указывалось выше, тотъ, напр., фактъ, что рабочій въ современной промышленности сохраняетъ индивидуальность, далеко не всегда благопріятенъ для него. Эта индивидуальность означаетъ слишкомъ часто ограниченіе, спеціальную функцію, которая ставитъ его въ тѣмъ большую *зависимость* отъ опредѣленнаго предпринимателя, чѣмъ утонченнѣе его функція, потому что тѣмъ *ограниченнѣе* рынокъ для сбыта

*) Чтобы понять сказанное въ текстѣ и слѣдующее далѣе, пусть представятъ себѣ слѣдующую сумму: x прядильныхъ машинъ $+$ y токарныхъ станковъ $+$ z ножницъ $+$ α угольныхъ копей $+$ β шрифта $+$ и т. д.

его труда. Такіе рабочіе-спеціалисты часто долѣе остаются безъ занятій, чѣмъ продающіе простую неквалифицированную силу *).

Резюмируемъ: теорія фонда заработной платы, теорія народонаселенія, теорія кризисовъ, ученіе о резервной арміи— имѣютъ въ своемъ основаніи реальныя отношнія, всѣ онѣ представляютъ частичныя истины, которыми въ извѣстныхъ границахъ необходимо воспользоваться при объясненіи явленія заработной платы, но которыя его вполнѣ не объясняютъ. То же надо сказать объ указаніи на земельную монополію и феодальныя права, равно какъ—слѣдуетъ прибавить—о ссылкѣ на трудовую теорію стоимости и ученіе о предѣльной полезности, которое тоже въ данномъ случаѣ должно сказать свое слово.

Проблема заработной платы есть соціологическая проблема, которую никто не сумѣетъ объяснить чисто экономически. Это понимаютъ болѣе или менѣе ясно всѣ экономисты, которые мучаютъ себя, стараясь дать опредѣленіе цѣнности труда или рабочей силы. Но при этихъ опредѣленіяхъ дѣло идетъ, обыкновенно, какъ при всѣхъ другихъ опредѣленіяхъ соціальной науки: богатство содержанія въ концѣ концовъ забывается и принимается во вниманіе или придается непропорціонально важное значеніе только одной сторонѣ явленія.

Отъ этой ошибки не свободенъ и самъ Марксъ, который въ „Капиталѣ", въ главѣ „Покупка и продажа рабочей силы" прекрасно характеризуетъ проблему въ слѣдующихъ словахъ: „Въ противоположность другимъ товарамъ, цѣнность рабочей силы заключаетъ *историческій* и *моральный* элементы"; указавъ на „необходимыя потребности", которыя соотвѣтственно доктринѣ опредѣляютъ стоимость рабочей

*) Ничто не показываетъ съ большей наглядностью ростущей спеціализаціи рабочихъ, чѣмъ сравненіе столбцовъ современныхъ газетъ, посвященныхъ рабочему рынку съ соотвѣтствующими столбцами газетъ 1890, 1880 и 1870 г.г. и т. д. Но даетъ ли сложеніе спроса и предложенія рабочаго рынка вѣрную картину состоянія резервной арміи капитала? Конечно, нѣтъ. Когда x механиковъ, y типографщиковъ, z ткачей ищутъ занятій, и существуетъ спросъ на z механиковъ, y ткачей и x типографщиковъ, то, хотя съ обѣихъ сторонъ стоитъ $x + y + z$, однако не можетъ быть и рѣчи о равенствѣ спроса и предложенія.

силы, онъ говоритъ далѣе, что объемъ этихъ потребностей опредѣляется „въ большей своей части *культурнымъ* уровнемъ страны“, а между прочимъ также тѣмъ „среди какихъ обстоятельствъ и, поэтому, съ какими *привычками* и *требованіями къ жизни* образовался классъ свободныхъ рабочихъ“*).

„Историческій“, „моральный“, „культурный уровень“, „требованія къ жизни“ — невозможно лучше указать на обширный соціологическій характеръ проблемы, чѣмъ это сдѣлано въ слишкомъ забываемомъ опредѣленіи **).

Марксъ, однако, продолжаетъ: „Для опредѣленной страны и опредѣленнаго періода средній объемъ необходимыхъ средствъ существованія представляетъ данную величину“.

Это утвержденіе нуждается въ существенныхъ ограниченіяхъ; да и вообще понятіе средней величины является однимъ изъ наиболѣе опасныхъ научныхъ средствъ, съ которыми необходимо обращаться съ крайней осторожностью. По отчету англійскаго статистика Гиффона въ „Royal Commission of Labour“ 1892 г., заработная недѣльная плата взрослаго рабочаго въ Соединенномъ королевствѣ въ 1889 г. достигала въ среднемъ 24 шилинговъ, 7 пенсовъ. Спеціальная же таблица, на основаніи которой получена эта средняя цифра, заключаетъ въ себѣ слѣдующія различія:

*) Капиталъ I т. стр. 134.

**) Эти слова показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какомъ условномъ смыслѣ человѣческая рабочая сила можетъ быть названа товаромъ. Она не представляетъ продукта промышленной дѣятельности и не въ состояніи мѣнять владѣльца. Она de facto также прикрѣплена къ личности рабочаго, какъ фидеикомиссъ de jure прикрѣпленъ къ личности наслѣдника. И на самомъ дѣлѣ, рабочій договоръ гораздо болѣе похожъ на арендный договоръ, чѣмъ на куплю-продажу. Обозначеніе рабочей силы, какъ товара, представляетъ скорѣй риторическую фразу, чѣмъ точное научное опредѣленіе. Ея значеніе состоитъ въ томъ, что она наглядно представляетъ зависимость рабочаго отъ рабочаго рынка, потому что эта зависимость, какъ извѣстно, не только не уменьшается тѣмъ, что рабочая сила не можетъ быть отдѣлена отъ личности рабочаго, но еще увеличивается.

Поводомъ къ этому замѣчанію послужило для меня письмо одного молодого соціалиста изъ Гамбурга, полученное мною непосредственно передъ сдачей въ печать этой книги, и въ которомъ авторъ спрашиваетъ мое мнѣніе по вопросу, представляетъ ли рабочая сила товаръ, или нѣтъ. Въ точномъ мыслѣ этого слова—нѣтъ.

Изъ 7.300,000 взрослыхъ рабочихъ недѣльную плату получали:

менѣе 10 шил.	14,600	рабочихъ или		0.2%
отъ 10 до 15 шилл.	182,500	„	„	2.5 „
„ 15 „ 20 „	1.525,700	„	„	20.9 „
„ 20 „ 25 „	2.584.200	„	„	35.4 „
„ 25 „ 30 „	1.722,600	„	„	23.6 „
„ 30 „ 35 „	817,600	„	„	11.2 „
„ 35 „ 40 „	321,400	„	„	4.4 „
болѣе 40 „	131.400	„	„	1.8 „
	7.300,000			100%

Можно оставить въ сторонѣ крайніе пункты таблицы, и достаточно просмотрѣть средніе члены, чтобы видѣть къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ повести понятіе средней величины необходимыхъ средствъ существованія. Эта средняя величина очень различна для различныхъ слоевъ рабочаго класса. Даже въ предѣлахъ одной и той же страны мы встрѣчаемся съ значительными различіями въ заработной платѣ, въ зависимости отъ профессіи и мѣстности. Конечно, денежная заработная плата можетъ обманывать, благодаря различію въ цѣнѣ предметовъ въ различныхъ частяхъ страны, такъ что меньшій денежный доходъ въ одномъ мѣстѣ представляетъ большую сумму потребительныхъ благъ, чѣмъ высшій доходъ въ другой мѣстности. Но одного взгляда на тарифы національныхъ организацій рабочихъ, считающихся съ этими различіями въ цѣнахъ, достаточно, чтобы видѣть, что они въ общемъ не достигаютъ большихъ размѣровъ и рѣдко означаютъ болѣе 10% разницы въ заработной платѣ. Наша же таблица показываетъ, что различія въ заработной платѣ даже въ среднихъ членахъ достигаетъ 20, 30, 40, 50% и болѣе.

Дѣло въ томъ, что различія, вытекающія изъ различія въ природѣ спеціальныхъ работъ, рядомъ съ различіями, объясняющимися исторіей отдѣльныхъ профессій, обусловливаютъ разнообразныя требованія къ жизни соотвѣтствующихъ рабочихъ; а также—въ томъ, что эти требованія или привычки часто сохраняются и тогда, когда условія, ихъ создавшія давно уже исчезли. Поэтому первую половину

помѣщенной выше цитаты изъ Маркса необходимо дополнить указаніемъ на то, что рабочій классъ составляется изъ различныхъ слоевъ, образовавшихся въ различныя эпохи, при различныхъ обстоятельствахъ и сохраняющихъ по традиціи свои привычки *).

Возникаетъ вопросъ, не существуетъ ли по отношенію къ этимъ различіямъ въ заработной платѣ *уравнительной* тенденціи, которая осуществляется, хотя медленно, но замѣтно. Несомнѣнно, что существуютъ силы, вліяющія въ сторону подобнаго уравненія. Введеніе общественнаго школьнаго образованія и повышеніе образовательнаго минимальнаго уровня, прогрессивное распространеніе и удешевленіе средствъ сообщенія, образованіе профессіональныхъ союзовъ и ростъ ихъ силы, ростущая законодательная защита труда женщинъ и малолѣтнихъ — все это уравнительные факторы. Но одновременно существуютъ силы вызывающія все новыя и новыя дифференціаціи,—напр., профессіональные союзы имѣютъ два слоя,—подобно тому, какъ каждый профессіональный союзъ, *какъ бы онъ ни назывался*, скрываетъ въ себѣ двѣ тенденціи: нивелирующую и дифференцирующую и стремится къ уравненію, а также и къ возможной эксплуатаціи *преимуществъ своего положенія.* То же можно сказать — на

*) Въ примѣчаніи къ 5-й главѣ, стр. 160, I тома „Капитала“, Марксъ указываетъ на то, что различная оплата рабочихъ покоится частью на традиціи, частью на особенно безпомощномъ положеніи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса. Признаніе этого факта уже заключаетъ указаніе на то, какъ ошибочно при рѣшеніи настоящей проблемы исходить изъ представленія о рабочемъ классѣ, какъ объ однородной массѣ. Чтобы получить правильную картину, необходимо одинаково имѣть въ виду, какъ различія въ положеніи и условіяхъ различныхъ группъ и слоевъ рабочаго класса, такъ и то, что свойственно всѣмъ наемнымъ рабочимъ. Марксъ указываетъ на обѣ стороны, но удержалъ и развилъ лишь моментъ общности, единства. По отношенію къ вопросу образованія реальной заработной платы, Марксъ настойчиво указываетъ на различія и на ихъ причины, но въ теоріи стоимости „капиталъ“ и „трудъ“ фигурируютъ въ абстракціи, лишенные всякихъ особыхъ признаковъ. Въ извѣстныхъ границахъ, т.-е. поскольку дѣло идетъ объ анализѣ того, что принципіально обще для всѣхъ наемныхъ рабочихъ, подобная абстракція естественна и даже необходима. Но граница допустимости подобной абстракціи показываетъ также границу примѣненія полученныхъ этимъ путемъ результатовъ.

что ужъ было указано выше — относительно развитія техники. Съ одной стороны, она нивелируетъ, съ другой—дифференцируетъ. Это перекрещиваніе одного теченія другимъ пока еще настолько сильно, что въ настоящее время трудно сказать, какой изъ двухъ потоковъ преобладаетъ. Безъ старательнаго и обширнаго изслѣдованія здѣсь можно выставить лишь предположенія.

Поскольку движеніе денежной заработной платы можетъ служить показателемъ, въ настоящее время происходитъ медленное всеобщее возростаніе заработной платы. Для Англіи этого факта теперь ужъ никто не отрицаетъ, но его можно доказать и для континента. Новѣйшія таблицы подоходнаго налога указываютъ на сокращеніе низшей ступени плательщиковъ и приростъ всѣхъ остальныхъ классовъ. Не вездѣ въ одинаковой пропорціи съ денежной заработной платой — въ одномъ мѣстѣ медленнѣе, въ другомъ — быстрѣе — повышается и реальная заработная плата, увеличивается потребленіе. Объемъ предметовъ потребленія, считаемыхъ необходимыми, расширяется почти во всѣхъ слояхъ рабочаго класса. Такъ какъ исходный пунктъ этого развитія находится очень низко, то это далеко не означаетъ всеобщаго благосостоянія, но лишь первый шагъ по пути къ нему.

Будетъ ли продолжаться это развитіе? Будетъ ли оно прервано потрясеніями, которыя отнимутъ пріобрѣтенное въ теченіе многихъ лѣтъ и вернутъ рабочихъ къ исходному пункту? На эти вопросы можно отвѣтить лишь условно, гипотетически. Подобный перерывъ въ развитіи можетъ быть вызванъ или сильнымъ кризисомъ или реакціонной властью—со стороны ли союзовъ предпринимателей, или со стороны дѣйствующаго въ интересахъ класса предпринимателей государства. Каждое стѣсненіе дѣйствій профессіональныхъ союзовъ, каждый профессіональный застой въ производствѣ, всякое реакціонное движеніе въ области фабричнаго законодательства и, вообще, соціальной политики, равно какъ всякое вздорожаніе предметовъ питанія и комфорта означаетъ застой или обратное движеніе реальной заработной платы. Поскольку эти тенденціи могутъ быть задержаны, постольку уменьшается опасность всеобщаго обрат-

наго движенія заработной платы; поскольку свобода движеній рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ властью капитала крѣпнетъ, поскольку сохраняется устойчивость хода дѣлъ, постольку увеличивается возможность дальнѣйшаго возростанія заработной платы.

До тѣхъ поръ пока увеличивается производительность труда въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ, средства транспорта умножаются и еще есть свободная земля для обработки, до тѣхъ поръ нѣтъ никакого естественнаго экономическаго закона, диктующаго опредѣленную высоту заработной платы. Ея повышеніе можетъ быть задержано различными законодательными мѣропріятіями и попустительствомъ (напримѣръ, терпимость по отношенію къ ростовщическимъ монополіямъ и т. п.), разнаго рода частнохозяйственными маневрами (дѣйствіями), но также нѣтъ никакого естественнаго закона, диктующаго ея застой. Масса производимыхъ ежегодно потребительныхъ благъ постоянно возростаетъ, и не существуетъ никакого экономическаго естественнаго закона, который бы предписывалъ, какая доля этого продукта должна достаться *производительнымъ* и *служебнымъ* слоямъ общества и какая доля — достается *собственникамъ.* Распредѣленіе общественнаго богатства во всѣ времена было вопросомъ силы и организаціи. Чѣмъ устойчивѣе отношенія силы, чѣмъ неподвижнѣе организаціи, тѣмъ съ большимъ правомъ можно назвать желѣзными принципы, регулирующіе распредѣленіе и, слѣдовательно, законъ заработной платы. Въ современномъ обществѣ отношенія силы и формы организаціи постоянно измѣняются; новообразованія въ одной сферѣ оказываютъ обратное воздѣйствіе на другую, и результаты обѣихъ образуютъ опредѣляющій факторъ распредѣленія благъ.

Современное общество по отношенію къ распредѣленію дохода представляетъ обширную равнину не съ совершенно гладкой поверхностью, на которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступаютъ болѣе или менѣе значительные холмы. То, что эти холмы покрываютъ лишь ничтожную долю поверхности, не представляетъ специфическаго явленія для современнаго общества. Наоборотъ. Въ первое время число холмовъ, т. е. процентное отношеніе богатыхъ—по отношенію ко всей

поверхности—было *незначительнѣе*. Для нашей эпохи характерно относительное *увеличеніе* числа и размѣровъ этихъ холмовъ, *увеличеніе числа богатыхъ и ихъ богатствъ*. Это увеличеніе еще не представляетъ необходимо зла съ хозяйственной точки зрѣнія, поскольку оно совершается параллельно съ еще большимъ возростаніемъ всего общественнаго богатства, и оно было и продолжаетъ быть необходимымъ или выгоднымъ для общества, поскольку прогрессъ производства зависѣлъ и *зависитъ* отъ скопленія средствъ производства и хозяйства въ отдѣльныхъ рукахъ. Съ увеличеніемъ числа и съ развитіемъ коллективистскихъ учрежденій уменьшается необходимость скопленія средствъ хозяйства въ отдѣльныхъ рукахъ, и болѣе равномѣрное распредѣленіе становится соединимымъ съ экономическимъ прогрессомъ. Этотъ процессъ замѣчается теперь въ самыхъ различныхъ признакахъ: государство и община, частнохозяйственныя и корпораціонныя коллективныя учрежденія становятся въ большей и большей степени капиталистической силой. *Паденіе процента прибыли сопровождается ростомъ, а не уменьшеніемъ соціальнаго накопленія.*

Устраненіе наемной формы труда зависитъ отъ образованія и развитія неоплачиваемыхъ публичныхъ службъ (общественныхъ работъ) — (öffentliche Dienste). Дойдетъ ли дѣло до того, что всѣ блага будутъ выдаваться безденежно и всѣ работы будутъ совершаться добровольно или въ формѣ соціальныхъ обязанностей—этотъ вопросъ мы оставимъ здѣсь безъ отвѣта, такъ какъ во всякомъ случаѣ подобное состояніе водворится въ неизмѣримо отдаленномъ будущемъ. До тѣхъ же поръ, пока такой порядокъ не наступитъ, каждая услуга, не представляющая соціально-обязательной службы или добровольной работы изъ любви, будетъ оплачиваться прочно установленной платой или окладомъ, увеличенной, можетъ быть, какого-либо рода преміей (участіе въ избыткахъ прибылей) и *дополненной* неоплаченными услугами всего общества. Поэтому, ходячее боевое слово: „устраненіе системы наемнаго труда“—*ошибочно*. Дѣйствительное развитіе въ промышленности, торговлѣ и службахъ при путяхъ сообщенія (Verkehrsdienst), наоборотъ, въ направленіи расширенія и превращенія во всеобщее правило отношеній найма, и

въ то время какъ требованіе всего продукта труда со стороны рабочихъ признается теперь явною нелѣпостью въ хозяйственномъ и соціальномъ отношеніи, хозяйственныя боевыя организаціи рабочихъ — профессіональные союзы — борются даже съ частичнымъ участіемъ въ прибыляхъ какъ съ анти-соціальнымъ теченіемъ и отрицаютъ оплату натуральными продуктами, какъ „Truck" (обманъ). Они стремятся, напротивъ, *поднять и сохранить форму наемнаго труда!* Борьба рабочаго класса направляется теперь не противъ *формъ* и отношеній *зависимости* въ хозяйствѣ, *понижающихъ* заработную плату и препятствующихъ ей возростать пропорціонально росту общественнаго богатства. Форма найма является лишь однимъ звеномъ въ системѣ или строѣ хозяйства, который теперь измѣняется посредствомъ развитія демократическаго или общественнаго коллективизма, и можно понимать лишь въ символическомъ смыслѣ, когда это стремленіе къ измѣненію хозяйственной системы называютъ борьбой противъ системы заработной платы. Фактически же это есть *борьба за систему опредѣленія заработной платы.*

Объ отношеніи естественныхъ наукъ къ обществовѣдѣнію.

(1895 г.).

I.

Политическая экономія и естествовѣдѣніе.

Платье дѣлаетъ людей. Скучнѣйшій и обычнѣйшій изъ людей, появившійся внезапно въ необыкновенномъ костюмѣ, привлекаетъ хоть на одно мгновеніе къ себѣ вниманіе. Какъ часто случается, новыя формулы, новыя названія, новая одежда заставляютъ въ первый моментъ думать, что за ними скрывается на самомъ дѣлѣ новая мысль, новый результатъ изслѣдованія, новая истина, такъ же часто это оказывается лишь красивымъ плащемъ, которымъ прикрывается общее мѣсто, чтобы достигнуть эффекта, котораго нельзя получить инымъ путемъ.

Съ такой мыслью мы выпустили изъ рукъ книгу, къ чтенію которой, признаемся, мы приступили съ нѣкоторымъ интересомъ. Она изслѣдуетъ или обѣщаетъ изслѣдовать правда не новую тему о расточеніи въ современномъ обществѣ *), но по новому методу. Этотъ методъ является или представляется авторомъ, какъ „естественно-научный“.

Г. Новиковъ, авторъ книги, не первый пытается приложить методъ естествознанія для объясненія экономическихъ

*) J. Novicow: Les gaspillages des sociétés modernes. Contrubution à la question sociale. Biblioteque de philosophie contemporaine. Paris 1894. Felix Alcan.

явленій и для разрѣшенія экономическихъ проблемъ. Онъ имѣлъ предшественниковъ, попытки которыхъ „естественно“ потерпѣли неудачу. Говоря это мы имѣемъ въ виду не классическую политическую экономію. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ много или мало дала она, мы должны лишь замѣтить, что естественные законы политической экономіи, какъ, напр., они даны Рикардо, представляютъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ примѣненіе естественно-историческаго метода въ политической экономіи. Въ первомъ случаѣ, историческія различія, слѣдствія иныхъ способовъ производства, или недостаточно отмѣчались, или совсѣмъ игнорировались; но примѣненіе естественно-историческаго метода къ политической экономіи идетъ еще далѣе: оно уничтожаетъ или игнорируетъ различіе между міромъ природы и человѣка. Мы конечно сознаемъ, что и человѣкъ принадлежитъ къ природѣ. Но человѣкъ въ то же время единственное существо, воздѣйствующее на природу сознательно и цѣлесообразно, подчиняетъ ее своимъ потребностямъ и сами эти потребности развиваетъ все выше и шире. Если при всемъ томъ человѣкъ подчиненъ законамъ природы, то послѣдніе образуютъ лишь *предпосылки* его экономической дѣятельности и въ томъ смыслѣ признаются всѣми экономистами, хотя не всѣми въ достаточной мѣрѣ. Но въ то же время законы природы стоятъ въ извѣстномъ *противорѣчіи* къ экономической дѣятельности, именно потому, что тамъ, гдѣ начинается послѣдняя, кончается свободное господство природы. Природа сама по себѣ не создаетъ ни одной экономической категоріи, ни наемныхъ рабочихъ, ни капиталистовъ, ни заработной платы, ни прибыли, ни земельныхъ собственниковъ, ни земельной ренты, ни спроса, ни предложенія, ни потребленія, ни запаса продуктовъ. Да, она не создаетъ даже запаса продуктовъ. Первобытный лѣсъ можетъ изобиловать плодами, лугъ можетъ изобиловать дичью, но это естественное богатство не представляетъ „запаса“, оно лишь доставляетъ матеріалы для созданія запаса. Также мало совпадаетъ потребность въ питаніи съ экономической категоріей потребности, хотя часто первая лежитъ въ основаніи второй. Потребность въ питаніи имѣетъ и животное, но „потребность“ включаетъ покупку или обмѣнъ, т. е.

общество или индивидовъ, обмѣнивающихся между собой. Коротко говоря, естественно-историческая политическая экономія заключаетъ въ самой себѣ противорѣчіе, такъ какъ одна ея часть уничтожаетъ другую.

Все это, конечно,—избитыя истины, настолько избитыя, что книга, обѣщающая дать естественно-историческую политическую экономію или объявляющая, что она исходитъ изъ нея, не должна разсчитывать на другое отношеніе, какъ къ игрѣ словъ. Но, можетъ быть, дѣло измѣняется, когда въ основаніе политической экономіи кладется, какъ это дѣлаетъ авторъ, рядъ примѣровъ и опытъ біологіи? Біологія разсматриваетъ человѣка, какъ *живое существо*, иногда какъ существо, живущее въ *обществѣ*, но что касается самаго общества, то она изслѣдуетъ его въ наиболѣе примитивныхъ формахъ. Чѣмъ больше удаляется человѣческое общество отъ своего примитивнаго типа, тѣмъ менѣе приложимы къ нему біологическія понятія, и совершенной нелѣпостью является перенесеніе этихъ понятій на общественныя отношенія культурныхъ людей. Лучшее, что здѣсь можно получить—это болѣе или менѣе остроумныя аналогіи, которыми такъ изобилуетъ соціологическая литература со времени Конта и Спенсера. Чтобы указать на нѣмецкаго автора, напомнимъ о книгѣ Шефле: „Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла“, которая составляетъ, быть можетъ, наиболѣе систематическую попытку перенесенія біологическихъ понятій въ соціологію. Но какъ только или поскольку этимъ понятіямъ хотятъ придать нѣчто большее, чѣмъ значеніе простыхъ аналогій, они неминуемо становятся источникомъ сознательныхъ или безсознательныхъ *извращеній* общественныхъ явленій: въ одномъ мѣстѣ они ведутъ къ *конструированію* несуществующихъ отношеній, въ другомъ—къ *затемнѣнію* существующихъ *различій* и *противорѣчій*.

Произведеніе г. Новикова не представляетъ исключенія. Напротивъ, недостатки этого метода отразились въ немъ въ наиболѣе выпуклой формѣ.

Мы утверждаемъ это не потому, что авторъ—ортодоксальный манчестерецъ. Мы считаемъ манчестерство необходимымъ результатомъ „естественно-научнаго“ метода въ политической экономіи и, потому, очень далеки отъ того, что-

бы возмущаться манчестерствомъ автора, придерживающагося этого метода. Хотя мы не согласны съ окончательными выводами автора, но это не мѣшаетъ намъ признать за нимъ заслугу послѣдовательнаго развитія своей мысли. Вполнѣ послѣдовательно—вывести изъ естествознанія полезность и цѣлесообразность „естественной“ игры экономическихъ силъ. Какой смыслъ имѣлъ бы естественно-научный методъ, если бы онъ не привелъ къ этому результату? Но *по пути* къ окончательному результату, г. Новиковъ далеко не послѣдователенъ, равно какъ и въ практическихъ примѣненіяхъ своихъ выводовъ. Научность его естественно-научности часто подвержена большому сомнѣнію.

Уже предисловіе представляетъ прекрасное подтвержденіе сказаннаго. Совершенно въ духѣ манчестерской школы авторъ здѣсь развиваетъ мысль, что мы—человѣчество—бѣдны „не только потому, что наши богатства не равны, но прежде всего потому, что общая сумма богатства на земномъ шарѣ еще слишкомъ незначительна“. Мы не будемъ останавливаться на томъ, что въ формулированной такъ мысли и слѣдующемъ за ней примѣрѣ двухъ денежныхъ суммъ, предназначенныхъ для распредѣленія, Новиковъ противорѣчитъ дальнѣйшему изслѣдованію природы и понятія богатства; но будемъ понимать его въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ самъ себя понимаетъ,—именно, что человѣчество имѣетъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало средствъ питанія и комфорта. Но какъ Новиковъ доказываетъ свою мысль? „Каждый человѣкъ“, пишетъ онъ, „нуждается, по крайней мѣрѣ въ 50-ти килогр. сахару ежегодно. Для тысячи трехъ сотъ милліоновъ индивидуумовъ, населяющихъ нашу планету, это составляетъ шестьдесятъ пять милліардовъ килогр. Но всего производится на земномъ шарѣ шесть милліардовъ, т. е. 4,6 килогр. на индивида, т. е. въ десять разъ меньше требуемаго количества“. Слѣдовательно, необходимо производить въ десять разъ больше сахару для того, чтобы можно было думать о равномъ распредѣленіи. Точно также или еще хуже дѣло обстоитъ съ другими продуктами. Этотъ примѣръ представляетъ прямую противоположность естественно-научному методу. Развѣ человѣкъ нуждается во всѣхъ климатахъ въ одинаковомъ количествѣ сахара? Далѣе,

предположивъ, что эти различія въ среднемъ взаимно выравниваются, развѣ онъ безусловно нуждается въ *искусственно произведенномъ* сахарѣ? Не зависитъ ли требуемое количество сахару отъ обычнаго питанія человѣка, отъ его занятія и т. д.? Мы не думаемъ отрицать того, что въ настоящее время производство пищевыхъ продуктовъ въ общемъ гораздо менѣе потребности въ нихъ, но именно примѣръ сахара менѣе всего здѣсь подходитъ.

„Къ сожалѣнію,“ говоритъ Новиковъ, „можно смѣло утверждать, что изъ десяти обитателей нашей планеты девять имѣютъ недостаточно для удовлетворенія потребности ихъ желудка... Можетъ быть изъ трехъ-сотъ человѣкъ найдется едва одинъ, который спитъ въ хорошей кровати и живетъ въ удобномъ жилищѣ“.

Согласны, и даже не спрашиваемъ, сколько изъ этихъ 299-ти человѣкъ *сознаетъ* этотъ недостатокъ; мы не станемъ скупиться въ этомъ отношеніи, хотя, напр., мы бы оставили африканскаго негра съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ еще на нѣсколько сотъ лѣтъ безъ удобствъ европейскаго жилища. Итакъ, мы „бѣдны“, спрашивается, почему? Потому, объясняетъ далѣе Новиковъ, что мы „мало производимъ и слишкомъ много расточаемъ“. Первое мы пока оставляемъ подъ вопросомъ, послѣднее же вполнѣ признаемъ. Именно соціализмъ утверждаетъ это, и чтобы предотвратить или противодѣйствовать подобному расточенію, онъ, какъ извѣстно, требуетъ введенія планомѣрнаго управленія производствомъ подъ контролемъ всего общества. Мы не отрицаемъ того, что это дѣло не легкое, но оно становится все необходимѣе и поэтому осуществится. Но становится ли оно „естественнымъ“, потому что оно необходимо? Это зависитъ отъ того, что мы понимаемъ подъ словомъ „естественный“.

Природа, какъ извѣстно, далеко не почитательница экономіи, наоборотъ, она самая большая расточительница. Буржуазное общество съ его безмѣрной растратой богатствъ — еще ничто въ сравненіи съ природой. Изъ массы лучей, испускаемыхъ солнцемъ едва милліонная доля попадаетъ на планеты, остальные же теряются въ безконечномъ пространствѣ. Милліарды зародышей живыхъ существъ производятся на землѣ каждое мгновеніе, и они *должны* погибнуть, потому

что нѣтъ условій для ихъ существованія, или эти условія использованы другими существами. Если мы выводимъ понятіе: „естественный“ изъ наблюденій надъ міромъ природы, то *расточительность* представляетъ наиболѣе *„естественное“*, *экономія* наиболѣе *„неестественное“* явленіе. Наиболѣе первобытная экономическая дѣятельность, образованіе запаса, которую мы встрѣчаемъ уже у нѣкоторыхъ породъ животныхъ является *эмансипаціей отъ природы*; прирученіе скота и земледѣліе ставятъ расточительность природы подъ надзоръ человѣка. Онъ подмѣчаетъ, какъ она *создаетъ*, но остерегается подражать ея *методамъ хозяйства.*

Въ этомъ смыслѣ, слѣд., нелѣпо говорить о хозяйствѣ, соотвѣтствующемъ природѣ. Впрочемъ и самъ г. Новиковъ не понималъ въ такомъ смыслѣ „естественно-научнаго метода“, хотя приводимые имъ примѣры заставляютъ часто дѣлать подобные выводы. Такъ, напр., онъ говоритъ: „Окончательная побѣда симбіоза (существованія, основаннаго на взаимодѣйствіи, взаимоотношеніи органовъ) представляетъ завершившійся фактъ въ великой ассоціаціи клѣтокъ, называемой человѣческимъ тѣломъ. Не странно ли было утверждать, что сердце принадлежитъ печени, желудку или легкимъ или что всѣ эти органы принадлежатъ мозгу?

Такъ же мало можно сказать относительно какой-либо клѣтки нашего тѣла, что она принадлежитъ своей сосѣдкѣ. Такъ въ нашемъ тѣлѣ сильно развито іерархическое подчиненіе. Біологическій организмъ гораздо совершеннѣе соціальнаго. Таковъ результатъ конкурренціи. Милліоны формъ, изъ которыхъ развился человѣкъ, погибли въ безжалостной борьбѣ за существованіе, и сохранились лишь наиболѣе совершенныя, наименѣе паразитныя. То же развитіе будетъ совершаться и въ обществѣ. Тѣ изъ обществъ, въ которыхъ паразитизмъ слишкомъ развитъ, погибнутъ прежде всего; тѣ же въ которыхъ восторжествуетъ симбіозъ сохранятся долѣе другихъ“ *).

„*Таковъ результатъ конкурренціи*“. Соціальный организмъ страдаетъ, слѣдовательно, не отъ избытка, а отъ недостатка конкурренціи. Чѣмъ болѣе конкурренціи, тѣмъ болѣе „сим-

*) Тамъ же, стр. 127.

біоза“. Мы ничего не приписываемъ г. Новикову, но лишь резюмируемъ ходъ его мысли. Все, что ограничиваетъ конкурренцію, для него—расточительность или источникъ расточительности. Но онъ останавливается на полъ-пути. Онъ допускаетъ лишь экономическую и духовную конкурренцію. Наоборотъ, онъ отвергаетъ *военную* конкурренцію, которая играла такую большую роль въ исторіи и въ борьбѣ обществъ за существованіе. Мы, конечно, ничего противъ этого не имѣемъ, но мы не понимаемъ, почему здѣсь примѣръ природы, въ которой господствуетъ „безжалостная“ борьба, не считается достойнымъ подражанія, почему военное превосходство не должно считаться признакомъ превосходства, болѣе развитого „симбіоза“? Правда, г. Новиковъ, не затрудняясь, приводитъ примѣръ изъ области біологіи для подтвержденія своей мысли. Онъ сравниваетъ современныя великія государства съ ихъ военнымъ вооруженіемъ съ громадными доисторическими животными, колоссальные панцыри которыхъ, по его мнѣнію, напоминаютъ броню нашихъ военныхъ судовъ и гигантскія пушки. „Всѣ эти вооруженные звѣри погибли въ борьбѣ съ животными, хотя болѣе слабыми, но живущими обществами. Обезпеченность существованія (и слѣд., переживаніе) была достигнута не при помощи индивидуальнаго вооруженія, но съ помощью ассоціаціи“ *). Мы не настолько сильны въ палеонтологіи, чтобы сказать съ увѣренностью, погибли ли мегатеріи и мегалозавры въ борьбѣ съ другими родами животныхъ или вслѣдствіе климатическихъ или геологическихъ измѣненій; фактъ же сохраненія до настоящаго времени не-соціальныхъ животныхъ говоритъ противъ безусловной необходимости перваго допущенія. И если даже признать приводимый фактъ вѣрнымъ, все-таки примѣръ не подходилъ бы къ данному случаю, такъ какъ современныя великія государства представляютъ организованныя общества, которымъ пока не противопоставляются никакія лучше организованныя общества.

Какъ бы то ни было, однако, милитаризмъ является причиной громаднаго расточенія богатствъ и долженъ быть искорененъ. Хорошо. Но милитаризмъ характеренъ для со-

---

*) Тамъ же, стр. 240.

временнаго общества лишь въ теперешней его формѣ. Война же происходила всегда, военная каста, живущая за счетъ остального народа, существовала у различныхъ народовъ въ различныя эпохи. То же надо сказать относительно паразитизма чиновничества. До *капитализма* не существовало также *неограниченной конкурренціи внутри общества*. Новиковъ не говоритъ ни слова о безмѣрномъ расточеніи богатствъ, объ ужасномъ паразитизмѣ, которые являются слѣдствіемъ именно этихъ, характерныхъ для современнаго общества, явленій. Ему мѣшаетъ ихъ видѣть его естественно-научная политическая экономія. Не только конкурренція, но и капиталъ являются въ его глазахъ *біологическими* категоріями. „Соціалисты, кажется, забываютъ, что капитализація не только экономическій, но и біологическій фактъ. Жиръ, образующійся въ тѣлѣ человѣка, соотвѣтствуетъ капиталу. Это запасъ, служащій для того, чтобы въ случаѣ нужды содержать промышленность“ *). Г. Новиковъ, кажется, забываетъ, что, во-первыхъ, капиталъ и запасъ—двѣ различныя вещи, во-вторыхъ, что существуетъ болѣзнь, называемая *ожирѣніемъ*, когда образованіе жира совершается на счетъ функцій необходимыхъ органовъ. Послушаемъ, однако, его дальше.

„Впрочемъ, конкурренція, какъ и капитализація—естественное явленіе. Она совершается между атомами одного и того же тѣла, между клѣточками организма, между идеями и волевыми проявленіями мозга, между видами растеній и животныхъ, наконецъ, между индивидами въ нѣдрахъ одной и той же націи и между націями въ нѣдрахъ человѣчества. Конкурренція—это особая сторона борьбы за существованіе, это тотъ актъ, въ которомъ проявляется энергія матеріи. Желать ея устраненія, значитъ, желать не менѣе, какъ устраненія движенія во вселенной!“ **).

Послѣдняго же, конечно, никто не желаетъ, и, слѣдовательно, соціализмъ навсегда опровергнутъ. Жаль только, что при этомъ прекрасномъ выводѣ исчезли всѣ опредѣленія формы, всѣ характерные признаки конкурренціи въ капиталистическомъ обществѣ. Почему не сказать лучше, что

---

*) Тамъ же, стр. 271.
**) Тамъ же, стр. 273.

желать устраненія *кризисовъ*, промышленныхъ *застоевъ*, желать уничтоженія такого положенія дѣлъ, при которомъ все большая доля труда употребляется не на полученіе средствъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, а на производство рекламы, на то, для чего французы имѣютъ такое прекрасное выраженіе faux frais (ложныя издержки)—однимъ словомъ, что желать уничтоженія *анархіи производства*—это значитъ желать уничтоженія движенія во вселенной? Но тогда всякому было бы понятно, что значитъ подобное утвержденіе.

Чтобы прикрасить старыя лохмотья манчестерства, Новиковъ снабдилъ свои разсужденія новоизобрѣтенными греческими терминами. Конечно, мы не имѣемъ ничего противъ образованія новыхъ словъ для новыхъ понятій, и если по тѣмъ или другимъ причинамъ свой собственный языкъ недостаточенъ, то безъ сомнѣнія можно съ полнымъ правомъ пользоваться греческимъ. Но къ подобнымъ заимствованіямъ можно прибѣгать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно чувствуется необходимость въ новомъ словѣ, и послѣднее должно быть точно опредѣлено. Мы не станемъ изслѣдовать, насколько изобрѣтенныя Новиковымъ слова удовлетворяютъ этимъ требованіямъ, но лишь освѣтимъ то примѣненіе, которое онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Вотъ два изъ созданныхъ имъ словъ: хризогедонизмъ и ктезогедонизмъ. Послѣднее слово означаетъ у Новикова считаемое имъ ложнымъ представленіе, по которому богатство наслажденій совпадаетъ съ собственностью. Хризогедонизмъ означаетъ ошибочное представленіе о богатствѣ, какъ о деньгахъ, составляющихъ источникъ всѣхъ наслажденій. Это заблужденіе раздѣляютъ не только кучка совратителей, но также, полагаетъ Новиковъ, къ сожалѣнію масса *рабочихъ*. Ослѣпленіе это состоитъ въ томъ, что они воображаютъ, будто чѣмъ выше ихъ заработная плата, тѣмъ болѣе сумма ихъ наслажденій. Новиковъ понимаетъ все дѣло гораздо лучше. Онъ знаетъ не только, что повышенная заработная плата еще не означаетъ увеличенія суммы наслажденій, если цѣна послѣднихъ возростаетъ, онъ знаетъ больше, а именно, что „каждый разъ, когда рабочій добивается большей заработной платы, чѣмъ средняя рыночная цѣна его труда,

онъ обкрадываетъ самого себя, потому что онъ возвышаетъ цѣну предметовъ, потребителемъ которыхъ является онъ же самъ" *). И все это происходитъ отъ незнанія греческаго языка.

Впрочемъ не станемъ смѣяться напередъ. Новиковъ приводитъ *доказательства* въ пользу своего чудеснаго открытія что рабочіе благодѣтельствуютъ себѣ или благодѣтельствуются предпринимателями каждый разъ, когда понижается заработная плата. Немного ниже онъ приводитъ слѣдующее, какъ „одинъ примѣръ изъ тысячи". „Въ Калифорніи китайцы удовлетворяются шестью долларами въ недѣлю, тогда какъ европеййы требуютъ одиннадцать. Съ тѣхъ поръ какъ сыны Небесной имперіи занялись башмачнымъ промысломъ, цѣна дамскихъ башмаковъ упала съ двѣнадцати на девять долларовъ за дюжину" **). Мы поражены! Этотъ примѣръ долженъ опровергнуть хризогедонизмъ европейскихъ рабочихъ. Но—если приведенныя цифры правильны, то онѣ лишь указываютъ, что китайцы, вопреки своей мудрости, плохо разсчитали. Если мы примемъ стоимость башмаковъ за мѣру заработной платы, то оказывается, что китаецъ можетъ купить лишь двѣ трети дюжины башмаковъ, тогда какъ европеецъ—одиннадцать двѣнадцатыхъ. Выраженная въ продуктѣ своего собственнаго труда, заработная плата упала съ одиннадцати до восьми. Если хризогедонизмъ рабочихъ когда-либо и вредитъ имъ, то въ приведенномъ случаѣ онъ какъ разъ у мѣста.

Но онъ также у мѣста почти всегда въ современномъ обществѣ, даже когда пониженіе заработной платы сопровождается пропорціональнымъ паденіемъ цѣны продукта труда. Для существованія необходимъ не только продуктъ данной категоріи труда. Въ общественномъ строѣ, въ которомъ золото служитъ *всеобщимъ* товаромъ, доля продуктовъ необходимыхъ для существованія рабочаго, получаемая имъ изъ всей суммы производства, зависитъ отъ количества находящагося въ его распоряженіи золота или денегъ. Стремленіе получить за свой трудъ возможно большую сумму денегъ нисколько не зависитъ отъ сознанія того факта, что

*) Тамъ же, стр. 66—67.

**) Тамъ же, стр. 67.

деньги еще не представляютъ, сами по себѣ, хлѣба, одежды, квартиры, книгъ, картинъ и т. п. Почему Новиковъ не упрекаетъ капиталистовъ — „этихъ благодѣтелей человѣчества“ *)—за то, что они стремятся получить за свои товары возможно высокую цѣну, слѣдовательно, возможно большее количество денегъ?

Однако, Новиковъ можетъ въ случаѣ нужды сослаться на то, что то, что онъ пишетъ противъ покровительственныхъ пошлинъ, представляетъ ту же китайскую мудрость, которая можетъ скомпрометировать самое хорошее дѣло, и поэтому мы оставимъ этотъ вопросъ. Защитники покровительственной политики *могутъ* опираться на чрезмѣрную оцѣнку значенія денегъ, но это вовсе не необходимо и въ настоящее время случается довольно рѣдко. Съ другой стороны, каждый новый кризисъ показываетъ даже самому закоренѣлому манчестерцу, что „хризогедонизмъ“ далеко не пустая мечта.

Лучше, чѣмъ аргументы противъ покровительственныхъ пошлинъ, филиппики Новикова противъ бюрократіи, налоговъ (фискализма) и т. п., хотя онъ и здѣсь хватаетъ черезъ край.

Никто не будетъ спорить противъ того, что въ бюрократическомъ государствѣ чиновничество представляетъ громадное расточеніе силъ, что это паукъ, высасывающій соки изъ народа и часто замедляющій и останавливающій его развитіе. Тѣмъ не менѣе приводимое г. Новиковымъ интересное само-по-себѣ вычисленіе—не вѣрно. Онъ упускаетъ другую сторону вопроса. И со всѣми его цифрами Новикову не удалось доказать того, что единственный исходъ для приводимыхъ имъ бюрократическихъ государствъ — это „естественная игра экономическихъ силъ“.

Что такое природа и что значитъ „естественный?“ Первое слово мы употребляемъ для обозначенія совокупности окружающихъ насъ явленій, не представляющихъ произведенія рукъ человѣческихъ и не видоизмѣненныхъ человѣкомъ. Но мы говоримъ о природѣ и о естественномъ, также имѣя въ виду человѣческія произведенія и учрежденія; въ

*) Тамъ же, стр. 68.

послѣднемъ случаѣ мы называемъ естественнымъ то, что вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности учрежденій, то, что съ необходимостью изъ нихъ вытекаетъ. Природа, напримѣръ, не создаетъ ни одного чиновника, но существованіе чиновниковъ въ каждомъ обществѣ есть естественное явленіе. Цѣли, ради которыхъ образовались общества, влекутъ за собой перенесеніе нѣкоторыхъ общественныхъ задачъ на опредѣленныхъ членовъ общества и, слѣдовательно, образованіе сословія чиновниковъ. Каково устройство сословія чиновниковъ,—это зависитъ отъ устройства даннаго общества и отъ его цѣлей; по отношенію къ послѣднимъ чиновничество можетъ быть или слишкомъ многочисленнымъ или слишкомъ малочисленнымъ, слишкомъ вліятельнымъ, или слишкомъ зависимымъ. Но если оно соотвѣтствуетъ своимъ цѣлямъ, то его положеніе и функціи можно назвать „естественными".

Лишь тотъ, кто отвергаетъ всякое обширное общество, можетъ отвергать учрежденіе чиновниковъ. Но кто признаетъ его — а Новиковъ его признаетъ — тотъ долженъ также считаться и съ чиновничествомъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы приспособить объемъ, положеніе и функціи чиновничества къ потребностямъ общества, т.-е. построить и организовать его, соотвѣтственно его „природѣ". Для этого необходимо изслѣдовать общество, *его устройство, составъ, культурный уровень* и, въ послѣднемъ счетѣ, *производственныя отношенія*. Нѣтъ никакого универсальнаго масштаба для измѣренія отношенія „естественнаго" числа чиновниковъ къ числу всего населенія. „Природа" не оказываетъ намъ здѣсь никакой помощи.

Достаточно. Мы очень далеки отъ того, чтобы писать апологію чиновничества; мы не предполагаемъ также, что въ каждой странѣ долженъ существовать высшій разумъ, который долженъ рѣшать, сколько въ ней должно быть чиновниковъ. Мы очень далеки отъ подобнаго предположенія. Вопросъ этотъ рѣшается, сообразно съ положеніемъ общества, другими факторами, другими классами и другимъ способомъ.

Если угодно, мы тоже предоставляемъ разрѣшеніе проблемы естественнымъ законамъ, но это — *общественные* за-

8

коны, вытекающіе *изъ природы общества*, но не переносимые изъ природы на общество.

Многое изъ того, что написалъ Новиковъ въ своей книгѣ, для насъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ его естественно-научная манчестерская политическая экономія. Но мы не можемъ болѣе подробно касаться этихъ пунктовъ. Какъ послѣдовательный защитникъ свободы торговли, онъ — противникъ національной ненависти, такъ называемаго нативизма и эксклюзивизма и говоритъ по этому поводу много хорошаго и вѣрнаго. Напримѣръ, онъ очень хорошо опровергаетъ воззрѣніе о мнимой неспособности нѣкоторыхъ народовъ къ развитію. Иногда онъ очень хорошо говоритъ о развитіи и о факторахъ общественнаго развитія, но лишь для того, чтобы на слѣдующей страницѣ забыть сказанное и преподнести читателю поразительныя наивности манчестерства. Для него служитъ евангеліемъ критика Евгеніемъ Рихтеромъ экономическихъ теорій соціализма, но въ то же время онъ въ восторгѣ отъ политической программы нѣмецкой соціалъ-демократіи, и если онъ вслѣдъ за нѣмецкими свободомыслящими повторяетъ, что нѣмецкіе соціалисты изготовили свою экономическую программу лишь для привлеченія массы, но что они сами не думаютъ о ея осуществленіи, то онъ это говоритъ не въ порицаніе, а въ похвалу. По существу, полагаетъ онъ, нѣмецкіе соціалисты поступаютъ такъ же, какъ нѣкогда поступало христіанство и исламизмъ. Они показываютъ тяжело подвижной массѣ соблазнительную картину будущаго и такимъ образомъ приводятъ ее въ движеніе для достиженія, правда, болѣе скромной, но зато осуществимой цѣли. А вѣдь это большая заслуга.

Благодаримъ за похвалу, но постараемся ея не заслужить.

II.

Принципы природы и вопросы хозяйства.

(Методологическій этюдъ).

(1900).

„Обществовѣдѣніе, какъ естественная наука" — таково заглавіе книги, авторъ которой, Эд. Захеръ, обѣщаетъ дать естественно-научное ученіе объ обществѣ или, по крайней мѣрѣ, желаетъ развить основные принципы этого ученія *). Пишущему эти строки уже не разъ приходилось подвергать разбору подобныя попытки, при чемъ каждый разъ онъ приходилъ, въ общемъ, къ отрицательному результату. Если онъ возвращается здѣсь еще разъ къ этой темѣ, то потому, что трудъ Захера разсматриваетъ ее съ иной точки зрѣнія. чѣмъ большинство „естественно-научныхъ" ученій объ обществѣ, а также и въ другихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Это произведеніе начитаннаго и самостоятельно думающаго писателя, написанное, за исключеніемъ нѣсколькихъ немного напыщенныхъ фразъ въ заключительной главѣ, живо и наглядно и проникнутое несомнѣнно соціалистической тенденціей.

Въ предисловіи г. Захеръ пишетъ, что въ своей книгѣ онъ пытается привести въ связь на естественно-научномъ основаніи, т.-е. съ точки зрѣнія естественно-научнаго воззрѣнія на общество и его учрежденія, и при помощи естественно-научнаго метода, извѣстныя общественныя учрежденія, изслѣдовать причины историческихъ и современныхъ процессовъ, поскольку они имѣютъ отношеніе къ народному хозяйству, и съ полученной точки зрѣнія провѣрить основоположенія наиболѣе вліятельныхъ результатовъ современной общественно-научной мысли" **).

Что значитъ „естественно-научный методъ" и „естественно-научное воззрѣніе?" Захеръ ничего не говоритъ объ

*) Ed. Sacher. Gesellschaftskunde als Naturwissenschaft. Dresden; E. Pierson.

**) Тамъ же, стр. 4.

этомъ; попытаемся поэтому прежде всего выяснить значеніе слова „природа" въ приведенной связи.

Это слово употребляется въ различномъ смыслѣ. Иногда оно обозначаетъ міръ, въ отличіе отъ противопоставляемаго ему высшаго существа, какъ его творца и правителя, иногда имъ обозначаютъ весь міръ явленій, кромѣ человѣческихъ, иногда, наконецъ, его употребляютъ для обозначенія качествъ предметовъ и лицъ, свойственныхъ имъ въ силу ихъ устройства или строенія, для обозначенія ихъ сущности. Общимъ при этомъ остается то, что слово природа указываетъ всегда на нѣчто *независимое отъ воли* предмета, къ которому это слово прилагается. Природа есть всегда *данное*, присущее предмету безъ его воли, *не самопроизвольное*. Когда внѣ-человѣческой природѣ приписывается воля, то мы встрѣчаемся или съ поэтическимъ образомъ или съ перенесеніемъ на природу качествъ, прилагаемыхъ религіей Божеству,—т. е. съ видоизмѣненнымъ теизмомъ.

Естествознаніе изгоняетъ изъ своихъ изысканій подобныя поэтическія смѣшенія понятій. Оно имѣетъ дѣло прежде всего не съ произвольными, а съ непроизвольными явленіями, не съ желательными, а съ необходимыми отношеніями. Главный, хотя и, само собой разумѣется, не единственный принципъ его метода есть опытъ: наблюденіе и экспериментъ. Его главныя отрасли ничего не знаютъ о преднамѣренной цѣлесообразности, но лишь о слѣдствіяхъ, имѣющихъ мѣсто, какъ только приходятъ въ соотношеніе извѣстныя вещи или извѣстныя измѣненія. Тамъ же, гдѣ естествознаніе имѣетъ дѣло, какъ въ ботаникѣ, зоологіи или вообще—въ физіологіи, съ организмами, существованіе и развитіе которыхъ зависитъ отъ правильной и опредѣленной дѣятельности отдѣльныхъ органовъ и отъ внѣшнихъ условій, необходимыхъ для этой дѣятельности, оно признаетъ за этими отдѣльными органами и условіями цѣль по отношенію къ животному, но не больше. Само животное въ глазахъ естествоиспытателя не имѣетъ никакой цѣли; оно можетъ служить пищей для какого-либо другого животнаго или—какъ нѣкоторыя насѣкомыя—средствомъ оплодотворенія какого-либо растенія, но это не цѣлевое, а просто *генетически образовавшееся* отношеніе. Хищное животное не за-

ботится о разведенiи травоядныхъ или болѣе мелкихъ хищниковъ, которыми оно питается; травоядное не заботится о пищевыхъ растенiяхъ, а растенiе—о подходящемъ составѣ почвы, на которой оно произростаетъ. Напротивъ, всѣмъ имъ присуща тенденцiя разрушать условiя своего собственнаго существованiя. Правило: Et propter vitam vivendi perdere causas господствуетъ въ мiрѣ животныхъ и растенiй, и только вмѣшательство обстоятельствъ, лежащихъ внѣ воли заинтересованныхъ существъ—поскольку, вообще, здѣсь можетъ быть рѣчь о волѣ — препятствуетъ доведенiю этого правила до его пагубныхъ результатовъ. Естествоиспытатель не скажетъ, что цѣль овцы — быть съѣденной тѣмъ или инымъ хищнымъ животнымъ, или, что цѣль банана — попасть въ пищу обезьяны и т. п., онъ скажетъ лишь, что тѣ или другiя вещества, тѣ или другiя животныя, растенiя и т. д. служатъ условiями существованiя для другихъ животныхъ или растенiй. Еще меньше придетъ ему въ голову утверждать, что животное имѣетъ цѣль по отношенiю къ тому или иному изъ своихъ органовъ, хотя вмѣстѣ съ его смертью умираетъ и этотъ органъ.

Естествоиспытатель признаетъ цѣлесообразную дѣятельность лишь у высшихъ животныхъ, напр., у пчелы, паука, муравья, у птицъ при постройкѣ ихъ гнѣздъ, у барсука, лисицы и т. п. Неизвѣстно, поскольку эта дѣятельность можетъ быть названа сознательной или обдуманной. Извѣстную степень сознанiя цѣли въ большинствѣ случаевъ нельзя отрицать, какъ нельзя ея отрицать и у хищнаго животнаго, подстерегающаго свою добычу. Развивая извѣстный примѣръ, приведенный Марксомъ, мы можемъ сказать, что пчела, по всей вѣроятности, имѣетъ въ головѣ нѣкоторое представленiе о ячейкѣ, когда она приступаетъ къ ея постройкѣ, и ея отличiе въ этомъ отношенiи отъ человѣка состоитъ въ томъ, что она можетъ *представить себѣ только эту одну ячейку*, которую она также и *должна* представить; другими словами, хотя и возможно, что она имѣетъ представленiе о ячейкѣ, но не какъ продуктъ размышленiя, но какъ готовое, *унаслѣдованное* представленiе. Во всякомъ случаѣ, мы находимся здѣсь на границѣ между царствомъ природы и искусства, такъ какъ искусство въ широкомъ смыслѣ

этого слова есть всякая дѣятельность, въ основанiи которой лежитъ какой-либо планъ, намѣренiе, актъ воли. Наиболѣе грубый продуктъ человѣческаго труда представляетъ произведенiе искусства по сравненiю съ продуктомъ природы, восхищающимъ насъ тонкостью строенiя, симметрiей формы и роскошью красокъ. Въ основанiи перваго положено намѣренiе, въ основанiи же другого—ничего, кромѣ необходимости. Поскольку паукъ плететъ свою сѣть соотвѣтственно извѣстному плану—постольку онъ художникъ. Тотъ фактъ, что онъ можетъ сплесть только сѣть, указываетъ предѣлы его творческой дѣятельности, но не уничтожаетъ ея. Наврядъ ли можно отрицать у паука извѣстное представленiе о планѣ своей работы *).

Принципъ, противоположный природѣ,—искусство,—всякое другое противопоставленiе нелѣпо и приходитъ на извѣстномъ пунктѣ къ безнадежнымъ противорѣчiямъ. Естествознанiе разсматриваетъ мiръ не какъ продуктъ творческой воли, но какъ результатъ ряда процессовъ, являющихся, въ свою очередь, результатомъ закономѣрно, т. е. необходимо дѣйствующихъ силъ. Исходнымъ пунктомъ этого мiровоззрѣнiя является необходимая закономѣрность. Естествознанiе удовлетворяется лишь тогда, когда оно можетъ установить цѣль закономѣрно дѣйствующихъ причинъ. Естественно-научное мiропониманiе исключаетъ произвольное вмѣшательство всякой высшей воли.

Если мы спросимъ, въ чемъ можетъ заключаться естественно-научное воззрѣнiе на общество, то, по аналогiи съ естественно-научнымъ мiропониманiемъ, мы должны прежде всего исключить всякую высшую волю, находящуюся внѣ общества и опредѣляющую его природу и развитiе. Если оно не означаетъ ничего иного, то оно является вполнѣ рацiональнымъ понятiемъ. Но это еще не даетъ полнаго со-

*) Пишущему эти строки случилось наблюдать слѣдующiй фактъ; однажды два дня подъ рядъ онъ случайно разрывалъ паутину, которой паукъ, жившiй въ кустѣ, прикрѣплялъ свою паутину къ другому кусту. На третiй день паутина была снова востановлена и сверхъ того прикрѣплена къ кусту нѣсколькими новыми поперечными нитями. Здѣсь передъ нами несомнѣнная планомѣрность, своего рода искусство, основанное на опытѣ.

держанія слова. Очень различныя представленія объ обществѣ исключаютъ вмѣшательство какой бы то ни было высшей воли въ общественное развитіе.

Когда естествоиспытатель во время своихъ изслѣдованій отказывается отъ идеи о сверхъестественномъ факторѣ, то это означаетъ нѣчто большее, чѣмъ освобожденіе отъ вмѣшательства посторонней силы. Онъ хочетъ также освободиться отъ препятствующей ему въ познаніи закономѣрности идеи *предустановленныхъ цѣлей*. Естествознаніе не знаетъ никакой субъективной міровой цѣли, ни предустановленнаго отношенія цѣлей. Какъ *наука*, оно не исходитъ ни изъ какой эстетической или этической іерархіи цѣлей. Оно не постулируетъ всеобщей гармоніи цѣлей, но удовлетворяется установленіемъ *развивающихся частныхъ* цѣлевыхъ отношеній. Оно изслѣдуетъ ихъ исторію и условія, но оно ищетъ единство не въ цѣли, но въ закономѣрности явленій. Оно изслѣдуетъ необходимость слѣдствій изъ данныхъ фактовъ. Короче, особенность естествознанія въ томъ, что оно изслѣдуетъ *объективную причинность*, и естествоиспытатель смотритъ на міръ, *какъ на слѣдствіе*, а не какъ на цѣль. Если поэтому слово: естественно-научное воззрѣніе на міръ должно представлять больше, чѣмъ абстрагированіе отъ высшей воли, то оно должно обозначать такое представленіе о мірѣ, которое подчиняетъ понятіе цѣли понятію причинъ, т. е. которое разсматриваетъ міръ, какъ слѣдствіе, а не какъ причину.

Такое воззрѣніе на общество, очевидно, мыслимо, и примѣненіе его къ *историческому* изслѣдованію имѣетъ полное основаніе. Въ историческомъ изслѣдованіи—въ соціогенезисѣ, если мнѣ позволятъ такъ выразиться—цѣли должны отступить на второй планъ, предоставивъ мѣсто слѣдствіямъ. По отношенію къ историческому развитію, научное изслѣдованіе считаетъ рѣшающимъ вопросъ: *почему?* и *какъ?* а не зачѣмъ? Оно не можетъ ставить на первый планъ послѣдняго вопроса уже потому, что въ историческомъ развитіи *цѣли* представляютъ *измѣнчивые* и *спеціальные* факторы, *слѣдствія* же *постоянные* и *общіе*, цѣли образуютъ лишь звенья цѣпи, состоящей изъ причинъ опредѣленныхъ событій и процессовъ. Исторія общества *вполнѣ объективна*. Иначе

дѣло обстоитъ съ прагматическимъ изслѣдованіемъ общества или *соціологіей* въ узкомъ смыслѣ слова. Здѣсь цѣли или *цѣль* общества выступаетъ на первый планъ. Исходя изъ нея и по отношенію къ ней, оцѣниваются причины и слѣдствія. Соціологія прежде всего спрашиваетъ: для чего? т. е. по существу субъективна.

Въ этомъ заключается принципіальное различіе между обществовѣдѣніемъ и естествознаніемъ. Само собой понятно, что различіе это лишь относительное. Мы оставляемъ здѣсь совершенно въ сторонѣ то, что ученіе о природѣ и объ обществѣ, въ концѣ концовъ, представляютъ лишь звенья общаго ученія о мірѣ или міропониманія, и что послѣднее можетъ лишь рѣшать, не лежитъ ли также въ освованіи всего естественнаго развитія цѣль, которая вовсе не должна быть антропоцентрической. Но подобно тому, какъ въ внѣчеловѣческой природѣ играютъ большую роль спеціальныя отношенія цѣли, напр., между животнымъ и растеніемъ и условіями ихъ существованія, измѣняющія проявленія ихъ механическаго принципа, точно такъ же въ человѣческомъ обществѣ принципъ цѣли ограничивается и перекрещивается объективными силами. Здѣсь наблюдается постепенный переходъ. А именно, общество, какъ цѣлое, образуетъ субъектъ, которому противопоставляются его органы (индивиды или группы) и ихъ личная жизнь, подобно объективнымъ силамъ окружающей природы. Чѣмъ непосредственнѣе жизнь и характеръ, общество опредѣляется этой личной жизнью его элементовъ, тѣмъ болѣе похожи отношенія на отношенія природы. Чѣмъ болѣе дифференцируется общественная жизнь, чѣмъ болѣе расчленяется общественное тѣло, тѣмъ субъективнѣе становятся общества въ ихъ цѣлеустановленіи, подобно животнымъ и растительнымъ организмамъ. Такъ какъ всетаки его элементы остаются субъектами, т. е. обладаютъ своей собственной жизнью, то отношеніе общественнаго тѣла къ его органамъ, какъ бы оно ни походило на отношеніе организма къ его частямъ, сходно съ послѣднимъ лишь въ нѣкоторыхъ формальныхъ законахъ.

Выше мы отмѣтили, что вмѣстѣ со смертью животнаго умираютъ и его органы, т. е. составляющія ихъ клѣточки

распадаются. Но въ человѣческихъ обществахъ смерть или разложенiе общества не влечетъ еще необходимо смерти или разрушенiя его элементовъ. Если имѣть въ виду это различiе, то становится понятнымъ, почему естественно-научное воззрѣнiе на общество допустимо лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которыми оно становится логической нелѣпостью.

Почему же, несмотря на сказанное выше, умные и знающiе люди снова и снова пытаются всесторонне развить естественно-научное воззрѣнiе на общество?

Мнѣ кажется, что это объясняется двумя родами причинъ.

Во-первыхъ, стремленiемъ всякаго научнаго изслѣдованiя раскрыть объективные законы или принципы, регулирующiе жизнь и развитiе предмета ихъ изученiя. Такiе объективные принципы мы называемъ законами природы. Какъ уже упоминалось выше, человѣческiя общества и учрежденiя, какъ бы они ни зависѣли отъ субъективной цѣли, подчиняются влiянiю объективныхъ силъ; дѣйствiе послѣднихъ подчиняется правиламъ, которыя перекрещиваютъ и даже препятствуютъ осуществленiю цѣлей общественныхъ учрежденiй. Въ этомъ смыслѣ, можно съ полнымъ правомъ говорить о естественныхъ законахъ общественной жизни. Отсюда понятно стремленiе построить, посредствомъ систематическаго анализа и синтеза этихъ естественныхъ законовъ, естественно научное воззрѣнiе на общество.

Ошибка, дѣлаемая въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно состоитъ въ томъ, что, не замѣчая двойственнаго смысла слова естественный, подмѣняютъ одинъ смыслъ другимъ и считаютъ „*естественно-научнымъ*" (naturwissenschaftlich) то, что на самомъ дѣлѣ лишь естественно (naturgemäss), т. е. что соотвѣтствуетъ природѣ опредѣленныхъ вещей или отношенiй. Если оставить въ сторонѣ первобытную человѣческую орду, которая кромѣ того, какъ фактъ, намъ не извѣстна и лишь въ теорiи считается за исходный пунктъ развитiя человѣческихъ обществъ, то эти общества по мѣрѣ своего усложненiя являются не продуктами природы, но *искусства*, и то, что соотвѣтствуетъ ихъ природѣ, еще не

представляетъ поэтому „природы“ въ естественно-научномъ смыслѣ этого слова. Естественный законъ и законъ природы—двѣ различныя вещи, какъ бы ни была велика формальная аналогія. Синтезъ естественныхъ законовъ и формъ явленій какого-либо предмета составляетъ науку объ этомъ предметѣ, и если этотъ предметъ принадлежитъ къ царству природы, то наука эта входитъ въ составъ естествознанія. Если же это продуктъ человѣческой дѣятельности, то онъ не принадлежитъ къ царству природы, и наука о немъ не есть естествознаніе. Поэтому, ботаника — естествознаніе, агрономія же — нѣтъ; физіологія—естествознаніе, но не медицина; наконецъ, біологія — то же естественная наука; но не соціологія, хотя всѣ эти науки соединяются непрерывной линіей развитія. Біологія есть естествознаніе; если я говорю: „біологія, какъ естествознаніе“, то я утверждаю тавтологію. Если же я говорю: „обществовѣдѣніе, какъ естественная наука, то я утверждаю либо нелѣпость, либо я подразумѣваю науку о природѣ общества, т. е. просто обществовѣдѣніе. Въ послѣднемъ случаѣ добавленіе: „какъ естественная наука“ является опять таки тавтологіей. Наука о природѣ общества есть наука объ обществѣ, обществовѣдѣніе и больше ничего.

Вторая причина стремленія къ естественно - научному обществовѣдѣнію лежитъ въ области *тенденціи*. Человѣческія общества всегда являются въ значительной долѣ *искусственными продуктами*, хотя ихъ образованіе совершается въ процессѣ медленнаго историческаго развитія, и несмотря на то, что въ каждый данный моментъ человѣческому искусству или волѣ предоставляется въ дѣлѣ образованія общественныхъ формъ лишь ограниченное поле дѣйствія. Къ тому же это искусство, матеріаломъ для котораго всегда служитъ существующее общество со всѣми его традиціями, несовершенно и находится подъ вліяніемъ интересовъ. Интересъ однихъ, который не долженъ быть обязательно грубо-эгоистическимъ, но также можетъ быть моральнымъ, теоретическимъ или религіознымъ, требуетъ или одобряетъ учрежденія, противъ которыхъ возстаетъ интересъ другихъ. Если спорящія стороны не ссылаются открыто на свои интересы и желанія, то онѣ охотно опираются для оправданія своихъ

требованій на сущность общества. Это ведетъ къ изслѣдованію этой сущности, т. е. къ изслѣдованію *природы* общества, его цѣли и законовъ его развитія, или его *естественныхъ законовъ*. Спорящія стороны стремятся вывести изъ подобныхъ естественныхъ законовъ необходимость сохраненія или измѣненія учрежденій. И тогда аналогія съ органической или неорганической природой является сама собой, благодаря ея понятности и общедоступности.

Органическая аналогія, изслѣдованіе общества по аналогіи съ *біологическимъ* организмомъ, обыкновенно употребляется въ интересахъ сохраненія существующихъ учрежденій или для борьбы съ радикальными измѣненіями или методами измѣненій. Мененій Агриппа можетъ служить типичнымъ представителемъ первой тенденціи, позитивная соціологія— второй. Иногда, впрочемъ, очень радикальные реформаторы ссылаются на органическій принципъ, который заключаетъ въ себѣ и идею эволюціи и, слѣд., имѣетъ революціонную сторону.

Если мы сдѣлаемъ еще шагъ и привлечемъ рядомъ съ органическимъ міромъ и неорганическій, то тогда всеобщимъ регулирующимъ принципомъ являются законы *механики*. Послѣдніе могутъ быть также примѣнены къ жизни общества и при томъ, такъ какъ они еще болѣе общи, чѣмъ органическіе законы, то это совершается еще съ большей непринужденностью. Для аналогіи здѣсь меньше мѣста, и поэтому прибѣгаютъ къ сведенію сложныхъ фактовъ къ простѣйшимъ. Но такъ какъ съ упрощенными элементами можно обращаться очень свободно, то подъ знаменемъ механики выставляются прямо противоположныя общественныя теоріи.

Трудъ Захера, поскольку онъ соотвѣтствуетъ своему заглавію, исходитъ изъ физіологіи, хотя онъ въ значительной долѣ опирается на механику. Мы должны прежде всего замѣтить, что авторъ дѣлаетъ изъ естественно-научнаго метода въ общемъ гораздо болѣе умѣренное употребленіе, чѣмъ можно было бы предположить по заглавію книги, приведенной выше цитаты изъ предисловія и многихъ другихъ мѣстъ его произведенія. Несоотвѣтствіе между заглавіемъ и содержаніемъ книги состоитъ еще въ томъ, что Захеръ разсматриваетъ общество исключительно съ хозяйственной

точки зрѣнія и даетъ понятію общества чисто экономическое опредѣленіе; общество, по его мнѣнію, есть „группа людей, связанныхъ другъ съ другомъ раздѣленіемъ труда“. Не трудно видѣть, что это опредѣленіе вызываетъ много возраженій. Но и самъ авторъ не полагаетъ, что его опредѣленіе охватываетъ всѣ стороны общества; своимъ опредѣленіемъ онъ лишь хочетъ указать, въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ слово въ своей книгѣ; поэтому всякіе споры о понятіи становятся лишними, и достаточно лишь отмѣтить для характеристики точки зрѣнія автора *) вносимое имъ ограниченіе—мы намѣренно употребляемъ это выраженіе—понятія общества. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ обращеніе къ механическому принципу, потому что основаніе хозяйства есть работа, трудъ, а трудъ представляетъ всегда затрату энергіи, т. е. механическій процессъ. Если остановиться на этомъ или ограничить себя этимъ—я говорю „ограничить“, потому что человѣческій трудъ представляетъ не только механическій процессъ **)—то всю хозяйственную дѣятельность можно представить себѣ, какъ много развѣтвленный, могучій механизмъ, и значеніе или услуги отдѣльныхъ частей, ихъ функцій и затратъ силъ для динамики всего механизма можетъ быть вычислено по принципамъ механики. За единицу массы берется въ такомъ случаѣ извѣстное механическое отношеніе.

Захеръ, именно такимъ образомъ и поступаетъ. Авторъ, какъ вытекаетъ само собой изъ того, что онъ ограничивается въ своихъ свѣдѣніяхъ физіологіей и механикой, является строгимъ послѣдователемъ трудовой теоріи стоимо-

*) Точнѣе, пожалуй, было бы сказать—исходнаго пункта. Какъ видно изъ различныхъ мѣстъ предисловія, Захеръ ни въ какомъ случаѣ не хочетъ быть представителемъ узкаго экономизма. Сверхъ того, въ предисловіи встрѣчаются мысли, рѣзко противорѣчащія естественно-научному воззрѣнію на общество—и тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ себя представителемъ послѣдняго. Въ этомъ замѣщеніи опредѣленія цѣлаго частичнымъ опредѣленіемъ заключается принципіальный недостатокъ книги.

**) Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всякій психическій процессъ связанъ съ затратой энергіи. Но затрата энергіи при созданіи произведенія искусства можетъ быть незначительнѣе, чѣмъ при производствѣ какой-либо грубой работы.

сти. Въ приложенiи къ проблемѣ стоимости естественно-научный принципъ проведенъ имъ съ наибольшей послѣдовательностью. Чтобы найти безусловно годную, логически и математически безошибочную формулу для трудовой стоимости, авторъ исходитъ изъ простѣйшаго случая затраты энергiи, функцiонирующаго въ механикѣ въ качествѣ единицы (т. е. затрата энергiи, необходимая для передвиженiя на разстоянiи одного метра одного килограмма). Опираясь на механическiй эквивалентъ теплоты,—т. е. на законъ превращенiя энергiи—можно, какъ извѣстно, выразить въ тѣхъ же единицахъ количество энергiи, доставленной въ тѣло посредствомъ питательныхъ веществъ, и такимъ образомъ найти масштабъ для того, сколько нормальный человѣкъ можетъ затрачивать энергiи и сколько энергiи онъ долженъ получить въ формѣ питательныхъ веществъ, для того чтобы остаться здоровымъ и годнымъ къ работѣ. Потребность въ одеждѣ и кровѣ, защищающихъ тѣло отъ потери теплоты, можетъ быть также математически вычислена, т. е. выражена въ единицахъ тепла и работы. Такимъ же образомъ вычисляются потребности въ пищѣ и т. п. членовъ семьи взрослаго хозяйственнаго субъекта, равно какъ издержки обезпеченiя противъ старости, болѣзни и т. д. Изъ отношенiя нормальной потребности въ полученiи энергiи къ затратѣ ея, которое по Захеру равняется 17:1, вытекаетъ мѣра хозяйственной способности человѣческаго труда. Трудъ, при которомъ на каждую затраченную единицу энергiи человѣкъ не получаетъ, не сохраняетъ или не сберегаетъ, по крайней мѣрѣ, семнадцати единицъ въ той или иной формѣ, по Захеру не можетъ быть названъ хозяйственнымъ.

Этотъ рядъ мыслей и слѣдуемые изъ нихъ выводы, развиваются авторомъ съ большимъ остроумiемъ. Къ сожалѣнiю, логическое развитiе мысли скоро и неожиданно прерывается. Уже при простѣйшихъ примѣненiяхъ теорiи стоимости авторъ совершаетъ значительныя погрѣшности.

На стр. 14—15 онъ устанавливаетъ, что среднiй хозяйственный человѣкъ, который включаетъ и рабочаго, можетъ ежедневно затрачивать 450 единицъ труда для хозяйственной работы; въ связи съ этимъ на стр. 28 онъ объявляетъ, что средняя мѣновая стоимость дневного труда хозяйствен-

наго человѣка, затрачивающаго преимущественно мускульную силу, равняется 450 единицамъ. Съ чисто формальной и механической точекъ зрѣнія, конечно, это является эквивалентомъ указаннаго дневного труда. Но тотъ же Захеръ утверждаетъ, какъ мы видѣли, что хозяйственный человѣкъ, чтобы нормально существовать, долженъ получить за свой трудъ въ 17 разъ большее количество энергіи, чѣмъ онъ израсходовалъ. Поэтому мѣновая стоимость дневного труда должна быть не 450, а $450 \times 17 = 7650$ единицъ. Количество энергіи, нужное для того, чтобы дать возможность хозяйственному человѣку затрачивать хозяйственнымъ образомъ указанное количество труда, опредѣляетъ мѣновую стоимость его продукта. Съ другой стороны, мы приходимъ къ тому, что стоимость или цѣна затраченной рабочей силы во много разъ превышаетъ стоимость услуги или продукта труда, что представляетъ очевидную нелѣпость.

Изъ приведеннаго примѣра видно, съ какими трудностями сопряжено примѣненіе механическихъ или кинетическихъ отношеній къ категоріямъ общественной жизни. И это въ самомъ началѣ труда, въ простѣйшей формулѣ, наиболѣе элементарномъ примѣрѣ. Захеръ самъ устанавливаетъ на 28 стр., что, какъ ни важенъ результатъ его мысли—выраженіе мѣры мѣновой стоимости въ единицахъ энергіи—для экономической теоріи, для практики онъ пока имѣетъ ничтожное значеніе, онъ указываетъ далѣе, что его единица измѣренія приложима лишь къ тѣмъ родамъ работы, при которыхъ затрачивается главнымъ образомъ мускульная, а не нервная сила, т. е. къ земледѣльческимъ и простымъ ремесленнымъ и фабричнымъ работамъ. Если бы этимъ дѣло ограничивалось, то мы всетаки имѣли бы единицу мѣры для того труда, который Марксъ называетъ простымъ или абстрактнымъ. Однако, и по отношенію къ этому роду труда, невѣрно, что затраченная въ теченіе труда энергія опредѣляетъ его мѣновую стоимость, что единица энергіи служитъ мѣриломъ мѣновой стоимости труда. Единица энергіи—мѣрило для количественной мускульной и нервной затраты труда. Вотъ и все. Механическій и хозяйственный эквивалентъ—двѣ совершенно различныя вещи.

Какъ уже было замѣчено, Захеръ старается довести тру-

довую теорію стоимости до ея послѣднихъ выводовъ. Онъ идетъ такъ далеко, что отрицаетъ въ принципѣ, какъ ненаучный и неточный пріемъ, даже введеніе момента времени, какъ это дѣлаетъ Родбертусъ посредствомъ своего рабочаго дня, и допускаетъ его лишь для практическихъ цѣлей до тѣхъ поръ, пока физіологи не вычислятъ среднюю затрату энергіи для различныхъ родовъ труда, что, вѣроятно, произойдетъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Но даже предположивъ, что физіологи осуществили эту задачу, двинемся ли мы хотя на шагъ далѣе въ опредѣленіи стоимости? Ни въ какомъ случаѣ. Съ установленіемъ израсходованнаго количества энергіи, упрощается лишь физіологическое, а не экономическое сравненіе. При обмѣнѣ или при куплѣ-продажѣ оцѣнка совершается не на основаніи количества затраченной энергіи, а на основаніи совершенно иныхъ принциповъ. Качественная оцѣнка труда при ровной количественной затратѣ мускульной и нервной энергіи можетъ быть совершенно различна, благодаря вмѣшательству этическихъ, эстетическихъ и другихъ соціально-политическихъ факторовъ. Не простая затрата энергіи образуетъ хозяйственный и создающій цѣнность трудъ, но затрата энергіи въ извѣстной формѣ и въ извѣстномъ порядкѣ, а именно, затрата энергіи въ цѣлесообразной *формѣ* и съ цѣлесообразнымъ *назначеніемъ*.

Захеръ сознаетъ, что не только его „естественно научное понятіе стоимости", служащее исходнымъ пунктомъ для его разсужденій *), но также его спеціальная мѣновая стоимость представляютъ абстракцію отъ современной дѣйствительности.

Эта естественно-научная мѣновая стоимость въ современномъ обществѣ не реализуется и, именно, какъ полагаетъ Захеръ, главнымъ образомъ, если не исключительно, благодаря существованію *процента* или *ростовщическаго права*. Разрѣшеніемъ брать проценты законодатели совершили пагубный шагъ противъ „оплаты труда соотвѣтственно его мѣновой стоимости". Правда, что разрѣшеніе процента имѣ-

*) Онъ опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: „Абсолютная стоимость вещи состоитъ въ совокупной присущей ей энергіи" (25). Это — абстракція не только отъ обмѣна, но вообще отъ всякаго хозяйства.

етъ справедливое основаніе въ извѣстныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, и даже въ настоящее время въ опредѣленныхъ случаяхъ процентъ является прогрессивнымъ факторомъ. Но въ общемъ преобладаютъ вредныя стороны процента, который является постоянно увеличивающимся налогомъ на промышленность, направляетъ послѣднюю на ложные пути, а именно, къ перепроизводству — въ производствахъ дающихъ кратковременный, но высокій доходъ—и къ недостаточному производству въ тѣхъ работахъ, которыя оплачиваются лишь по прошествіи долгаго времени; этимъ онъ вызываетъ или обостряетъ кризисы; онъ понижаетъ заработную плату, удлинняетъ рабочее время и вообще увеличиваетъ бѣдность народныхъ массъ.

Книга Захера представляетъ по преимуществу произведеніе, направленное на борьбу съ процентомъ и въ этомъ отношеніи полное преувеличеній, но также заключаетъ и много вѣрныхъ взглядовъ, охотно не замѣчаемыхъ защитниками процента. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о процентѣ нельзя рѣшить простымъ утвержденіемъ, что процентъ образуетъ составную часть прибавочной стоимости, которая уничтожится вмѣстѣ съ уничтоженіемъ прибавочной стоимости, и которая до тѣхъ поръ дѣлится между предпринимателемъ и денежнымъ капиталистомъ и, поэтому, не имѣетъ никакого интереса для рабочаго класса. Вопросъ этотъ нѣсколько сложнѣе. Процентъ уплачивается громадными суммами капиталисту и народными массами, и этой подати можно было бы избѣжать при менѣе расходящихся сужденіяхъ о предметѣ. Процентъ порождаетъ процентъ или новыя притязанія на полученіе процента и такимъ образомъ замедляетъ соціальное развитіе и вообще—это во многихъ отношеніяхъ консервативный элементъ эксплуатаціи и покоющейся на ней системы хозяйства.

Таково достоинство книги Захера, хотя и здѣсь авторъ часто противорѣчитъ самому себѣ. Его изложеніе рѣзко тенденціозно, авторъ приписываетъ много проценту, что объясняется иными причинами, и не рѣдко противорѣчитъ себѣ. Но мы не можемъ здѣсь подробно разбирать эти погрѣшности, какъ не можемъ касаться многихъ правильныхъ замѣчаній автора объ изслѣдуемомъ имъ предметѣ. Укажемъ

только, что авторъ очень наглядно изображаетъ обращеніе благъ, благодаря тому, что онъ представляетъ: а) обращеніе благъ въ хозяйственномъ организмѣ, допускающемъ процентъ и б) обращеніе благъ въ хозяйственномъ организмѣ, не допускающемъ процента.

Если мы теперь обратимся къ вопросу, какимъ образомъ Захеръ представляетъ себѣ достиженіе рисующагося въ его воображеніи хозяйства безъ процента, то мы встрѣчаемъ странную смѣсь изъ радикальныхъ предложеній въ духѣ государственнаго соціализма и типичныхъ проектовъ въ духѣ Прудона. Торговля должна перейти въ обязанность государства, купля-продажа земли должна совершаться подъ надзоромъ государства (установленіе чиновниками или судомъ земельныхъ или арендныхъ цѣнъ, отчужденіе и въ извѣстныхъ случаяхъ переходъ въ собственность государства незастроенной земли). Право рабочаго на эквивалентную стоимость своей услуги должно быть обезпечено точнымъ установленіемъ мѣновой стоимости обычныхъ родовъ наемнаго труда и опредѣленіемъ основанной на ней минимальной заработной платы. Сверхъ того, государство должно, посредствомъ національзаціи производствъ, распространенія государственнаго кредита на частныя хозяйства и товарищества, сильной правовой защиты покупателей и постепеннаго ограниченія высоты процента, провести правовую идею принципа общественнаго хозяйства, предъ которымъ всѣ частные интересы должны отступить на второй планъ. Но для того, чтобы расширеніе государственной власти не угрожало опасностью частнохозяйственной свободѣ, изъ нея долженъ быть удаленъ всякій личный интересъ. Законодательная власть „не должна опираться на частнохозяйственный принципъ“.

Лишь немногія изъ этихъ предложеній могутъ возбудить принципіальное возраженіе съ соціалистической точки зрѣнія; сомнѣнію подлежитъ не основная правовая идея, но пути, указываемые авторомъ для ея осуществленія. Съ перваго же взгляда видно, къ какой цѣли стремятся всѣ эти мѣропріятія; можно, однако, сомнѣваться, будутъ ли они на самомъ дѣлѣ дѣйствовать въ смыслѣ приближенія къ предполагаемой цѣли. Авторъ стремится, какъ онъ самъ постоянно указываетъ, провести *общехозяйственный* принципъ и достигнуть

такимъ образомъ высшаго развитія общественнаго хозяйства. Но представляетъ ли, напр., установленіе цѣнъ на землю подходящее средство для достиженія этой цѣли? Опытъ подобнаго установленія еще очень ничтоженъ (Ирландія) и не даетъ еще вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Что представляетъ изъ себя естественно-научная стоимость труда, мы уже видѣли выше. Это — абстракція, которая оставляетъ безъ вниманія многіе элементы, опредѣляющіе въ настоящее время въ качествѣ культурныхъ потребностей заработную плату, и которая ни въ какомъ случаѣ не даетъ прочнаго мѣрила для выполненія требованія, выставляемаго авторомъ въ заключеніи, а именно: „Регулированіе распредѣленія продуктовъ труда пропорціонально количеству затраченнаго труда“.

Признавая многія частныя достоинства труда Захера и сочувствуя лежащему въ его основаніи соціальному міровоззрѣнію, мы не можемъ, однако, согласиться со всей книгой, взятой какъ цѣлое. Къ тому же, въ теоретическомъ отношеніи ей не достаетъ единства. Развитіе изложеннаго въ началѣ книги механическаго принципа прерывается обычными экономическими разсужденіями въ духѣ утилитаризма. Какъ ни возвышенъ правовой принципъ, развиваемый авторомъ въ заключеніи, тѣмъ не менѣе мы должны замѣтить, что онъ не находится ни въ какой внутренней связи съ естественно-научнымъ пониманіемъ общества. Послѣдовательное примѣненіе естественно-научнаго принципа къ обществу необходимо ведетъ къ крайнему манчестерству; „свободная игра экономическихъ силъ“—вотъ общественная механика, ближе всего лежащая къ естественной механикѣ. Само собой разумѣется, что можно выставить иную общественную механику, стремящуюся къ цѣлесообразной организаціи и использованію силъ общества, при чемъ могутъ пригодиться многія изъ соображеній Захера. Но эти соображенія если и имѣютъ что-либо общее съ механикой или экономіей общества, то развѣ лишь въ качествѣ сырого технологическаго матеріала.

Границы дѣятельности международныхъ конгрессовъ.

(По поводу международнаго соціалистическаго и рабочаго конгресса въ Цюрихѣ).

(1893).

Несмотря на жестокіе и иногда даже непріятно страстные споры, международный конгрессъ, имѣвшій мѣсто въ Цюрихѣ съ 6-го по 12-е августа этого года, закончился вполнѣ благополучно. Делегаты, бывшіе на конгрессѣ, могли возвратиться домой съ пріятнымъ сознаніемъ совершенной работы на пользу соціализма. Конгрессъ разрѣшилъ больше подлежащихъ ему вопросовъ, чѣмъ можно было отъ него ожидать, въ виду потери времени, причиненной анархической и полуанархической обструкціей. Правда, онъ не выполнилъ всей своей программы, но это—судьба всѣхъ парламентовъ. А конгрессъ былъ парламентомъ, какъ и всѣ будущіе конгрессы будутъ парламентами. Нѣтъ большей нелѣпости, какъ избѣгать слова въ угоду догмы о негодности парламентаризма.

Что могутъ и что должны дать международные соціалистическіе и рабочіе конгрессы? Прежде всего—это не засѣданія ученыхъ. На нихъ не должны быть устанавливаемы объективныя научныя истины. Это также не соборы, устанавливающіе неотмѣнимые догматы. Это съѣзды, на которыхъ получаютъ выраженіе существующія практическія *требованія* рабочихъ и рабочихъ партій, устанавливаются общія *тенденціи* движенія и сговариваются относительно наиболѣе

цѣлесообразнаго *способа проведенія* этихъ требованій и тенденцій.

Очевидно, было бы чистѣйшей глупостью приглашать на эти конгрессы людей, держащихся во что бы то ни стало противныхъ взглядовъ на всѣ основные вопросы, подлежащіе обсужденію. Въ концѣ концовъ, борьба въ цѣляхъ рабочаго движенія можетъ вестись въ двухъ областяхъ: политической и экономической. Въ каждой изъ этихъ областей борьба можетъ вестись различными способами и въ различныхъ формахъ, въ каждой существуетъ цѣлый рядъ полезныхъ мѣропріятій, и каждая изъ этихъ областей дѣятельности нуждается въ дополненіи другой. Споръ о цѣлесообразности отдѣльныхъ мѣропріятій вполнѣ допустимъ, и различіе мнѣній по этому вопросу не можетъ служить поводомъ для удаленія или для ухода съ конгресса. Но кто отрицаетъ не то или иное мѣропріятіе, но всю обширную категорію дѣятельности, извѣстную подъ названіемъ политической,— кто такимъ образомъ приноситъ въ жертву предвзятому догмату дѣйствительныя потребности рабочаго класса, вмѣсто того, чтобы съ помощью теоріи и опыта отыскивать средства для улучшенія,—присутствіе того на конгрессѣ имѣетъ такъ же мало смысла, какъ присутствіе представителя какого-нибудь религіознаго рабочаго союза, для котораго цѣли религіозной общины опредѣляютъ его отношеніе ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ.

Смѣшно говорить здѣсь о нетерпимости. Гдѣ-нибудь долженъ же быть предѣлъ подобныхъ разногласій, и его стараются установить такимъ образомъ, чтобы была обезпечена возможность положительныхъ результатовъ дѣятельности.

Если, слѣд., извѣстное ограниченіе членовъ конгресса было необходимымъ условіемъ успѣшныхъ обсужденій, то настоящій конгрессъ убѣдилъ меня въ томъ, что на будущее время желательно полное уясненіе вопроса, какъ далеко можетъ итти международный конгрессъ въ своихъ постановленіяхъ.

Этотъ вопросъ до извѣстной степени находится въ связи съ вопросомъ объ отношеніи къ анархистамъ. То, что дѣлаетъ невозможнымъ допущеніе послѣднихъ—такъ это, какъ

уже упоминалось выше, ихъ догматизмъ. Для нихъ не существуетъ никакой исторіи, никакого развитія, никакого уваженія къ различію въ отношеніяхъ. На какой бы ступени развитія не находился народъ, среди какихъ бы условій не совершалась борьба соціалистовъ и рабочихъ—анархизмъ безразлично долженъ преслѣдовать свой кодексъ средствъ и мѣропріятій. Его заповѣди: „не избирай, не иди въ парламентъ, не защищай законовъ и т. д.“ издаются имъ для всѣхъ временъ и странъ и, поэтому, абсолютно безплодны. Однако, было бы близорукимъ не замѣчать, что въ слабой формѣ тотъ же догматизмъ замѣчается еще у многихъ соціалистовъ, какъ наслѣдіе отъ эпохи утопизма. Всѣ мы склонны превращать вопросъ цѣлесообразности въ вопросъ принципа и распространять на всѣ отношенія то, что намъ кажется правильнымъ для извѣстныхъ отношеній. Если это вредно для отдѣльной національной партіи, которой всетаки всегда хорошо знакомы отношенія внутри ея страны, то еще болѣе вреднымъ это является для международнаго конгресса, на которомъ собираются представители странъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ развитія и имѣющихъ каждая свою особую исторію. Здѣсь необходимо провести рѣзкую границу между *вопросами цѣлесообразности*, различными для различныхъ странъ, и *общими тенденціями* движенія для всѣхъ странъ съ капиталистическимъ способомъ производства. Является ли буржуазія полнымъ господиномъ въ странѣ или она борется изъ-за власти съ сильными феодальными или мелкобуржуазными или мелкокрестьянскими слоями населенія—это обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія *для общихъ цѣлей* и *основныхъ требованій* рабочаго движенія, *но лишь для тактики рабочей партіи*. То же относится къ политическимъ учрежденіямъ или къ высотѣ политическаго развитія. Въ виду этого, вопросы тактики, на мой взглядъ, должны быть исключены изъ программъ интернаціональныхъ конгрессовъ. Невозможно установить общую для всѣхъ странъ программу дѣйствій. То, что для одной страны правильно, для другой можетъ быть ошибочнымъ, что въ одной странѣ связано лишь съ небольшими трудностями, то самое въ другой странѣ можетъ быть осуществлено цѣной громадныхъ жертвъ.

Хотя конгрессъ принципіально не установилъ этой границы, но фактически и въ общемъ онъ ея придерживался. Лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ были допущены уклоненія отъ указаннаго правила да и то болѣе формальнаго характера. Такъ, во второмъ параграфѣ постановленія относительно праздника перваго мая, конгрессъ пошелъ дальше, чѣмъ можно было бы сдѣлать на основаніи выше сказаннаго; но это произошло лишь потому, что большинство депутатовъ, подавшихъ голосъ въ пользу этого параграфа, не вполнѣ ясно сознавали важность своего постановленія. Этотъ параграфъ обязываетъ рабочую партію каждой страны „поддерживать всякую попытку отдѣльной организаціи“, произвести общую забастовку, и Бебель уже на конгрессѣ выяснилъ, что этимъ рѣшеніемъ конгрессъ обязалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ большинство поддерживать противъ своего убѣжденія постановленія меньшинства. Хотя точный смыслъ постановленія именно означаетъ такое обязательство, однако возраженія, сдѣланныя Бебелю показали, что большинство депутатовъ, голосовавшихъ за него, не понимали его въ такой строгой формѣ.

Попытка предписать соціалистамъ всѣхъ странъ, безъ вниманія къ различію мѣстныхъ условій, общій маршрутъ была сдѣлана при обсужденіи вопросовъ тактики. Она исходила, главнымъ образомъ, изъ среды симпатизирующихъ анархистамъ голландцевъ. По ихъ предложенію политическая дѣятельность ни въ какомъ случаѣ не должна принимать форму компромисса и союза съ другими партіями. Это предложеніе имѣетъ страшно радикальный видъ, но на самомъ дѣлѣ представляетъ величайшую нелѣпость. Если рабочая партія можетъ легче достигнуть своихъ цѣлей въ политической и экономической области съ помощью компромисса или союза, то ради чего она должна отказываться отъ нихъ? Ради принципа? *Я не знаю ни одного принципа, запрѣщающаго вообще всякій компромиссъ.* Все дѣло въ обстоятельствахъ и природѣ компромисса. Мы дѣлаемъ молчаливо въ повседневной жизни тысячи компромиссовъ съ окружающей средой, такъ какъ въ противномъ случаѣ общественная жизнь была бы прямо невозможна; почему же сознательно и открыто заключенный политическій компромиссъ долженъ быть

отброшенъ безъ вниманія къ условіямъ и цѣлямъ? Я могу представить тысячу возможныхъ случаевъ, когда заключеніе политическаго компромисса является *въ высшей степени нравственнымъ дѣломъ*, высшимъ долгомъ. Въ каждой странѣ, на мой взглядъ, можетъ случиться такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ отказъ отъ компромисса является настоящимъ преступленіемъ противъ рабочаго класса, хотя, конечно, такіе случаи въ одной странѣ могутъ имѣть мѣсто чаще, чѣмъ въ другой. Поэтому было бы излишнимъ притязаніемъ со стороны соціалистовъ страны, въ которой такого стеченія обстоятельствъ трудно ожидать, требовать отъ соціалистовъ, живущихъ въ государствѣ, гдѣ потребность въ компромиссѣ можетъ почувствоваться въ каждый моментъ, чтобы они *ни въ какомъ случаѣ* не заключали политическихъ союзовъ. Большинство конгресса это сознало и поэтому запретило лишь такіе союзы и компромиссы, „которые вредятъ нашимъ принципамъ или нашей независимости". Этимъ постановленіемъ конгрессъ не стѣснилъ свободы дѣятельности никакой партіи, потому что его требованіе, собственно говоря, вытекаетъ изъ принципа самосохраненія партіи. Наврядъ ли какая-либо партія пожертвуетъ сознательно и добровольно своими принципами и своей независимостью, и поэтому постановленіе громаднаго большинства конгресса является прежде всего предостереженіемъ противъ тѣхъ людей и партій, которые пожелали бы увлечь рабочую партію на скользкій путь компромиссовъ, ведущихъ къ партійному самоубійству.

Повторяемъ, далеко не всякій компромиссъ и не всякій союзъ ведетъ къ самоубійству. Чѣмъ лучше организована рабочая партія или соціалъ-демократія, чѣмъ яснѣе она сознаетъ свои цѣли и свои отношенія къ другимъ партіямъ, тѣмъ меньшая опасность угрожаетъ ей на этомъ пути. Если нѣмецкая соціалъ-демократія не вступаетъ теперь ни въ какіе компромиссы, то ее удерживаетъ отъ нихъ не страхъ повредить себѣ, но убѣжденіе, что она въ нихъ не нуждается, что она не можетъ ожидать существенной помощи ни отъ одной изъ буржуазныхъ партій; если же наступятъ отношенія, при которыхъ подобный союзъ можетъ принести ей пользу, то съ ея стороны будетъ въ высшей степени глупо

отказаться изъ чистаго доктринерства отъ наиболѣе цѣлесообразной борьбы за защищаемые ею интересы. Подобная боязнь компромиссовъ потому лишь, что они могутъ повредить принципамъ и самостоятельности партіи, напоминаетъ мнѣ всегда обѣтъ дѣвушки, отказавшейся отъ танцевъ, потому что они могутъ повредить ея нравственности. Добродѣтель, нуждающаяся въ подобныхъ мѣрахъ, обыкновенно не особенно прочна, и не даромъ здравый смыслъ относится очень скептически къ людямъ, удаляющимся въ пустыню, чтобы сохранить свою нравственность.

Здѣсь, впрочемъ, я не могу далѣе останавливаться на этомъ вопросѣ, который въ другомъ мѣстѣ будетъ подвергнутъ подробному разбору. Коротко говоря, конгрессъ поступилъ вполнѣ правильно, отказавшись принести въ жертву красивымъ фразамъ охрану интересовъ и правъ рабочаго класса. Не менѣе правильно поступилъ онъ, провалившъ добавочное предложеніе голландцевъ, которое рекомендовало рабочимъ стремиться въ рамкахъ существующаго строя лишь къ такимъ улучшеніямъ ихъ положенія, которыя означаютъ также улучшеніе ихъ боевого положенія. Это добавленіе излишне, такъ какъ всякое улучшеніе положенія рабочихъ представляетъ также улучшеніе ихъ боевого положенія, и если оно не означаетъ второго, то также не означаетъ и перваго; или же это добавленіе запрещаетъ бороться за введеніе законодательныхъ мѣропріятій, улучшающихъ гигіеническое положеніе рабочихъ, за законодательное сокращеніе рабочаго времени, потому что эти мѣры не имѣютъ прямого отношенія къ боевому положенію рабочихъ,—и въ такомъ случаѣ оно является величайшей нелѣпостью.

Замѣчательно все-таки, что именно тѣ, кто не устаетъ говорить о правѣ самоопредѣленія каждой страны, съ чисто фанатическимъ усердіемъ стараются навязать всѣмъ странамъ запрещенія, являющіяся въ большинствѣ случаевъ результатомъ настроенія, созданнаго условіями ихъ родины.

Третій пунктъ, на которомъ часть депутатовъ хотѣла принудить конгрессъ переступить границы его полномочій, представляетъ вызвавшее оживленные споры требованіе всеобщей военной и экономической стачки, въ случаѣ объявле-

нія какой-либо страной войны. Что касается экономической стачки, то я о ней умалчиваю, такъ какъ она обыкновенно наступаетъ въ случаѣ войны и сама благодаря всеобщему застою въ промышленности. Но, какъ уже было отчасти подчеркнуто на конгрессѣ, странно было слышать отъ соціалистовъ, принадлежащихъ странѣ, лежащей въ сторонѣ отъ великихъ европейскихъ осложненій, странѣ, въ которой возможностьвойны очень ничтожна, и которая, собственно говоря, не знаетъ милитаризма,—требованіе, обязывающее соціалистовъ, находящихся въ этомъ отношеніи въ гораздо болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, подвергающее ихъ въ случаѣ выполненія сильнѣйшимъ преслѣдованіямъ, и притомъ требованіе, обоюдоострое по своимъ результатамъ. Это поняло большинство конгресса и отклонило внесенное голландцами—подъ которыми я разумѣю группу, руководимую Ньевенгуисомъ—предложеніе, при чемъ нужно замѣтить, что среди голосовавшихъ противъ предложенія были люди, которые по своему личному положенію или по условіямъ своей родины могли безъ всякой личной опасности присоединиться къ предложенію, слѣдовательно, люди, которыхъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они отвергли предложеніе изъ трусости. Впрочемъ, лучшей характеристикой предложенія голландцевъ является, можетъ быть, то, что на устроенномъ анархистами „свободномъ" конгрессѣ предсѣдатель въ виду опасности, связанной съ положительнымъ результатомъ голосованія, разрѣшилъ лишь *отрицательное* голосованіе.

Такимъ образомъ, большинство конгресса проявило почти во всѣхъ вопросахъ правильное пониманіе того, что можетъ требовать интернаціональный конгрессъ, и что должно быть предоставлено отдѣльнымъ націямъ или соціалистамъ и организованнымъ рабочимъ отдѣльныхъ странъ. Оно оказалось на самомъ дѣлѣ болѣе „свободнымъ", чѣмъ его противники. Не мы „марксисты"—догматики, а они. Не мы хотимъ насильно уложить все въ Прокрустово ложе, а тѣ люди, которые постоянно произносятъ слово „свобода", но понимаютъ подъ свободой лишь застывшее понятіе. Впрочемъ, у нихъ все застываетъ. Напримѣръ, что только сдѣлали они изъ понятія „классовой борьбы"! Односторонній, за-

стывшій догматъ, игнорирующій все, что не представляетъ борьбы рабочихъ противъ капиталистовъ. Но общество состоитъ не только изъ рабочихъ и капиталистовъ; рядомъ съ ними существуютъ и другіе классы, которые борются между собою и съ буржуазіей, и эта борьба при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ имѣетъ громадное значеніе для рабочаго класса, потому что отъ того или иного ея исхода зависитъ значительное улучшеніе или ухудшеніе положенія рабочихъ, потому что пролетаріатъ можетъ воспользоваться однимъ *фактомъ* этой борьбы, какъ рычагомъ для споспѣшествованія своимъ интересамъ. Я не забываю опасности, связанной съ опортюнистской и посибилистической переоцѣнкой измѣнчивыхъ конъюнктуръ, и я далекъ отъ желанія защищать слабосильную политику, гоняющуюся за моментомъ. Мы должны постоянно имѣть въ виду великія идеи и конечную цѣль нашихъ стремленій. Но мнѣ вполнѣ чужда политика, имѣющая въ виду лишь *послѣдній актъ* нашей борьбы и желающая примѣнить то, что пригодно для послѣдняго акта ко всякимъ отношеніямъ и обстоятельствамъ. „Никакихъ компромиссовъ“! неустанно повторяли намъ. Я уже указалъ, почему мнѣ кажется ошибочнымъ это требованіе въ такой абсолютной формѣ. Но въ относительномъ смыслѣ я съ нимъ согласенъ и особенно по отношенію къ звонкимъ, затемняющимъ смыслъ фразамъ. Конгрессъ на самомъ дѣлѣ такъ и поступилъ. Въ болѣе тѣсныхъ кругахъ, а именно, въ коммиссіяхъ указывали на необходимость обращать должное вниманіе какъ на особенности каждой страны, такъ и на черты общія всѣмъ странамъ. Съ каждымъ новымъ конгрессомъ представители рабочихъ различныхъ странъ знакомятся лучше и лучше съ условіями борьбы ихъ заграничныхъ товарищей, и пріобрѣтенныя знанія распространяются все въ болѣе широкихъ кругахъ. Можетъ быть, благодаря этому, нѣкоторыя иллюзіи разрушаются, но въ замѣнъ мы узнаемъ многое, что насъ снова возвышаетъ, многое, что раньше казалось необъяснимымъ, становится для насъ понятнымъ. Я боюсь, что моя статья слишкомъ растянулась и поэтому кончаю, хотя мнѣ хотѣлось бы многое сказать объ этомъ вопросѣ. Въ заключеніе еще нѣсколько словъ. Конгрессъ выполнилъ гораздо болѣе значи-

тельную работу, чѣмъ можно было надѣяться; его рѣшенія, не знаменуя ни малѣйшаго смягченія нашихъ цѣлей, не означая ни малѣйшаго упадка энергіи въ ихъ достиженіи, свидѣтельствуютъ въ то же время о твердомъ намѣреніи не удаляться отъ почвы реальныхъ фактовъ, не допускать иныхъ постановленій, кромѣ тѣхъ, которыя мы можемъ выполнить. Этимъ онъ поставилъ себѣ достойный памятникъ въ исторіи международныхъ конгрессовъ.

Борьба классовъ и компромиссъ.

(Отвѣтъ на статью Джіовани Лердасъ о тактикѣ соціалъ-демократической партіи (Neue Zeit. 1896—97. Bd. I, pag. 420)

(1896).

Какъ опасно выводить законы соціальнаго тѣла изъ физическихъ и біологическихъ законовъ, показываетъ уже тотъ фактъ, что на нихъ опираются для защиты своихъ общественныхъ теорій какъ защитники, такъ и противники соціализма. Конечно, есть законы, проявляющіеся въ обѣихъ областяхъ явленій, но способы ихъ проявленій совершенно различны. Такъ напр., раздѣленіе труда является закономъ органическаго тѣла, какъ и соціальнаго; въ обѣихъ областяхъ спеціализація означаетъ ростъ производительности, совершенствованіе организма, но перейдя извѣстную границу становится недостаткомъ. Эта же граница различна для каждаго частнаго случая. Можно сравнивать общество съ растеніемъ или животнымъ; но существуютъ очень различныя растенія и животныя, также и общества, и уже этотъ одинъ фактъ показываетъ на условность и подозрительность подобныхъ аналогій. Въ такихъ случаяхъ намъ всегда угрожаетъ опасность пропустить то или иное различіе или дать ему слишкомъ низкую оцѣнку.

Лерда пытается обосновать защищаемую имъ непримиримую тактику—какъ онъ называетъ тактику безъ компромиссовъ—на всеобщемъ естественномъ законѣ. Я не буду здѣсь подробно разбирать его натуръ-философію, хотя она возбуждаетъ во мнѣ большія сомнѣнія, но предположу, что

она правильна. Что означаетъ законъ, который онъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій, законъ, по которому условіемъ каждой силы, воздѣйствующей на міровыя явленія и измѣненія, служитъ единство? Что онъ доказываетъ въ данномъ вопросѣ? То, что каждая партія или классъ, стремящаяся къ измѣненію общества, должна стремиться къ единству. Но единство вовсе не отрицаетъ компромиссовъ; партія можетъ идти на компромиссы, не жертвуя ни малѣйшей долей своего единства. Натуръ-философія Лерда не даетъ никакого доказательства того, что компромиссъ—зло. И если вообще она что-либо доказываетъ, то прямо противоположное.

„Измѣненія индивидовъ и видовъ, равно какъ соціальныя революціи“, пишетъ Лерда, суть на самомъ дѣлѣ проявленія единой силы, развивающейся въ организмѣ и сохраняющей его жизнь, приспособляя его къ измѣненіямъ окружающей среды. Что же представляетъ эта „единая развивающаяся сила?“ Лерда отвѣчаетъ: „способность къ развитію“. Это сила, которая, по мнѣнію Лерда, является единственно „истинной силой организма“ *) и имѣетъ „лишь одну тенденцію „охраненія жизни и процвѣтанія вида, при чемъ она дѣйствуетъ въ направленіи равнодѣйствующей изъ измѣнчивыхъ внѣшнихъ условій и способности организма къ приспособленію“.

Если эта теорія силъ что-либо доказываетъ въ политикѣ, то именно необходимость компромисса. Различныя силы находятся въ дѣйствіи, какъ ускоряющія, такъ и за-

*) „Всѣ другія силы“, пишетъ онъ, „которыя, по общему мнѣнію, дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи, не представляютъ дѣйствительныхъ силъ; онѣ принадлежатъ—употребляя терминъ механики—не области динамики, а статики“ (стр. 421 — 422). Но если онѣ и не представляютъ дѣйствительныхъ силъ, то все-таки, какъ узнаемъ дальше, „ихъ существованіе необходимо... потому что внезапное измѣненіе можетъ повести за собой вмѣсто развитія, разрушеніе связи и равновѣсія и смерть организма“. Мы согласны съ теоріей, но не съ мыслью, что силы, дѣйствующія въ направленіи спокойствія и равновѣсія не представляютъ истинныхъ силъ. Лерда имѣетъ здѣсь въ виду различныя формы энергіи; конечно, энергію въ извѣстныхъ цѣляхъ можно раздѣлить на пассивную и активную и назвать „истинной“, „дѣйствительной“ лишь послѣднюю. Но терминъ „истинный“ нѣсколько двусмысленень и въ переводѣ можетъ повести къ полной путаницѣ.

медляющія развитіе, и ни одна изъ нихъ не должна исключительно господствовать, если не желаютъ, чтобы наступила тѣмъ или инымъ способомъ смерть и разложеніе. Если такъ, то наибольшая сила будетъ на той сторонѣ, гдѣ силы сумѣютъ скомбинироваться, вмѣсто того чтобы парализовать другъ друга; но комбинація силъ въ политикѣ не можетъ быть достигнута иначе, какъ путемъ компромисса или союзовъ.

Но даже въ томъ случаѣ, если бы натуръ-философія Лерда не доставляла бы никакой аналогіи въ пользу компромисса, то все-таки ничего не говоритъ и противъ него. Какъ только Лерда переходитъ къ вопросу о законахъ развитія человѣческаго общества, онъ немедленно возстаетъ противъ тѣхъ „кто принимаетъ историческій матеріализмъ въ его крайней формѣ" — а Лерда полагаетъ, что мы его принимаемъ въ самой крайней формѣ—и указываетъ имъ на то, что „сила и матерія, возвысившись до сознанія, получаетъ *собственные* законы, которые, находясь въ согласіи съ общими законами все-таки могутъ видоизмѣнить ихъ дѣйствіе". Онъ развиваетъ далѣе ту мысль, что экономическія предпосылки соціалистическаго строя еще не создаютъ послѣдняго, если не прибавятся къ нимъ интеллектуальныя и нравственныя предпосылки. Въ противномъ случаѣ измѣненіе общественнаго строя можетъ произойти, но въ существенно иной формѣ, чѣмъ та, къ которой стремится соціалъ-демократія. Это замѣчаніе вполнѣ правильно, хотя противъ него и можно было бы возразить, что подобное развитіе было бы временнымъ явленіемъ и что сила экономическихъ фактовъ съ необходимостью должна привести къ соціалъ-демократическому строю. Поскольку можно расчитывать на подобное автоматическое исправленіе, будетъ выяснено въ рядѣ статей „Проблемы соціализма"; здѣсь же замѣчу, что даже временное ложное развитіе влечетъ за собой громадную потерю времени и силъ и безполезно продолжаетъ многія лишенія и униженія. Но если соціалъ-демократія имѣетъ какую-либо задачу, то эта задача состоитъ прежде всего въ сокращеніи времени, необходимаго для соціалистическаго преобразованія общества; и этого сокращенія она должна достигнуть замѣной чисто механическаго

движенія слѣпыхъ силъ сознательнымъ, планомѣрнымъ дѣйствіемъ. *Экономія времени* и *силъ* — вотъ конечная, хотя не всегда *сознаваемая*, цѣль *всѣхъ* тактическихъ вопросовъ. Одного этого простого соображенія, вытекающаго изъ различія, устанавливаемаго Лерда, достаточно, чтобы понять, что соціалъ-демократія въ своей дѣятельности должна слѣдовать методу дѣйствія элементарныхъ силъ природы. Характернымъ признакомъ борьбы стихійныхъ силъ служитъ безмѣрная расточительность времени и силъ, что не должно быть характернымъ для борьбы соціалъ-демократіи.

Выводы, къ которымъ мы пришли выше путемъ абстрактной дедукціи, могутъ быть подтверждены конкретными фактами.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія имѣли мѣсто движенія пролетаріата, съ которыми по размѣрамъ и по интенсивности можетъ быть сравнено движеніе лишь за послѣднее время: мы говоримъ о чартистскомъ движеніи. Цѣль, къ которой стремились чартисты, была—соціалистическій общественный строй, ближайшей цѣлью борьбы была—демократія или всеобщее избирательное право. Извѣстно, что это грандіозное движеніе, располагавшее десятками талантливыхъ и преданныхъ борцовъ, умерло, не успѣвъ осуществить ни одного изъ своихъ требованій. Почему? Можетъ быть, партія чартистовъ недостаточно охраняла чистоту своихъ принциповъ, можетъ быть, она вступила на пагубный путь опортюнизма, заключила компромиссъ съ другими партіями? Но мы знаемъ, что все было какъ разъ наоборотъ. Ни съ одной партіей чартисты не боролись съ такой энергіей, какъ съ партіей либераловъ; ихъ развитіе состояло въ постоянной „чисткѣ“ въ смыслѣ Лерда. Тѣ элементы движенія, которые выказывали склонность заключить союзъ съ либералами, были неуклонно исключаемы изъ движенія. Но подобныя „чистки“ не только не укрѣпили движенія, но ослабили его силы, и, въ концѣ концовъ, очищенное движеніе потерпѣло такой грандіозный крахъ, который теперь съ трудомъ можно представить. Часть рабочихъ заключила союзъ съ лѣвой частью буржуазіи. Какъ ни оцѣнивать этотъ союзъ, ясно, однако, что его практическимъ результатомъ было первое движеніе въ пользу реформы избирательной

системы. Въ 1867 г. избирательное право получила часть городскихъ рабочихъ, въ 1884 это право было распространено на болѣе широкій кругъ городскихъ рабочихъ и на сельскихъ рабочихъ. Правда, что реформа 1867 г. проведена консервативнымъ министерствомъ (Дизраэли), но только проведена. На самомъ дѣлѣ она была дѣломъ парламента, въ которомъ либералы составляли большинство (на 361 либераловъ было 294 консерваторовъ), такъ что они могли принудить консервативное министерство, достигшее власти благодаря ловкому парламентскому маневру, принять свои (либеральные) планы реформъ, вопреки желанію консервативнаго меньшинства. Организація, въ которой соединились рабочіе и буржуазные радикалы для агитаціи въ пользу парламентской реформы, называлась—англійская лига реформы. Въ ея исполнительный комитетъ входили нѣкоторые члены генеральнаго совѣта интернаціонали, о чемъ Марксъ докладывалъ съ нѣкоторой *гордостью* лозанскому конгрессу. Онъ находилъ этотъ компромиссъ въ порядкѣ вещей, и дальнѣйшее развитіе показало, что онъ былъ правъ. Правда, билль 1867 г, не вполнѣ соотвѣтствовалъ потребностямъ рабочаго класса, но все-таки онъ до извѣстной степени выполнилъ предсказаніе Пальмерстона, который, отвѣчая въ 1860 году лорду Джону Русселю на внесенное послѣднимъ предложеніе парламентской реформы, ядовито замѣтилъ: возможно, что предлагаемая реформа мало измѣнитъ составъ парламента, но послѣдній долженъ будетъ *„играть тогда для галлереи, а не для ложъ“*. Вліяніе рабочихъ на парламентъ значительно возрасло. Первымъ результатомъ этой реформы былъ школьный законъ 1870, паролемъ котораго было: „мы должны теперь воспитывать нашихъ господъ“; вторымъ— обширная реформа фабричныхъ и коалиціонныхъ законовъ. Пожалуй, еще большее значеніе имѣли внутреннія перемѣны партій. Радикальные элементы либеральной партіи все усиливаются, оттѣсняя на задній планъ виговъ. Въ 1880 г. союзъ либераловъ съ рабочими проводитъ въ парламентъ подавляющее большинство депутатовъ, обязавшихся защищать новое расширеніе избирательнаго права, въ результатѣ чего появилась реформа 1884 г., доставившая избирательное право большинству сельскихъ и городскихъ англійскихъ рабочихъ.

Еще до сихъ поръ выборы обставлены всякаго рода оговорками, стѣсняющими избирательное право рабочихъ, но центръ тяжести выборовъ теперь все-таки покоится въ рабочемъ народѣ.

Мнѣ, конечно, не приходитъ въ голову отрицать того, что союзъ англійскихъ рабочихъ съ либералами въ той формѣ, въ которой онъ былъ заключенъ, имѣетъ непріятныя стороны, что исторія этого союза имѣетъ не одну темную страницу. Но никто не можетъ утверждать, что союзъ 1879—80 гг. долженъ былъ осуществиться именно въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ онъ осуществился. Этотъ союзъ является прямой противоположностью чартистскаго движенія, которое въ свою очередь имѣло не одну черную страницу. Все, что я хочу доказать, такъ это только, что чистота движенія, боязнь компромисса еще не удерживаетъ и не гарантируетъ его силы, равно какъ нечистота, компромиссъ не всегда является препятствіемъ къ развитію силы.

Другимъ примѣромъ того, какъ союзъ можетъ экономизировать или удваивать силы, непримиримая же тактика—расточать ихъ—можетъ служить исторія Лондонскаго графскаго совѣта. Въ 1892 г. союзъ рабочихъ, буржуазныхъ радикаловъ и умѣренныхъ соціалистовъ, называвшій себя прогрессивной партіей, добился того, что въ лондонскій графскій совѣтъ было избрано большинство его единомышленниковъ. Тѣ начинанія, которыя раньше представляли лишь робкія попытки, теперь горячо начали проводиться въ жизнь. Въ городское хозяйство былъ рѣшительно введенъ антиманчестерскій принципъ; на первый планъ были поставлены интересы рабочихъ; въ частностяхъ, правда, еще дѣйствовали ощупью, съ осторожностью, но въ общемъ настолько рѣшительно, что противъ совѣта возстали всѣ заинтересованные въ сохраненіи старыхъ порядковъ. Буржуазные избиратели толпами отпадали отъ прогрессистской партіи, и противная партія, называвшая себя умѣренной, одерживала все большія и большія побѣды при каждыхъ новыхъ дополнительныхъ выборахъ. Было ясно, что выборы 1895 г. должны были показать, одобряютъ ли или нѣтъ избиратели соціальную политику лондонскаго графскаго совѣта. Въ этомъ году въ избирательной борьбѣ выступили также радикальные со-

ціалисты. Это было ихъ право и даже—долгъ. Но, какъ настоящіе непримиримые, они не сдѣлали ни одной попытки для того, чтобы сговориться съ прогрессистами о разграниченіи избирательныхъ мѣстъ,—что можно было осуществить,— не пожертвовавъ ни однимъ пунктомъ собственной независимости. Но вѣдь это походило бы на союзъ, на компромиссъ! Они выступили, поэтому, вполнѣ независимо, въ полной „чистотѣ", и чтобы на этотъ счетъ не оставалось никакого сомнѣнія, направили свою критику прежде всего противъ прогрессистской партіи. И они могли радоваться, что почти во всѣхъ округахъ, въ которыхъ они выступили, прогрессисты были побиты, но не ихъ собственными кандидатами, получившими ничтожное меньшинство, а реакціонерами. Они помогли побѣдѣ манчестерства. Новое большинство въ графскомъ совѣтѣ отмѣнило и разрушило шагъ за шагомъ все, что было совершено прогрессистами въ періодъ 1892—95. Даже если слѣдующіе выборы дадутъ снова прогрессистское большинство въ графскомъ совѣтѣ — что еще сомнительно—то ему придется начинать все сначала и во многихъ случаяхъ его свобода дѣйствія будетъ стѣснена, такъ какъ „умѣренные" позаботились о заключеніи съ частными обществами долгосрочныхъ договоровъ, которые не могутъ быть расторгнуты никакимъ большинствомъ. Во всякомъ случаѣ непримиримая тактика имѣла результатомъ значительную потерю во времени, и сомнительно, внесла ли она ясность въ чью-либо голову. Поскольку теперь можно судить, она ослабила движеніе въ пользу реформъ, не укрѣпивъ положенія соціалъ-демократіи.

Не нужно, впрочемъ, обращаться къ Англіи для того, чтобы убѣдиться, что компромиссъ не представляетъ еще большого зла для соціалистическаго движенія.

Относительно нѣмецкой соціалъ-демократіи, которая, конечно, кое-чего достигла, можно сказать: *въ ея колыбели лежалъ компромиссъ*. Одинъ изъ корней, изъ которыхъ она выросла, и, именно, „марксистскій" развился, благодаря союзу съ буржуазными демократами, какъ „народная партія". Партія неоднократно поддерживала буржуазныхъ демократовъ и здоровье ея отъ этого не пострадало. Если избирательное право въ рейхстагъ дало ей возможность выступить само-

стоятельно при первыхъ же выборахъ въ рейхстагѣ, то при общинныхъ выборахъ до самаго послѣдняго времени заключаются компромиссы. Эти компромиссы заключаются, навѣрно, и въ настоящее время, какъ видно изъ появляющихся время отъ времени въ провинціальныхъ партійныхъ газетахъ сообщеній о томъ, что при выборахъ въ общинный совѣтъ были выбраны „всѣ находившіеся въ нашемъ спискѣ кандидаты“, что служитъ скрытымъ признаніемъ того, что не всѣ эти кандидаты были соціалъ-демократами.

Вообще же сообщенія о выборахъ бываютъ обыкновенно крайне тенденціозны. Избирательныя побѣды выставляются какъ побѣды собственными силами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ бываютъ часто плодомъ либо компромисса, либо поддержки со стороны буржуазныхъ партій. Такъ, напр., недавно вся партійная пресса съ понятной радостью передала извѣстіе о выборѣ въ шведскій парламентъ перваго соціалъ-демократическаго депутата. Ни однимъ словомъ не упоминалось при этомъ, что депутатъ прошелъ, благодаря компромиссу съ буржуазными радикалами. Соціалъ-демократическая партія въ Даніи, представляющая такую почтенную силу, неоднократно соединялась для общаго дѣйствія при выборахъ съ буржуазными радикалами и благодаря этому соединенію ей удалось выбрать депутатовъ даже въ палату господъ. Всѣ радовались побѣдѣ, но умалчивали *о средствахъ побѣды, какъ будто ихъ нужно стыдиться.* То же можно повторить относительно выборовъ во Франціи и Швейцаріи. Выборъ Вульшлегера въ Базелѣ въ Національный Совѣтъ, судя по соціалистическимъ газетамъ, которыя мнѣ удалось видѣть, произошелъ вопреки оппозиціи всѣхъ буржуазныхъ партій, тогда какъ, если не ошибаюсь, онъ совершился съ помощью радикаловъ. Подобный способъ сообщеній, мнѣ кажется, достоинъ всякаго порицанія, чтобы не выразиться рѣзче. Не говоря уже о томъ, что онъ ведетъ къ совершенно ложному представленію о собственныхъ силахъ, онъ создаетъ совершенно ошибочное общественное мнѣніе. Фикція, по которой компромиссъ исчезъ изъ сферы дѣятельности соціалъ-демократіи, побуждаетъ нашихъ товарищей въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ разумныя основанія говорятъ въ пользу компромисса, или дѣйствовать противъ своего собственнаго

убѣжденія, или совершать *втихомолку* то, что *гораздо безопаснѣе* было совершить *совершенно открыто.* Но кто рѣшится открыто заключить компромиссъ, когда общественное мнѣніе единодушно считаетъ компромиссъ позорной измѣной нашимъ принципамъ, отрицаніемъ классовой борьбы?

Ничего подобнаго не представляетъ самъ по себѣ компромиссъ, хотя самъ по себѣ онъ не представляеъ и ничего похвальнаго. Все зависитъ вполнѣ отъ обстоятельствъ. Давать общую оцѣнку компромисса—это нелѣпость, хотя можно указать правила относительно условій, при которыхъ компромиссъ допустимъ и даже можетъ быть рекомендованъ. Масштабомъ служитъ отношеніе между приносимой имъ пользой для поставленной цѣли къ вредному воздѣйствію на собственную партію.

Какой вредъ можетъ причинить компромиссъ? Если оставить въ сторонѣ тѣ случаи, когда компромиссъ приноситъ лишь мнимую непосредственную выгоду, а на самомъ дѣлѣ лишь отдаляетъ цѣль, то вредъ компромиссовъ, какъ обыкновенно говорятъ, заключается въ томъ, что они стираютъ необходимыя различія между партіями, вредятъ ясности и ведутъ къ ослабленію наступательной силы. Что касается послѣдняго пункта, то онъ покоится на смѣшеніи *затраты силы* съ *дѣйствіемъ ея.* Затрата силы можетъ быть очень велика, а дѣйствіе ея ничтожно и, наоборотъ, малая затрата силъ можетъ дать большія слѣдствія. Если нападеніе происходитъ по всей линіи, во всевозможныхъ направленіяхъ, то ударъ нигдѣ не бываетъ достаточно силенъ и, быть можетъ, онъ слабѣе всего тамъ, гдѣ онъ всего необходимѣе; концентрированное нападеніе не сопровождается такимъ крикомъ и помпой, но дѣйствіе его гораздо интенсивнѣе.

Страхъ того, что компромиссъ можетъ повредить ясности, покоится на подобномъ же смѣшеніи. Смѣшиваютъ, обыкновенно, компромиссъ въ вопросѣ принциповъ съ компромиссомъ въ вопросахъ дѣйствія. Первый, дѣйствительно, опасенъ, второй же можетъ быть опасенъ лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Чѣмъ болѣе партія защищена противъ компромисса перваго рода, тѣмъ свободнѣе она можетъ заключать компромиссы второго рода. Въ этомъ отношеніи Лерда правъ, защищая единство. Партія должна быть замкнутымъ

цѣлымъ по отношенію къ своимъ цѣлямъ и характеру. Компромиссъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ имѣетъ такія же слѣдствія, какъ теорія двухъ душъ националъ-либераловъ: одна изъ двухъ душъ погибаетъ, а иногда и обѣ; qui trop embrasse, mal entreint. Но отвергать союзъ въ борьбѣ во имя какого-то шаблона, фразы, тщеславія—это значитъ совершать величайшую ошибку, это забвеніе долга, измѣна довѣреннымъ партіи интересамъ.

На самомъ дѣлѣ непримиримость очень часто бываетъ продуктомъ тщеславія или лѣности мысли. Для нея достаточно знанія какого-нибудь износившагося боевого словечка, тогда какъ политика компромисса требуетъ подробнаго изученія дѣйствительныхъ отношеній. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ *болѣе грубаго незнанія дѣйствительности*, болѣе ложнаго изложенія реальнаго отношенія силъ, чѣмъ въ рѣчахъ и статьяхъ непримиримыхъ.

Но кромѣ того догматъ, отвергающій всякій компромиссъ, нисколько не обезпечиваетъ классоваго характера движенія. Напротивъ, въ своемъ развитіи онъ ведетъ къ его ослабленію.

Всякое движеніе, выросшее изъ стадіи сектантства и образующее партію, нуждается *въ успѣхѣ*. Оно должно усиливаться, идти впередъ, потому что лишь усиленіе есть сила, неподвижность же—смерть. Росту же пролетарской партіи положены границы въ силѣ и высотѣ развитія пролетаріата. Поэтому тамъ, гдѣ пролетаріатъ достигъ бы своихъ предѣльныхъ границъ, ему ничего не оставалось, какъ выжиданіе, потому что онъ образуетъ во всѣхъ странахъ въ большинствѣ округовъ лишь меньшинство населенія. Свобода заключенія союзовъ съ другими партіями даетъ ему возможность расширять активную дѣятельность, но если подобные союзы невозможны, то вниманіе партіи направляется на расширеніе своихъ силъ на счетъ другихъ классовъ населенія. Пріобрѣтеніе подобныхъ элементовъ становится уже—выражаясь образно—не „подсобнымъ промысломъ“, но главнымъ занятіемъ партіи, агитація все болѣе приспособляется къ этой цѣли. Такимъ образомъ изъ партіи сознательныхъ пролетаріевъ она незамѣтно для самой себя становится партіей всѣхъ недовольныхъ, которые можетъ быть еще удержива-

ютъ пролетаріатскія фразы, но не дѣло, и во всякомъ случаѣ смѣшиваютъ послѣднее съ планами всеобщаго осчастливленія человѣчества. Она еще можетъ играть очень почтенную роль, но фактически это будетъ буржуазно-радикальная партія съ соціалистической вывѣской и всегда нужно ожидать, что она измѣнитъ соціализму ради своихъ буржуазныхъ друзей и тѣмъ поведетъ къ краху всю партію. Кооперація, политическій компромиссъ, не требуетъ никакого замалчиванія или отрицанія классовыхъ требованій. Соединененіе совершается въ виду опредѣленныхъ цѣлей безъ дальнѣйшихъ обязательствъ. При этомъ, конечно, можно обмануться въ союзникахъ. Поэтому компромиссъ требуетъ рядомъ съ изученіемъ положенія дѣлъ точнаго изученія противной партіи, что само по себѣ очень полезно.

Что дѣлаетъ компромиссъ особенно непопулярнымъ, такъ это, что онъ долженъ обыкновенно заключаться съ тѣми партіями, съ которыми идетъ наиболѣе ожесточенная борьба, именно—съ сосѣдними партіями. Естественно, что ошибки послѣднихъ больше всего бросаются въ глаза, а ихъ критика наиболѣе чувствительна. Но фактъ остается фактомъ: союзъ именно съ этими партіями принесъ большія выгоды какъ нашей партіи, такъ и общему развитію. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда при подобномъ союзѣ союзная партія не исполняетъ своего обязательства, выгода отъ него въ большинствѣ случаевъ все-таки остается на сторонѣ соціалистовъ. Политическая измѣна вредитъ больше всего той партіи, которая ее совершила.

Все сказанное относится къ борьбѣ соціалъ-демократіи, какъ политической партіи, на каковую тему написана и статья Лерда. На основаніи многихъ мѣстъ его статьи можно заключить, что по его мнѣнію политическая борьба рабочихъ носитъ чисто классовый характеръ. Но это величайшая ошибка. Напр., профессіональный союзъ, какъ таковой лишь посредственно участвуетъ въ классовой борьбѣ рабочихъ, непосредственно же онъ защищаетъ спеціальные интересы одной части пролетаріата и при томъ защищаетъ ихъ въ рамкахъ буржуазнаго хозяйства, почему и представляетъ постоянный компромиссъ съ послѣднимъ. То же относится къ товариществу. И профессіональный союзъ, и

товарищество слишкомъ сильно зависятъ отъ расположенія или нерасположенія законодательства, чтобы не стать, собственно говоря, въ своей дѣятельности на буржуазную почву. Honny soit qui mal y pense. Чѣмъ плодотворнѣе стремится быть профессіональный союзъ, чѣмъ болѣе онъ желаетъ выполнить свой долгъ, тѣмъ менѣе можетъ онъ расширять свои задачи и поле дѣятельности. Его девизъ—концентрированіе. Кто боится опортюнизма, тотъ будетъ грубо разочарованъ при ближайшемъ ознакомленіи съ рабочими союзами, поставившими своей задачей экономическую борьбу. Утвержденіе Лерда, что опортюнизмъ и „противоестественные союзы" представляютъ спеціальность плохихъ политиковъ, противорѣчитъ всѣмъ даннымъ дѣйствительнаго опыта.

Между прочимъ, здѣсь будетъ у мѣста показать, почему собственно политическіе союзы—всѣ безъ различія—„противоестественны". Это дѣйствительно должно быть, если справедливо, что всѣ союзы одинаково предосудительны.

„Партія воплощаетъ идеалы соціализма только тогда", говоритъ Лерда на стр. 429, „когда она несетъ свое знамя". Можно было бы перевернуть фразу не измѣняя ея смысла. Что доказываетъ эта повторяемая въ различныхъ формахъ истрепанная фраза? Ибсенъ рисуетъ въ одной изъ своихъ драмъ человѣка, спеціальность котораго состоитъ въ томъ, что онъ высоко держитъ „знамя идеи". Онъ много бѣгаетъ, но дѣлаетъ очень мало. По мнѣнію Лерда, политическая борьба, не ограничивающая себя политическими демонстраціями, ведетъ къ тому, что „рабочій или удовлетворяется соціальными паліативами и теряетъ свои старые идеалы или утомленный борьбой оставляетъ партію, проклиная вѣчныхъ эксплуататоровъ, будь то духовенство, капиталисты или политики". Это утвержденіе имѣло бы не много значенія даже при условіи, что использованіе всѣхъ политическихъ средствъ борьбы исключало созданіе органовъ для экономической борьбы. Внѣ этого случая оно становится голословной фразой. Опытъ показываетъ, что ничто не утомляетъ скорѣй, какъ безполезное маханіе „знаменемъ идеи".

Наконецъ, предостерегающимъ примѣромъ должна, по мнѣнію Лерда, служить исторія христіанства. Не превратилось ли христіанство, „благодаря систематической и посто-

янной деградаціи живущихъ въ массѣ идеаловъ", въ церковь, „которая не принесла съ собой ни малѣйшаго экономическаго, нравственнаго и умственнаго повышенія обездоленныхъ классовъ"? Я настолько испорченъ, что даже это доказательство не обращаетъ меня къ добродѣтели. Во-первыхъ, я совершенно не согласенъ съ сужденіемъ Лерда о христіанствѣ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что его осуществленіе далеко уступаетъ идеаламъ его первыхъ проповѣдниковъ, тѣмъ не менѣе оно было носителемъ великаго всемірно-историческаго прогресса. Несомнѣнно также, что вмѣстѣ съ побѣдой оно потеряло также свою первоначальную красоту. Но это судьба всякой великой всемірно-исторической идеи. Рѣшительный шагъ къ ея воплощенію всегда является ея деградаціей, потому что онъ представляетъ союзъ съ старымъ, т. е. компромиссъ. Въ пустынѣ не разрѣшаются никакія проблемы. Слѣдовательно, невозможно избѣжать „грязи опортюнизма"? Здѣсь мы напомнимъ Лерда о томъ, что онъ самъ говоритъ въ началѣ своей статьи относительно „статическихъ" силъ. Классовая борьба и компромиссъ столь же мало представляютъ абсолютныя противоположности, какъ статика и динамика; это—формы движенія, а движеніе вѣчно.

* * *

Мнѣ бы не хотѣлось заканчивать своей статьи, не показавъ ея практическаго примѣненія для ближайшихъ задачъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Буржуазныя партіи, съ которыми нѣмецкая соціалъ-демократія имѣетъ общія задачи, въ общемъ мало пригодны для союза и главнымъ образомъ потому, что на нихъ нельзя слишкомъ разсчитывать. Поскольку дѣло идетъ о выборахъ въ рейхстагъ, это для нашей партіи не важно; при перебаллотировкахъ она будетъ подавать голоса въ пользу тѣхъ партій, усиленіе которыхъ она считаетъ желательнымъ. Иначе дѣло обстоитъ съ выборами въ *ландтаги* и прежде всего въ прусскій ландтагъ, какъ наиболѣе важный. Приближается время выборовъ въ прусскій ландтагъ. Всѣ согласны, что для рабочихъ далеко не безразлично, каковъ будетъ его составъ въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ. Ландтаги теперь являются оплотомъ реакціонной партіи, отсюда исходятъ удары противъ рабочаго

движенія, съ которыми рейхстагъ ничего не можетъ сдѣлать. Не должны ли мы взять эти оплоты? Я не придаю особаго значенія предложенію, сдѣланному мною три года назадъ и признаю, что оно вызываетъ серьезныя возраженія; но кто предложилъ что-либо лучше? Партійный конгрессъ въ Кельнѣ постановилъ тогда вести агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права въ ландтагъ. Что вышло изъ этой агитаціи? Было бы хорошо своевременно выяснить этотъ вопросъ, чтобы не пропустить безъ пользы хотя бы слѣдующіе ближайшіе выборы. Соціалъ-демократія, какъ повѣренный въ интересахъ рабочихъ, обязана дѣлать все возможное, чтобы противодѣйствовать кознямъ феодально-капиталистической партіи. Caveant consules.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОБЛЕМЫ СОЦІАЛИЗМА.

1896—1898.

Вторая часть представляетъ сборникъ статей, опубликованныхъ въ періодъ 1896—1898 г. подъ помѣщеннымъ выше общимъ названіемъ и повлекшихъ за собой споры, въ результатѣ которыхъ появилась моя книга „Voraussetzungen des Socialismus“.

Утопизмъ и эклектизмъ.

(1896 г.).

Соціалъ-демократическое движеніе за послѣдніе годы сдѣлало значительные успѣхи почти во всѣхъ культурныхъ странахъ. Этотъ успѣхъ неоспоримъ даже тамъ, гдѣ онъ не выражается, какъ въ Германіи, въ громадномъ ростѣ соціалъ-демократическихъ избирательныхъ голосовъ. Въ статьѣ извѣстнаго соціалиста-фабіаниста Шоу объ интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ „Космополиса", не лишенной ошибокъ и преувеличеній, но тѣмъ не менѣе очень интересной, авторъ указываетъ на то, что несмотря на то, что въ Англіи соціалъ-демократія не сумѣла своими собственными силами послать въ парламентъ ни одного депутата и не получила и сотни тысячъ голосовъ въ пользу своего кандидата, тѣмъ не менѣе соціалистическія тенденціи все болѣе и болѣе проникаютъ въ законодательство. Фактъ этотъ неоспоримъ, хотя дѣлаемые изъ него авторомъ выводы по меньшей мѣрѣ односторонни. Дѣло, собственно, заключается въ томъ, что въ Англіи экономическія и общественныя условія соціализма въ общемъ болѣе развиты, буржуазныя же партіи не такъ недоступны для своевременныхъ соціалистическихъ требованій, какъ въ Германіи. Старыя партіи здѣсь болѣе способны къ развитію, а также болѣе способны оказать сопротивленіе соціалъ-демократіи, и потому вліяніе послѣдней проявляется пока косвенно, хотя значеніе вліянія отъ этого нисколько не умаляется. Подобное же явленіе—лишь съ измѣненіями сообразно инымъ

отношеніямъ — мы наблюдаемъ во Франціи и Швейцаріи. Даже въ остальныхъ странахъ, какъ Австрія и Италія, вліяніе соціалъ-демократической пропаганды значительно возросло; примѣръ сосѣднихъ странъ дѣйствуетъ заразительно. Коротко, во всѣхъ странахъ соціалъ-демократія значительно подвинулась впередъ.

Если было бы слишкомъ поспѣшно заключать отсюда, что мы находимся наканунѣ окончательной побѣды соціализма, то все-таки можно, на основаніи широкаго распространенія соціалистическихъ идей и соотвѣтствующихъ явленій въ производствѣ, торговлѣ и сношеніяхъ, предположить, что мы приближаемся гигантскими шагами къ тому времени, когда соціалъ-демократія должна будетъ измѣнить свою теперешнюю, преимущественно критическую, точку зрѣнія и перейти отъ требованій охраны рабочихъ, заработной платы etc. къ планамъ положительныхъ реформъ. Въ передовыхъ странахъ мы находимся если не наканунѣ „диктатуры", то наканунѣ руководящаго вліянія рабочаго класса или партіи, выражающей его интересы, и поэтому было бы не лишнимъ пересмотрѣть умственный багажъ, съ которымъ мы приближаемся къ этой эпохѣ.

Современная соціалъ-демократія гордится тѣмъ, что она выросла изъ рамокъ утопическаго соціализма, и, поскольку дѣло идетъ о фантастическихъ планахъ будущаго государства, она вполнѣ права. Ни одинъ вмѣняемый соціалистъ не рисуетъ теперь картинъ будущаго общества, долженствующаго воплотить совершенное счастье на землѣ; никто не мечтаетъ о рецептѣ, который бы самымъ скорымъ и несомнѣннымъ образомъ привелъ насъ къ этой фантастической цѣли. Если теперь соціалисты и загадываютъ о будущемъ, то это происходитъ либо въ формѣ указанія приблизительнаго пути развитія къ соціалистическому строю, либо въ формѣ изображенія картины будущаго строя, набросанной съ большимъ или меньшимъ талантомъ и не претендующей ни на какое научное значеніе. Конечно, и въ подобныхъ попыткахъ иногда скрывается утопическая мысль, но утопія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, выступающая съ заявленіемъ: „Вотъ рецептъ для кухмистерской будущаго общества"—отжила свое время.

Однако, существуетъ другого рода утопизмъ, который, къ сожалѣнію, еще не вымеръ. Этотъ новый утопизмъ представляетъ прямую противоположность старому. Современные утописты избѣгаютъ касаться будущаго строя общества, но предпологаютъ рѣзкій скачекъ отъ капиталистическаго общества въ соціалистическое. Все, что происходитъ въ первомъ— лишь заплаты, паліативы, все проникнуто духомъ капитализма; освобожденіе приноситъ лишь соціалистическое общество, которое прійдетъ если не завтра, то во всякомъ случаѣ въ непродолжительномъ времени. Люди эти, не вѣря въ чудеса, предполагаютъ, тѣмъ не менѣе, что совершится чудо. Проводится большая черта и говорится: здѣсь капиталистическое общество—тамъ соціалистическое. Не упоминается ни однимъ словомъ о систематической работѣ въ существующемъ обществѣ; живутъ изо дня въ день и предоставляютъ себя ходу событій. Ссылка на классовую борьбу, понимаемую очень односторонне, и на экономическое развитіе разрѣшаетъ всѣ затрудненія.

Не думая нисколько отрицать важнаго значенія этихъ двухъ движущихъ силъ, мы полагаемъ, однако, что ссылка на нихъ не выясняетъ еще многаго изъ того, что именно долженъ былъ бы объяснить соціализмъ, если онъ дѣйствительно стремится стать *наукой*. Пониманіе движущихъ силъ и хода историческаго развитія въ его прошломъ имѣетъ еще очень малое значеніе, если это пониманіе измѣняетъ намъ именно въ томъ пунктѣ, гдѣ начинается сознательная и планомѣрная дѣятельность.

Разрѣшеніе всѣхъ трудностей ссылкой на „окончательную побѣду соціализма“,—употребляя ходячее выраженіе—не освобождается отъ утопическаго характера тѣмъ, что оно снабжается боевыми словечками, заимствованными изъ арсенала произведеній Маркса и Энгельса. Научная теорія можетъ привести къ утопизму, если она превращается въ догматъ. Возьмемъ, напр., такъ часто цитируемую главу изъ перваго тома „Капитала“: „Историческая тенденція капиталистическаго накопленія“. Одно слово: „*тенденція*“ должно бы было предостеречь отъ вырыванія отдѣльныхъ фразъ изъ общей связи и отъ ихъ буквальнаго толкованія. Тѣмъ не менѣе, „экспропріація экспропріаторовъ“ постоянно по-

нимается какъ необходимый актъ, соединенный съ катастрофой, и совершающійся одновременно по всей линіи. Но это— вполнѣ утопическое представленіе. Хотя, несомнѣнно, соціальныя катастрофы могутъ очень ускорить ходъ развитія, онѣ не могутъ, однако, вдругъ *создать единообразныя отношенія*, необходимыя для *одновременнаго* переворота способа хозяйства, отношенія, во всякомъ случаѣ, еще не существующія. Между тѣмъ міръ хозяйства не находится въ неподвижномъ состояніи. Нѣкоторыя отрасли производства и хозяйства достигаютъ такого уровня развитія, при которомъ частно-хозяйственная эксплуатація перестаетъ быть цѣлесообразной или даже становится вредной для общихъ соціальныхъ потребностей. Рядомъ съ этимъ ростетъ вліяніе рабочаго класса и выражающихъ его интересы политическихъ организацій, при чемъ еще не можетъ быть и рѣчи о диктатурѣ пролетаріата. Неизбѣжно выдвигаются вопросы, которыя, слѣдуя указанному выше воззрѣнію, лежатъ по ту сторону катастрофы. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, правильно было бы сказать о вростаніи современнаго общества въ соціализмъ, если бы это слово не придавало процессу слишкомъ механическаго характера. Но что сказать о тѣхъ, кто даетъ государственнымъ и общиннымъ предпріятіямъ въ современномъ обществѣ *безсмысленное* названіе государственнаго или общиннаго капитализма? Вѣдь это значитъ снова возвращаться къ утопизму. Для тѣхъ государственныхъ и общинныхъ предпріятій, которыя служатъ источникомъ дохода или же которыя изъяты изъ частной эксплуатаціи по причинамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ соціальнополитическими задачами, существуетъ старое и вполнѣ подходящее слово: „казенное (фискальное) предпріятіе“. Это слово особенно у мѣста въ томъ случаѣ, когда общественное хозяйство бюрократически управляется привиллегированнымъ меньшинствомъ въ интересахъ послѣдняго. Но подобный родъ хозяйства постепенно исчезаетъ. Современная демократія, опирающаяся на рабочій классъ, оказываетъ, какъ мы уже видѣли, все большее и большее вліяніе на государство и общину. Чѣмъ сильнѣе это вліяніе, тѣмъ демократичнѣе будутъ начала, на которыхъ основано управленіе общественнымъ хозяйствомъ. Интересы привиллегированнаго

меньшинства будутъ все болѣе и болѣе подчиняться общимъ интересамъ. Число предпріятій, въ которыхъ соціально-политическія задачи оттѣсняютъ на второй планъ чисто фискальныя цѣли, все возрастаетъ. и въ старыхъ государственныхъ и общинныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, монополизированныхъ первоначально въ цѣляхъ фиска, постепенно на первый планъ выдвигаются соціально-политическія задачи. Называть это не подлежащее никакому сомнѣнію развитіе государственнымъ или общиннымъ капитализмомъ—это значитъ закрывать для себя путь къ правильному пониманію его историческаго значенія. Это развитіе носитъ рѣшительно антикапиталистическій характеръ; оно направлено противъ типичнаго и существеннаго признака капитализма,—противъ присвоенія *капиталистами средствъ* производства и дохода отъ него. Названіе „капиталистическій" въ данномъ случаѣ можетъ опираться лишь на современную форму распредѣленія дохода отъ производства или отъ предпріятія; но считать рѣшающимъ критеріемъ форму распредѣленія—это все что угодно, но только не научный соціализмъ, который покоится именно на пониманіи рѣшающаго значенія способа и условій производства. Такимъ образомъ за словомъ: „государственный капитализмъ" скрывается *утопическая мысль, исходнымъ пунктомъ для которой служатъ не законы общественнаго развитія, но готовое представленіе о формѣ распредѣленія въ государствѣ будущаго.* Не менѣе ошибочно, что въ подобныхъ случаяхъ забываютъ фактъ существованія различныхъ государствъ, и такимъ образомъ ставится на одну доску государственное предпріятіе въ государствѣ, представляющемъ почти независимый и господствующій надъ обществомъ органъ, съ предпріятіемъ, которое основано государствомъ, подчиненнымъ въ высшей степени демократическому обществу. Поэтому, чѣмъ скорѣй это безсмысленное слово исчезнетъ изъ соціалъ-демократическаго словаря—тѣмъ лучше.

Недостатокъ всѣхъ подобныхъ ходячихъ названій, опирающихся на второстепенные признаки, состоитъ въ томъ, что они закрываютъ путь къ раціональному и систематическому изслѣдованію вещей. Они ведутъ къ чистѣйшему эклектизму, если только не означаютъ полнаго безсилія мысли.

Если англійскіе фабіанцы, написавшіе на своемъ знамени государственный и общинный соціализмъ,—эклектики, то они являются ими вполнѣ сознательно и имѣютъ опредѣленный реальный критерій *), опираясь на который, они приходятъ часто къ тѣмъ же соціально-политическимъ выводамъ, какъ и научный соціализмъ, опирающійся на матеріалистическое пониманіе общества. Если же значеніе хозяйственныхъ учрежденій измѣряется не на основаніи ихъ положенія въ *дѣйствительномъ* соціальномъ развитіи, но на основаніи заранѣе составленнаго *представленія объ общественномъ строѣ*, то необходимымъ результатомъ такого положенія должна быть тактика, при которой рѣшеніе вопроса о практическихъ мѣропріятіяхъ является дѣломъ произвола или настроенія, и при которой зависитъ вполнѣ отъ случая, будетъ ли этотъ вопросъ разрѣшенъ правильно, т. е. сократитъ и смягчитъ ли это разрѣшеніе муки процесса соціальнаго переворота—въ чемъ собственно и заключается миссія соціалъ-демократіи, какъ политической партіи—или нѣтъ.

До сихъ поръ изъ рядовъ защитниковъ научнаго соціализма не было сдѣлано фабіанцамъ ни одного возраженія, кромѣ указанія на классовую борьбу, которое заставило бы ихъ отказаться отъ ихъ эклектизма. Но классовая борьба является прежде всего *непроизвольной движущей силой* соціальной эволюціи; она дѣйствуетъ подобно естественнымъ законамъ въ независимой отъ человѣка природѣ, гдѣ совершается безмѣрное расточеніе времени, труда и матеріала. Такова картина англійскаго рабочаго движенія, исполненнаго духа эмпиризма. Никто не будетъ отрицать недостатковъ подобнаго метода. Революціонныя фразы мало измѣняютъ дѣло; онѣ ведутъ другимъ путемъ къ такой же расточительности. Безпринципность и принципіозность, или, выражаясь другими словами, грубый эмпиризмъ и утопическое доктринерство приводятъ въ этомъ отношеніи къ почти одинаковымъ слѣдствіямъ.

Какъ я уже однажды писалъ, фабіанцы представляютъ реакцію противъ сектантски-революціоннаго революціонаризма, который проповѣдывали въ началѣ восьмидесятыхъ

*) Ср. памфлетъ: Socialism: True and False, Сидней Вебба.

годовъ англійскіе энтузіасты-соціалисты. Какъ всякое движеніе, вызванное реакціей, они не чужды преувеличеній. Ими были выброшены за бортъ не только пустыя фразы. Соціализмъ былъ сведенъ къ ряду соціально-политическихъ мѣропріятій безъ всякаго связующаго элемента, объединяющаго основныя идеи и дѣятельность. Въ своихъ изслѣдованіяхъ по спеціальнымъ вопросамъ, фабіанцы оказали соціализму значительныя услуги, но зато они отняли у него—поскольку это было въ ихъ власти—компасъ, который предостерегалъ бы ихъ отъ движенія впередъ ощупью.

Это чувствуется многими, но недовольство пока находитъ выраженіе лишь въ личныхъ заявленіяхъ да въ мало доказывающихъ общихъ фразахъ. Полемика противъ фабіанцевъ вращалась около мелочей; противъ нихъ выдвигались заимствованныя изъ арсенала марксизма боевыя выраженія, при чемъ нисколько не заботились о дальнѣйшемъ развитіи теоріи великаго мыслителя. Упускались даже изъ виду поправки, внесенныя самими Марксомъ и Энгельсомъ въ свои раннія произведенія. Неудивительно, что боевое слово „государственный капитализмъ“ нашло глашатаевъ даже въ Англіи, въ странѣ, гдѣ оно менѣе всего имѣетъ смысла.

[Далѣе въ оригиналѣ слѣдуетъ выдержка изъ статьи, помѣщенной въ „Прогрессивномъ обозрѣніи“, о коллективизмѣ въ промышленности; статья пытается найти основной критерій, на основаніи котораго можно было бы рѣшить, какія отрасли промышленности пригодны для коллективнаго веденія хозяйства и какія слѣдуетъ предоставить пока частнохозяйственной эксплуатаціи. Анонимный авторъ—вѣроятно соціологъ Джонъ А. Гобсонъ—развивая мысли Адама Смита, приходитъ къ выводу, что для коллективнаго веденія хозяйства болѣе всего пригодны тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ преобладаетъ рутина (Rutinemässig), тогда какъ отрасли производства, въ которыхъ большую роль играетъ искусство или личность рабочаго менѣе пригодны къ этой формѣ хозяйства. Онъ не забываетъ того, что производства второго рода все болѣе и болѣе вытѣсняются рутиннымъ

производствомъ, но онъ полагаетъ, что на мѣсто ихъ создаются все новыя и новыя отрасли промышленности, имѣющія въ виду квалифицированное потребленіе. Чѣмъ больше развивается производство для массоваго потребленія, тѣмъ больше, съ другой стороны, растетъ потребность въ художественно сработанныхъ продуктахъ, такъ что полный переходъ производства въ общественное веденіе не можетъ быть желательнымъ еще въ теченіе необозримо долгаго періода времени.

Авторъ настоящей книги сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія на развитыя выше мысли; существенная часть ихъ приводится ниже].

Прим. переводч.

Важнѣе то, что потребитель здѣсь понимается, какъ въ большинствѣ подобнаго рода изслѣдованій въ смыслѣ послѣдняго въ рядѣ или „непроизводительнаго" потребителя, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ современномъ хозяйствѣ производительный потребитель играетъ такую значительную роль, что игнорированіе его ведетъ къ самымъ опаснымъ выводамъ. Прежде чѣмъ продуктъ становится потребительнымъ благомъ для послѣдняго потребителя, онъ бываетъ въ цѣломъ или въ составныхъ частяхъ потребительной вещью для производительнаго потребителя, который естественно не предъявляетъ никакихъ художественныхъ, индивидуальныхъ требованій, но смотритъ лишь на добротность матеріала. Отсюда слѣдуетъ, что область „рутинной промышленности" значительно шире, чѣмъ можетъ показаться для тѣхъ, кто имѣетъ въ виду лишь непроизводительнаго потребителя. Производства сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ представляютъ почти всѣ безъ исключенія рутинныя промышленности или же стремятся стать таковыми. Художественный, индивидуальный моментъ играетъ значительную роль лишь при послѣдней обработкѣ предметовъ потребленія.

Впрочемъ, раздѣленіе производствъ на рутинныя и художественныя въ указанномъ выше широкомъ смыслѣ крайне плодотворно для изслѣдованія даннаго вопроса, особенно для исторической перспективы. Если оно совпадаетъ въ об-

щемъ съ выставленнымъ въ „Капиталѣ“ критеріемъ для раздѣленія различныхъ родовъ хозяйства, то оно въ то же время является цѣннымъ дополненіемъ къ послѣднему, поскольку служитъ указателемъ для болѣе точной оцѣнки возможнаго дальнѣйшаго хода развитія, и предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ поспѣшнаго вывода о предстоящемъ господствѣ коллективной формы хозяйства. Какъ бы мы не представляли себѣ количественное отношеніе рутинной промышленности къ художественной (въ вышеприведенномъ смыслѣ), ясно—на основаніи всего сказаннаго выше, что послѣдняя вполнѣ никогда не исчезнетъ. Согласно закону діалектики, прогрессивное увеличеніе и возрастаніе коллективнаго хозяйства *создаетъ почву для новой индивидуалистической производительной дѣятельности*; оно само создаетъ условія, мѣшающія его полному преобладанію. Это доказывается съ полной ясностью цѣлымъ рядомъ примѣровъ, и кромѣ того, было бы очень *печально*, если бы человѣчество приближалось къ будущему, въ которомъ существовала бы лишь *одна форма движенія*.

Поэтому, если мы и не можемъ согласиться съ различными подробностями изслѣдованія автора, тѣмъ не менѣе его основная мысль кажется намъ неопровержимой. Во всякомъ случаѣ, еще въ теченіе долгаго времени мы должны будемъ избѣгать представленія, что мы приближаемся къ вполнѣ коллективистскому общественному строю. *Мы должны привыкнуть къ мысли о частичномъ коллективномъ хозяйствѣ*.

Развитіе аграрныхъ отношеній въ Англіи.

(1897).

Нѣтъ надобности доказывать, какъ важно для каждой теоріи знать въ каждый данный моментъ ходъ дѣйствительнаго развитія. Анекдотъ о врачѣ, категорически объявившемъ своему оставшемуся въ живыхъ паціенту, положеніе котораго онъ раньше нашелъ безнадежнымъ: „для науки вы мертвы“ можетъ служить предостереженіемъ не только для слишкомъ поспѣшныхъ учениковъ Эскулапа.

Нѣтъ другой отрасли хозяйственной дѣятельности, которой бы такъ часто предсказывали смерть, какъ сельскому хозяйству средней и западной Европы. Но оно тѣмъ не менѣе продолжаетъ существовать. Правда, что факты, на основаніи которыхъ предсказывалось его скорое разрушеніе, не являются продуктами простого воображенія и значеніе ихъ далеко не ничтожное. Они не прошли безслѣдно, но оставили послѣ себя глубокія борозды. Поэтому остается открытымъ вопросъ, не представляетъ ли его жизнеспособность лишь преходящаго явленія или не подорвана ли она окончательно, и грядущая катастрофа лишь нѣсколько отодвинута благодаря примѣненію искусственныхъ средствъ.

Ни одна страна, вѣроятно, не даетъ болѣе благопріятныхъ условій для изслѣдованія этихъ вопросовъ, чѣмъ Англія. Дѣйствіе разрушительныхъ факторовъ здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ, и Англія должна была бороться съ этими факторами, не прибѣгая къ глав-

ному искусственному средству, посредствомъ котораго французскіе и нѣмецкіе сельскіе хозяева старались нейтрализировать или по крайней мѣрѣ ослабить конкурренцію новообработанныхъ сельско-хозяйственныхъ экспортирующихъ странъ. Большая часть крупныхъ населенныхъ центровъ Германіи и промышленныхъ округовъ, расположены въ сторонѣ отъ морскихъ гаваней, англійскіе же большіе города почти всѣ, за исключеніемъ Бирмингама, лежатъ или на берегу моря или—судоходныхъ рѣкъ или, наконецъ, невдалекѣ отъ гаваней; ея столица служитъ средоточіемъ міровой торговли, главнымъ складомъ продуктовъ всѣхъ странъ. Если сложить населеніе Лондона, Ливерпуля, Глазго, Эдинбурга, Эбердина, Ньюкестля, Туля, Саутгэмптона, Бристоля, Кардифа—словомъ, всѣхъ приморскихъ городовъ Великобританіи, то получится отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ всего ея народонаселенія. Ни одно европейское государство не даетъ подобнаго преобладанія приморскаго населенія; Франція въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ Англіи; о Германіи нечего и говорить. Англія доступна для конкурренціи иностранныхъ пищевыхъ продуктовъ по всей морской линіи; она представляетъ удобное складочное мѣсто для избытковъ продуктовъ всѣхъ странъ и, слѣд., продуктовъ *всѣхъ категорій*, такъ какъ, если одна страна нуждается въ какомъ-либо продуктѣ, то другая имѣетъ его въ избыткѣ. Нѣтъ ни одной отрасли сельскаго хозяйства, относительно котораго можно было бы сказать, что она обезпечена отъ иностранной конкурренціи; нѣтъ ни одного спеціальнаго продукта, который бы не производился какимъ-либо изъ конкуррентовъ Англіи при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Наврядъ-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что англійское сельское хозяйство служитъ цѣлью для попытокъ конкурренціи всего міра. Минимумъ государственной защиты соединяется здѣсь съ минимальной защитой со стороны естественныхъ географическихъ условій и, такимъ образомъ, иностранная конкурренція встрѣчаетъ здѣсь такія благопріятныя условія, какъ ни въ какой другой странѣ.

Понятно, поэтому, что англійскіе сельскіе хозяева въ теченіе послѣдней четверти вѣка не особенно довольны своимъ существованіемъ. Менѣе понятно, какъ они могли выдержать

направленные противъ нихъ со всѣхъ сторонъ удары, а также то обстоятельство, что именно англійское хозяйство въ *большей части пережило* кризисъ и теперь опять становится на *прочное основаніе*.

Послѣднее положеніе защищается въ произведеніи д-ра *Кэнига*: „Положеніе англійскаго сельскаго хозяйства подъ гнетомъ современной международной конкурренціи и средства и пути для его улучшенія“ *). Авторъ этого произведенія — спеціалистъ, объѣздившій главныя страны съ сельско-хозяйственнымъ производствомъ; несмотря на свое имя, онъ англичанинъ, и это очень ясно сказывается въ книгѣ. Его работа не лишена повтореній и серьезныхъ противорѣчій, но она заключаетъ много описательнаго и статистическаго матерьяла объ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Авторъ наглядно изображаетъ, какъ на англійскіе аграрные классы обрушилась конкурренція Америки, Австраліи, Россіи etc., и какъ они искали средствъ борьбы съ нею безъ помощи государства. Недостаткомъ изложенія служитъ то, что авторъ не даетъ точнаго опредѣленія количественныхъ понятій, такъ что часто, когда онъ говоритъ о большихъ или меньшихъ имѣніяхъ, то мы должны догадываться, идетъ ли рѣчь о большихъ и меньшихъ имѣніяхъ по отношенію къ ихъ средней величинѣ, или о послѣдней категоріи имѣній, при чемъ, даже если предположить, что этотъ пунктъ выясненъ, то все-таки оставленъ широкій просторъ для ошибочной оцѣнки. Все это затрудняетъ чтеніе книги, очень интересной по количеству интереснаго матерьяла. Такъ какъ авторъ разсматриваетъ вопросъ исключительно съ хозяйственно-политической точки зрѣнія, то соціально-политическая сторона вопроса мало затронута въ книгѣ. „Сельское хозяйство“ для г. Кэнига — это дѣло землевладѣльцевъ и арендаторовъ; что касается сельскаго рабочаго, то онъ разсматривается имъ лишь въ той степени, поскольку цѣна его труда интересуетъ сельско-хозяйственнаго предпринимателя.

---

*) Dr. Ph. F. König. „DieLage der Englischen Landwirtschaft unter dem Drucke der internationalen Konkurrenz der Gegenwart und Mittel und Wege zur Besserung derselben“. Verlag von Gustav Fischer in Jena. 1896. Стр. 445.

Вѣрно, во всякомъ случаѣ, то, что за послѣднее десятилѣтіе центромъ аграрнаго вопроса въ Англіи было не положеніе сельскихъ рабочихъ. Легкость переселеній и отхода въ города или въ сельскіе промышленные округа парализовали дѣйствіе уменьшеннаго спроса на сельско-хозяйственный трудъ, такъ что, несмотря на значительное паденіе *) *числа* сельскихъ рабочихъ по отношенію ко всему населенію, заработокъ и условія труда занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ рабочихъ, въ общемъ, скорѣй улучшились. Паденіе цѣнъ на сельско хозяйственные продукты увеличило покупную силу заработной платы, и послѣдняя понизилась лишь въ отдѣльныхъ графствахъ, находящихся въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ; больше всего пострадало отъ кризиса преимущественно сельско-хозяйственное графство Норфолькъ. Сельскіе рабочіе въ Норфолькѣ сравнительно хорошо организованы, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ въ остальной Англіи, но они не могли устоять противъ кризиса, который обратилъ въ паръ тысячи акровъ пшеничныхъ полей и такъ обезцѣнилъ землю, что она при продажѣ не окупала даже находящихся на ней построекъ. Тѣмъ не менѣе, заработная плата упала далеко не въ той пропорціи, какъ цѣны; современный способный къ труду рабочій выселяется въ города или въ колоніи раньше, чѣмъ заработная плата понизится ниже уровня, обезпечивающаго ему извѣстныя условія существованія; таковъ пока „желѣзный законъ“ заработной платы въ англійскомъ сельскомъ

*) Въ чисто сельскохозяйственномъ графствѣ Уайтширѣ число сельскихъ рабочихъ въ 1871 г. было 29,636 ч., въ 1881 г. — 24,772 ч. и въ 1891 г.—20,893 ч. Въ періодъ 1871—1891 число сельскихъ рабочихъ сократилось на 30%. Такъ какъ въ тотъ же періодъ времени общее число народонаселенія Англіи увеличилось почти на 30%, то число сельскихъ рабочихъ при подобномъ же развитіи въ 1891 г. должно было бы составлять 38,000. Необходимо сравнить это число съ дѣйствительнымъ — 20,893, чтобы ясно представить дѣйствительное сокращеніе числа сельскихъ рабочихъ.

Въ графствѣ Линкольнъ въ тѣ же десятилѣтія, сельское населеніе сократилось на 6%. Въ общемъ же сельско-хозяйственное населеніе Англіи съ 1881 г. осталось безъ измѣненія. Въ сельскихъ округахъ Англіи и Валиса замѣчается даже приростъ населенія (3%), но въ этотъ приростъ включено также не сельскохозяйственное населеніе.

хозяйствѣ. Несмотря на уменьшившійся спросъ на трудъ, въ общемъ чувствовался не избытокъ, а недостатокъ въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ — обстоятельство, побудившее сельскихъ хозяевъ къ улучшенію рабочихъ помѣщеній. Хотя въ отдѣльныхъ округахъ „котеджи“ еще очень плохи, но въ общемъ это уже хорошія зданія со всевозможными новѣйшими приспособленіями. Въ большинствѣ случаевъ дома съ небольшимъ садомъ даются рабочимъ даромъ или за номинальную ренту, что, конечно, необходимо принимать въ расчетъ при сравненіи заработной платы. Тамъ, гдѣ условія не слишкомъ неблагопріятны, рабочіе снимаютъ небольшіе участки земли. Какъ извѣстно, новый законъ о церковно-приходскомъ представительствѣ заключаетъ постановленія, которыя должны обезпечить рабочимъ полученіе хорошихъ участковъ земли по умѣреннымъ цѣнамъ; но эти постановленія снабжены такими условіями, что пользованіе ими для рабочихъ почти недоступно. Землевладѣльцы и арендаторы по понятнымъ причинамъ не сочувствуютъ закону. Если рабочій обрабатываетъ за свой счетъ слишкомъ большой участокъ земли, то это вредитъ его трудовой способности при его работѣ на хозяина. Рабочее время въ общемъ сократилось по сравненію съ прежнимъ временемъ, но во многихъ мѣстахъ это сокращеніе парализовано введеніемъ добавочныхъ работъ. Почти всѣ спеціалисты согласны въ томъ, что положеніе современнаго сельско-хозяйственнаго рабочаго значительно лучше положенія мелкаго крестьянина, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ умственномъ отношеніи онъ гораздо самостоятельнѣе и хорошо освѣдомленъ о положеніи рынка. Естественно, это не исключаетъ того, что въ отсталыхъ округахъ и тамъ, гдѣ личныя соображенія привязываютъ рабочаго къ землѣ, сохранились еще тяжелыя условія батрачества.

Интересны нижеприводимыя данныя, заимствованныя изъ народной переписи 1891 г.: эти числа служатъ хорошей поправкой къ господствующимъ на континентѣ представленіямъ объ англійскихъ аграрныхъ отношеніяхъ.

Въ 1891 г. въ Англіи и Валисѣ было:

Самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ (арендаторовъ и крестьянъ)	223,610
Занятыхъ на фермѣ сыновей, племянниковъ etc. сельскихъ хозяевъ старше 15 лѣтъ	67,287
Инспекторовъ и управляющихъ имѣніями	18,205
Сельскихъ рабочихъ, батраковъ, кучеровъ и т. д.	759,134
Пастуховъ	21,573
Садовниковъ, огородниковъ, рабочихъ при питомникахъ и т. д.	179,336
Лицъ, занятыхъ уходомъ за скотомъ (подойщиковъ, рабочихъ для стрижки и т. д.)	26,574
Остальныхъ лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ	16,001
Всего . . .	1,311,720

Отсюда слѣдуетъ, что приблизительно на одинъ милліонъ наемныхъ рабочихъ приходится около 300,000 самостоятельно занятыхъ или работающихъ на своихъ родителей и т. д.— отношеніе, которое все-таки далеко отъ господствующаго представленія, по которому въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ существуютъ лишь крупные капиталисты и сельскій пролетаріатъ.

Для Шотландіи и Ирландіи отношеніе числа фермеровъ и ихъ сыновей къ числу наемныхъ рабочихъ еще выше (въ Ирландіи оно превышаетъ отношеніе 2 : 1), такъ что во всемъ Соединенномъ Королевствѣ на *одинъ милліонъ фермеровъ* и ихъ сыновей приходится *полтора милліона наемниковъ*. Число фермеровъ безъ сыновей достигаетъ 694,945, такъ что если причислить всѣхъ фермерскихъ сыновей къ наемникамъ то получится всетаки отношеніе 7 : 18. Семь самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ на восемнадцать наемниковъ!

Естественно, что въ большинствѣ случаевъ „самостоятельность" чисто номинальная. Громадное большинство ирландскихъ, очень многіе изъ шотландскихъ и многіе изъ англійскихъ мелкихъ арендаторовъ являются на самомъ дѣлѣ сельскими поштучными рабочими и находятся къ крупнымъ земельнымъ собственникамъ въ отношеніи такой же зависимости, какъ большинство самостоятельныхъ ремесленниковъ къ фабрикантамъ и крупнымъ торговцамъ. Но рядомъ существуетъ группа дѣйствительно самостоятельныхъ арендаторовъ и мелкихъ земельныхъ собствен-

никовъ, да и указанную выше зависимость не слѣдуетъ преувеличивать.

Одно изъ главныхъ слѣдствій аграрнаго кризиса состояло въ ослабленіи этой зависимости. Книга Кэнига приводитъ массу примѣровъ, когда лендлорды приносили большія жертвы, отказывались отъ всякаго чистаго дохода со своихъ имѣній для того, чтобы удержать своихъ фермеровъ. Если даже предположить, что авторъ тенденціозенъ—а онъ на самомъ дѣлѣ слишкомъ часто разсматриваетъ вещи сквозь очки лендлордовъ—то все-таки политическая исторія Англіи должна была бы разсказать объ этомъ измѣненіи въ отношеніяхъ. Было время, когда англійскіе арендаторы были либеральны, и либеральная партія защищала ихъ интересы. Теперь масса арендаторовъ настроена консервативно, потому что противоположность интересовъ въ настоящее время почти исчезла. Либералы поэтому опираются больше на сельскихъ рабочихъ, приспособляя свою аграрную политику къ ихъ требованіямъ. Поразителенъ фактъ, показывающій между прочимъ, насколько *консервативны* бываютъ въ своихъ аргументахъ именно наиболѣе *радикальныя* партіи, фактъ, что въ Англіи еще встрѣчаются соціалисты, которые заимствуютъ свою критику либераловъ изъ литературы сороковыхъ годовъ. Въ согласіи съ этимъ современное экономическое развитіе изображается такъ же, какъ оно изображалось въ то время. Но исторія не знаетъ развитія по шаблону; существуютъ лишь тенденціи развитія, опредѣляющія направленіе послѣдняго, не проявляясь, впрочемъ, въ полной чистотѣ. Вернемся однако къ нашей темѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ аграрный кризисъ достигъ наибольшаго напряженія, онъ почти уничтожилъ противорѣчіе интересовъ арендаторовъ и лендлордовъ и сильно ослабилъ противорѣчіе интересовъ арендаторовъ и рабочихъ. Почти вездѣ лендлорды должны были дѣлать уступки арендаторамъ, послѣдніе же—рабочимъ; перенесеніе убытковъ отъ кризиса на рабочихъ, возможное еще поколѣніе назадъ, теперь немыслимо. Другими словами, англійскіе земельные собственники не нашли ни одного класса, на который они могли бы свалить убытки отъ кризиса. Они должны были цѣликомъ взять ихъ на себя.

Въ какомъ же положеніи находится классъ „земледѣль-

цевъ“? Соотвѣтствуетъ ли распредѣленіе земельной *собственности* распространенному представленію: съ одной стороны ничтожная кучка крупныхъ землевладѣльцевъ, съ другой— карликовые владѣльцы (Zwergeigentümer) и безземельные? И здѣсь мы должны избѣгать преувеличеній, если мы не желаемъ прійти къ выводамъ, которые опровергаются ходомъ развитія.

Англійскій статистикъ Мюльгаль въ своемъ „Dictionary of statistics“ полагаетъ, что десять одиннадцатыхъ земли Соединеннаго Королевства принадлежатъ 176, 520 собственникамъ, изъ которыхъ наиболѣе мелкіе владѣютъ участкомъ не менѣе 10 акровъ. По отношенію ко всему народонаселенію это, конечно, небольшое число, хотя далеко не „ничтожная кучка“. Но этимъ ни въ какомъ случаѣ не исчерпывается классъ людей, заинтересованныхъ въ сохраненіи земельной собственности. Тамъ, гдѣ законъ или земельная статистика замѣчаютъ только одного собственника, въ дѣйствительности находится цѣлая группа собственниковъ. Такъ бываетъ въ случаяхъ *фидеикомисной* собственности, владѣній, принадлежащихъ *учрежденіямъ*, *акціонернымъ обществамъ*, *товариществамъ* и т. под. Если даже не всѣ изъ участвующихъ во владѣніи одинаково въ немъ заинтересованы, то все-таки мы наврядъ ли преувеличимъ, предположивъ за каждымъ изъ названныхъ выше 176.000 владѣльцевъ одного сознательнаго и заинтересованнаго совладѣльца; къ этому нужно еще прибавить цѣлую армію *владѣльцевъ ипотекъ*. Далѣе, не всѣ землевладѣльцы, имѣющіе меньше 10 акровъ, карликовые крестьяне (Zwergbauer). Между ними находятся въ большомъ числѣ владѣльцы городской земельной собственности, *владѣльцы огородовъ* въ окрестностяхъ большихъ городовъ и владѣльцы *шахтъ* и т. под., получающіе съ одного акра земли больше дохода, чѣмъ иной средній крестьянинъ получаетъ съ сотни и болѣе акровъ. Всѣ эти люди увеличиваютъ „кучку“ сознательно заинтересованныхъ въ земельной собственности по крайней мѣрѣ до *милліона* человѣкъ.

Такимъ образомъ, обобществленіе земельной собственности, какъ оно обыкновенно представляется, въ классической странѣ крупнаго землевладѣнія встрѣтилось бы съ гораздо большимъ сопротивленіемъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

Ошибочно также представленіе, по которому экономическое развитіе „гигантскими шагами“ стремится къ съуженію круга заинтересованныхъ въ земельной собственности.

Прежде всего растущая густота населенія въ городахъ и промышленныхъ округахъ создаетъ постоянно новыя лица, заинтересованныя въ земельной собственности. Это настолько общеизвѣстный фактъ, что онъ не нуждается въ разъясненіи. Въ сельскохозяйственныхъ округахъ происходитъ, съ одной стороны, высасываніе мелкихъ владѣній и—раздробленіе крупныхъ. Какъ извѣстно, не во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства крупное производство имѣетъ равныя преимущества надъ мелкимъ; тенденція развитія въ сторону крупнаго хозяйства перекрещивается и задерживается многими противоположными теченіями.

Особенно же надо остерегаться смѣшивать крупное *землевладѣніе* съ крупнымъ земельнымъ *хозяйствомъ*.

Линкольнширъ—одно изъ наиболѣе важныхъ сельскохозяйственныхъ графствъ Англіи—извѣстенъ необыкновенно высокимъ уровнемъ сельскохозяйственной культуры. Его полтора милліона акровъ находятся по большей части въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Совершенно иную картину, чѣмъ распредѣленіе *собственности*, представляетъ распредѣленіе *хозяйствъ*.

Слѣдующая таблица, заимствованная изъ „Report of the agriculture of Lincolnchire“ Вильсона (London, 1895), представляетъ распредѣленіе собственности и хозяйствъ въ названномъ графствѣ:

Землевладѣльцы.		Хозяйства (имѣнія).	
Менѣе 1 акра	13.768	50 акровъ и менѣе	20.263
Отъ 1 „ до 10 акр.	8.168		
„ 10 „ „ 50 „	5.212		
„ 50 „ „ 100 „	1.293	отъ 50 до 100 акр.	2.196
„ 100 „ „ 500 „	1.611	„ 100 „ 300 „	2.826
		„ 300 „ 500 „	833
„ 500 „ „ 1.000 „	208	„ 500 „ 1.000	388
„ 1.000 „ „ 2.000 „	116	1000 акр. и болѣе	36
„ 2.000 „ „ 5.000 „	67		
„ 5.000 „ „ 10.000 „	27		
„ 10.000 „ „ 100.000 „	18		

Тогда какъ земельная собственность свыше 50 акр. распредѣляется между 3.340 землевладѣльцами, *хозяйства* свыше 50 акр. распредѣляются между 6.279 лицами. А если мы считаемъ имѣнія и хозяйства начиная съ 100 акр., то указанное отношеніе будетъ 2.047 : 4.083. Другими словами, въ цѣляхъ хозяйства большія имѣнія должны были раздробиться, концентрація земельной собственности свыше 1.000 акр. не имѣетъ *никакого отношенія къ производственно-техническимъ* соображеніямъ; ее нельзя объяснить большей производительностью крупныхъ имѣній, она обусловливается иными причинами. Докладчикъ Royal Commission of Labour о положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ среднихъ графствахъ Англіи утверждаетъ въ своемъ отчетѣ, что *въ большихъ фермахъ* употребляется *относительно больше* рабочихъ, чѣмъ въ малыхъ, и что преобладаетъ тенденція къ уменьшенію размѣра фермъ. Послѣднее явленіе — результатъ иностранной конкурренціи. Фермеры видятъ свое спасеніе въ интенсивной культурѣ, причемъ, какъ кажется, мелкія хозяйства болѣе всего пригодны для интенсивной культуры. Воздѣлываніе пшеницы сокращается все болѣе и болѣе или прекращается вполнѣ; вмѣсто нея вводится разведеніе породистаго скота, огородничество и т. д.

Громадное сокращеніе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты на англійскомъ рынкѣ за послѣднія 20 лѣтъ извѣстно. Для большей наглядности, однако, приводимъ нѣсколько цифръ.

Шеффель пшеницы стоилъ въ Англіи:

Въ 1874 году	6	шилинговъ	$11^1/_2$	пенсовъ.
„ 1879 „	5	„	$5^3/_4$	„
„ 1884 „	4	„	$5^1/_2$	„
„ 1889 „	3	„	$8^1/_2$	„
„ 1894 „	2	„	$10^1/_4$	„

Не удивительно, что въ періодъ 1874—1894 гг. площадь подъ пшеницей сократилась почти на половину, съ 3,6 мил. акр. на 1,9 мил., что въ періодъ 1889—1894 гг. Англія производила только 29,41% потребляемой ею пшеницы, тогда какъ еще въ періодъ 1869—1874 она производила 54,97% нужнаго ей количества. Не въ такой степени, но все-таки

значительно упала цѣна *ячменя*, а именно съ 44 шил. 11 пенс. за квартеръ въ 1874 на 24 шил. 6 пенс. въ 1894 г. *Овесъ* упалъ за тотъ же періодъ времени съ 28 ш. 10 п. на 17 ш. 1 п. за квартеръ.

Очевидно, что при подобномъ паденіи цѣнъ фермеры уже давно не могли бы вести хозяйства, если бы они не могли какимъ-либо образомъ сократить издержки производства. Возможность этого сокращенія доставили имъ лендлорды. Тотъ фактъ, что фермеры *не были собственниками* обрабатываемой ими земли, спасъ ихъ отъ разоренія. Если бы они были землевладѣльцами, обремененными неизбѣжными ипотеками, то они давно должны были бы прекратить уплату; а владѣльцы ипотекъ не дѣлаютъ да часто и не могутъ дѣлать уступокъ. Лендлорды же *должны* были уступить; для нихъ пониженіе арендныхъ цѣнъ было еще меньшимъ зломъ *). Арендная плата постепенно упала на 50% противъ своей прежней величины, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и больше; сверхъ того лендлорды должны были взять на себя различные расходы, относящіеся къ постройкѣ жилищъ, къ улучшеніямъ и т. под., которые раньше цѣликомъ падали на фермеровъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лендлорды должны были даже занимать деньги на веденіе хозяйства. Такъ, напр., одинъ изъ наиболѣе крупныхъ лендлордовъ Линкольншира, графъ Энкастерскій, владѣющій 53.993 акрами, израсходовалъ на свое имѣніе въ періодъ 1872—1893 гг. въ круглыхъ цифрахъ:

На новыя постройки	359.000	ф. ст.
„ исправленія, дополненія, страховку	278.000	„
„ дренажи и улучшенія	31.000	„
„ дренажныя подати (Drainageabgaben)	21.000	„
„ десятину	63.000	„
„ земельную подать	48.000	„
„ мѣстные налоги	21.000	„
„ различные расходы	175.000	„
„ расходы по управленію	43.000	„
Всего	1.039.000	ф. ст

*) Въ этомъ отношеніи предположеніе Parvus'а въ его интересной статьѣ: „Der Weltmarkt und die Agrarkrisis" (Die Neue Zeit. 1895 bis 1896, Bd. I), что лендлорды прогнали неспособныхъ къ уплатѣ фермеровъ, по-

Валовой доходъ отъ имѣнія за тотъ же періодъ былъ 1.565.000 ф. ст.; изъ этого дохода сверхъ того должны были быть уплачены: *подоходный налогъ*, пенсіи, обязательные подарки и т. п. расходы, связанные съ землевладѣніемъ, а также расходы на содержаніе семьи и родственниковъ до неизвѣстнаго колѣна. Если всѣ эти издержки вычесть изъ дохода, то остается сумма, необходимая для веденія жизни, „соотвѣтственной сословнымъ привычкамъ". Въ общемъ, чистый доходъ графа Энкастерскаго—при чемъ изъ этого дохода, какъ было сказано, должны быть уплачены всевозможныя ренты сонаслѣдникамъ и родственникамъ—съ 1875 г. *упалъ на* $67^1/_2$%.

То же или похожее на это происходитъ и въ другихъ графствахъ. Благодаря поддержкѣ лендлордовъ, классъ фермеровъ въ общемъ сохранился и постепенно приспособился къ измѣнившимся условіямъ рынка. Тамъ, гдѣ это допускается климатомъ и земельными условіями, фермеры обратились къ разведенію скота, такъ какъ цѣны на породистый англійскій скотъ и его мясо хорошо удержались. Поэтому лучше всего положеніе фермеровъ въ такъ называемыхъ „луговыхъ графствахъ" („grazing-counties"). По утвержденію Кэнига, въ Кумберлендѣ, гдѣ климатъ наиболѣе благопріятствуетъ луговому хозяйству, кризисъ совершенно закончился. Фермеры снова „зарабатываютъ деньги", и если цѣны продержатся, то они скоро вернутъ потерянное въ періодъ кризиса.

Естественно, что луговое хозяйство нуждается въ меньшемъ количествѣ людей, чѣмъ полевая культура. Не надо, однако, преувеличивать и полагать, напримѣръ, что лугъ и паръ—одно и то же. Земля, предназначаемая англійскимъ скотоводомъ для луга, тщательно обрабатывается и засѣвается лучшими кормовыми травами. Арендаторъ „не боится никакихъ расходовъ, ни труда", онъ „хорошо знаетъ, что его расходы окупятся; въ общемъ онъ цѣнитъ выше свои луга, чѣмъ поля" (Кэнигъ).

коится на незнаніи англійскихъ отношеній. То же относится, какъ видно изъ нижеизложеннаго, къ еще раньше выставленному предположенію Paul Ernst'a, по которому англійскіе лендлорды легче вынесли паденіе ренты, потому что на ихъ имѣніяхъ не лежали ипотеки.

Скотъ тоже требуетъ внимательнаго ухода; въ луговыхъ графствахъ положеніе рабочихъ въ общемъ лучше, чѣмъ въ графствахъ съ преобладаніемъ полевой культуры; англійскій лугъ—это вовсе не прерія и не помпасы. Ферма въ 1.000 акровъ считается во многихъ графствахъ очень большой и требуетъ значительнаго капитала. Наиболѣе крупныя луговыя хозяйства, описываемыя Кэнигомъ, немногимъ превышаютъ 1.000 акровъ. Существуютъ, конечно, и болѣе обширныя пастбища для овецъ, гдѣ дѣйствительно рѣшающую роль играетъ количество скота и обширность пастбища, но разведеніе овецъ сокращается, вытѣсняемое болѣе интенсивнымъ разведеніемъ крупнаго скота *).

Теперь для насъ станутъ понятными приведенныя въ началѣ статьи цифры. Сельское населеніе сократилось, но это сокращеніе относится почти исключительно къ сельскимъ рабочимъ. Число самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, т. е. число хозяйствъ *не уменьшилось*, а, вѣроятно, въ той же пропорціи *увеличилось*. Культура стала интенсивнѣе, какъ въ полевомъ хозяйствѣ, такъ и въ луговомъ. Большая интенсивность не означаетъ необходимаго возвращенія къ мелкому хозяйству,—наоборотъ, Кэнигъ цитируетъ многіе отзывы, которые утверждаютъ, что интенсивная культура болѣе распространена въ крупныхъ хозяйствахъ **)—но также она не означаетъ господства хо-

---

*) Количество скота въ Англіи и Шотландіи.

было въ:	1874 г	1884 г.	1894 г.
Лошадей	1.311.739	1.414.377	1.529.461
Рогатаго скота . .	6.125.491	6.269.141	6.347.113
Овецъ	30.313.941	26.068.354	25.861.500
Свиней	3.422.832	2.584.391	2.390.026

Количество овецъ сократилось почти на 5 милліоновъ, количество свиней не измѣнилось, количество рогатаго скота и лошадей увеличилось. Еще значительнѣе приростъ лучшихъ породъ. Такъ, напримѣръ, количество лошадей, предназначаемыхъ исключительно для разведенія, увеличилось съ 1874 г. почти на 50%. Однимъ словомъ, превращеніе полевого хозяйства въ луговое не повело къ существеннымъ измѣненіямъ въ величинѣ хозяйства.

**) Конечно, можно затратить очень много труда на обработку мелкихъ клочковъ земли и такимъ образомъ получить доходъ, далеко превышающій среднюю его величину. Но за исключеніемъ тѣхъ случаевъ,

зяйствъ, обнимающихъ гигантскія поля, скорѣе, болѣе всего она подходитъ къ хозяйствамъ умѣренно большихъ размѣровъ. Пространственное сокращеніе еще не означаетъ регресса капиталистическаго характера хозяйства. Наоборотъ, оно часто сопровождается усиленіемъ его капиталистическаго характера. Постоянный капиталъ сильно возрастаетъ по отношенію къ перемѣнной его части, затрачиваемой на заработную плату. Объ этомъ достаточно ясно говорятъ 300,000 фермеровъ и фермерскихъ сыновей рядомъ съ однимъ милліономъ наемныхъ рабочихъ. Но они указываютъ еще на нѣчто иное, а именно на то, что *необходимо до времени оставить* мысль, по которой разрѣшеніе земельнаго вопроса будетъ состоять въ томъ, что въ одинъ прекрасный день „кучка“ магнатовъ земельной собственности и крупно-капиталистическихъ фермеровъ будетъ сразу экспропріирована. Не говоря уже о томъ, что милліонъ сельскихъ рабочихъ разсѣянъ на громадномъ пространствѣ, сельскіе рабочіе далеко не такъ однородны, какъ промышленные рабочіе. Соціалистическое разрѣшеніе земельнаго вопроса, кажется, должно совершиться на иномъ пути.

Соціально-политическій результатъ конкурренціи заграничныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ выразился въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ, главнымъ образомъ, въ значительномъ *паденіи земельной ренты*. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о частичной „экспропріаціи экспропріаторовъ“. Вычислено, что съ 1880 г. арендныя цѣны въ среднемъ упали по меньшей мѣрѣ на 30%. По англійскимъ по-

---

когда дѣло идетъ о спеціальной культурѣ, которая требуетъ такого концентрированнаго труда, подобная обработка означаетъ въ девяти случаяхъ изъ десяти расточеніе труда. Или же это просто забава, не имѣющая значенія для рынка.

Но въ современномъ обществѣ, столь богатомъ производительными силами, съ его тенденціей къ перепроизводству и удешевленію всѣхъ продуктовъ массоваго потребленія, растетъ также количество предметовъ роскоши, требующихъ особо интенсивной культуры и, такимъ образомъ, возрастаетъ возможность капиталистическаго раціональнаго хозяйства на небольшихъ участкахъ земли. Площадь можетъ быть незначительной и въ то же время допускать веденіе вполнѣ капиталистическаго хозяйства. Статистика, опирающаяся на размѣръ хозяйствъ, все менѣе и менѣе способна дать ихъ истинную характеристику.

датнымъ спискамъ годовая, обкладываемая налогомъ, стоимость сельскохозяйственной земли въ Англіи и Валлисѣ достигала въ 1880 г. круглымъ числомъ 52 милл. фунт. стерл., а въ 1894 г.—лишь 40 милл., т. е. на 23% меньше; но сюда вошли также земли, цѣна которыхъ совершенно не измѣнилась или же упала очень незначительно. Но и оставляя указанную цифру, мы видимъ, что доходъ англійскихъ земельныхъ собственниковъ сократился на 12 милл. фунтовъ стерлинговъ, что, при капитализаціи изъ 3%—а болѣе высокій % капитализаціи чистаго дохода теперь нельзя предположить—даетъ уменьшеніе капитальной стоимости земельной собственности на 400 милл. фунт. стерл. И какъ мы видѣли выше, потери англійскихъ лендлордовъ этимъ еще не исчерпываются.

Пониженіе ренты, однако, *нисколько не измѣнило* капиталистическаго характера земледѣлія; наоборотъ, благодаря этому пониженію, земля перешла къ наиболѣе богатымъ капиталомъ фермерамъ. Во многихъ же имѣніяхъ личный составъ арендаторовъ почти не измѣнился. Арендаторы теперь господа положенія. Когда-то *долгосрочная аренда* являлась для фермеровъ средствомъ защиты противъ жадныхъ лендлордовъ; еще Марксъ говоритъ о нихъ въ этомъ смыслѣ въ III томѣ „Капитала"; въ настоящее же время, именно, фермеры требуютъ краткосрочной аренды *). При этомъ въ арендные договоры не вносится никакихъ предписаній, связывающихъ коммерческій способъ хозяйства. Больше, чѣмъ когда-либо, современный фермеръ—фабрикантъ, производящій на чисто купеческихъ основаніяхъ. Иностранная конкурренція революціонизировала отношенія, хотя не въ соціалистическомъ смыслѣ. Капитализмъ вышелъ изъ кризиса побѣдителемъ; подвижность земледѣльческаго капитала провозглашена, какъ принципъ спасенія.

Кэнигъ придерживается мнѣнія, что для Англіи кризисъ почти пережитъ. Что касается пшеницы, то даже изъ наиболѣе опасныхъ конкуррентовъ Сѣв. Америка конкуррируетъ при такихъ цѣнахъ на міровомъ рынкѣ, которыя можетъ выдержать въ крайности и англійскій фермеръ. Аргентина же

*) Koenig, стр. 63, 108 etc.

должна считаться съ климатическими затрудненіями, дѣлающими производство пшеницы очень рискованнымъ дѣломъ, которыя препятствуютъ его расширенію. Строго консервативный „British Review“ пишетъ также о несомнѣнномъ „возрожденіи англійскаго земледѣлія“ и полагаетъ, что по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ году воздѣлываніе пшеницы будетъ вновь окупаться. Правда, это возрожденіе очень условно, но въ послѣднее время, когда каждый новый годъ приносилъ неожиданныя новости на міровомъ рынкѣ, стали, вообще, крайне осторожны въ предсказаніяхъ. Несомнѣнно одно, что англійскіе фермеры, если только съ ними не сыграетъ штуки погода, могутъ не бояться цѣлаго ряда конкуррентовъ, причинявшихъ имъ столько бѣдъ за послѣднее десятилѣтіе. Лучшіе же англійскіе скотоводы, какъ кажется, обезпечены на протяженіи многихъ лѣтъ отъ всякой конкурренціи.

Мы не можемъ изслѣдовать здѣсь вопроса, правильны ли выводы, дѣлаемые г. Кэнигомъ по отношенію къ нѣмецкому сельскому хозяйству. По его мнѣнію, послѣднее можетъ выдержать кризисъ съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ англійское хозяйство. Цѣны на землю слишкомъ высоко подняты, имѣнія слишкомъ задолжены, и сверхъ того Германія не можетъ перейти съ такой легкостью отъ зернового хозяйства къ скотоводству, какъ Англія. Послѣднее справедливо, но центры потребленія въ Германіи не такъ открыты для иностранной конкурренціи, какъ въ Англіи. Указаніе на чрезмѣрное повышеніе земельныхъ цѣнъ тоже правильно, и это зло не можетъ быть смягчено введеніемъ пошлинъ на хлѣбъ. Если когда-либо Германія будетъ вынуждена отмѣнить аграрныя пошлины—а это можетъ случиться не въ слишкомъ далекомъ будущемъ—то нѣмецкое сельское хозяйство будетъ не такъ хорошо защищено, какъ англійское. Его два главные устоя—пивовареніе и сахарное производство—должны были бы тогда во всякомъ случаѣ потерпѣть крахъ, ибо, что стало бы изъ нихъ теперь, если бы внезапно были отмѣнены вывозныя преміи и государственная помощь?

Это, впрочемъ, касается не насъ. Сказанное выше показываетъ слѣдующее. Во-первыхъ, тѣ пути, которыми шло

англійское сельское хозяйство, благодаря вліянію *англійской демократіи*. Англійская демократія заставила фермеровъ и лендлордовъ отказаться отъ всякой попытки переложить убытки кризиса на народныя массы и искать спасенія въ томъ, въ чемъ дѣйствительно заключается слабость Европы, по сравненію съ новыми странами--въ *земельной рентѣ*. Демократіи Англія обязана тѣмъ, что во время аграрнаго кризиса заработная плата англійскихъ сельскихъ рабочихъ скорѣй повысилась, чѣмъ понизилась, потому что она воспрепятствовала фермерамъ и лендлордамъ принять тѣ хозяйственныя мѣры, которыя въ другихъ случаяхъ примѣняются: мѣры противъ выселенія рабочихъ. Нельзя шутить съ сельскимъ рабочимъ, владѣющимъ съ 1884 г. избирательнымъ правомъ въ парламентъ—это видно изъ книги Кэнига во многихъ случаяхъ. И *рента* должна была съ этимъ считаться. Во-вторыхъ—и въ этомъ главная цѣль статьи—приведенные факты показываютъ, что аграрныя отношенія самой передовой страны въ Европѣ—Англіи—далеки еще отъ той картины, которую мы обыкновенно представляемъ себѣ. *Для многихъ развитое выше въ этомъ отношеніи будетъ горькимъ разочарованіемъ, но это все-таки лучше, чѣмъ сохраненіе иллюзій, питающихъ ложныя надежды и указывающихъ ложные пути. Правда не всегда пріятна, но она всегда полезна. Она учитъ насъ направлять всѣ наши силы на разрѣшеніе тѣхъ проблемъ, которыя мы можемъ разрѣшить, и предостерегаетъ насъ отъ мечтаній о предстоящемъ разрѣшеніи вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ условія еще не назрѣли.* Приведенныя выше цифры объясняютъ намъ, почему союзы въ пользу націонализаціи или обратнаго возвращенія земли исчезаютъ, вмѣсто того, чтобы рости, несмотря на преданность дѣлу ихъ членовъ, несмотря на красныя и желтыя агитаціонныя повозки, разъѣзжающія по странѣ, несмотря на ихъ горячіе памфлеты и несмотря на ихъ частые протесты противъ колоссальной земельной собственности англійской аристократіи.

Соціально-политическое значеніе пространства и времени.

(1897 г.).

I.

Въ современныхъ соціалистическихъ спорахъ и разговорахъ, осмѣливающихся выйти за предѣлы ближайшихъ практическихъ задачъ, игнорируются или обсуждаются крайне поверхностно проблемы, имѣющія въ высшей степени важное значеніе для общественнаго ученія, претендующаго на научность, а именно, проблема о размѣрахъ соціально-политической области и тѣсно съ ней связанная проблема о соціально-политической отвѣтственности.

Въ прежнее время было иначе. Если мы оставимъ въ сторонѣ утопистовъ, удовлетворявшихся поэтическимъ изображеніемъ страны, въ которой водворилось полное блаженство, то мы увидимъ, что многіе изъ прежнихъ соціалистовъ останавливались съ большимъ вниманіемъ на этомъ вопросѣ, указывая для своихъ образцовыхъ общинъ опредѣленные размѣры и опредѣленное число членовъ и стараясь установить нормы, долженствовавшія регулировать взаимныя отношенія отвѣтственности. Вообще, люди, которыхъ теперь называютъ утопическими соціалистами были вовсе не мечтателями. Они ошибались относительно данныхъ средствъ и существующихъ возможностей, и даже въ этомъ не было ничего особенно страннаго въ эпоху господства королевскаго абсолютизма. Наоборотъ, ихъ критика общества и даже ихъ утопіи пока-

зываютъ очень развитое чувство реализма. Одинъ изъ великихъ утопистовъ XIX столѣтія — Оуэнъ вычислялъ свой планъ будущаго общества до мельчайшихъ подробностей, чтобы доказать его осуществимость, а другой—Фурье проанализировалъ съ великимъ пониманіемъ человѣческія мотивы и страсти, чтобы дать въ фаланстерѣ соотвѣтственное мѣсто для всѣхъ ихъ и положить ихъ въ основаніе будущаго общества. Какъ Оуэнъ, такъ и Фурье предлагаютъ для своихъ коммунистическихъ общинъ опредѣленныя среднія цифры населенія и опредѣленные размѣры заселяемой области, а Фурье считаетъ, сверхъ того, что его фаланстеръ будетъ служить основной единицей въ великомъ національномъ и интернаціональномъ федеративномъ союзѣ, который долженъ, по его мнѣнію, стать на мѣсто современныхъ государствъ.

Оуэнъ, подобно Фурье и фурьеристамъ тоже наполовину принадлежитъ къ тѣмъ соціалистамъ, практическія мѣропріятія которыхъ независимы отъ утопическихъ фантазій о будущемъ обществѣ и которые стремятся приблизить общество къ свой цѣли посредствомъ реформъ, опирающихся на существующія отношенія.

Съ тѣхъ поръ въ соціалистической литературѣ замѣчается два главныхъ теченія: одни стремятся преобразовать, въ согласіи съ извѣстными принципами, существующее государство, чтобы превратить его въ рычагъ для соціальной реформы въ духѣ соціализма, тогда какъ другіе считаютъ необходимымъ совершенно устранить государство, раздробить его на рядъ совершенно независимыхъ общинъ или свободныхъ группъ, которыя могутъ между собой соединяться по желанію и сообразно потребностямъ.

Представителемъ перваго направленія является еще и теперь нѣмецкая соціалъ-демократія. Но въ ея отношеніи къ государству произошло существенное измѣненіе съ тѣхъ поръ, какъ Энгельсъ въ своемъ „Анти-Дюрингѣ" написалъ знаменитую фразу о „вымираніи" государства. Теперь уже не только подвергается критикѣ государство, поскольку оно является представителемъ интересовъ эксплуататоровъ, но вообще опасаются переносить понятіе государства за предѣлы феодальнаго или буржуазно-капиталистическаго обще-

ства. Правда, доктринерство не идетъ такъ далеко, чтобы отрицались за государствомъ извѣстныя соціальныя задачи, но ничего не хотятъ слышать о томъ, что государство нѣкогда можетъ стать соціалистическимъ. Съ побѣдой соціализма прекращается государство и начинается соціалистическое *общество*.

Правда, нельзя быть достаточно осторожнымъ по отношенію къ государству. Часто оно является средствомъ для проведенія и для прикрытія классовыхъ интересовъ. Было время, когда среди нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ довольно широко былъ распространенъ некритическій культъ государства, и упомянутая фраза Энгельса направлена главнымъ образомъ противъ этого культа. Она является прежде всего предостереженіемъ противъ бюрократическаго пониманія соціализма и покоится на представленіи о принципіальномъ переходѣ функцій современнаго государства къ органамъ демократическаго самоуправленія. Дѣйствительно, если понятіе „государства“ примѣнять только къ власти стоящей надъ совокупностью націи, черпающей свое право на суверенитетъ изъ какого-либо правового установленія, находящагося внѣ ясно выраженной воли и потребностей народа, то ясно, что такое государство не соединимо съ демократическимъ самоуправленіемъ. Возникаетъ, однако, вопросъ, не слишкомъ ли суживается въ такомъ случаѣ понятіе государства и не придается ли послѣднему такого значенія, какого въ настоящее время оно уже отчасти не имѣетъ.

Достаточно взглянуть вокругъ, чтобы убѣдиться, насколько государство способно къ измѣненіямъ. Пруссія—государство, Австрія — государство, Франція — государство и даже швейцарскіе кантоны представляютъ государства, располагаютъ правомъ государственнаго суверенитета. Но если республиканскій кантонъ Цюрихъ, назначающій прямымъ народнымъ выборомъ большинство своихъ чиновниковъ въ правовыя учрежденія, нормирующія отношенія гражданъ между собой и къ ихъ совокупности, называется такъ же, какъ и монархіи, то можно легко предположить, что и позже люди оставятъ названіе для совокупности націи, какъ бы ни измѣнилась ея природа.

Впрочемъ, дѣло здѣсь идетъ не о сохраненіи слова. Мы

охотно соглашаемся на его замѣну другимъ—разъ это будетъ способствовать выясненію вопроса *). Кажется, однако, что удаленіе слова „государство“ лишь отчасти исполняетъ эту задачу; что смѣшеніе понятій, вызываемое словомъ „государство“ или примѣненіемъ этого слова, замѣняется новымъ смѣшеніемъ, которое можетъ быть не менѣе опаснымъ, чѣмъ первое. Признакомъ этого смѣшенія является употребленіе слова *„общество“* въ примѣненіи къ самымъ различнымъ предметамъ **).

Какъ всѣмъ извѣстно, слово „общество“ употребляется въ самомъ разнообразномъ смыслѣ. Оно примѣняется какъ къ замкнутымъ союзамъ, соединеніямъ, такъ и къ неограниченнымъ собраніямъ, обладающимъ лишь нѣсколькими общими признаками. Мы называемъ обществомъ простое собраніе людей, равно какъ все человѣчество, т. е. чисто абстрактное единство. Далѣе, мы называемъ обществомъ извѣстныя формы или состоянія совмѣстной жизни, говоримъ объ античномъ, феодальномъ, буржуазномъ обществѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно, конечно, говорить и о соціалистическомъ или коммунистическомъ обществѣ. Прилагательное показываетъ въ этихъ случаяхъ, о чемъ идетъ рѣчь. Но коммунистическое общество можетъ быть организовано очень различно, управленіе имъ можетъ основываться на очень различныхъ принципахъ, и поэтому когда утверждаютъ о коммунистическомъ будущемъ: „общество“ будетъ тогда такъ или иначе управлять, то собственно, ничего еще не говорятъ. „Общество“ вообще представляетъ „безбреж-

*) Даже въ этой условной формѣ уступка противогосударственникамъ теоретически не можетъ быть удержана.

**) Авторъ не можетъ отвергнуть обвиненія въ томъ, что въ свое время онъ самъ внесъ свою лепту въ это смѣшеніе понятій. Онъ считаетъ однако необходимымъ указать на то, что уже въ Цюрихскомъ „Соціалъ-демократѣ“ онъ не разъ возставалъ противъ крайняго пониманія „вымиранія“ государства. „Въ „Neue Zeit“ онъ также писалъ слѣдующее: „Слово „общество“ довольно невинно. Оно можетъ обозначать чистое понятіе живущихъ вмѣстѣ индивидовъ. На самомъ дѣлѣ общество должно заботиться объ извѣстныхъ потребностяхъ, наказывать извѣстныя злоупотребленія; должно имѣть органы, организацію, финансовыя средства и средства принужденія... Очевидно, что для этого нужно болѣе, чѣмъ мистическое безтѣлесное общество“ (Neie Zeit 1891 — 1892. Bd. II стр. 815).

ное“ понятіе. И этой-то метафизической сущности, этому безграничному единству приписывается дѣятельность, величіе которой также безгранично. Оно осуществляетъ и гарантируетъ на землѣ полнѣйшую гармонію, прекраснѣйшую солидарность. Эксплуатація и угнетеніе въ немъ прекращаются, производство, обмѣнъ и пр. регулируются наилучшимъ образомъ.

Это утвержденіе покоится на абстрактно-спекулятивномъ умозаключеніи и такъ же неправильно, какъ онтологическое доказательство бытія Бога. Мы можемъ мыслить Бога только совершеннымъ, совершенство же существуетъ, слѣд. Богъ существуетъ. Общественный строй долженъ быть очищенъ отъ всѣхъ недостатковъ, обременяющихъ современное общество; къ числу этихъ недостатковъ или ихъ результатомъ присоединяются законы и тому подобные обязательства вмѣстѣ съ органами для ихъ проведенія: слѣдовательно, общество, къ которому мы стремимся должно быть безъ этихъ органовъ. Въ обоихъ случаяхъ аргументація почти одна и та же.

Мнѣ возразятъ, что вѣра въ то, что будущее общество обойдется безъ законодательныхъ обязательствъ, подтверждается матеріальными фактами, что вообще коммунистическое общество придетъ въ силу совершающагося на нашихъ глазахъ экономическаго и соціальнаго развитія, главнымъ образомъ, въ силу прогрессивной концентраціи хозяйствъ и совершающагося параллельно развитія кооперативнаго производства. Кооперативное же производство развиваетъ въ людяхъ всѣ тѣ качества, которыя необходимы для коммунистическаго общества, какъ: добровольное подчиненіе требованіямъ общей жизни, сознаніе солидарности, чувство долга и т. д. Къ тѣмъ же результатамъ ведетъ растущее народное образованіе, ростущіе выгоды для каждаго отдѣльнаго лица отъ совмѣстной жизни, уничтоженіе всякаго правового неравенства, обезпеченіе для всѣхъ равныхъ возможностей; такимъ образомъ, мы имѣемъ право заключить, что пріидетъ время, когда частные интересы сольются съ общими и когда будутъ сами безъ всякаго принужденія дѣлать то, что требуется послѣдними.

Мы не будемъ отрицать того, что указанныя тенденціи

существуютъ на самомъ дѣлѣ и что общественное развитіе совершается въ указанномъ направленіи. Но факторы, опредѣляющіе это развитіе далеко не единственныя силы, дѣйствующія въ современномъ обществѣ. Рядомъ съ ними существуютъ другіе сильные факторы, дѣйствующіе въ противоположномъ направленіи и парализующія большую часть ихъ результатовъ. Къ этимъ факторамъ относится обратное дѣйствіе пространственныхъ отношеній и роста населенія на соціальную и хозяйственную жизнь народовъ.

Несмотря на кажущуюся противоположность этихъ двухъ факторовъ, они дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Прогрессъ техники въ громадной степени способствовалъ побѣдѣ человѣка надъ разстояніемъ. Но эта физическая побѣда надъ пространственнымъ удаленіемъ почти не коснулась нашей психической способности представлять пространство. Сотни верстъ для современнаго путешественника значатъ меньше, чѣмъ нѣкогда одна верста; въ нашей головѣ умѣщается небольше пространственныхъ представленій, чѣмъ въ головѣ африканскаго негра или даже жителя Огненной Земли. Разстоянія, превышающія извѣстные предѣлы, суть производныя понятія, а не пространственныя представленія. Подобное же явленіе наблюдается въ экономическомъ господствѣ надъ пространствомъ. Паръ, электричество или пневматическіе аппараты могутъ переносить насъ съ головокружительной быстротой изъ одного конца свѣта въ другой; но паровой плугъ никогда не догонитъ ихъ, потому что сопротивленія, лежащія на его пути, не могутъ быть устранены съ такой легкостью. Развитіе обработки земли ведетъ къ все большей и большей затратѣ труда на одну и ту же земельную единицу, къ все большему прикрѣпленію хозяйства къ данному мѣсту. Какъ ни легко человѣкъ и продуктъ его труда передвигаются изъ одного мѣста въ другое, тѣмъ не менѣе учрежденія для производства, а съ ними и извѣстный процентъ населенія, остается существенно привязаннымъ къ территоріи.

Рядомъ съ этимъ растетъ населеніе и этотъ ростъ усложняетъ все хозяйственное развитіе. Извѣстно, какое громадное значеніе имѣлъ приростъ населенія на развитіе раздѣ-

ленія промышленнаго труда. Съ усовершенствованіемъ техники эта дифференцировка еще увеличивается. Вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ также задачи управленія и они растутъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше отраслей производства переходятъ въ общественное завѣдываніе.

Но что же такое представляетъ „общество?“ Очевидно, что территоріальное ограниченіе управляемой области является неизбѣжной необходимостью. Рядомъ съ пространствомъ здѣсь играетъ значительную роль число. Десять или сто людей могутъ въ случаѣ необходимости непосредственно обсуждать всѣ свои дѣла; при тысячѣ людей прямое обсужденіе всѣхъ подробностей дѣла физически не возможно; при десяти тысячахъ людей прямымъ обсужденіемъ могутъ быть регулированы лишь важнѣйшие пункты. Но дѣло идетъ не о десяти тысячахъ, а о милліонахъ людей. Если современныя государства, какъ утверждаютъ анархисты, раздробятся на безчисленныя, небольшія, совершенно автономныя общины, то возможно предположить, что въ каждой изъ нихъ „общество“ будетъ входить въ мельчайшія детали управленія. Въ предѣлахъ такой группы при благопріятныхъ обстоятельствахъ солидарность можетъ достигнуть такого высокаго уровня, что писанные законы станутъ излишними. Но въ подобномъ обществѣ на мѣсто современной частной собственности была бы создана обособленная собственность (Sondereigentum), что гораздо хуже; образовалась бы почва для самой ожесточенной борьбы интересовъ между общинами, такъ какъ въ зависимости отъ положенія, свойства территоріи, условія заработка въ различныхъ общинахъ будутъ очень различны. Такое устройство совершенно немыслимо при существующихъ средствахъ сообщенія, которыя дѣлаютъ необходимымъ большія территоріальныя общины. Мы не видимъ никакого основанія для распаденія большихъ исторически возникшихъ націй и образованія новыхъ административныхъ единицъ. Наврядъ ли нужно ожидать и даже желать полнаго слиянія націй. Народы могутъ заботиться о своихъ общихъ культурныхъ интересахъ при помощи договоровъ и развитія международнаго права, не отказываясь отъ своей особой индивидуальности. Точно такъ же развитіе національныхъ союзовъ не

равнозначуще съ развитіемъ ихъ государственной централизаціи въ современной ея формѣ.

Какъ бы мы, однако, широко не представляли себѣ развитіе децентрализаціи управленія, все-таки остается рядъ соціальныхъ задачъ, къ которымъ не подходитъ понятіе общественной самодѣятельности. Возьмемъ лежащій передъ глазами примѣръ: управленіе транспортнымъ дѣломъ. Возможно ли, чтобы „общество" назначало всѣхъ служащихъ въ этой важной отрасли управленія посредствомъ прямыхъ ежегодныхъ выборовъ? Столь же невозможнымъ является передача этой и подобныхъ отраслей управленія въ аренду свободнымъ ассоціаціямъ. Оно должно будетъ создать *постоянныя должности*, выработать подробныя нормы для основаній дѣятельности и—если соціалистическое общество не желаетъ сдѣлать своимъ руководящимъ принципомъ *дилеттантизмъ*, то оно должно будетъ назначить на должности *спеціалистовъ-чиновниковъ*, назначаемыхъ, при условіи безупречнаго веденія дѣлъ, на долгое время. Сверхъ того, оно должно будетъ, конечно, образовать *органы контроля* надъ чиновниками.

Кто долженъ рѣшать всѣ эти вопросы и необходимыя измѣненія. Весь народъ? Но вѣдь въ подобныхъ случаяхъ дѣло идетъ объ очень спеціальныхъ *детальныхъ вопросахъ*, для рѣшенія которыхъ — до наступленія того счастливаго времени, когда всѣ люди превратятся въ энциклопедистовъ— имѣетъ необходимыя *свѣдѣнія* и *интересы* лишь *незначительное меньшинство* населенія. Кромѣ того, если бы были предоставлены народному голосованію даже наиболѣе важные вопросы управленія, то счастливый гражданинъ будущаго общества получалъ бы каждое воскресенье *списокъ вопросовъ*, отъ которыхъ у него голова пошла бы кругомъ. Онъ долженъ будетъ обладать сильно развитымъ чувствомъ отвѣтственности, чтобы прежде чѣмъ подавать голосъ пріобрѣсти необходимыя точныя свѣдѣнія. Но ожидать развитое чувство отвѣтственности у десяти милліоновъ голосующихъ, это значитъ питать ничѣмъ не оправдываемыя иллюзіи. Опытъ показываетъ, что, *чѣмъ больше* въ какомъ либо дѣлѣ кругъ отвѣтственныхъ лицъ, *тѣмъ менѣе чувство отвѣтственности* у каждаго отдѣльнаго лица. Здѣсь также

сказывается вліяніе числа. Съ теченіемъ времени, подача голосовъ превратилась бы въ чистую забаву и во всякомъ случаѣ гораздо меньше обезпечивала бы дѣловое обсужденіе вопроса, чѣмъ сосредоточеніе контроля въ собраніи народныхъ представителей или въ отвѣтственномъ передъ послѣднимъ учрежденіи. Если хотятъ, чтобы прямое народное голосованіе, имѣющее на извѣстной ступени демократическаго развитія полное основаніе, функціонировало съ пользой для общаго блага, то оно должно въ болѣе обширномъ союзѣ ограничиться лишь тѣми вопросами, которые глубже задѣваютъ все общество и *не представляютъ слишкомъ спеціальнаго характера.* Достаточно представить себѣ, что общество, хотя бы размѣровъ теперешней Пруссіи, взяло на себя кромѣ существующихъ теперь вопросовъ управленія еще цѣлый рядъ новыхъ, чтобы наглядно увидѣть, какую массу вопросовъ придется тогда рѣшать каждую недѣлю.

Но кромѣ того, общество, заключающее въ себѣ милліоны взрослыхъ гражданъ, испытываетъ на себѣ еще другія послѣдствія простанства и времени.

Коммунистическія общины прошлаго времени могли обходиться безъ законовъ, потому что эти общины были крайне малы и ихъ внутреннія отношенія очень прозрачны. Обычаи, традиція составляли тамъ право, и общественное мнѣніе контролировало его выполненіе. Къ тому же побужденіе къ нарушенію обычнаго прача было очень ничтожно.

Соціалистическое государство не можетъ разсчитывать въ теченіе еще долгаго времени на аналогичное обезпеченіе внутренняго правового порядка. Отношенія въ большихъ населенныхъ центрахъ очень сложны, общественное мнѣніе, даже будучи сильно и единообразно развито, благодаря растущей легкости передвиженія съ трудомъ можетъ слѣдить за выполненіемъ права и обычая, а побужденіе къ охраненію общаго интереса не настолько сильно, чтобы оно предохраняло отъ проступковъ, въ случаѣ сильнаго *соблазна.* Лишь тотъ, кто относится къ вопросу поверхностно, можетъ не видѣть, что здѣсь лежитъ подводный камень, на который необходимо впередъ обратить серьезное вниманіе, особенно, если вспомнить, что проступки могутъ заключаться не только въ совершеніи предосудительнаго акта, но также въ

упущеніи. Если даже чувство отвѣтственности настолько развито, что предохраняетъ отъ перваго, то оно можетъ быть недостаточнымъ, чтобы предотвратить второго рода проступки. Надежда на чувство солидарности можетъ оказаться обманчивой. Да будетъ позволено намъ повторить здѣсь мысль, высказанную нами пять лѣтъ назадъ на страницахъ „Neue Zeit“. Въ широкомъ размѣрѣ „сознаніе солидарности дѣйствуетъ лишь подъ большимъ *давленіемъ* достаточно сильно, чтобы побудить къ добровольному пожертвованію своими собственными интересами“. Тамъ, гдѣ долгъ распредѣляется между милліонами людей, чувство отвѣтственности выпадающее на долю каждой личности и гарантирующее выполненіе этого долга, не должно быть особеннно значительнымъ.

Въ виду сказаннаго, соціалисты особенно должны опасаться агитаціи и законодательной дѣятельности, которыя могутъ воспитывать въ населеніи склонность къ полученію милостыни. Соціалъ-демократія, да и вообще всякая соціальная политика, не должны притуплять въ народѣ чувства отвѣтственности.

Тѣмъ же, кому покажется только что сказанное слишкомъ филистерскимъ, мелкобуржуазнымъ и манчестерскимъ, я рекомендую изучить исторію англійскихъ законовъ о бѣдныхъ. Она его многому научитъ. Конечно, англійскій парламентъ, отмѣнивъ въ 1834 г. законы о бѣдныхъ, впалъ въ противоположную крайность и видѣлъ въ бѣдности преступленіе. Но отмѣна закона о бѣдныхъ, вызвавшая такое возмущеніе въ тогдашнихъ филантропахъ и соціалистахъ, *въ высшей степени содѣйствовала моральному и экономическому подъему рабочаго класса*. Ни одинъ понимающій соціалистъ не желаетъ теперь возвращенія стараго „гуманнаго“ закона о бѣдныхъ.

Если бы профессіональные союзы и товарищества не имѣли другого значенія, кромѣ развитія въ рабочихъ чувства солидарности и взаимной отвѣтственности, то и тогда они были бы для каждаго соціалиста въ высшей степени желательными.

Вернемся къ соціалистическому государству. Оно не можетъ съ увѣренностью разсчитывать, какъ сказали мы вы-

ше, на то, что всѣ граждане сами будутъ исполнять свой долгъ по отношенію къ обществу. Обширное общество не можетъ обходиться безъ наказаній для большихъ преступленій. Даже если оно будетъ обращаться съ преступникомъ, какъ съ больнымъ, то это измѣняетъ лишь *форму*, но *не сущность* дѣла. Будетъ ли кто присужденъ за изнасилованіе къ тюрьмѣ или, какъ „ненормальный“ субъектъ, засаженъ на опредѣленный срокъ въ домъ для *нравственно больныхъ*—отъ этого по существу дѣло не измѣнится; въ обоихъ случаяхъ общество защищаетъ право личности и поэтому не можетъ ограничиться словами: ступай и больше не грѣши.

Само собой понятно, что репрессивная власть по возможности должна быть сокращена, а поэтому остается открытымъ вопросъ: какія средства имѣетъ въ своемъ распоряженіи соціалистическое общество, которое можетъ разсчитывать на моральное принужденіе лишь въ ограниченномъ размѣрѣ, чтобы побудить своихъ членовъ къ выполненію ихъ гражданскаго долга и прежде всего къ выполненію приходящейся на долю каждаго части общественнаго труда?

II.

Въ современномъ обществѣ работа совершается при нормальныхъ условіяхъ подъ давленіемъ *чувства голода*. Кто не хочетъ работать и не располагаетъ накопленнымъ трудомъ или не можетъ безъ физическаго насилія побудить другихъ работать на себя, тотъ долженъ умереть—разумѣется за исключеніемъ дѣтей и неспособныхъ къ труду. Общество, покоющееся на частной собственности, поступаетъ въ общемъ вполнѣ послѣдовательно, разсматривая бѣдность, какъ соціальный проступокъ. Можно требовать, чтобы оно различало разные роды бѣдныхъ, какъ оно различаетъ разные роды преступниковъ, чтобы оно помогало человѣку, впавшему въ бѣдность безъ собственной вины, и основало учрежденія для помощи безработнымъ, потерявшимъ работу противъ собственной воли (unfreiwillig), но было бы безсмысленно ожидать и—чистой демагоніей—требовать, чтобы оно оказало здоровому рабочему большую помощь, чѣмъ какая необходима для поддержанія его *трудо-*

вой способности, причемъ оно не желаетъ ослабить лишь ту долю трудовой способности, которая необходима для полученія затраченной помощи. Основной соціально-экономическій принципъ въ современномъ обществѣ—это *хозяйственная отвѣтственность каждаго за самого себя*, и всякая благотворительность, исходящая изъ другого принципа, должна считаться съ точки зрѣнія существующаго общественнаго строя *не соціальной* или даже *антисоціальной*. Если современное государство и община берутъ на себя безплатное удовлетвореніе нѣкоторыхъ потребностей, о которыхъ прежде каждый долженъ былъ заботиться самъ, то они нѣсколько сокращаютъ заботу каждой личности о самой себѣ, но не нарушаютъ основного принципа. Обыкновенно принципъ безплатности распространяется на такія услуги, при которыхъ доля пользованія со стороны каждаго отдѣльнаго гражданина не поддается измѣренію, или же услуга оказывается въ интересахъ всѣхъ. Примѣромъ первыхъ можетъ служить проложеніе улицъ, устройство публичныхъ садовъ и т. д.,—вторыхъ—народное образованіе.

Соціализмъ написалъ на своемъ знамени постоянное расширеніе круга безплатныхъ услугъ гражданамъ со стороны организованнаго общества. Ясно, однако, что общество не можетъ ничего дать своимъ членамъ, чего бы оно предварительно не получило отъ нихъ въ той или иной формѣ. Поэтому рядомъ съ правомъ личности пользоваться услугами общества стоитъ его обязанность участвовать въ опредѣленной мѣрѣ въ расходахъ или работахъ по устройству этихъ услугъ. Ни одинъ соціалистъ не оспариваетъ этого правила. „Никакихъ правъ безъ обязанностей"—написано въ статутѣ Интернаціональной рабочей ассоціаціи. Однако, политическое положеніе соціалъ-демократіи, по отношенію къ существующему государству, обусловливаетъ то, что это признаніе остается пока теоріей, на практикѣ же—а практика здѣсь играетъ рѣшающую роль—на первый планъ выдвигаются требованія къ обществу, наоборотъ, объ экономическихъ требованіяхъ общества къ его членамъ—исключая, конечно, членовъ наиболѣе зажиточныхъ классовъ—говорятъ и пишутъ очень мало. Конечно, съ соціально-экономической точки зрѣнія такое поведеніе можно оправдать,

тѣмъ не менѣе, его вліяніе на *соціальную этику массъ* имѣетъ свои опасныя стороны.

Трудно ожидать, что на слѣдующій день послѣ побѣды соціалъ-демократіи все населеніе усвоитъ внезапно иное міровоззрѣніе, чѣмъ то, которое оно питало до тѣхъ поръ. Возможно и даже очень вѣроятно, что нравственный толчекъ отъ побѣды побудитъ нѣкоторую часть рабочихъ къ еще большей преданности общему дѣлу, чѣмъ теперь. Подобное явленіе наблюдалось въ Парижѣ въ 1848 г., и нѣтъ никакихъ основаній не предположить, что то же не произойдетъ при случаѣ еще въ большихъ размѣрахъ. Но рядомъ съ ростомъ *безкорыстія и самоотверженности у однихъ* надо ожидать крайне *напряженныхъ ожиданій и требованій у другихъ*, и если мы представимъ себѣ отношеніе части рабочихъ, несущихъ жертвы ради политическихъ и профессіональныхъ цѣлей ко всему рабочему классу, то мы должны будемъ сказать, что первые составятъ, по всей вѣроятности, меньшинство, вторые же—громадное большинство.

Будетъ ли общество въ состояніи немедленно же дать удовлетвореніе этимъ требованіямъ? Можетъ ли политическій переворотъ, который передастъ власть соціалъ-демократіи, непосредственно уменьшить обязанность каждаго заботиться о самомъ себѣ? Чтобы выяснить этотъ вопросъ, будетъ полезно еще разъ ближе изслѣдовать состояніе развитія производства.

Въ одной изъ напечатанныхъ раньше статей я уже показалъ, что развитіе производства ни въ какомъ случаѣ не совершается единственно въ направленіи концентраціи и централизаціи хозяйственныхъ предпріятій, что хотя въ промышленности преобладаетъ тенденція къ образованію крупныхъ и колоссальныхъ предпріятій, но что эта тенденція не вездѣ осуществляется, и что, кромѣ того, съ прогрессомъ техники и ростомъ производительной силы труда, рядомъ съ старыми, постоянно возникаютъ новыя отрасли производства, такъ что, несмотря на растущую концентрацію предпріятій, число ихъ сокращается незамѣтно *). По ста-

*) Упоминаемая статья называется: „Современное состояніе промышленнаго развитія Германіи“; она была напечатана въ 1 т. „Neue Zeit“, 1896—97 г. (стр. 303 и д.). Статья эта состоитъ главнымъ образомъ изъ

тистическимъ даннымъ, приведеннымъ раньше, число самостоятельныхъ хозяевъ въ промышленности сократилось въ теченіе 13-ти лѣтъ, протекшихъ между переписями 1882 и 1895 г., съ 1.861.000 до 1.774.000, т. е. на 87.000, или менѣе, чѣмъ на 5%. Если мы предположимъ, что въ теченіе слѣдующихъ тринадцати лѣтъ сокращеніе удвоится и будетъ удваиваться съ каждымъ новымъ тринадцатилѣтнимъ періодомъ, то все-таки намъ придется имѣть дѣло въ 1908 г. съ 1.600.000 самостоятельными предпринимателями, въ 1921 г.— съ 1.280.000 *). Въ 1882 г. было насчитано 40.000 крупныхъ и среднихъ предпріятій. Если часть ихъ исчезнетъ благодаря процессу концентраціи, то въ то же время ихъ мѣсто съ избыткомъ заполнится мелкими и крупными предпріятіями, развившимися изъ ремесленнаго производства. Мы не оцѣнимъ слишкомъ низко процесса концентраціи, предположивъ, что на мѣсто 20-ти исчезнувшихъ мелкихъ предпріятій возникаетъ одно среднее или крупное. Но если мы предположимъ эту пропорцію равной 25:1, то на мѣсто 600.000 (круглымъ числомъ) исчезнувшихъ мелкихъ предпріятій должно образоваться 24.000 новыхъ среднихъ и крупныхъ предпріятій. Вмѣстѣ съ отмѣченными выше 40,000

цитатъ изъ прекраснаго произведенія Зинцгеймера: „Границы развитія фабричнаго производства въ Германіи“ (D-r Sinzheimer, „Ueber die Greuzend der Weiterbildung der fabricmässigen Production in Deutschland“, Stuttgart) и кончается слѣдующими словами: „Двѣ трети, если не три четверти, промышленности Германіи принадлежитъ къ крупному фабричному производству, къ крупному коллективному хозяйству. Этотъ фактъ затемняется тысячью обстоятельствъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что большая часть продуктовъ крупной промышленности представляетъ полуфабрикаты, другая же часть доставляется намъ лицами, которыя лишь мнимо участвуютъ въ производствѣ, на самомъ же дѣлѣ являются лишь торговцами. Тѣмъ не менѣе не можетъ быть сомнѣній въ правильности этого факта. Другой вопросъ, созрѣло ли большинство этихъ коллективныхъ хозяйствъ, производящихъ большую часть національнаго продукта для того, чтобы ихъ изъять изъ сферы частной эксплуатаціи“ (стр. 311).

*) Ради краткости здѣсь отождествляется число самостоятельныхъ предпринимателей съ числомъ предпріятій. Статистика показываетъ, что этотъ пріемъ не ведетъ къ значительнымъ ошибкамъ. Въ 1882 г. считалось 1.861.000 самостоятельныхъ предпринимателей и 1.954.000 предпріятій; число послѣднихъ было еще больше, чѣмъ число первыхъ.

это составитъ 64.000, изъ которыхъ 4.000, можно положить, будутъ поглощены крупными предпріятіями. Такимъ образомъ, не считая ремесленнаго производства (кустарные производители вообще не вошли въ статистику), мы будемъ имѣть въ 1921 г. 60.000 крупныхъ и мелкихъ предпріятій.

Знаете ли, что это значитъ? Написать число очень легко и также легко его произнести. Но попытайтесь отдать себѣ серьезный отчетъ въ его значеніи, подумайте, что нужно для того, чтобы отдать подъ *прямой* контроль „общества" *шестьдесятъ тысячъ предпріятій.* Одно это число, къ которому нужно еще прибавить такое же, если не гораздо большее число предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ, говоритъ съ полной очевидностью, что фраза: „*общество* производитъ" еще на долгое время останется чистѣйшей *абстракціей.* Даже если бы общество завѣдывало лишь крупными и средними предпріятіями, то это предполагало бы существованіе *управляющаго механизма*, о которомъ современное учрежденіе почтъ и желѣзныхъ дорогъ даетъ лишь слабое представленіе, и которое меньше всего можно создать въ эпоху возбужденія. Поэтому неизбѣжна *передача* или частнымъ производственнымъ группамъ или публичнымъ органамъ, причемъ вмѣстѣ съ передачей отвѣтственности должны быть переданы и *права.*

Мы видимъ, такимъ образомъ, что остаются общіе интересы, которые должны будутъ охраняться отъ посягательства частныхъ или особыхъ интересовъ. Для ихъ дѣйствительной охраны общество нуждается въ правильно функціонирующихъ уполномоченныхъ, т. е. *чиновникахъ*; чтобы предотвратить произволъ при распредѣленіи и наблюденіи, оно нуждается въ постоянныхъ, общеобязательныхъ предписаніяхъ, т. е. *законахъ.* Многочисленность людей, большіе размѣры территоріи, ростущее число отраслей, на которыя дифференцируется производство, и многочисленность, разнообразіе и обширность производственныхъ единицъ—все это дѣлаетъ крайне *неправдоподобнымъ* установленіе автоматической гармоніи между индивидуальными интересами и общимъ интересомъ, который долженъ быть охраненъ равномѣрно во всѣхъ сферахъ. Лишь въ періодъ *недифференцированнаго* хозяйства общество можетъ вести—употребляя біологическій

терминъ—молюскообразное существованіе. Подобно тому, какъ въ животномъ царствѣ, вмѣстѣ съ прогрессомъ дифференцировки, дѣлается необходимымъ скелетъ, точно также въ общественной жизни, съ развитіемъ дифференцировки хозяйства, становится необходимымъ образованіе *органа управленія*, охраняющаго общественные интересы, какъ таковые. До сихъ поръ было и остается подобнымъ органомъ *государство* *). Но такъ какъ, очевидно, что дальнѣйшее развитіе производства не можетъ состоять въ устраненіи производственной дифференцировки, но лишь въ новыхъ соединеніяхъ на почвѣ развитой дифференцировки, не въ устраненіи, а въ дополненіи раздѣленія на профессіи,—то органъ управленія еще въ теченіе долгого времени можетъ *отличаться лишь въ степени отъ современнаго государства* **).

Точно также на протяженіи долгаго времени хозяйственная *отвѣтственность* каждаго способнаго къ работѣ за самого себя можетъ измѣниться лишь *въ степени. Статистика* труда можетъ быть значительно усовершенствована, точно также способы доставленія работы; перемѣна занятій можетъ быть облегчена, и выработано право труда, обезпечивающее личности гораздо болѣе обезпеченное существованіе и гораздо большую легкость въ выборѣ профессіи, чѣмъ въ

*) Объ образованіи государства въ результатѣ развитія дифференцировки хозяйственной жизни и увеличеніи заселенной территоріи смотри у Каутскаго: „Парламентаризмъ, народное законодательство и соціалъ-демократія“ стр. 9.

**) Утвержденіе, по которому на мѣсто государства становится общество, заключаетъ порочный кругъ. Государство можетъ быть устранено администраціей, которая охраняетъ интересы общества противъ посягательства частныхъ (классовыхъ) интересовъ, но не „обществомъ“. Въ противномъ случаѣ можно было бы сказать съ такимъ же правомъ, что на мѣсто капиталистическаго хозяйства станетъ „совокупность рабочихъ“ (вмѣсто того, чтобы сказать: соціалистическое или кооперативное хозяйство). Вмѣстѣ съ измѣненіемъ содержанія мѣняется и форма, но содержаніе не становится на мѣсто формы.

Въ добавочномъ примѣчаніи редакторъ „Neue Zeit“ замѣтилъ: „трудность можетъ быть устранена замѣной слова „государство“ словомъ „общественная жизнь“ (Gemeinwesen) или „республика“. Но дѣло идетъ не о словѣ, а о *понятіи*, т. е. не о названіи, но о научномъ установленіи *предмета*. Республика представляетъ *форму государства*, а не противоположность государству, а „общественная жизнь“ (Gemeinwesen) представляетъ понятіе, лишенное опредѣленной формы.

существующемъ обществѣ. Наиболѣе передовые органы хозяйственной самопомощи—большіе профессіональные союзы—указываютъ въ этомъ отношеніи путь, которымъ по всей вѣроятности пойдетъ развитіе. Но право труда не можетъ имѣть характера *безусловнаго* права на занятіе въ *опредѣленной* профессіи и *опредѣленной* мѣстности; существованіе подобнаго права нельзя даже считать желательнымъ. Въ большихъ и сложныхъ организмахъ, какими являются—и какъ мы выше показали, еще долго будутъ являться—современныя культурныя націи, подобное право было бы въ дѣйствительности—въ этомъ правы противники соціализма—хозяйственной нелѣпостью, какъ источникъ гнуснаго произвола и вѣчныхъ раздоровъ. Совершенно ошибочно утвержденіе, что подобное безусловное „право труда" является *необходимымъ* слѣдствіемъ соціалистическаго ученія. Также мало соціализмъ представляетъ ученіе, по которому каждый по произволу можетъ быть *прикомандированъ* къ извѣстной работѣ.

На возможной въ ближайшемъ будущемъ ступени общественнаго развитія можетъ быть введено лишь *условное* право труда и *условная* обязанность труда. Современные сильные профессіональные союзы уже обезпечиваютъ до извѣстной степени своимъ трудоспособнымъ членамъ право на занятіе; они порицаютъ предпринимателя за увольненіе члена союза безъ очень серьезныхъ основаній, признанныхъ таковыми и самимъ союзомъ; они выясняютъ условія труда, комбинируя послѣдовательные ряды предложенія и потребности; всѣ эти факты указываютъ направленіе дальнѣйшаго развитія права труда. Обязанность же труда, за исключеніемъ случаевъ особой нужды и работъ, совершаемыхъ въ цѣляхъ общественнаго блага посмѣнно всѣми членами общества, должна сохраниться на основаніи правила: кто не хочетъ работать, не долженъ ѣсть, др. словами, *въ основаніи ея долженъ быть положенъ дѣйствующій и въ современномъ обществѣ принципъ самоотвѣтственности.*

Не слѣдуетъ ожидать, что будущій общественный строй устранитъ обязанность хозяйственной самоотвѣтственности. Соціализмъ лишь *облегчитъ выполненіе этой обязанности.* Большее даже и не желательно. Самоотвѣтственность представляетъ, какъ извѣстно, одну сторону соціальнаго прин-

ципа, другой стороной котораго является личная свобода. Первая не мыслима безъ второй. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, идея уничтоженія самоотвѣтственности вполнѣ *антисоціалистическая*. Ея другой стороной является или тираннія, или уничтоженіе общества.

Повторяемъ, необходимо отказаться какъ отъ чистѣйшей утопіи отъ мысли, по которой соціалистическое преобразованіе превратитъ государство въ учрежденіе, автоматически заботящееся о продовольствіи своихъ членовъ. Поэтому, соціалъ-демократія должна разрѣшить проблему, какъ примирить агитацію въ пользу расширенія услугъ государства и общины съ сохраненіемъ чувства *соціальной отвѣтственности*. Въ этомъ отношеніи для будущаго общества получаетъ особенное значеніе созданіе *соціальной самопомощи*. Если бы соціалистическое движеніе ограничивалось одной политической агитаціей, то оно могло бы легко превратиться въ свою прямую противоположность, а именно, въ отрицаніе не существующаго, а будущаго общественнаго строя. Чувство *соціальной обязанности*, вносимое въ массы политической агитаціей, какъ таковой, очень не глубоко, потому что эта агитація естественно состоитъ для массы главнымъ образомъ въ выставленіи требованій. Это хорошо видно въ странахъ, въ которыхъ массы обладаютъ главными политическими правами и гдѣ, слѣдовательно, политическая борьба лишена главнаго нравственнаго импульса. Иное значеніе имѣютъ органы *соціальной самопомощи*. Промышленныя товарищества и профессіональные союзы могутъ оказаться при случаѣ, по отношеніи къ общему благу, крайне узкосердечными и даже реакціонными; но внутри своей собственной сферы они необходимо вліяютъ на развитіе и *укрѣпленіе чувства соціальнаго долга*. Способность профессіональнаго союза къ охранѣ интересовъ своихъ членовъ зависитъ отъ величины приносимыхъ послѣдними жертвъ; сила его зависитъ отъ дисциплины его членовъ. Какъ всякое демократическое учрежденіе, хорошо управляемый профессіональный союзъ съ величайшей строгостью осуждаетъ нарушеніе долга; онъ умѣетъ оцѣнивать способность къ отвѣтственности своихъ членовъ и слѣдитъ за ея соблюденіемъ.

Большіе территоріальные размѣры современныхъ госу-

дарствъ и громадныя цифры ихъ народонаселенія все болѣе и болѣе затрудняютъ для частнаго лица пониманіе силъ и средствъ государственнаго управленія. Громадныя цифры, въ которыхъ выражается дѣятельность государства, не заключаютъ для него *никакой реальности*; они говорятъ ему языкомъ, полное значеніе котораго отъ него ускользаетъ, сколько бы онъ не старался живо представить себѣ его. Если бы каждая отдѣльная личность стояла непосредственно передъ этимъ громаднымъ общественнымъ механизмомъ, какъ одна единица изъ милліона такихъ же единицъ, то *демократія была бы пустымъ словомъ*. Дѣло бы не улучшилось, если бы существовало наилучшее избирательное право и былъ бы послѣдовательно проведенъ принципъ прямого законодательства. Индивидуальныя воли были бы парализованы другими индивидуальными волями, и дѣйствительнымъ господиномъ положенія явились бы руководящія лица въ управленіи, бюрократія. Отсюда вытекаетъ важность и фактическая неизбѣжность *промежуточныхъ органовъ*. Подобными промежуточными органами являются профессіональные союзы, о которыхъ упоминалось выше, и др. созданія представительства интересовъ въ сферѣ хозяйства, а также тѣ политическія учрежденія, которыя обыкновенно называютъ органами самоуправленія: мѣстное, окружное и провинціальное представительство. Нѣмецкая соціалистическая литература до сихъ поръ мало занималась этими вопросами. Практически ихъ принимали въ томъ видѣ, въ которомъ они существуютъ; принципіально требовали для нихъ всеобщаго избирательнаго права и тамъ, гдѣ это дозволялось существующимъ избирательнымъ правомъ, старались провести въ нихъ представителей своихъ интересовъ. Но все это проводилось чисто эклектически, случайно. За отсутствіемъ практическаго повода совершенно не разрабатывался вопросъ о томъ, какія новыя функціи кромѣ существующихъ должны будутъ исполнять эти представительные органы въ будущемъ обществѣ, независимо отъ того, назовемъ ли мы его государствомъ, республикой или какъ-либо иначе; какова будетъ ихъ хозяйственная роль? Объ окружномъ и провинціальномъ представительствѣ вообще говорилось и писалось очень мало; что касается общины,

то о ней теоретически говорилось почти исключительно въ спорахъ объ анархизмѣ, причемъ естественно больше подчеркивалось принципіальное различіе общины и государства, чѣмъ ихъ связь, ихъ формальная противоположность, чѣмъ ихъ тѣсныя соціально-политическія отношенія. Лишь въ послѣднее время, подъ вліяніемъ англійскаго и французскаго муниципальнаго соціализма, этотъ вопросъ сталъ принципіально обсуждаться. Мы не можемъ не привѣтствовать этого факта, потому что, какъ видно изъ предыдущаго, вопросъ о самоуправленіи общинъ имѣетъ для соціализма большее значеніе, чѣмъ простой вопросъ о переходѣ въ вѣдѣніе города газо- и водоснабженія, трамваевъ и т. под. Государство или всякое аналогичное центральное управленіе, предоставленное самому себѣ, оказалось бы въ безпомощномъ положеніи въ виду громаднаго числа хозяйственныхъ предпріятій. Пространство и число явились бы непреодолимымъ препятствіемъ для болѣе или менѣе серьезнаго вмѣшательства въ ихъ внутреннюю экономію. Картина измѣнится, если будутъ привлечены органы самоуправленія. Громадность пространственныхъ величинъ исчезнетъ и числа получатъ болѣе человѣческій характеръ. Государство, конечно, не станетъ излишнимъ. Вмѣстѣ съ цѣлесообразнымъ раздѣленіемъ функцій между центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ, суверенныя права перваго, конечно, ограничатся. Но ихъ полное перенесеніе на мѣстные органы будетъ невозможно уже потому, что тогда исчезла бы ихъ политическая связь. Кромѣ того, это означало бы лишь уменьшеніе, а не уничтоженіе области центральнаго управленія.

Такимъ образомъ, слѣдуя выраженію Маркса въ „Гражданской войнѣ“, во Франціи дѣло идетъ не объ уничтоженіи исторически возникшихъ великихъ націй, но о новомъ основаніи для нихъ. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ вопросъ, можетъ ли это быть осуществлено такъ, какъ развивалъ Марксъ въ названномъ произведеніи. Но остается неприкосновенной основная мысль о перенесеніи большинства функцій современнаго государства на демократическіе органы самоуправленія. Лишь въ очень незначительной степени переходъ производства въ общественное хозяйство мо-

жетъ быть осуществленъ непосредственно государствомъ. Если считаютъ желательнымъ, чтобы дѣло не ограничилось тѣмъ, что могутъ въ этомъ отношеніи сдѣлать на административномъ пути государство и бюрократія, то является неизбѣжной необходимостью болѣе сильное привлеченіе органовъ демократическаго самоуправленія. Лишь съ ихъ помощью можно восторжествовать надъ препятствіями, полагаемыми пространствомъ и числомъ на пути соціально-политическихъ реформъ.

Теорія переворота и колоніальная политика.

(1898).

Предисловіе.

И эта статья имѣетъ свою исторію и даже—свою древнюю и новую исторію. Она представляетъ вторую половину отвѣта на полемическую статью *) Бельфорта Бакса, направленную противъ меня и Каутскаго. Баксъ напалъ на мою статью, въ которой я говорилъ о правѣ высшей культуры надъ низшей (не выставляя, конечно, этого права, какъ чего-то неограниченнаго и безусловнаго); при этомъ онъ защищалъ ту точку зрѣнія, что соціалъ-демократія должна бороться всѣми доступными ей средствами противъ распространенія цивилизаціи и противъ колоніальныхъ стремленій, потому что послѣднія могутъ отдалить наступленіе краха капиталистическаго хозяйства, который долженъ совершиться не въ далекомъ будущемъ. Я отвѣтилъ Баксу въ двухъ статьяхъ, носившихъ общее заглавіе: „Борьба соціалъ-демократіи и соціальная революція“. Первая статья носила полемическій характеръ и была посвящена выясненію точки зрѣнія Бакса; поэтому она можетъ быть здѣсь безъ вреда опущена. Лишь предисловіе я считаю нужнымъ здѣсь перепечатать, потому что оно относится въ такой же степени ко второй статьѣ, какъ и къ первой, и посвящено выясненію моей общей точки зрѣнія. Я привожу ее здѣсь въ

*) Colonialpolitik und Chauvinismus. „Neue Zeit“ 1897—98. Bd. I., стр. 420 и слѣд.

видѣ предисловія ко второй статьѣ, носящей помѣщенное въ заголовкѣ названіе. Эти статьи возбудили полемику, которая побудила меня прислать заявленіе на конгрессъ партіи въ Штутгартѣ, послужившее, въ свою очередь, поводомъ для дальнѣйшихъ споровъ.

Наиболѣе существенныя мѣста изъ моего перваго отвѣта на критику, направленную противъ меня изъ соціалистическаго лагеря, помѣщены въ дополненіи къ печатаемой ниже статьѣ. Отвѣтъ этотъ появился подъ заглавіемъ: „Критическая интермедія“ *).

Какъ указано выше, статья Бакса была направлена также противъ Каутскаго. Каутскій предоставилъ отвѣтъ мнѣ и въ письмѣ отозвался крайне отрицательно объ аргументаціи Бакса; съ моей критикой этой аргументаціи онъ вполнѣ согласился. Я долженъ указать на это, въ виду того, что позже, Каутскій, перешедшій на сторону моихъ оппонентовъ, въ книгѣ: „Bernstein und das socialdemocratische Programm“, посвященной моему уничтоженію, заявилъ, что въ статьѣ противъ Бакса я выставилъ ошибочныя и одностороннія утвержденія **). Каутскій утверждаетъ, что выраженіе: „теорія переворота“ изобрѣтена мною, что хотя Баксъ, *если онъ не ошибается (!)* кое-гдѣ защищалъ подобные взгляды, но въ нѣмецкой партіи никто не выражалъ этихъ воззрѣній. Отвѣтъ по существу на эти утвержденія, будетъ приведенъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же я позволю замѣтить, что когда появилась моя статья и на меня посыпались жестокія нападенія, то одинъ живущій въ Германіи и хорошо освѣдомленный партійный литераторъ писалъ мнѣ, что онъ нѣсколько разъ внимательно читалъ мою статью и не нашелъ въ ней ничего, чего бы не слѣдовало сказать *съ полнымъ правомъ и силой.*

Этотъ литераторъ—Карлъ Каутскій.

* *
*

Во всѣхъ странахъ, въ которыхъ соціалистическая партія достигла политическаго значенія, мы замѣчаемъ одно и то же явленіе, именно, что въ ней происходитъ внутреннее

---

*) Die „Neue Zeit“ 1897—98, Bd. I. p. 740 и слѣд.

**) Стр. 42 названной книги.

измѣненіе. Наблюдавшееся раньше изобиліе фразъ и аргументаціи исчезаетъ, любовь къ фантастическимъ обобщеніямъ ослабѣваетъ; разговоры на тему о раздѣленіи шкуры медвѣдя на слѣдующій день послѣ всеобщаго переворота прекращаются; это интересное событіе перестаетъ занимать умы; на первый планъ выдвигается детальное изученіе насущныхъ вопросовъ и стремленіе найти въ этихъ вопросахъ почву для общественнаго развитія въ духѣ соціализма.

Этотъ процессъ не всегда совершается сознательно и еще рѣже бываетъ онъ единообразнымъ и послѣдовательнымъ. Благодаря различнаго рода традиціямъ, различіямъ политическаго и экономическаго развитія различныхъ странъ, личному темпераменту или знаніямъ онъ совершается быстрѣе или медленнѣе, противорѣчивѣе или послѣдовательнѣе. Но основная черта этого процесса вездѣ одна и та же, идетъ ли дѣло о нѣмецкой соціалъ-демократіи, или итальянской, или французской, скандинавской etc.

Съ формальной стороны это измѣненіе является измѣной чистоты принципа. Поэтому вездѣ находится достаточно элементовъ, которые страстно противъ него возстаютъ. Такъ, напр., нѣмецкая соціалъ-демократія въ началѣ 90-хъ годовъ имѣла своихъ „молодыхъ", которыхъ правильнѣе было бы назвать „старыми", такъ какъ они защищали старыя фразы и боевыя словечки, которыя до сихъ поръ частью пользовались въ партіи полнымъ признаніемъ, частью же хорошо встрѣчались. Это нужно заднимъ числомъ признать по отношенію тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ дѣло шло о доктринерскомъ различіи мнѣній относительно партійной тактики. Въ партійной литературѣ можно найти много выраженій, которыя оправдываютъ ихъ оппозицію. Укажемъ, напр., на циркуляръ центральнаго комитета союза коммунистовъ марта 1850 г., на который ссылалась редакція одной партійной газеты, находившейся тогда въ оппозиціи. Редакція упускала изъ виду—что, впрочемъ, охотно упускалось и другими—что авторъ этого циркуляра въ то время далеко еще не стоялъ на высшемъ пунктѣ развитія своего соціально-политическаго познанія и что съ тѣхъ поръ произошли значительныя измѣненія въ предпосылкахъ, изъ которыхъ исходилъ циркуляръ.

Предпосылки, которыя необходимо имѣть въ виду при рѣшеніи тактическихъ вопросовъ бываютъ двоякаго рода. На первомъ планѣ, конечно, находится внѣшнее воздѣйствіе чисто фактическихъ отношеній: экономическій строй страны, ея соціальное разчлененіе и политическое устройство, природа и взаимныя отношенія ея партій. Второй моментъ — *интеллектуальнаго* характера: степень *познанія* общественныхъ отношеній, достигнутая ступень въ *пониманіи* природы и законовъ развитія общества и его элементовъ. Оба эти фактора измѣняются и эти измѣненія должны быть приняты во вниманіе при обсужденіи тактическихъ вопросовъ. Это утвержденіе кажется банальной истиной и дѣйствительно должно было бы стать таковой, но на самомъ дѣлѣ это правило часто упускается изъ виду и особенно тѣми, кто ожидаетъ полнаго осуществленія соціализма отъ великаго всеобщаго переворота, и считаетъ этотъ послѣдній фундаментальной предпосылкой для окончательной побѣды соціализма.

Не будетъ парадоксомъ, если мы выскажемъ мысль, что, какъ показалъ опытъ, революціонное доктринерство внутренне столь же консервативно, какъ и ультра-консервативное доктринерство. И то и другое съ одинаковымъ упрямствомъ отказываются признать фактическое развитіе, противорѣчащее ихъ догмѣ. Если факты говорятъ слишкомъ громко, такъ что ихъ невозможно просто отрицать, то они объясняются всевозможными случайными обстоятельствами, но только не ихъ настоящими причинами. И это вполнѣ понятно, потому что тамъ, гдѣ доктрина превращается въ мечту — а существуютъ Донкихоты революцій. какъ существуютъ Донкихоты законности — тамъ вѣрующіе въ нее ни въ какомъ случаѣ не должны признаваться въ томъ, что въ ихъ предпосылкахъ произошли существенныя измѣненія. Они будутъ подыскивать всевозможныя причины, объясняющія неудобные для нихъ факты, но при этомъ они будутъ боязливо избѣгать одного—изслѣдованія ихъ дѣйствительныхъ причинъ и взаимоотношеній.

На лондонскомъ интернаціональномъ конгрессѣ 1896 г. была принята слѣдующая резолюція относительно экономическихъ задачъ:

„Экономическое развитіе въ настоящее время настолько подвинулось впередъ, что скоро можетъ наступить кризисъ. Въ виду этого конгрессъ приглашаетъ рабочихъ всѣхъ странъ изучить завѣдываніе производствомъ, чтобы быть въ состояніи, какъ сознающій свои классовыя цѣли пролетаріатъ, перенять руководство производствомъ для блага всего общества".

Очевидно, что „кризисъ", о которомъ говорится въ резолюціи,—это не обыкновенный торговый и промышленный кризисъ, уже не разъ пережитый современнымъ обществомъ, но великій всемірно-историческій кризисъ, крахъ не только извѣстнаго числа капиталистическихъ предпріятій, но всего капиталистическаго хозяйства. Это еще очевиднѣе при чтеніи англійскаго текста, являющагося оригиналомъ резолюціи, тогда какъ въ нѣмецкомъ текстѣ замѣчаются несомнѣнные слѣды перевода и, при томъ, сдѣланнаго на скорую руку. Въ англійскомъ же текстѣ говорится о „крайне скоромъ экономическомъ развитіи", которое дѣлаетъ для пролетаріевъ, какъ „сознающихъ свои классовыя цѣли гражданъ", „принудительной необходимостью" изученіе дѣла управленія *).

Резолюція была принята на конгрессѣ, какъ и многія другія, въ торопяхъ, безъ обсужденія. Но возможно, что она прошла бы и при менѣе спѣшномъ веденіи дѣлъ. То, что она рекомендуетъ, полезно при всякихъ обстоятельствахъ, а то, что она утверждаетъ находится въ согласіи, по крайней мѣрѣ принципіально, съ господствовавшимъ въ то время въ соціалъ-демократіи воззрѣніемъ на ходъ развитія современнаго общества.

По этому воззрѣнію рано или поздно долженъ разразиться промышленный кризисъ, небывалый по своей силѣ и обширности; этотъ кризисъ вызоветъ нищету и страстное негодованіе противъ капиталистической системы хозяйства;

*) Вотъ англійскій текстъ: „The economic and industrial development is going on with such rapidity that a crisis may occur within a comparatively short time. The congress therefore, impresses upon the proletariat of all cauntries the imperative necessity for learning, as class-consciaus citizens, how to administer the business of their respective cauntries for the common good".

народныя массы убѣдятся въ невозможности при господствѣ этой системы направить производительныя силы въ интересахъ всего общества, и тогда движеніе, направленное противъ капиталистическаго строя, пріобрѣтетъ такую силу, что подъ его напоромъ этотъ строй долженъ будетъ рушиться. Другими словами, неизбѣжный сильный промышленный кризисъ превратится въ всеохватывающій соціальный кризисъ, въ результатѣ котораго явится политическое господство пролетаріата, какъ единственнаго сознательнаго революціоннаго класса, и подъ господствомъ этого класса— полное преобразованіе общества въ духѣ соціализма.

Ходъ мысли, лежащій въ основаніи этого воззрѣнія, извѣстенъ. Онъ опирается на совершающуюся передъ нашими глазами прогрессивную концентрацію предпріятій, на ростъ класса наемныхъ рабочихъ, на противорѣчія, господствующія какъ между этимъ классомъ и классомъ капиталистовъ, такъ и внутри послѣдняго, на принудительный законъ конкурренціи и на воздѣйствіе со стороны экономическихъ измѣненій, на образованіе политическихъ партій и вообще на всю общественную жизнь. Все это факты, которые могутъ быть доказаны эмпирическимъ путемъ и изъ нихъ, кажется, вытекаетъ необходимый выводъ, что въ концѣ концовъ долженъ разразиться кризисъ, ведущій къ радикальному перевороту. И, дѣйствительно, среди соціалъ-демократовъ прочно укрѣпилось мнѣніе, что этотъ путь развитія является неизбѣжнымъ естественнымъ закономъ, что великій всеохватывающій кризисъ есть неизбѣжный путь къ соціалистическому обществу. Сверхъ того, онъ кажется наиболѣе вѣрнымъ и короткимъ путемъ; привыкнувъ къ этому воззрѣнію, при изслѣдованіи дѣйствительной хозяйственной жизни, обращаютъ вниманіе почти исключительно на факты, соотвѣтствующіе этой схемѣ, и поэтому приходятъ къ дальнѣйшему выводу, что великій спасительный кризисъ долженъ наступить въ недалекомъ будущемъ, если не вмѣшаются непредвидѣнныя событія, которыя могутъ отсрочить смертный часъ капиталистическаго міра.

Насколько, на самомъ дѣлѣ, мы можемъ расчитывать на этотъ кризисъ? Нѣсколько недѣль назадъ, многіе партійные органы были заняты изслѣдованіемъ результатовъ

прусской промышленной переписи 1895 г.; при этомъ они пришли къ крайне пессимистическимъ выводамъ относительно продолжительности жизни современнаго общества. Безъ сомнѣнія, перепись показываетъ значительный приростъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, и если имѣть въ виду одни эти цифры, безъ всякихъ дальнѣйшихъ выводовъ, то выраженія вродѣ: „поразительно быстрая концентрація промышленности“, или: „непреоборимая сила крупнаго производства“— имѣютъ полное основаніе. Но въ связи съ указаннымъ только что взглядомъ на значеніе этого прироста для развитія соціализма, выраженія, вродѣ: „поразительно быстрая концентрація промышленности“ — способны возбудить у читателей представленія, не соотвѣтствующія дѣйствительному положенію вещей. Поэтому мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на данныхъ указанной промышленной переписи.

Больше всего замѣтна концентрація въ промышленности, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Число предпріятій, состоящихъ изъ *одного* лица, сократилось съ 1882 г. на 12%, а число мелкихъ предпріятій (съ 1—5 подмастерьевъ) — на 3/4%; наоборотъ, число среднихъ предпріятій *увеличилось* на 60%, а крупныхъ—на 83%. Эти факты, кажется, оправдываютъ наиболѣе смѣлые выводы. Совершенно иную картину представляютъ простыя цифры предпріятій. Вотъ онѣ:

	1882 г.		1895 г.	
	Число предпріятій.	% предпріятій.	Число предпріятій.	% предпріятій.
Единоличныхъ предпріятій	755.176	61,8	674.042	57,5
Мелкихъ предпр. (1—5 подмастер.) .	412.424	33,7	409.332	34,9
Среднихъ „ (6—50 рабочихъ) .	49.010	4,0	78.627	6,7
Крупныхъ „ (51 и больше раб.).	5.529	0,5	10.139	0,9
	1.222,139	100,0	1.172,140	100,0

Происшедшее измѣненіе оказывается крайне незначительнымъ. Карликовыя и мелкія предпріятія все еще составляютъ 90% всего числа предпріятій. Правда, что эти числа также обманчивы, хотя въ противоположномъ смыслѣ. Они

значительно умаляютъ значеніе крупныхъ предпріятій по сравненію съ мелкими. Вѣрнѣе всего дѣйствительное положеніе вещей показываетъ намъ слѣдующая таблица, содержащая числа занятыхъ въ промышленности *лицъ*.

	1882 г.	%	1895 г.	%
Единоличныя предпріятія	755.176	22,3	674.042	14,78
Мелкія	1.031.141	30,4	1.078.396	23,66
Среднія.	641.594	18,9	1.070.427	24,48
Крупныя	962.382	28,4	1.734.884	38,06
	3.390.293	100,0	4.557.749	100,00

Роль крупнаго производства въ промышленности оказывается гораздо значительнѣе, чѣмъ казалось бы изъ таблицы простыхъ чиселъ предпріятій. Необходимо, однако, замѣтить, что во второй таблицѣ причислены къ крупному производству всѣ предпріятія, имѣющія свыше 50 рабочихъ. Если мы отдѣлимъ предпріятія съ 51—200 рабочихъ отъ предпріятій, имѣющихъ свыше 200 рабочихъ, то получимъ слѣдующую таблицу:

	1882 г.	%	1895 г.	%
Умѣренныя предпріятія (51—200 рабочихъ.	403.049	11,9	757.357	16,62
Очень крупныя предпріятія (201 и больше рабочихъ)	559.333	16,5	977.527	21,44
	962.382	28,4	1.734.884	38,06

Относительная роль и ростъ очень крупныхъ предпріятій оказываются здѣсь опять не столь значительными. Занятые въ нихъ рабочіе составляли около $^1/_5$ всего числа занятыхъ въ промышленности лицъ, тогда какъ въ среднихъ и умѣренныхъ предпріятіяхъ было занято въ суммѣ около $^2/_3$ всего числа. Если же мы обратимся къ болѣе подробному анализу цифръ, относящихся къ мелкимъ предпріятіямъ, то увидимъ, что наиболѣе крупныя среди нихъ (отъ 3 до 5 лицъ), оказывается, *возрастаютъ* какъ *абсолютно*, такъ и *относительно*. Въ нихъ было занято въ 1882 г. 564.652 лицъ, а въ 1895 г. 665.607 лицъ, т. е. на 17,88% болѣе. Лишь числа *совсѣмъ малыхъ и карликовыхъ предпріятій сокращаются частью абсолютно, частью относительно*.

Такимъ образомъ, болѣе значительныя мелкія и среднія предпріятія не выказываютъ тенденціи къ исчезновенію.

Число ихъ лишь медленно сокращается по сравненію съ крупнымъ производствомъ, послѣднее же шагъ за шагомъ подвигается впередъ. Пусть это будутъ „гигантскіе шаги“. Роль крупнаго производства окажется еще больше, если мы вслѣдъ за г. Зинцгеймеромъ *) сравнимъ цифры цѣнности производствъ въ отдѣльныхъ группахъ; тогда окажется, что крупныя предпріятія производятъ до 60% всей массы производимой цѣнности. Но тѣмъ не менѣе *четверть милліона среднихъ и болѣе значительныхъ мелкихъ предпріятій* съ ихъ почти двумя милліонами рабочихъ представляютъ *реальность.* Не нужно также забывать того, что значительная часть *крупныхъ предпріятій* производитъ *сырой матеріалъ и полуфабрикаты*, такъ что голыя цифры стоимости производства имѣютъ лишь условное значеніе. Большая часть производствъ, требующихъ особаго искусства (за исключеніемъ машинныхъ производствъ) принадлежитъ еще къ области *средней промышленности*, такія производства не сокращаются, но увеличиваются. Судя по приведеннымъ цифрамъ, крупная промышленность поглощаетъ быстрѣй всего совершенно мелкія предпріятія; что касается среднихъ, то ряды ихъ не потерпѣли почти никакого урона.

Конечно, эта неподвижность среднихъ предпріятій лишь внѣшняя; на самомъ дѣлѣ, *прочность* ихъ весьма незначительна. Въ дѣйствительности процессъ происходитъ такъ: въ одномъ мѣстѣ мелкія предпріятія разрушаются и поглощаются крупными, но на мѣсто ихъ возникаютъ въ другой области, на почвѣ новой техники и новыхъ отношеній, создаваемыхъ крупной промышленностью, новыя среднія производства. Господствуетъ постоянное движеніе, вымираніе старыхъ промышленныхъ отраслей и возникновеніе новыхъ, а также частые перевороты въ нѣдрахъ одной и той же производственной группы. Но какъ ни важно это обстоятельство для физіологіи современнаго ремесла и мелкой промышленности, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ лишь второстепенное значеніе для нашего изслѣдованія. Намъ важны не индивиды, но группы. Внутренній составъ аггрегата претерпѣлъ молекулярныя измѣненія, но масса молекулъ не сокра-

*) См. его книгу „Ueber die Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs“.

тилась, и ея исчезновеніе отодвигается въ отдаленное будущее *).

Извѣстно, что отношеніе числа среднихъ предпріятій къ числу крупныхъ—въ сельскомъ хозяйствѣ и торговлѣ еще значительнѣе, чѣмъ въ промышленности. Слѣдующая таблица даетъ число лицъ, занятыхъ въ торговыхъ предпріятіяхъ.

	1882 года.	1895 года.
Предпріятія съ 2 рабочими и менѣе	411.509	467.656
„ отъ 3 до 5 рабочихъ	176.867	342.112
„ „ 6 „ 50 „	157.328	303.078
„ съ 51 рабочимъ и болѣе	25.619	62.056
	771.323	1.174.902

Числа же, относящіяся къ сельскому хозяйству, собраны въ слѣдующей таблицѣ:

	Число 1882 года.	Число 1895 года	Площадь въ гект. 1895 г.
Въ парцельномъ хозяйствѣ	3.061.831	3.235.169	1.807.870
„ мелкомъ крестьянскомъ хозяйст.	981.407	1.016.239	3.285.720
„ среднемъ „ „	926.605	998.701	9.720.935
„ сравнительно крупномъ крестьянскомъ хозяйствѣ	281.510	281.736	9.868.367
„ крупныхъ хозяйствахъ	24.991	25.057	7.829.007

По сравненію съ 1882 г., число *среднихъ* и умѣренно малыхъ торговыхъ *предпріятій* сильно увеличилось, а въ сельскомъ хозяйствѣ—по сравненію съ 1882 г.—лучше всего положеніе средняго крестьянскаго класса. Площадь хозяйствъ въ этомъ классѣ увеличилась съ 9.158.398 гектаровъ до 9,720.935. Мы не можемъ здѣсь изслѣдовать, насколько эта картина мѣняется при болѣе детальномъ анализѣ цифръ, относящихся къ отдѣльнымъ провинціямъ и округамъ. Для нашей цѣли достаточны и приведенныя общія цифры.

Онѣ показываютъ намъ, что къ какой бы области хозяйственной жизни мы не обращались, нигдѣ мы не встрѣчаемъ существеннаго измѣненія или сокращенія числа *среднихъ предпріятій*. Какъ бы ни было стѣснено положеніе от-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣтимъ, что современное среднее производство часто носитъ въ высшей степени капиталистическій характеръ.

дѣльныхъ владѣльцевъ среднихъ предпріятій, какъ бы ни было велико въ каждый данный моментъ въ рядахъ различныхъ хозяйственныхъ классовъ—особенно въ торговлѣ—такихъ предпріятій, которыя возникаютъ лишь для того, чтобы на слѣдующій день погибнуть—это не имѣетъ значенія для цѣлаго: общая картина отъ этого не измѣняется.

Изъ сказаннаго выше, конечно, не слѣдуетъ, что прогрессивный ростъ крупныхъ и колоссально-крупныхъ предпріятій является простой выдумкой. Таблицы неоспоримо подтверждаютъ этотъ фактъ для промышленности и торговли,—особенно, если мы примемъ во вниманіе, что въ области торговли предпріятія съ 10—15 лицами должны быть причислены къ крупнымъ. Чего онѣ не показываютъ, такъ это—того, что *ростъ крупнаго производства означаетъ сокращеніе средняго*; изъ нихъ скорѣй слѣдуетъ, что происходитъ не борьба за существованіе этихъ двухъ категорій производства, но ихъ *параллельное развитіе.*

Ясно, однако, что и послѣдній выводъ во многихъ случаяхъ противорѣчитъ дѣйствительности. Исторія многихъ отраслей производства разсказываетъ намъ объ ожесточенной борьбѣ за существованіе между различными родами предпріятій и о почти абсолютномъ вытѣсненіи и даже о полнѣйшемъ подавленіи мелкихъ и среднихъ предпріятій крупными. Поскольку мы имѣемъ въ виду каждую отдѣльную отрасль производства, параллельный ростъ крупныхъ и среднихъ предпріятій является исключеніемъ. Если же общая картина промышленности показываетъ такое параллельное возрастаніе, то это объясняется, во-первыхъ, *постояннымъ увеличеніемъ* въ современномъ обществѣ *числа промышленныхъ отраслей* и, во-вторыхъ, постоянной, *растущей способностью приспособленія* и растущей *подвижностью* промышленнаго дѣла.

Въ соціалистической литературѣ посвящается очень мало вниманія этимъ крупнымъ факторамъ. Иногда, напримѣръ, въ случаѣ необходимости возразить защитнику цеховъ или какому-либо другому реакціонеру, разрѣшается обратиться за помощью въ арсеналъ экономическаго либерализма и сказать о необыкновенномъ *разнообразіи* и *подвижности* современной промышленной жизни. Въ общемъ же, при ха-

рактеристикѣ законовъ хозяйственнаго развитія мы поступаемъ обыкновенно такъ же, какъ и при обоснованіи закона заработной платы. Мы предполагаемъ такую неподвижность и упрощенность промышленныхъ отношеній, которыя могли соотвѣтствовать дѣйствительности въ мануфактурный періодъ или въ началѣ развитія машинъ, когда промышленный міръ еще не вполнѣ освободился отъ скорлупы только что пережитой хозяйственной эпохи, но которыя находятся въ вопіющемъ противорѣчіи съ характернѣйшими особенностями современной промышленной жизни. Мы разсуждаемъ часто такъ, какъ будто намъ совершенно неизвѣстны или какъ будто для насъ представляютъ второстепенную вещь явленія современнаго кредита и факты съ каждымъ днемъ расширяющихся и совершенствующихся средствъ сообщенія, тогда какъ они являются не менѣе фундаментальными фактами общественной жизни и общественнаго развитія, чѣмъ производственная техника, которой мы вполнѣ правильно придаемъ такое громадное значеніе.

Въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ и въ другихъ произведеніяхъ Маркса и Энгельса, относящихся къ той же эпохѣ, всѣ эти явленія не только не игнорировались, но, наоборотъ, на нихъ было ясно указано. Но, конечно, какъ бы проницательны и дальновидны ни были эти указанія, они не могли предвидѣть въ 1848 г. все послѣдующее развитіе. Поэтому, юбилейное произведеніе, которое хотѣло бы оправдать свое притязаніе на названіе: „научный соціализмъ“, должно было бы заняться столько же вопросомъ о томъ, насколько предсказанія „Манифеста“ сбылись, сколько вопросомъ—насколько дѣйствительное развитіе уклонилось отъ этихъ предсказаній. Однако, серьезныя попытки *научной разработки научнаго соціализма* представляютъ пока исключенія.

Марксъ и Энгельсъ никогда не закрывали глазъ на дѣйствительныя явленія въ угоду доктринѣ, но всегда относились къ фактамъ съ величайшимъ вниманіемъ. Такъ, напр., Энгельсъ, при изданіи III т. „Капитала“ не стѣсняясь заявилъ, что защищаемое прежде имъ и Марксомъ ученіе о десятилѣтнемъ циклѣ производства уже устарѣло. Факторами, „устранившими или ослабившими большинство ста-

рыхъ причинъ и поводовъ кризисовъ“, по мнѣнію Энгельса, являются „колоссальное развитіе средствъ сообщенія“,—океанскихъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфовъ, открытіе суэцкаго канала—и то обстоятельство, что „для избыточнаго европейскаго капитала открылось во всѣхъ частяхъ свѣта широкое поле дѣятельности (примѣненія) *)“. Энгельсъ предполагаетъ, возможно, что продолжительность цикла кризиса увеличилась и что всѣ факторы, противодѣйствующіе кризисамъ, какъ союзы предпринимателей, охранительныя пошлины, картели скрываютъ въ себѣ „*зародышъ будущихъ гораздо болѣе сильныхъ кризисовъ*“.

Противъ послѣдняго предположенія, мнѣ кажется, можно кое-что возразить, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о картеляхъ и трестахъ. Существуютъ столь разнообразныя формы послѣднихъ, что нѣтъ *никакой необходимости* считать указанное дѣйствіе ихъ единственно возможнымъ. Впрочемъ, *необходимо подождать* событій, чтобы рѣшить, возможны ли всеобщіе кризисы на манеръ старыхъ при растущемъ расширеніи рынковъ, при все болѣе быстрыхъ сообщеніяхъ о рыночныхъ отношеніяхъ и при растущемъ числѣ и разнообразіи промышленныхъ отраслей, или же предстоятъ лишь *ограниченные интернаціональные кризисы въ опредѣленныхъ промышленныхъ группахъ*. Тотъ фактъ, что недавній застой въ текстильной промышленности почти не коснулся другихъ промышленныхъ отраслей, пожалуй, еще не доказываетъ этого положенія, такъ какъ, напр., одновременное процвѣтаніе желѣзодѣлательной промышленности объясняется въ значительной долѣ требованіями растущаго милитаризма сухопутнаго и морского; тѣмъ не менѣе, необходимо отмѣтить, что кризисъ текстильной промышленности не оказалъ почти никакого вліянія и на тѣ отрасли производства, гдѣ указанное обстоятельство не играло значительной роли. Кажется, что сфера дѣйствія современной промышленности слишкомъ велика, чтобы кризисъ могъ отразиться одновременно и съ одинаковой силой во всѣхъ ея пунктахъ, развѣ наступятъ какія-либо необычайныя обстоя-

*) Das Capital. III. Bd. 2 Teil; pag 27. Note.

тельства, которыя нагонятъ страхъ на промышленный міръ всѣхъ странъ и повсюду въ одинаковой степени свяжутъ оковами кредитъ.

Я не утверждаю, но высказываю лишь предположеніе. Vestigia terrent—я питаю къ подобнаго рода предсказаніямъ языческое почтеніе. Но *эластичность* современнаго *кредита* при *колоссальномъ накопленіи капиталовъ*, усовершенствованіе средствъ сообщенія—почты, телеграфовъ, личнаго и товарнаго передвиженія, торговой статистики и сообщеній—развитіе организаціи предпринимателей—все это *факты*, и просто немыслимо, чтобы они не оказывали значительнаго вліянія на отношеніе между производительной дѣятельностью и положеніемъ рынка.

Такимъ образомъ, очень вѣроятно, что въ будущемъ, съ прогрессомъ хозяйственнаго развитія, намъ не придется имѣть дѣла съ промышленными кризисами извѣстнаго уже намъ характера, и что, поэтому, нужно будетъ оставить всякіе расчеты на подобный кризисъ, какъ на прелюдію къ великому соціальному перевороту.

Пусть объ этомъ жалѣютъ тѣ, кто цѣпляется за старыя боевыя словечки, „оправданныя" *) нашимъ прошлымъ,—соціалистическая мысль отъ этого не потеряетъ въ убѣдительности. Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться внимательнѣе, въ чемъ состоятъ всѣ указанные нами факторы, устраняющіе или измѣняющіе старые кризисы? Все это факты, являющіеся одновременно *предпосылками* и даже *тенденцій* къ обобществленію производства и обмѣна. То, что ихъ развитіе оказываетъ вліяніе на кризисы, находится въ полномъ согласіи съ ученіемъ соціализма. Если бы было иначе, то они указывали бы на допущеніе послѣднимъ грубой ошибки.

Но предположимъ, что дѣло съ кризисами обстоитъ такъ, какъ оно обстояло и раньше; развѣ тогда соціалъ-демократія

*) Въ одномъ партійномъ органѣ мнѣ сдѣланъ былъ упрекъ въ томъ, что мнѣ доставляетъ удовольствіе брюзжать и изливать хулу противъ старыхъ „давно оправданныхъ временемъ соціалъ-демократическихъ теорій и требованій". Но всякая теоретическая работа состоитъ въ „брюзжаніи" и „хулѣ" противъ до сихъ поръ принятыхъ положеній. Къ тому же, какая „оправданная" временемъ истина не становится въ свое время заблужденіемъ?

имѣла бы дѣйствительное основаніе желать скораго наступленія великаго переворота?

Посмотрите на цифры, приведенныя нами выше для характеристики состоянія промышленности Пруссіи—наиболѣе развитаго государства Германіи. Очевидно, что при раздробленіи промышленныхъ, сельскохозяйственныхъ и торговыхъ предпріятій, которое доказывается этими цифрами, соціалъ-демократія—единственная партія, которая въ виду происходящаго развитія партій въ Германіи, можетъ стать у кормила правленія въ случаѣ переворота—очутится *передъ неразрѣшимой задачей*. Она не будетъ въ состояніи однимъ *декретомъ* устранить капитализмъ, не въ состояніи даже *обойтись безъ него* и въ то же время она не будетъ въ состояніи обезпечить ему ту *увѣренность въ своей прочности*, въ которой онъ нуждается для выполненія своихъ функцій. Въ такое противорѣчіе попала бы соціалъ-демократія въ случаѣ переворота, и неизбѣжнымъ результатомъ было бы ея полное колоссальное пораженіе *). Мы переживаемъ теперь юбилейный годъ французской февральской революціи, и было бы желательно, чтобы за народными побѣдами и постыдными дѣлами реакціи не было забыто истинное поучительное значеніе 48-го года и чтобы событія отъ торжества 24 февраля до драмы 24 іюня были разсмотрѣны не только съ ихъ драматической стороны. Затруднительное положеніе временнаго правительства 1848 г., какъ оно ни было велико, показалось бы бездѣлкой по сравненію съ тѣми затрудненіями, которыя возникли бы передъ соціалъ-демократіей, если бы всеобщій промышленный кризисъ передалъ въ ея руки власть въ эпоху, когда составъ общества будетъ еще оставаться такимъ, какимъ онъ является въ представленныхъ выше таблицахъ.

Мнѣ могутъ возразить, что когда говорятъ о переворотѣ современнаго общества, то имѣютъ въ виду болѣе, чѣмъ общій промышленный кризисъ въ усиленной степени, а именно полный крахъ всей капиталистической системы подъ

*) Сказанное измѣняется въ той степени, въ какой соціалъ-демократія привыкаетъ къ мысли о необходимости, при случаѣ, дѣлить свою власть съ буржуазно-демократическими партіями, и поскольку она будетъ въ рѣшительные моменты дѣйствовать сообразно этому правилу.

гнетомъ своихъ внутреннихъ противорѣчій. Но подобное представленіе совершенно неопредѣленно, и сверхъ того оно упускаетъ изъ виду *крупныя различія въ характерѣ и развитіи различныхъ отраслей производства* и ихъ неодинаковую способность принять форму публичныхъ службъ. *Полный* и *приблизительно одновременный переворотъ* современной системы производства становится съ прогрессивнымъ развитіемъ общества все *менѣе вѣроятнымъ*, потому что это развитіе увеличиваетъ, съ одной стороны, *приспособляемость* промышленности, съ другой,—ея дифференцировку. Дѣлу не помогаетъ также ссылка на то обстоятельство, что народное возстаніе, связанное съ подобнымъ потрясеніемъ, по всей вѣроятности неимовѣрно ускоритъ развитіе и приведетъ его къ его высшему пункту. Это предположеніе, опирающееся на опытъ великой французской революціи, покоится на совершенномъ игнорированіи крупнаго различія между феодальными и либеральными учрежденіями, между феодальной собственностью и современной промышленностью. Большая часть феодальнаго права могла быть разрушена, причемъ отъ этого пострадала бы сравнительно ничтожная доля населенія, но радикальныя измѣненія въ буржуазномъ правѣ собственности задѣваютъ интересы гораздо болѣе широкаго круга лицъ, которыхъ нельзя заставить эмигрировать. Феодальныя земельныя владѣнія можно было раздробить и распродавать по частямъ, *этого нельзя сдѣлать по отношенію къ современнымъ фабрикамъ*; чѣмъ большая часть ихъ будетъ экспропріирована по рецепту коммуны, тѣмъ труднѣе будетъ вести въ нихъ производства въ эпоху возстанія. Чисто внѣшнее обостреніе отношеній ни въ какомъ случаѣ не совпало бы съ ускореніемъ внутренняго развитія, но наоборотъ, вліяло бы на него во многихъ отношеніяхъ, какъ задерживающій факторъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, не означаетъ ли все изложенное выше, что осуществленіе соціализма отдаляется на неопредѣленное время, можетъ быть, на многія многія поколѣнія? Если подъ осуществленіемъ соціализма понимаютъ возникновеніе общества, управляемаго во всѣхъ пунктахъ строго коммунистически, то я не считаю нужнымъ скрывать, что оно лежитъ, на мой взглядъ, въ достаточно отдаленномъ

будущемъ. Напротивъ, я твердо убѣжденъ, что уже живущее поколѣніе увидитъ осуществившимися многія изъ соціалистическихъ требованій, если не подъ этимъ названіемъ, то *фактически*. Постоянное расширеніе круга общественныхъ обязанностей, т. е. обязанностей и соотвѣтственныхъ правъ отдѣльной личности по отношенію къ обществу и обязанностей общества по отношенію къ отдѣльной личности, расширеніе права надзора организованнаго въ націю или государство общества за хозяйственной жизнью, развитіе демократическаго самоуправленія въ общинахъ, округахъ и провинціяхъ и расширеніе круга задачъ этихъ учрежденій—все это, на мой взглядъ, является *развитіемъ въ сторону соціализма*, если угодно, *частичное осуществленіе соціализма*. Переходъ хозяйственныхъ предпріятій изъ частнаго веденія въ общественное, конечно, будетъ совершаться параллельно со всѣми этими измѣненіями, но переходъ этотъ будетъ совершаться медленно. Эта осторожность вызывается крайне важными соображеніями. Для образованія и укрѣпленія демократическаго завѣдыванія хозяйственными предпріятіями проблема, о трудностяхъ которой говоритъ, между прочимъ, исторія лондонскаго графскаго совѣта—нужно прежде всего *время*. Подобныхъ вещей нельзя создать экспромптомъ. Сверхъ того, фактическій переходъ хозяйственныхъ предпріятій въ общественное завѣдываніе не имѣетъ фундаментальнаго значенія, которое ему обыкновенно придается, *разъ общество пользуется въ достаточной мѣрѣ своимъ правомъ контроля хозяйственныхъ отношеній*. Въ хорошемъ фабричномъ законѣ скрывается больше соціализма, чѣмъ въ переходѣ въ вѣдѣніе государства цѣлой группы фабрикъ.

Я открыто признаюсь, что очень плохо понимаю и очень мало интересуюсь тѣмъ, что обыкновенно разумѣется подъ „конечной цѣлью соціализма“. Эта цѣль, что бы она не представляла, для меня—ничто, *движеніе же—все*. Подъ движеніемъ же я понимаю какъ *общее развитіе общества, т. е. соціальный прогрессъ, такъ и политическую и экономическую агитацію и организацію для осуществленія этого прогресса*.

На основаніи сказаннаго, соціалъ-демократія не должна ни ожидать скораго переворота существующей системы хозяйства, представляемаго, какъ результатъ сильнаго, опу-

стошительнаго промышленнаго кризиса,—ни желать его наступленія. Надъ чѣмъ она должна работать еще долгое время,—такъ это надъ политической организаціей рабочаго класса въ *духѣ демократіи*, а также она должна бороться за всякаго рода реформы государства, которыя способны поднять положеніе рабочаго класса и *преобразовать государство въ духѣ демократіи*. Что касается вопросовъ колоніальной политики и завоеванія новыхъ рынковъ, то соціалъ-демократія обязана согласно своимъ принципамъ бороться съ колоніальнымъ шовинизмомъ, какъ она борется противъ всякаго рода шовинизма, однако, не впадая въ противоположную крайность, по которой всякая охрана національныхъ правъ, всякое національное сознаніе безразлично является шовинизмомъ. Она обязана бороться противъ грабежей и насилія надъ дикими и варварскими племенами, но она откажется отъ всякаго сопротивленія противъ стремленія ввести эти племена въ сферу цивилизаціи, а также отъ всякой принципіальной борьбы противъ расширенія рынковъ. Расширеніе рынковъ и интернаціональныхъ торговыхъ сношеній было однимъ изъ наиболѣе могучихъ рычаговъ общественнаго прогресса. Оно необыкновенно способствовало развитію производительныхъ силъ и національнаго богатства. Но въ ростѣ національнаго богатства заинтересованы и рабочіе съ тѣхъ поръ, какъ право коалицій, дѣйствительные фабричные законы и политическое избирательное право дали имъ возможность обезпечить за собой въ немъ все большее участіе. *Чѣмъ богаче общество, тѣмъ легче и обезпеченнѣе осуществленіе соціалистическихъ требованій*.

При всемъ томъ отношеніе соціалъ-демократіи къ колоніальной политикѣ должно быть различнымъ въ различныхъ странахъ. Оно зависитъ въ значительной степени отъ учрежденій и положенія страны, желающей вести колоніальную политику, отъ характера колоній и способа ихъ заселенія и управленія. Такъ какъ въ большинствѣ странъ управленіе колоніями является исключительно дѣломъ привиллетированныхъ классовъ, то это ужъ одно обстоятельство дѣлаетъ желательнымъ для соціалъ-демократіи критическое отношеніе. Но представленіе, по которому всякая колоніальная политика отсрочиваетъ переворотъ, совершенно несо-

стоятельно, не говоря уже о томъ, что сама теорія переворота утопична. Прежде чѣмъ думать о подобныхъ вещахъ, нужно уничтожить всѣ пароходы и желѣзныя дороги. Насколько утопична эта идея видно уже изъ того, что больше всего она занимала умы въ дѣтскомъ періодѣ соціалистическаго движенія. Перечитывая соціалистическую литературу 30-хъ годовъ, мы встрѣчаемъ въ ней мысль о необходимости бороться съ колоніальной политикой, такъ какъ послѣдняя замедляетъ побѣду народнаго дѣла. „Ни одному молодому человѣку“ пишетъ „Pour Man's Guardian“ въ № отъ 15 февраля 1831 г., „не должно быть дозволено выселяться изъ страны до ея возрожденія“ и онъ громитъ колоніальную и эмиграціонную политику, которая завлекаетъ людей въ „канадскія болота“ и „пустыни Австраліи“. Когда читаешь эти строки и представляешь себѣ что стало изъ Канады и Австраліи, то начинаешь невольно относиться осторожно къ подобнаго рода боевымъ фразамъ. Для „Pour Man's Guardian“ можно найти много извиненій. Во-первыхъ, движеніе было еще очень молодо и, во-вторыхъ, тогда Англія находилась наканунѣ переворота, который, правда, оказался далеко не тѣмъ, чѣмъ его представлялъ честный издатель названной газеты. Но мы живемъ двумя поколѣніями позже и должны были бы оставить наивныя представленія юности соціалъ-демократіи. Тотъ, кто теперь возстаетъ противъ насилій надъ Матабелами, слѣдуетъ благородному побужденію, которое можно только уважать, даже если считать его дѣло проиграннымъ (безнадежнымъ). Но тотъ, кто становится на точку зрѣнія Матабеловъ и возстаетъ противъ распространенія цивилизаціи и расширенія рынковъ, совершаетъ прежде всего громадную ошибку во времени. Онъ пишетъ въ 1898 г., тогда какъ онъ долженъ былъ бы писать въ 1831 г. Опытъ семидесяти лѣтъ *для него не существуетъ*.

ДОПОЛНЕНІЕ.

(Критическая интермедія).

Возраженія на мою статью, печатавшіяся въ соціалистическихъ газетахъ, могутъ быть раздѣлены на три группы. Первая группа критиковъ не находитъ въ статьѣ ничего принципіально опаснаго и считаетъ вполнѣ нормальнымъ, чтобы время отъ времени теоретическія основанія и предпосылки партійной дѣятельности подвергались пересмотру. Не входя въ сущность моего изслѣдованія, они указываютъ лишь на недостатки формы, которые могутъ возбудить недоразумѣнія. Между прочимъ, на такую точку зрѣнія стала редакція центральнаго органа партіи.

Такъ какъ, въ особенности, одно мѣсто моей статьи возбудило недоразумѣнія, то я, соглашаясь съ мнѣніемъ редакціи относительно неясности, прислалъ ей объясненіе, какъ я понимаю это выраженіе. Дѣло идетъ о фразѣ, въ которой я говорю, что то, что обыкновенно разумѣется подъ конечной цѣлью соціализма—для меня ничто, само же движеніе—все.

Вотъ наиболѣе существенная часть этого объясненія:

„Слѣдуетъ ли изъ того, что я отказываюсь признавать такъ называемую конечную цѣль соціалистическаго движенія, выводъ, что я вообще не признаю никакой опредѣленной цѣли этого движенія? Мнѣ было бы жаль, если мои слова были поняты въ этомъ смыслѣ. Движеніе безъ цѣли было бы хаотическимъ толченіемъ, потому что это было бы движеніе безъ направленія. Безъ цѣли нѣтъ направленія; если соціалистическое движеніе не желаетъ остаться безъ

компаса, то оно должно, само собой разумѣется, имѣть цѣль, къ которой оно сознательно стремится. Но эта цѣль— не проведеніе какого-либо общественнаго *принципа*. Поскольку задачи соціалъ-демократіи не вытекаютъ изъ потребностей борьбы рабочихъ за ихъ политическое и экономическое освобожденіе, цѣль соціалистическаго движенія можетъ быть формулирована, если не желаютъ повторить ошибку утопистовъ, лишь какъ принципъ, напр., „всестороннее проведеніе принципа товарищества". Я не знаю другого, которое такъ полно выражало бы совокупность соціалистическихъ стремленій какъ въ экономической, такъ и политической области. Оно исключаетъ всякое классовое господство и классовую привиллегію: тотъ, кто пользуется привиллегіей своего классоваго положенія, не товарищъ. Но указывая цѣль, оно ничего не говоритъ о средствахъ и путяхъ. Послѣднія могутъ быть найдены лишь въ данныхъ условіяхъ, должны опираться на существующія отношенія. Поэтому, разъ дана общая цѣль, наиболѣе яснымъ является само движеніе и прогрессъ его въ направленіи къ цѣли, тогда какъ то, какъ эта цѣль изображается, довольно безразлично. Всѣ эти спекуляціи имѣютъ тенденцію покончить съ исторіей. Если когда-либо и исполнялись геніальныя предсказанія будущаго, то они всегда носили общій характеръ и при томъ исполнялись они въ иной формѣ и другимъ способомъ, чѣмъ полагалъ ихъ авторъ. Важно лишь знать общій ходъ движенія и факторы, созидающіе его. Если мы это знаемъ, то можемъ не заботиться о конечной цѣли".

Этимъ я здѣсь покончу съ даннымъ пунктомъ.

2 Вторая группа критиковъ моей статьи также въ существенномъ не находитъ въ немъ ничего опаснаго и даже соглашается съ большею частью высказанныхъ въ ней мыслей, но считаютъ нужнымъ внести поправки въ отдѣльныя фразы и статистическій матеріалъ. Что касается статистическаго матеріала, который подвергаетъ сомнѣнію Франкфуртская газета „Volksstimme", въ остальномъ согласная съ моей статьей,—то я вернусь къ нему ниже.

3 А теперь обратимся къ третей группѣ критиковъ, представляемой или группирующейся вокругъ Парвуса въ „Sächsischen Arbeiter Zeitung".

Для Парвуса, если я его правильно понимаю, моя статья означаетъ „уничтоженіе соціализма“, откуда естественно вытекаетъ обязанность уничтожить виновника уничтоженія. И Парвусъ основательно объ этомъ позаботился. Онъ мечетъ громы и молніи, но только въ своей собственной улицѣ. Но Юпитеръ—Парвусъ не распоряжается ни молніей, которая могла бы убить, ни громомъ, который могъ бы нагнать страхъ. Чѣмъ далѣе онъ сплетаетъ свои опроверженія, тѣмъ болѣе онъ опровергаетъ самого себя.

Онъ начинаетъ очень смѣло. Онъ признаетъ, что я обладаю мужествомъ, равнымъ моей глупости и невѣжеству, и увѣряетъ меня, что онъ сочувствуетъ моему „помраченію ума“. Въ чемъ заключается послѣднее? Въ своемъ объявленіи въ „Vorwärts'ѣ“ я сказалъ, что поскольку задачи соціализма не вытекаютъ изъ настоящихъ потребностей борьбы рабочаго класса, постольку цѣль соціалистическаго движенія можетъ быть выражена не въ формѣ какого-либо общественнаго плана, а лишь въ формѣ принципа. Этимъ, полагаетъ Парвусъ, я превратилъ „историческій матеріализмъ въ туманную идеологію“. Парвусъ не могъ найти лучшаго пути для превращенія историческаго матеріализма въ дѣтскую игрушку. Было бы прекрасно, если бы историческій матеріализмъ, вмѣсто того, чтобы быть методомъ изслѣдованія, хотѣлъ запретить употребленіе всякихъ производныхъ понятій, всякое объединеніе общественныхъ отношеній, съ точки зрѣнія господствующаго надъ ними правила. Но руководящее правило называется обыкновенно *принципомъ*. Въ извѣстномъ письмѣ объ историческомъ матеріализмѣ къ Конраду Шмиту Фридрихъ Энгельсъ говоритъ, что отраженіе экономическихъ отношеній, до тѣхъ поръ, пока они не познаны, образуетъ правовые принципы, или то, что мы называемъ идеологическимъ воззрѣніемъ. Въ этомъ заключается признаніе, что разъ мы познали отношеніе между экономическими отношеніями и правовыми принципами, то ничто намъ не мѣшаетъ выражать соціальныя состоянія при помощи послѣднихъ. Но къ чему ссылаться на Энгельса? Нѣсколькими строками ниже того мѣста, въ которомъ Парвусъ сожалѣетъ о помраченіи ума, заставившемъ меня говорить о принципѣ товарищества, онъ самъ заявляетъ, что вся политика соціалъ-демократіи

направлена на возможно скорѣйшее завоеваніе политической власти, чтобы съ помощью послѣдней передать хозяйственныя предпріятія планомѣрному общественному управленію и „создать *правовое основаніе* для соціалистическаго общества". Зачѣмъ создавать правовое основаніе, какъ не для *права*, и что представляетъ это созданіе права, какъ не проведеніе *правового принципа*? Обобществленіе средствъ производства оказывется внезапно, какъ я и указывалъ выше, не цѣлью, но средствомъ *). Такъ напр., „Коммунистическій Манифестъ" называетъ превращеніе пролетаріата въ господствующій классъ „*первымъ* шагомъ" въ рабочей революціи, „*ближайшей* цѣлью" коммунистовъ, средствомъ же является учрежденіе „ассоціаціи, въ которой свободное развитіе каждой личности служитъ условіемъ для свободнаго развитія всѣхъ". Но ассоціація означаетъ товарищество—общежитіе на началахъ товарищества или,—что то же,—*принципа* товарищества.

Я сослался на „Коммунистическій Манифестъ" потому что Парвусъ противопоставляетъ мнѣ программу дѣйствій „Коммунистическаго Манифеста", какъ единственно правильную и соотвѣтствующую соціалистической политикѣ. По его мнѣнію, я совершилъ прегрѣшеніе противъ этой программы уже тѣмъ, что началъ изслѣдованіе, поскольку дѣйствительныя отношенія ей соотвѣтствуютъ.

Но сами авторы „Манифеста" назвали его отчасти устарѣвшимъ уже въ 1872 г. при чемъ они сослались „*на практическій опытъ, который дала февральская революція и еще болѣе Парижская Коммун* ". Авторы не указываютъ какой опытъ февральской революціи они имѣли въ виду, что же касается Коммуны, то о ней опредѣленно сказанно, что она отчасти *уничтожаетъ* программу. „Именно, Коммуна показала, что рабочій классъ не можетъ взять въ свои руки

*) „Обобществленіе земельной собственности является прежде всего *правовой формой*". Кто написалъ эту фразу, витающую вь „туманѣ идеологіи" да еще подчеркнулъ слова „правовая форма"? Не кто иной, какъ Парвусъ въ пятой, направленной противъ меня статьѣ. Этотъ Юпитеръ, какъ кажется, тоже не чуждъ метаморфозъ. Но что сказать, если Парвусъ, обвиняющій меня въ отсутствіи оригинальности, не умѣетъ даже быть оригинальнымъ въ заглавіи? „Ed. Bernsteins Umwälzung des Socialismus! Написалъ бы лучше „Untergrabung" (Намекъ на „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft" Фр. Энгельса. Перев.)

готовый государственный механизмъ и направить его въ своихъ цѣляхъ“. Эта поправка касается болѣе политической формы движенія, хотя ея слѣдствія необходимо распространяются и на характеръ экономическихъ мѣропріятій; сверхъ того авторы „Манифеста“ во многихъ мѣстахъ писали такія заявленія, которыя подрываютъ предпосылки выраженной въ немъ программы; то же самое показало и дѣйствительное развитіе. *Такъ, напр., „Манифестъ“ еще вполнѣ покоится на идеѣ желѣзнаго закона заработной платы.* Онъ знаетъ союзы рабочихъ лишь въ ихъ ранней, неразвитой бунтэрской и непрочной формѣ. Онъ знаетъ рабочихъ лишь какъ политически безправныхъ рабочихъ. Онъ предполагаетъ такую быстроту экономическаго развитія, которой дѣйствительность не оправдала, а также такое обостреніе отношеній собственности и доходовъ, которое не имѣло мѣста въ дѣйствительности. Современные наемные рабочіе не представляютъ однородной массы, одинаково не связанной семьей, собственностью etc., какъ ихъ представлялъ Манифестъ. Широкіе слои ихъ подымаются до мелкобуржуазнаго состоянія. Съ другой стороны, разложеніе средняго сословія совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ предполагалось въ Манифестѣ. Желѣзный законъ заработной платы отброшенъ самимъ Марксомъ, громадное вліяніе фабричныхъ законовъ на положеніе рабочихъ констатировано имъ самимъ. Энгельсъ самъ призналъ, что онъ и Марксъ преувеличивали быстроту экономическаго развитія. Тѣмъ не менѣе соціализмъ не умеръ, и никто не писалъ о „переворотѣ соціализма“, когда Марксъ и Энгельсъ въ предисловіи 1872 г. къ „Манифесту“, распрощались съ quasi-якобинизмомъ, который они еще защищали въ 1847—48 г. Въ виду указанныхъ измѣненій въ предпосылкахъ „Манифеста“, больше чѣмъ странно слышать изъ устъ того, кто считаетъ себя стоящимъ на почвѣ историческаго матеріализма, заявленіе, что тотъ, кто не считаетъ возможнымъ и цѣлесообразнымъ при всѣхъ обстоятельствахъ признавать рекомендованную въ „Манифестѣ“ революціонную дѣятельность, тотъ тѣмъ самымъ отказывается отъ всего соціализма, защищаемаго до сихъ поръ соціалъ-демократіей.

Конечно, Парвусъ не отрицаетъ того, что многое измѣ-

нилось въ предпосылкахъ „Манифеста“. Онъ оспариваетъ больше всего мое утвержденіе, что профессіональная статистика не показываетъ быстрой концентраціи промышленности, которая позволяла бы заключить о близости крушенія существующаго общества и перехода послѣдняго въ соціалистическое. По его мнѣнію, мои статистическія доказательства „совершенно не научны“.

Конечно, если бы я придавалъ абсолютное значеніе суммарнымъ цифрамъ, предлагаемымъ таблицами профессіональной статистики, то я поступалъ бы, какъ утверждаетъ Парвусъ, „совершенно не научно“. Но, именно, этого я и не дѣлалъ. Напротивъ, я настойчиво указывалъ на то, что эти таблицы во многихъ отношеніяхъ обманываютъ, что онѣ заставляютъ предполагать такую устойчивость различныхъ хозяйственныхъ группъ, которой въ дѣйствительности не существуетъ. Далѣе, я *ясно* констатировалъ, что среднія предпріятія въ современной промышленности часто являются въ высшей степени капиталистическими предпріятіями; однако, это не помѣшало Парвусу доказывать мнѣ на примѣрѣ производства красокъ, что предпріятіе съ 20 лицами можетъ принадлежать чисто капиталистической промышленности.

Точно также онъ высокомѣрно поучаетъ меня, что въ торговлѣ число служащихъ ничего не говоритъ о характерѣ предпріятія, не смотря на мое указаніе, что въ торговыхъ предпріятіяхъ въ которыхъ занято свыше 10—15 лицъ, нужно причислить къ крупно-капиталистическимъ. Далѣе, онъ выискиваетъ изъ таблицъ спеціально такія мелкія предпріятія, которыя допускаютъ рѣзкія противопоставленія. Мелкія предпріятія противопоставляются колоссальнымъ предпріятіямъ, чтобы доказать такимъ образомъ, что только грубое невѣжество можетъ придавать значеніе констатированному мною сохраненію большого числа мелкихъ и среднихъ предпріятій *). Напротивъ, о большомъ числѣ мелкихъ и среднихъ

*) Такъ, напр., онъ поучаетъ меня, что я забываю желѣзныя дороги и доказываю „невозможность соціальной революціи“ фактомъ существованія извозчиковъ. Я не буду больше останавливаться на пріемахъ полемики; что же касается существа вопроса, то примѣръ Парвуса напомнилъ мнѣ о тѣхъ мудрыхъ людяхъ, которые предсказывали, что

предпріятій въ производствахъ по обработкѣ желѣза, дерева, кожи etc. не упоминается ни единымъ словомъ. Если Парвусъ стремился получить легкій успѣхъ у людей, не знающихъ положенія вещей, то такого рода полемика очень цѣлесообразна, но по существу его полемика ничего не доказываетъ.

О чемъ говорилось въ моемъ изслѣдованіи? Во-первыхъ, о вопросѣ о кризисахъ, котораго мы здѣсь не будемъ касаться, во-вторыхъ, о близости полнаго соціалистическаго переворота общества, или объ обобществленіи всѣхъ средствъ производства и обращенія.

Обобществленіе возможно въ различныхъ формахъ: въ формѣ *государственныхъ* предпріятій, *общинныхъ* предпріятій и болѣе или менѣе отвѣтственныхъ *товарищескихъ* предпріятій.

Что государственное хозяйство не можетъ быть расширено по произволу—этого, вѣроятно, не нужно доказывать и самому Парвусу. Онъ, вѣроятно, также согласится, что революція далеко не представляетъ для этого расширенія благопріятнаго момента.

Было бы безуміемъ со стороны государства или высшаго народнаго представительства, которое въ подобныя эпохи занято тысячей неотложныхъ дѣлъ, взвалить еще на себя колоссальную работу, связанную съ устройствомъ и контролемъ государственнаго производства въ широкихъ размѣрахъ. При этомъ, мы совершенно оставляемъ вни-

---

желѣзныя дороги уничтожатъ извозный промыселъ. Между желѣзными дорогами, о которыхъ не могло быть рѣчи уже потому, что ихъ способность къ обобществленію стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія (даже манчестерская Англія позаботилась уже въ 1844 г. о переходѣ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства) и извозчиками находятся всякаго рода предприниматели, занимающіеся извознымъ и экспедиціоннымъ промыслами, носящіе какъ крупно-капиталистическій такъ и мелко-ремесленный характеръ, и число этихъ предпринимателей желѣзныя дороги *не уменьшили, а увеличили.* Хотя перевозочная промышленность больше другихъ способна къ обобществленію, однако и въ этой области существуютъ капиталистическія предпріятія, способность которыхъ къ обобществленію безъ дальнѣйшихъ подготовленій подвержена сомнѣнію; переходъ въ вѣдѣніе государства или общины могъ бы здѣсь вѣроятно совершиться постепенно, шагъ за шагомъ.

маніемъ, что для государственнаго веденія пригодны лишь опредѣленныя отрасли производства.

Перейдемъ къ общинѣ. То, что сказано относительно государства, отчасти распространяется и на нее. Предпріятія, не предназначенныя для удовлетворенія правильной и одинаковой у всѣхъ членовъ общины потребности, не пригодны для перехода въ общинное вѣдѣніе. И даже если бы общины пожелали производить для общаго рынка, то онѣ могли бы дѣйствовать лишь постепенно.

Такимъ образомъ, большая часть производствъ и предпріятій осталась бы либо въ вѣдѣніи частныхъ предпринимателей, либо въ вѣдѣніи товариществъ. Но тогда возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли существуетъ такое сильное стремленіе къ товарищескому производству, какъ полагали старые соціалисты? Если оставить въ сторонѣ потребительныя товарищества, которыя относятся къ другой области, то опытъ товариществъ очень скроменъ. Возразятъ, что теперь—иное дѣло, теперь товарищества должны конкуррировать съ капиталистическими предпріятіями, и, кромѣ того, рабочіе не располагаютъ нужными средствами и образованіемъ. Что касается конкурренціи, то съ ней придется считаться, по крайней мѣрѣ, въ переходную эпоху; денежныя же средства часто находятся въ распоряженіи рабочихъ въ значительныхъ массахъ, и тѣмъ не менѣе рабочіе не затрачиваетъ ихъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ на основаніе производительныхъ товариществъ. Капиталъ, накопленный англійскими рабочими въ сберегательныхъ, вспомогательныхъ и союзныхъ классахъ, доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ марокъ. Если бы существовало сильное стремленіе къ товарищескому труду, то оно должно было бы при такихъ условіяхъ замѣтно проявиться, но за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ вліяли факторы, не имѣющіе ничего общаго съ идеей товарищества, ничего подобнаго не замѣтно. Рабочіе текстильной промышленности въ Ланкаширѣ вложили, напримѣръ, значительныя суммы въ тамошнія фабрики, и господствуетъ мнѣніе, что они этимъ обезпечили за собой голоса въ управленіи этими фабриками. Но во время споровъ относительно сбавки заработной платы, предложенной фабрикантами въ виду

плохого хода дѣлъ прошлымъ лѣтомъ, секретарь союза прядильщиковъ Маудсли писалъ съ извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенія въ демократическія газеты, что рабочіе вложили мало своихъ денегъ въ акціи рискованныхъ предпріятій и предпочли болѣе обезпеченныя облигаціи. Безъ сомнѣнія, лишь фарисеи могутъ быть за это недовольны рабочими. Но можно ли послѣ этого говорить о сильномъ стремленіи освободиться отъ фабрикантовъ и производить на товарищескихъ началахъ? *). Мнѣ возразятъ, что мои доказательства носятъ мелко-буржуазный характеръ, что необходима организація въ широкихъ размѣрахъ, и тогда дѣло пойдетъ иначе. Но, во-первыхъ, нельзя все сразу поставить на широкую ногу **), во-вторыхъ, довольно оригинально предполагать, что товарищеское чувство должно болѣе укрѣпиться въ предпріятіяхъ, предоставляемыхъ рабочему въ готовомъ видѣ и при томъ въ такихъ размѣрахъ, которыхъ онъ не можетъ охватить взоромъ, чѣмъ въ такихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ можетъ быть „самостоятельнымъ производителемъ“.

Коротко, куда бы мы ни посмотрѣли, вездѣ положеніе дѣлъ безконечно сложнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и вопросъ не можетъ быть рѣшенъ одними словами: концен-

---

*) Нѣсколько дней назадъ въ „Daily Chronicle“ было помѣщено сообщеніе, что единственная кооперативная прядильная и ткацкая фабрика Ланкашира собирается ликвидировать свои дѣла. Причиной, очевидно, является не недостатокъ капитала: товарищество имѣло 152.000 марокъ основного капитала и 280.000 марокъ въ облигаціяхъ. За ней находилось большое потребительное общество Burnley'а, и главными заказчиками были потребительныя общества.

**) Такъ какъ сотни тысячъ ручныхъ ткачей въ Германіи еще не вымерли, иронизируетъ Парвусъ, то, по моему мнѣнію, соціалъ-демократія не можетъ расчитывать на обобществленіе крупныхъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ. Очевидно, онъ думаетъ этимъ нанести мнѣ смертоносный ударъ; что касается меня, то его замѣчаніе показало мнѣ, что онъ не имѣетъ представленія о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено обобществленіе лишь крупныхъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ. Какъ дифференцирована не только вся прядильная промышленность, но ея наиболѣе элементарное звено! Во всякомъ случаѣ, существованіе сотенъ тысячъ ручныхъ ткачей не облегчитъ осуществленія соціальной революціи въ той ея формѣ, какъ характеризуетъ ее Парвусъ.

трація, экспропріація, организація, ассоціація *). Во всякомъ случаѣ, будетъ ли или не будетъ ассоціація, одно очевидно, что остается цѣлая масса, сотни тысячъ предпріятій, которыя ведутся не на общественный, но *на отдѣльный для каждаго предпріятія счетъ*; остается, слѣдовательно, *товарное* производство въ широкихъ размѣрахъ, остается денежное хозяйство и все, что съ нимъ связано. И поэтому я повторяю, что, если при этомъ расчлененіи производства соціалъ-демократія достигнетъ власти, то она не сможетъ обойтись безъ капитализма, если она не хочетъ, чтобы не наступилъ полный застой въ дѣлахъ и затѣмъ реакція, по сравненію съ которой Термидоръ и 2-е декабря—сущія бездѣлки. Но можетъ ли она обезпечить ту увѣренность, въ которой оно нуждается для выполненія своихъ функцій? Можетъ ли она вселить довѣріе въ дѣловомъ мірѣ въ правильный ходъ

*) Парвусъ употребляетъ удивительный методъ счета. Группы производства, которыя ему не удобны, онъ объявляетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій безнадежными, „соціально-революціонное ядро“ увеличивается настолько-то головъ. Никакой кризисъ не могъ бы быть опустошительнѣе, по своимъ результатамъ, въ мелкой и средней промышленности, чѣмъ громовержецъ Парвусъ. Но Юпитеръ справедливъ и не щадитъ также капиталистовъ. 80.000 капиталистическихъ предпріятій означаютъ для него 80.000 заинтересованныхъ въ капиталѣ. То, что существуютъ акціонерныя общества и др. рода капиталистическія общества, что за многими крупными капиталистическими предпріятіями, даже записанными на одно имя, стоятъ цѣлыя группы заинтересованныхъ лицъ—все это его' мало озабочиваетъ. 80.000 владѣльцевъ предпріятій, это—цѣлая капиталистическая армія, которой противопоставляются 6 мил. рабочихъ, поддерживаемыхъ большинствомъ мелкихъ ремесленниковъ, которые „частью сами горячіе революціонеры“, частью „не мѣшаютъ намъ, такъ какъ то, что мы предпринимаемъ можетъ пойти имъ только на пользу“ Этимъ расчетамъ Парвусъ серьезно предпосылаетъ лекцію о политической стратегіи. На самомъ дѣлѣ, онъ показываетъ, какъ можно однимъ мановеніемъ руки „стратегически“ провести революцію на бумагѣ. (Въ статьѣ, появившейся послѣ того какъ были написаны вышеприведенныя строки, Парвусъ исправляетъ свои вычисленія и доводитъ цифру арміи капиталистовъ до 460.000 съ 1,200.000 союзниковъ, которой противостоятъ 15 мил. наемныхъ рабочихъ и 4 мил. солидарныхъ съ ними разоренныхъ капиталомъ ремесленниковъ. Даже признавъ, что эти числа правильны, они имѣютъ для насъ лишь второстепенное значеніе. Дѣло не въ томъ, *какъ велика „революціонная армія“, но въ томъ можно ли обойтись въ настоящее время безъ главныхъ людей промышленности, употребляя выраженіе Карлейля*).

дѣлъ обезпеченность собственности, правильная правовая охрана и т. п.? Конечно, менѣе всего, если она достигнетъ власти при условіяхъ, которыя предполагаютъ теорію переворота. Парвусъ говоритъ о томъ, что бы „мы“ сдѣлали въ подобномъ случаѣ, напримѣръ, для крестьянъ, какъ „мы“ поможемъ имъ освободиться отъ долговъ, какъ „мы“ осчастливимъ ихъ такими аграрными законами, какихъ еще никогда не было. Но, дорогой Парвусъ, дѣло будетъ тогда итти совершенно не о „насъ“. Вы хотите, чтобы государство немедленно взяло на себя ипотечные долги. Это очень смѣло съ вашей стороны по отношенію къ теперешнимъ владѣльцамъ ипотекъ. Но что, если крестьяне откажутся вообще платить какіе бы то ни было проценты? Гражданинъ Баксъ, который многое одобритъ въ вашихъ статьяхъ, немедленно сталъ бы во главѣ крестьянъ, какъ второй Уатъ Тейлоръ и приговорилъ бы васъ безъ всякой пощады къ висѣлицѣ. Платить проценты? Первый актъ революціи долженъ состоять въ отмѣнѣ *всѣхъ* старыхъ контрактовъ. Но оставимъ Бакса. Если революціи пробуждаютъ всѣ дремлющія силы общества, то они пробуждаютъ также глупцовъ, и, къ сожалѣнію, свѣтъ пока таковъ, что глупцы имѣютъ въ немъ довольно большіе шансы на успѣхъ. Кто вызвалъ послѣ февраля 1848 г. наиболѣе пагубныя дѣйствія массъ въ Парижѣ? Непризнанные вожаки соціализма, не Пьеръ Леру, не Ламенне, не Кабе и не Прудонъ, не Луи-Бланъ и не Бланки. Пароль давали массамъ 15-го мая внутренне пустой Губеръ, 23-го іюля рифмоплетъ Пужоль. Кто господствовалъ въ Коммунѣ? „То, что парижане готовы итти въ хвостѣ Буланже—плохой знакъ“, писалъ въ частномъ письмѣ ко мнѣ Фридрихъ Энгельсъ. За кѣмъ они теперь готовы итти въ хвостѣ? За пріятелями Дрюмономъ и Рошфоромъ. У насъ въ Германіи есть прекрасное непрерывно развивающееся рабочее движеніе; почему же мнѣ желать, чтобы оно вскорѣ попало въ такое положеніе, котораго оно не выдержало бы, поскольку можно судить на основаніи опыта прошлаго, подтверждаемаго изслѣдованіемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ? Я не стану говорить о разрушеніи, которое принесло бы съ собой подобное развитіе, но даже точка зрѣнія интересовъ соціалъ-демократіи говоритъ здѣсь про-

тивъ легкаго отношенія къ вопросу. Пораженіе это означало бы нѣчто большее, чѣмъ простой неуспѣхъ. Весь историческій матеріализмъ не измѣняетъ того факта, что *люди* дѣлаютъ исторію, что у людей есть *головы* и что *направленіе этихъ головъ далеко не такая механическая вещь*, чтобы опредѣляться единственно хозяйственнымъ положеніемъ. Почему поведеніе рабочихъ, находящихся въ совершенно одинаковомъ положеніи, съ классовой точки зрѣнія, бываетъ иногда діаметрально противоположнымъ? Рядомъ съ другими идеологическими факторами, на ихъ дѣятельность оказываютъ вліяніе историческія воспоминанія и традиція. *Такъ, крупныя пораженія въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій дѣйствуютъ, какъ угнетающій и дезорганизующій факторъ на потерпѣвшій это пораженіе классъ.*

Вездѣ возможно, что рабочему классу придется въ борьбѣ за свое право прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Если его доведетъ до этого ослѣпленіе господствующихъ въ Германіи властей, то, конечно, рѣшеніе рабочихъ будетъ зависѣть не отъ приведенныхъ выше соображеній, а отъ того, что отъ нихъ потребуетъ чувство собственнаго уваженія и силы. Какъ показалъ Энельсъ, господствующіе классы имѣютъ теперь въ своихъ рукахъ больше козырей, чѣмъ въ прежнее время, но они не располагаютъ всѣми козырями. Рабочій классъ не можетъ отказаться отъ демократіи, этого условія его экономическаго освобожденія—и даже въ случаѣ пораженія онъ нанесетъ своимъ врагамъ тяжелыя раны.

Но для меня вопросъ заключается не въ этомъ. Тема, которую я долженъ былъ изслѣдовать, это — вопросъ о соціалистическомъ преобразованіи основъ общественной жизни, вопросъ о соціализированіи производства и обращенія. И я утверждаю, что для осуществленія этой задачи соціалъ-демократія пока можетъ гораздо болѣе сдѣлать въ качествѣ оппозиціонной партіи, чѣмъ въ качествѣ партіи, ставшей внезапно послѣ катастрофы во главѣ общества. Въ качествѣ соціальной оппозиціонной партіи она является движущей силой экономическаго развитія, какой еще не было въ исторіи; въ качествѣ господствующей власти при существующемъ расчлененіи общества она была бы вынуждена, по всей вѣроятности, измѣнить своимъ собствен-

нымъ принципамъ и изъ революціонной партіи сдѣлаться реакціонной. Въ такихъ случаяхъ вопросъ идетъ не о томъ, чего хочетъ партія, но о томъ, къ чему *принуждаютъ* ее *обстоятельства*. Когда останавливаются всѣ дѣла, торговля и передвиженіе прекращается, люди не спрашиваютъ, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ данная мѣра соціализму, но даетъ ли она работу и хлѣбъ или нѣтъ.

Я не формалистъ, и когда Парвусъ обвиняетъ меня въ томъ, что отрицая возможность для соціалъ-демократіи въ ближайшемъ будущемъ стать при помощи катастрофы у кормила правленія, я тѣмъ самымъ будто бы отказываюсь отъ основного исходнаго пункта всей партійной дѣятельсти, я не спрошу его: гдѣ же въ программѣ находится подобный параграфъ? Дѣло не въ словѣ, а въ смыслѣ. Но я отрицаю, что защищаемые партіей принципы ведутъ къ выводамъ, которые изъ нихъ дѣлаетъ Парвусъ.

Самъ Марксъ объявилъ въ 1872 г. въ Амстердамѣ, что въ странахъ, подобныхъ Англіи и Соединеннымъ Штатамъ, соціалистическое преобразованіе можетъ быть осуществлено путемъ законодательства, а въ другой разъ, говоря о земельномъ вопросѣ въ Англіи онъ объявилъ, что лучшимъ путемъ, пожалуй, является выкупъ земельной собственности у лендлордовъ. Такимъ образомъ, путь законодательнаго разрѣшенія вопроса казался ему болѣе подходящимъ, чѣмъ путь насильственной экспропріаціи. Лично я придерживаюсь мнѣнія—и полагаю, что большинство нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ въ этомъ пунктѣ согласны со мной, что—поскольку дѣло зависитъ отъ насъ,—мы должны стараться *сдѣлать путь катастрофы ненужнымъ* *). Все отношеніе партіи къ законодательнымъ вопросамъ проникнуто этой мыслью. Мы не спрашиваемъ при обсужденіи реформъ, *приближаютъ* ли онѣ *катастрофу*, долженствующую передать въ наши руки кормило правленія, *но способствуютъ ли онѣ развитію рабочаго класса*, служатъ ли онѣ *общему соціальному прогрессу* или нѣтъ.

*) Резолюція Майнцской нѣмецкой соціалъ-демократіи (сентябрь 1900 г.), единодушно принятая, порицаетъ современную міровую политику крупныхъ капиталистическихъ государствъ между прочимъ потому, что она „дѣлаетъ возможной всеобщую катастрофу“.

Въ исторіи еще не совершалось такого важнаго преобразованія, какъ то, къ которому стремятся соціалъ-демократы. Тѣмъ *менѣе вѣроятно, что это преобразованіе можетъ быть осуществлено съ помощью катастрофы.* Для этого нужна долгая и трудная работа. И пусть не думаютъ, что мелкая повседневная работа на этомъ пути имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ великія дѣла. Именно, *мелкая работа имѣетъ здѣсь часто самое большое значеніе.* Въ области современнаго рабочаго движенія дѣло идетъ не о громкихъ сраженіяхъ, но о непрерывной, настойчивой борьбѣ.

Смѣшно же, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, аргументировать фразами „Коммунистическаго Манифеста", которыя соотвѣтствуютъ совершенно инымъ политическимъ и соціальнымъ отношеніямъ, чѣмъ тѣ, среди которыхъ мы живемъ. Не нужно быть аппологетомъ существующаго строя, чтобы признать, что со времени появленія „Манифеста" въ государственномъ и гражданскомъ положеніи рабочихъ произошелъ значительный прогрессъ.

Меня обвинили въ томъ, что я пересталъ понимать массу, и отсюда мой пессимизмъ. Но, во-первыхъ, я настроенъ совершенно не пессимистически, а во-вторыхъ, что значитъ понимать массы? Извѣстныя мнѣ пессимистическія заявленія относительно рабочаго класса принадлежатъ какъ разъ людямъ, стоящимъ въ центрѣ движенія. Точно также можно услышать взрывы негодованія отъ людей, одержимыхъ недугомъ соціалистической Katastrophilis и ожидающихъ великаго переворота два раза въ году.

Я тоже нѣкогда страдалъ этой интересной болѣзнью, но уже давно выздоровѣлъ. Я убѣжденъ, что соціалистическое движеніе въ своемъ движеніи впередъ *не нуждается въ кризисахъ*. Я убѣжденъ также, что буржуазное общество способно еще къ значительному дальнѣйшему развитію, и что производство и торговля переживутъ еще въ рамкахъ существующаго общества нѣсколько смѣнъ формъ, прежде чѣмъ оно окончательно „распадется" *).

Однако, никто не можетъ предсказать будущаго. Мы можемъ въ своей борьбѣ руководиться лишь тѣмъ, что ви-

*) Такъ, напримѣръ, крупные торговые дома болѣе оказали вліянія на методы мелкихъ и среднихъ предпріятій, чѣмъ поглотили ихъ.

димъ вокругъ себя. Изъ анализа происходящаго передъ нами развитія и его тенденцій партія формируетъ свою программу и затѣмъ борется за ея осуществленіе со всей возможной энергіей. Она борется не въ мечтѣ завтра же захватить кормило правленія, но въ стремленіи обезпечить рабочему классу все ростущее вліяніе на законодательство и на всю общественную жизнь, завоевать для него лучшія условія существованія. Нелѣпо видѣть въ борьбѣ за политическую власть единственно борьбу за полное и исключительное господство въ государствѣ. Прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до этого, придется пройти черезъ много этаповъ, и никто иной, какъ Фридрихъ Энгельсъ, однажды замѣтилъ: мы принимаемъ также плату въ разсчетъ (Abschlugszahlung).

* * *

Парвусъ обвинилъ меня также въ томъ, что если я не отрицаю принципіально колоніальную политику, то это значитъ, что я ее на самомъ дѣлѣ защищаю. Какова логика! Это то же самое, какъ если бы я совѣтовалъ бороться противъ колоніальной политики, *потому* что она замедляетъ переворотъ существующаго общества, а также опровергаетъ всякое *принципіальное* сопротивленіе расширенію рынковъ. На самомъ дѣлѣ я ничего еще не защищаю, а лишь признаю возможность случаевъ, когда соціалъ-демократія не имѣетъ никакого основанія бороться противъ мѣръ пріобрѣтенія новыхъ рынковъ. Я требую фактической критики колоніальной политики, а не такой, которая исходитъ изъ заранѣе составленнаго утопическаго представленія.

Политическія партіи и экономическіе интересы въ Англіи.

(1897 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая статья, какъ видно изъ ея вступительныхъ строкъ, представляетъ отвѣтъ на статью Капелюша *), въ которой послѣдній вносилъ поправки въ мое изложеніе отношеній англійскихъ партій. Капелюшъ въ своей статьѣ о „Промышленности и финансахъ" хотѣлъ исправить мое изложеніе и дать истинное объясненіе лежащихъ въ основаніи этого изложенія фактовъ. Если я рѣшился написать въ отвѣтъ Капелюшу цѣлую статью, то меня побудило къ этому не только то обстоятельство, что изложеніе Капелюша находится въ прямомъ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, но главнымъ мотивомъ возраженія было то, что авторъ, очевидно, былъ жертвой метода, который тогда свирѣпствовалъ въ соціалистической литературѣ и ошибочность и вредоносность котораго сознавались мною все съ большей ясностью. Чтобы окрестить какъ-нибудь этотъ методъ, я назову его супра-марксистской конструкціей исторіи. Ученіе о господствѣ экономики надъ политикой, воспринятое отъ хозяйственнаго либерализма, и развитое въ теоріи классовой борьбы, стало догматомъ вѣры, съ помощью котораго исторія не объяснялась, но конструирова-

*) Die Neue Zeit, 1896—97. Bd. II pag. 324.

лась шаблоннымъ образомъ на основанiи нѣкоторыхъ *симптомовъ*. Двѣ три формулы изъ арсенала марксизма считались этими людьми отмычкой, съ помощью которой, полагали они, можно конструировать историческiя явленiя съ такой же непогрѣшимостью, съ какой зоологъ, на основанiи нѣскольких костей, опредѣляетъ классъ, къ которому принадлежитъ животное. Распространилась настоящая манiя разыгрывать изъ себя Кювье исторической теорiи и повела къ невѣроятнымъ утвержденiямъ.

Принадлежа къ той же школѣ и нѣсколько причастный къ развитiю зла, я не могъ рѣшиться явиться передъ публикой въ качествѣ обвинителя, тѣмъ болѣе, что это повело бы меня къ критикѣ, которая казалась мнѣ неудобной по личнымъ соображенiямъ. Поэтому я ограничивался тѣмъ, что мимоходомъ отмѣчалъ опасности увлеченiй этимъ методомъ. Однако, сдержанность формы моихъ предостереженiй была совершенно не вѣрно понята тѣми, для кого эти предостереженiя главнымъ образомъ предназначались.

Работа Капелюша, которая въ одномъ мѣстѣ направлена была прямо противъ меня, дала мнѣ желанный поводъ, пойти нѣсколько дальше въ своей критикѣ. Во всякомъ случаѣ, лишь немного дальше. Все еще не желая разыгрывать роль критика своей собственной школы, я ограничился отвѣтомъ лишь на тотъ пунктъ, въ которомъ авторъ—я не скажу—напалъ на меня, но, слѣдуя господствующему полемическому прiему, свысока „исправилъ“ мое изложенiе. Итти въ своемъ отвѣтѣ дальше мнѣ не хотѣлось отчасти еще потому, что въ статьѣ Капелюша видны были во всякомъ случаѣ способность къ работѣ и не совсѣмъ заурядный талантъ. Она была все-таки лучше, чѣмъ другiя работы, страдающiя тѣмъ же недостаткомъ, и потому мнѣ не хотѣлось выставлять ее общимъ типомъ ложнаго метода. Тому, кто хотѣлъ понять меня, моя статья говорила и безъ того достаточно ясно.

Изъ нея, именно, не трудно было видѣть, къ чему долженъ привести методъ Капелюша. Къ какимъ нелѣпымъ, противорѣчащимъ фактамъ, выводамъ долженъ прiйдти всякiй, кто руководствуется столь односторонне понимаемой теорiей историческаго матерiализма. Слѣдуя знаменитымъ образцамъ,

особенно одному русскому писателю, котораго онъ много разъ цитируетъ вообще супрамарксизмъ достигъ своей классической высоты въ Россіи—Капелюшъ очень легко справляется съ анализомъ партій. Въ области экономики онъ признаетъ живое развитіе, создающее постоянно новыя отношенія, при чемъ значеніе этого развитія иногда имъ преувеличивается; но, какъ только онъ переходитъ отъ хозяйства къ политикѣ, его изложеніе становится стереотипнымъ. Политическая партія защищаетъ извѣстную иностранную политику, въ этой политикѣ заинтересована извѣстная хозяйственная группа—слѣдовательно, названная партія защищаетъ интересы этой группы не только въ этомъ спеціальномъ вопросѣ, но вообще интересы этой группы или этого класса, слѣдовательно, она является партіей этой экономической категоріи. Религіозныя вліянія, правовыя понятія, выработанныя исторіей, національные экономическіе принципы—все это ничто рядомъ съ дѣйствительными или мнимыми повседневными интересами хозяйственныхъ группъ, независимо отъ характера политическихъ учрежденій страны и отъ отношенія силы этихъ группъ къ силѣ другихъ факторовъ общественной жизни. Вліянія, имѣющія большое значеніе для извѣстной области политики—въ данномъ случаѣ для экономической политики—объявляются безъ долгихъ разсужденій, путемъ ссылки на олицетворенія хозяйственныхъ категорій, также рѣшающими въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ они фактически играютъ лишь подчиненную роль. При подобномъ методѣ неизбѣжно, что даже очень тонкій анализъ, покоющійся на основательномъ изслѣдованіи нѣкоторыхъ сторонъ хозяйственной жизни, приходитъ къ совершенно ложнымъ выводамъ. Статья Капелюша, какъ уже было замѣчено, вовсе не представляетъ плохой работы; она содержитъ даже очень интересныя страницы, но въ своихъ даже наиболѣе основательныхъ выводахъ она не свободна отъ ошибокъ. Такъ, напримѣръ, при анализѣ англійской міровой политики совершенно упущено вліяніе одной промышленной категоріи, на которую, правда, Марксъ обратилъ мало вниманія, но которая теперь играетъ значительную роль—это—*капиталъ морского транспорта*. Далѣе, работа Капелюша была бы яснѣе, если

бы онъ на мѣсто слова „финансы“ поставилъ—подобно сенъ-симонистамъ—слово „банки“, другими словами, если бы онъ рядомъ съ финансами въ узкомъ смыслѣ этого слова подчеркнулъ роль банковъ, или денежныхъ тузовъ. Это между прочимъ. Причины, побудившія меня включить отвѣтъ Капелюшу въ настоящій сборникъ, отмѣчены уже выше. Дѣло идетъ о выясненіи опасности метода, который во время составленія статьи, казалось, сдѣлался моднымъ въ марксистской школѣ и оказывалъ вредное вліяніе на работы даже способныхъ людей. Наиболѣе грубыя проявленія этой моды, какъ кажется, теперь исчезаютъ. Тѣмъ не менѣе, она еще имѣетъ своихъ представителей, и поэтому появленіе настоящей статьи не совсѣмъ безполезно.

* * *

Въ статьѣ: „Вывозъ товаровъ и вывозъ капиталовъ“ Капелюшъ пишетъ, приведя мое замѣчаніе относительно разницы между южно-африканской политикой англійскихъ радикаловъ и консерваторовъ: „Но разница между двумя направленіями заключается не только въ выборѣ средствъ, не въ набожномъ миролюбіи нонконформистовъ—она имѣетъ реальное экономическое основаніе. Радикалы являются представителями капитала, вложеннаго въ иностранную промышленность и заграничные займы... они не имѣютъ никакого основанія для страха передъ молодыми капиталистическими странами, они даже извлекаютъ большія выгоды изъ ихъ протекціонизма, потому что ихъ молодая, ростущая промышленность доставляетъ имъ во все увеличивающемся размѣрѣ проценты и дивиденды. Наоборотъ, консерваторы являются представителями собственно англійской промышленности, товарнаго экспорта, въ противоположность экспорта капитала“. А въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ въ отвѣтъ на проведенную мною параллель между политикой названныхъ партій на Критѣ и Южной Африкѣ: „Фактъ этой противоположности не можетъ быть объясненъ однимъ указаніемъ на вражду къ Германіи; подобное объясненіе было бы простымъ измѣненіемъ постановки того же вопроса. Различное отношеніе англійскихъ радикаловъ и консерваторовъ

къ политикѣ на Критѣ и Южной Африкѣ можетъ быть объяснено только посредствомъ указаннаго выше противорѣчія интересовъ промышленнаго и финансоваго капитала".

Такимъ образомъ, по мнѣнію Капелюша, англійскіе радикалы, какъ партія, защищаютъ интересы финансоваго капитала противъ интересовъ промышленнаго капитала, интересы экспорта капитала противъ интересовъ экспорта товаровъ. Другими словами, радикалы защищаютъ интересы рантье и финансистовъ противъ интересовъ промышленныхъ предпринимателей, и *только* эта противоположность можетъ объяснить противоположность политики англійскихъ радикаловъ политикѣ англійскихъ консерваторовъ.

Такимъ образомъ, выходитъ, что англійскіе радикалы противились насильственнымъ дѣйствіямъ въ Трансваалѣ и требовали присоединенія Крита къ Греціи не въ противорѣчіи съ миромъ финансовъ, а изъ особой любви къ послѣднему. Признаюсь, что это для меня ново. Нигдѣ буры не преслѣдуются съ такой ненавистью, нигдѣ англійскіе радикалы не изображаются такими черными красками, какъ въ финансовыхъ листкахъ. Съ другой стороны, общеизвѣстный фактъ, что ничто не повредило такъ лорду Розбери у радикаловъ, ничто не содѣйствовало такъ сильно его паденію, какъ тотъ фактъ, что онъ зять Ротшильда.

Крупные финансисты Англіи въ настоящее время консерваторы или либеральные утописты. Со времени отдѣленія виговъ отъ либерально-радикальной партіи (1886 г.) финансовые тузы въ рядахъ послѣдней такъ же рѣдки, какъ крупные фабриканты въ рядахъ соціалъ-демократовъ. Какъ разъ, въ противоположность утвержденію Капелюша, радикалы имѣютъ еще многихъ сторонниковъ среди представителей промышленнаго капитала. Я бы могъ привести здѣсь цѣлый рядъ именъ, но полагаю будетъ лучше представить дѣленіе парламентскихъ группъ по профессіямъ.

По „Constitutional Jarbook" за 1897 г. партіи британскаго парламента заключали:

	Консерваторовъ.	Либеральныхъ уніонистовъ.	Либераловъ и радикаловъ.
Представителей земельн. собств.	93	8	18
Служащихъ на государств. службѣ (въ арміи, флотѣ, дипломатическомъ корпусѣ, чиновникахъ)	48	4	3
Юристовъ	84	17	49
Книготорговцевъ и издателей газетъ	8	1	6
Банкировъ, биржевыхъ маклеровъ, финансовыхъ агентовъ	15	4	1
Крупныхъ торговцевъ и др. заинтересованныхъ въ торговлѣ	22	10	19
Фабрикантовъ, гражданскихъ инженеровъ и владѣльцевъ заводовъ	34	14	32
Шахтовладѣльцевъ	2	3	8
Пивоваровъ, водочныхъ заводчиковъ, винныхъ торговцевъ	13	2	4
Кораблевладѣльцевъ	8	3	5
Врачей и преподавателей	3	—	9
Писателей и журналистовъ	2	2	8
Мелкихъ торговцевъ	—	—	1
Бухгалтеровъ	—	—	1
Наемныхъ рабочихъ	—	—	10
Безъ профессіи	7	1	5
Неизвѣстныхъ профессій	—	—	1
Всего	339	69	180

Если это и не даетъ вполнѣ вѣрной картины соціальнаго состава партій, то во всякомъ случаѣ оно можетъ служить ихъ приблизительной характеристикой.

Общее число консерваторовъ и уніонистовъ въ теперешнемъ парламентѣ относится къ числу радикальныхъ либераловъ какъ 7 : 3. Если мы посмотримъ, какъ представлены въ этихъ двухъ группахъ интересы различныхъ хозяйственныхъ категорій, то окажется, что земельная собственность, высшая государственная служба, спиртное производство и финансы больше всего представлены первой, т. е. консервативной и уніонистской группой. Довольно равномѣрно представлены въ обѣихъ группахъ интересы кораблевладѣльцевъ, крупныхъ торговцевъ и юристовъ. Въ радикальной же группѣ представлены въ значительно большей степени, чѣмъ

въ консервативно-уніонистской, фабриканты и шахтовладѣльцы; сюда же почти цѣликомъ входятъ врачи, литераторы, преподаватели и рабочіе.

Можно очень многое сказать объ аномаліяхъ парламентскаго представительства, но тотъ фактъ, что изъ 20 представителей финансоваго міра (изъ которыхъ 15 банкировъ) 19 входятъ въ уніонистскую картель и только одинъ банкиръ присоединился къ либеральнымъ радикаламъ, былъ бы немыслимъ, если бы послѣдніе защищали особые интересы финансоваго капитала противъ промышленныхъ интересовъ. Точно также, какъ согласить съ теоріей Капелюша тотъ фактъ, что въ радикальной партіи, рядомъ съ единственнымъ банкиромъ, находится 32 фабриканта, 8 шахтовладѣльцевъ. 19 крупныхъ торговцевъ и 5 кораблевладѣльцевъ? Эти факты находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ утвержденіями Капелюша.

Можно, конечно, сказать, важно не то, *кто* эти люди, но *что* они *дѣлаютъ*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы становимся для теоріи Капелюша на очень опасную почву. Каждый классъ имѣетъ своихъ потерянныхъ овецъ или, если угодно, бѣлыхъ вороновъ, но когда 19 бѣлыхъ вороновъ приходится на 1-го чернаго, тогда... прекращается естественная исторія.

Посмотримъ, однако, ближе на одно изъ дѣйствій радикаловъ, на которомъ Капелюшъ основываетъ свою теорію, именно, на введенную въ 1895 г. кабинетомъ Розбери пошлину на ввозимыя въ Индію изъ Англіи ткани; эта мѣра принесла въ жертву интересамъ англійскаго капитала, вложеннаго въ индусскую промышленность, интересы англійской промышленности. Разсматриваемый, какъ отдѣльное мѣропріятіе, этотъ фактъ, дѣйствительно, можетъ явиться въ такомъ свѣтѣ. На самомъ же дѣлѣ, либерально-радикальный кабинетъ Гладстона—Розбери, или, что тоже, государственный секретарь Индіи, лордъ Кимберлей, желали еще въ 1894 г. *отмѣнить* въ числѣ другихъ пошлинъ также взимаемую съ 1875 г. пошлину на ввозимыя ткани. Но противъ этого возстали фабриканты и націоналисты Индіи, обвиняя правительство въ томъ, что оно жертвуетъ интересы Индіи интересамъ Ланкашира. Такъ какъ сверхъ того въ бюджетѣ Индіи, благодаря паденію валюты, существовалъ

все ростущій дефицитъ, а обложеніе народа новымъ налогомъ было нежелательно, то новый государственный секретарь, серъ Генри Фоулеръ, сынъ методисткаго священника, занявшій въ это время мѣсто лорда Кимберлея, согласился снова ввести пошлины на ткани. Но теперь подняли крикъ фабриканты Ланкашира, обвинившіе правительство въ томъ, что оно жертвуетъ ихъ интересами интересамъ Индіи, и консерваторы, конечно, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы возбудить населеніе Ланкашира противъ радикаловъ. Достигнувъ власти, консерваторы, однако, не отмѣнили пошлины, но прибѣгли къ мѣрѣ, которая способна была, по замѣчанію Фоулера въ его бюджетной рѣчи 1894 года, придать пошлинѣ характеръ охранительной пошлины, именно, они ввели соотвѣтственную пошлину на ввозимыя изъ Индіи ткани. Дѣйствія Фоулера, конечно, можно критиковать, но эти дѣйствія явились отказомъ отъ предпринятой радикальными либералами попытки уничтоженія тарифныхъ границъ, а не развитіемъ опредѣленныхъ принциповъ хозяйственной политики. Въ текстильной промышленности Ланкашира вложено нѣсколько больше *либеральнаго* капитала—не говоря уже о консерваторахъ—чѣмъ во всѣхъ текстильныхъ фабрикахъ Бомбея. Утвержденіе, что билль „имѣлъ цѣлью поднять доходы англійскихъ промышленныхъ капиталовъ въ Индіи въ ущербъ собственно англійской промышленности“, опровергается уже тѣмъ простымъ фактомъ, что дѣло вовсе не шло о введеніи какой либо новой пошлины. Билль былъ лишь средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія и больше ни чѣмъ. Русскій писатель, цитируемый Капелюшемъ, въ своемъ дешевомъ, заграничномъ радикализмѣ совершенно извращаетъ вещи.

Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробный разборъ специальной теоріи, развитію которой посвящена статья Капелюша. Для этого слѣдуетъ подождать конца его во всякомъ случаѣ интереснаго изслѣдованія. Я ограничусь, поэтому, лишь тѣми мѣстами его статьи, въ которыхъ авторъ полемизируетъ со мной, и по отношенію къ которымъ слѣдующія главы работы Капелюша не могутъ внести ничего новаго. Разъ роли обѣихъ партій распредѣлены, въ дальнѣйшемъ можетъ итти рѣчь лишь о подробностяхъ и примѣненіяхъ.

Я полагаю, впрочемъ, что мои предыдущія разсужденія не только не уничтожаютъ или ослабляютъ основную мысль Капелюша, но скорѣй подкрѣпляютъ ее.

Если бы было справедливо утвержденіе, что либералы защищаютъ преимущественнно интересы экспортнаго капитала, а консерваторы—интересы товарнаго экспорта, то было бы не понятно, при постоянно возрастающемъ значеніи экспорта капитала, почему въ Англіи за послѣдніе десять лѣтъ господствуютъ консерваторы, а не люберальы; даже ссылка на демократическое избирательное право здѣсь не помогаетъ дѣлу, потому что значеніе консервативной партіи въ салонахъ, въ благородныхъ клубахъ, на биржѣ- еще болѣе, чѣмъ въ парламентѣ. Въ аристократическихъ частяхъ города выбираются лишь консерваторы, Лондонскій Сити—консервативенъ, биржевая пресса—консервативна, и крупныя ежедневныя изданія при помощи финансовъ все болѣе и болѣе переходятъ въ руки консерваторовъ *). Всѣ эти явленія были бы необъяснимы, если бы предлагаемое Капелюшемъ дѣленіе было правильно.

На самомъ дѣлѣ, однако, консерваторы защищаютъ въ общемъ интересы обоего рода капиталовъ, интересы какъ экспортирующаго, такъ и экспортированнаго капитала, какъ финансовъ, такъ и промышленности. Сведеніе политической группировки къ хозяйственнымъ интересамъ въ томъ видѣ, какъ это дѣлаетъ Капелюшъ, въ современной Англіи совершенно невозможно. Противорѣчіе между финансами и промышленностью здѣсь ни въ какомъ случаѣ не больше, чѣмъ противорѣчія между отдѣльными отраслями промышленности. Существуютъ отрасли промышленности, которыя заинтересованы въ свободной торговлѣ, другія же—въ покровительственныхъ пошлинахъ. Существуютъ финансовые интересы, тѣсно связанные съ интересами экспортирующей промышленности, и другіе -нисколько не связанные съ промышленностью. Съ другой стороны, обѣ соперничающія партіи такъ велики, что онѣ заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ величайшія

*) Спеціально для Лондона отношеніе консервативной прессы къ радикальной равно приблизительно 3:1, если еще не больше. „Pall Mall Gazette“ принадлежитъ финансисту Астору, „Sun“—финансисту Гулей, который превратилъ ее изъ радикальной газеты въ консервативную.

экономическія противорѣчія *). Поэтому всякая попытка болѣе спеціальной экономической классификаціи этихъ партій ведетъ къ ошибочнымъ выводамъ; лишь самые общіе хозяйственно-политическіе интересы должны быть приняты во вниманіе при подобной классификаціи, но и при этомъ необходимо соблюдать величайшую осторожность.

Именно благодаря необыкновенному богатству Англіи и многочисленности ея капиталистическаго класса, отдѣльныя группы послѣдняго не борются между собой въ томъ смыслѣ, какъ это изображаетъ Капелюшъ; изображаемая имъ картина скорѣй соотвѣтствовала бы гораздо *болѣе ранней ступени* развитія. Уменьшеніе противорѣчій интересовъ внутри капиталистическаго лагеря еще усиливается необыкновеннымъ развитіемъ акціонерныхъ промышленныхъ предпріятій: очень немногіе капиталисты вкладываютъ свои деньги лишь въ одинъ родъ бумагъ. Большинство и особенно наиболѣе крупные капиталисты покупаютъ, какъ государственныя бумаги, такъ и акціи частно-промышленныхъ предпріятій, какъ отечественныя, такъ и иностранныя „цѣнныя“ бумаги. Такъ, напр., одинъ изъ современныхъ финансовыхъ тузовъ, владѣетъ одновременно минами въ Испаніи, заводами—въ Соединенныхъ Штатахъ, плантаціями—въ Бразиліи, цѣнными бумагами самыхъ различныхъ государствъ и сверхъ того земельной собственностью въ Англіи и разнообразными акціями англійскихъ промышленныхъ предпріятій. Какъ можетъ знать этотъ человѣкъ, что болѣе въ его интересахъ: свободная торговля или охранительныя пошлины? Если бы

---

*) Сравнительно значительно большое число владѣльцевъ угольныхъ шахтъ въ радикальной парламентской фракціи, напр., не служитъ препятствіемъ тому, что большинство представителей отъ горнорабочихъ находятся въ этой же партіи. „Либеральные“ горнорабочіе борются между собой не менѣе ожесточенно, чѣмъ консервативные и либеральные землевладѣльцы. [Въ только что имѣвшихъ мѣсто выборахъ въ парламентъ (октябрь, 1900) либералы въ Сендерлендѣ выставили двухъ кандитатовъ—вліятельнаго кораблевладѣльца и рядомъ—вождя организованныхъ корабельныхъ плотниковъ *М. А. Вильке.* Въ другомъ округѣ Норденгленда, либеральный избирательный комитетъ пригласилъ сначала для кандитатуры землевладѣльца, а когда послѣдній отказался, то вождя горнорабочихъ. Число этихъ примѣровъ можно было бы еще увеличить].

ему задали такой вопросъ, то, вѣроятно, онъ принужденъ былъ бы спросить, какъ старый Ротшильдъ, своего секретаря: „Мейеръ, что я думаю объ этомъ вопросѣ? „Лишь очень ничтожная доля капиталистическаго класса имѣетъ свои особые интересы, такъ чтобы можно было говорить объ основной противоположности ея интересовъ, интересамъ всѣхъ остальныхъ капиталистовъ. Вообще же противорѣчіе интересовъ внутри капиталистическаго класса, улаживается домашнимъ способомъ, при чемъ, конечно, случаются очень рѣзкія столкновенія. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ принадлежность къ той или иной группѣ интересовъ оказываетъ вліяніе на партійное положеніе; въ томъ случаѣ, когда это положеніе не опредѣляется общими для всѣхъ группъ интересами, большую роль играютъ идеологическіе факторы.

Если ужъ пожелаютъ дать экономическую характеристику обѣимъ крупнымъ англійскимъ партіямъ, то консерваторовъ и уніонистовъ можно назвать партіей собственности, радикаловъ же—партіей промышленности. Но такъ какъ собственники желаютъ заниматься промышленностью, промышленники же желаютъ владѣть собственностью, то предлагаемое раздѣленіе крайне неопредѣленно, и представитель собственности, который въ состояніи терпѣть политику радикаловъ, можетъ такъ же легко находиться въ ихъ рядахъ, какъ представитель промышленности можетъ находиться среди консерваторовъ, если найдетъ, что послѣдніе лучше охраняютъ его интересы.

Англійскіе либералы и радикалы особенно высоко цѣнятъ экономическій принципъ *свободы торговли*. Въ свободной же торговлѣ заинтересованы самые различные классы и хозяйственныя группы: какъ опредѣленныя группы рабочихъ, такъ и группы фабрикантовъ, торговцевъ и финансистовъ. Возможно поэтому, что радикалъ, какъ послѣдователь теоріи свободы торговли, защищаетъ интересы финансистовъ противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ интересовъ фабрикантовъ. Но это случайное совпаденіе, какъ *слѣдствіе* его партійнаго положенія, а не какъ опредѣляющій *мотивъ* послѣдняго, точно такъ же, какъ иногда соціалъ-демократъ защищаетъ интересы, которые ему совершенно

чужды. Да и въ подобныхъ случаяхъ дѣло идетъ не о финансахъ и не о промышленности въ цѣломъ, а о нѣкоторыхъ финансовыхъ или промышленныхъ группахъ и о соотвѣтствующихъ интересахъ. Если, напр., радикалъ въ борьбѣ противъ биметалистической агитаціи, поддерживаемой фабрикантами Ланкашира, указываетъ на то, что Англія, какъ заимодавецъ всего міра, при введеніи биметализма потерпитъ убытки, то онъ это дѣлаетъ не въ качествѣ адвоката финансистовъ, но потому, что въ своей борьбѣ онъ прибѣгаетъ ко всѣмъ аргументамъ, говорящимъ противъ биметализма. То же, когда онъ говоритъ, что если должники Англіи вообще могутъ уплатить проценты, то они должны это сдѣлать лишь своими товарами. Но, что онъ даетъ финансистамъ своей *хозяйственной политикой*, то самое онъ отнимаетъ у нихъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ своей *политикой налоговъ*.

Англійская партія, желающая управлять страной, должна принимать во вниманіе всѣ крупные національные интересы, и потому радикалы, находясь у власти, не могутъ игнорировать интересы англійскихъ собственниковъ иностранныхъ бумагъ. Они должны ихъ охранять такъ же, какъ это должны дѣлать и консерваторы. Иногда даже они должны ихъ охранять еще больше, чѣмъ консерваторы, потому что, если они этого не сдѣлаютъ, то послѣдніе подымутъ страшный крикъ. Непослѣдовательность и измѣна своему собственному дѣлу представляютъ прелести англійской партійной системы. Обѣ партіи чаще всего дѣлаютъ то, чего онѣ менѣе всего желаютъ. Поэтому, менѣе всего о нихъ можно судить на основаніи отдѣльныхъ мѣропріятій.

Англійскіе радикальные защитники свободы торговли— противники боевыхъ пошлинъ, потому что они убѣждены, что на этомъ пути нельзя остановиться, что пошлины не устраняютъ зла, противъ котораго онѣ направлены, но ухудшаютъ его. Далѣе, они противъ того, чтобы навязывать колоніи съ помощью вооруженной силы какую-либо экономическую политику. Это обстоятельство, рядомъ съ ихъ борьбой противъ идеи государственнаго таможеннаго союза, внушаетъ многимъ мысль о ихъ равнодушіи къ интересамъ англійской промышленности. Но они утверждаютъ — и едва

ли ошибочно—что государственный таможенный союзъ скорѣй повредитъ англійской промышленности, чѣмъ поможетъ ей, что онъ вызоветъ столкновенія, теперь не существующія, и что онъ испортитъ торговыя сношенія Англіи съ такими странами, въ которыя она теперь вывозитъ болѣе, чѣмъ во всѣ свои колоніи, взятыя вмѣстѣ (Австралію, Канаду, Южную Африку). Болѣе тѣснаго сближенія колоній съ метрополіей они ожидаютъ отъ предоставленія имъ полной политической и экономической автономіи и, кажется, они не ошибаются. Если же англійскіе капиталисты, вложившіе свои деньги въ колоніальныя предпріятія, выгадываютъ отъ автономіи колоній, то это лишь случайное совпаденіе. Именно радикальные защитники свободной торговли *рѣшительнѣйшимъ образомъ возстаютъ* противъ попытокъ поставить англійскую торговую политику въ зависимость отъ вложеннаго въ иностранныя предпріятія англійскаго капитала.

„Правда“, пишетъ „Financial Reform Almanack“ за 1897 г. въ статьѣ о цѣнности торговли съ колоніями, „что колоніи— главнымъ образомъ Австралія — выдали (въ обмѣнъ на англійскіе товары) большую сумму денегъ, потому что мы имъ дали взаймы капиталъ. Нѣкоторые изъ англійскихъ заимодавцевъ думаютъ, что не слѣдовало бы такъ легко вкладывать деньги въ колоніальныя предпріятія. Во всякомъ случаѣ, онѣ (колоніи) покупали въ нашей странѣ, потому что мы имъ давали за ихъ деньги наилучшіе товары. Но торговля съ ними нисколько не выгоднѣе, чѣмъ со всѣми другими чужими странами, и далеко не такъ велика. Мы вывезли въ Канаду на сумму 7 милл. фунтовъ стерлинговъ, въ Южную Африку—на сумму 9 милл., въ Австралію — на сумму 17 милл. Но въ томъ же году (1894 г.) нашъ экспортъ въ три презираемыя (защитниками идеи государственнаго таможеннаго союза) страны былъ слѣдующій: въ Соед. Штаты—30 милл., въ Германію—29 милл., во Францію— 19 милл.“. А въ другомъ мѣстѣ читаемъ слѣдующее: „Но къ чему итти дальше? Простой фактъ, что мы владѣемъ почти всей торговлей, которую наши колоніи ведутъ съ другими странами, достаточно ясно показываетъ, что эта торговля почти исключительно заключается въ продуктахъ, которые

мы или совсѣмъ не можемъ производить или же не можемъ производить такъ хорошо, какъ другія страны, и что эта торговля и въ будущемъ будетъ направляться въ тѣ же страны. Замѣтное расширеніе нашей торговли съ колоніями можетъ произойти только вмѣстѣ съ ростомъ населенія послѣднихъ, но мы не можемъ подвергать опасности наши торговыя сношенія съ другими странами въ ожиданіи, что черезъ нѣсколько поколѣній населеніе колоній умножится настолько, что онѣ станутъ на мѣсто иностранныхъ рынковъ".

„Financial Reform Almanack" является выразителемъ хозяйственно-политическихъ идей англійскихъ радикаловъ. Ни изъ программныхъ заявленій послѣднихъ, ни изъ ихъ поступковъ или связей не слѣдуетъ, что они защищаютъ интересы финансовъ противъ интересовъ промышленности.

Реалистическій и идеологическій моментъ въ соціализмѣ.

(1898 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Тема, которой посвящена помѣщенная ниже статья, обсуждалась въ послѣднее время съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Особенно обращаютъ, въ этомъ отношеніи, вниманіе работа Антоніо Лабріола „Essais sur la conception materialist de l'histoire" (Paris, Giard et Brière), затѣмъ статьи Сореля и Кроче, напечатанныя въ „Devenir social" и, наконецъ, появившаяся нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Deutschen Worten" статья д-ра Шидловскаго: „Zur Geschichte und Kritik des Marxismus".

Въ послѣдней статьѣ, авторъ, между прочимъ, пишетъ, что наступило время для „примѣненія теоріи познанія къ философіи исторіи", для „постановки вопроса о границахъ нашего философско-историческаго познанія". Не знаю, была ли готова работа Бакса, когда послѣдній писалъ свою извѣстную статью въ „Wiener Zeit", вызвавшую возраженіе Каупкаго; во всякомъ случаѣ полемика Бакса съ Каупкимъ и особенно статья послѣдняго: „Vas kann und soll die materialistische Geschichtsauffassung leisten?", много способствуетъ выясненію этого спеціальнаго вопроса. Что касается помѣщенной ниже статьи, то она не преслѣдовала этой цѣли. Я хотѣлъ въ ней изслѣдовать, какъ это видно изъ заглавія, лишь вопросъ о значеніи идеологическаго и

реалистическаго момента въ современномъ соціализмѣ; поводомъ же къ статьѣ послужили возраженія, появившіяся въ нѣсколькихъ партійныхъ газетахъ, на мое замѣчаніе о „конечной цѣли соціализма“. Если статья касается мимоходомъ гносеологической области, то это происходитъ исключительно вслѣдствіе практической необходимости установить понятіе „идеологіи“, но статья не претендуетъ отвѣтить на поднятый Шидловскимъ вопросъ. Очень интересная статья послѣдняго попала мнѣ въ руки, когда моя замѣтка была уже почти готова. Будучи въ вопросахъ гносеологіи профаномъ, я не претендую на большее значеніе, чѣмъ то, которое могутъ имѣть для уясненія вопроса мысли профана, считая нужнымъ заявить, что я многимъ обязанъ статьѣ Конрада Шмидта въ научномъ приложеніи къ „Vorwärts'у“. На мой взглядъ девизъ: „Назадъ къ Канту“ до извѣстной степени приложимъ и къ теоріи соціализма.

Если мѣстами моя статья слишкомъ растянута и излагаетъ общеизвѣстныя истины, то это происходитъ изъ желанія избѣжать, по возможности, недоразумѣній. Приступая снова къ просмотру проблемъ соціализма, я совершенно согласенъ съ проф. Масарикомъ, который въ своей статьѣ: „Научный и философскій кризисъ современнаго марксизма“ (Wiener Zeit) говоритъ слѣдующее: „Этотъ кризисъ можетъ стать для соціализма источникомъ великой силы. Подобно всѣмъ партіямъ реформъ, соціализмъ черпаетъ свои жизненныя силы въ очевидныхъ недостаткахъ современнаго общественнаго строя. До тѣхъ поръ, пока этотъ источникъ не изсякнетъ, борющаяся соціалистическая партія—соціалъ-демократія, — не должна бояться теоретической самокритики“.

* * *

I.

Верде, издатель Бальзака, разсказываетъ, что однажды Бальзакъ прервалъ своего друга, писателя Жюля Сандо, бесѣдовавшаго съ нимъ о своей сестрѣ, слѣдующимъ замѣчаніемъ: „*Все это прекрасно, но вернемся лучше къ дѣйствительности; поговоримъ о Евгеніи Грандѣ*“ (героиня романа

Бальзака). Для автора „Человѣческой комедіи", наиболѣе реальнаго изъ всѣхъ реалистовъ, творца современнаго натурализма, персонажи его романовъ были живыми лицами. При всѣхъ возможныхъ случаяхъ онъ говорилъ о нихъ, не какъ о созданіяхъ фантазіи, но какъ о настоящей „дѣйствительности".

Такое парадоксальное отношеніе къ вещамъ мы встрѣчаемъ очень часто, хотя не всегда въ такой же рѣзкой формѣ. Не нужно также быть особенно глубокимъ психологомъ, чтобы объяснить это явленіе; философы и психологи подвергли анализу лежащія въ основѣ его душевныя движенія. Когда мысль человѣка интенсивно занята какой-нибудь идеей, то послѣдняя все больше и больше пріобрѣтаетъ для него свойства реальности, хотя бы онъ отлично сознавалъ что это только мысль; это можетъ дойти до того, что теряется различіе между реальнымъ только въ представленіи и реальнымъ въ дѣйствительности или даже, что послѣднее отчасти становится „понятіемъ", первое же пріобрѣтаетъ всѣ аттрибуты дѣйствительности. Это душевное состояніе изображено Гете въ слѣдующихъ словахъ:

Was ich besitze, seh'ich wie im Weiten
Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten" *).

Но это стремленіе смотрѣть на продуманное, какъ на реальное, мы встрѣчаемъ не только у поэтовъ, романистовъ, художниковъ, однимъ словомъ, у людей съ развитой фантазіей. Никто не свободенъ отъ него и часто менѣе всего тотъ, кто увѣренъ, что стоитъ выше его. Какими матеріалистами мы бы ни были, едва мы переходимъ отъ банальныхъ повседневныхъ истинъ къ глубокимъ проблемамъ жизни, немедленно должны обратиться къ обычной аргументаціи „идеалистовъ". Мы должны имѣть дѣло уже не съ чувственно воспринимаемыми фактами, но съ выводами нашего разсудка, съ „идеями", за которыми мы можемъ лишь подозрѣвать дѣйствительность съ большей или меньшей вѣроятностью, но не доказать ее. Такимъ образомъ, всякій матеріализмъ имѣетъ лишь условное значеніе, и тотъ, кто

*) То, чѣмъ я владѣю, я вижу какъ бы изъ-дали, а что исчезло, то становится для меня дѣйствительностью.

не признаетъ этого—ближе къ спиритуалистическому образу мысли, чѣмъ тотъ, кто это открыто признаетъ. Для перваго его выводы, представленія и мыслимые образы являются объективными вещами. Кантъ, трансцендентальный идеалистъ, на самомъ дѣлѣ былъ гораздо болѣе послѣдовательнымъ реалистомъ, чѣмъ многіе изъ защитниковъ такъ называемаго естественно-научнаго матеріализма. Онъ призналъ за опытнымъ міромъ его полное право на существованіе; онъ не создалъ понятія „вещи въ себѣ“, лежащей за предѣлами нашей познавательной способности, это произошло задолго до него—но скорѣй ограничилъ его, и проведенная имъ граница въ принципѣ существуетъ и въ настоящее время. Всѣ критики до сихъ поръ возставали либо противъ второстепенныхъ пунктовъ теоріи, либо противъ ея ложнаго толкованія. Великіе успѣхи химіи и физики со времени Канта не разрѣшили проблемы матеріи, но оставили это рѣшеніе за предѣлами опыта. Современные физики и химики знаютъ больше объ атомѣ, чѣмъ древніе философы, но они не утверждаютъ, что атомъ на самомъ дѣлѣ ἄτομον, т. е. недѣлимъ. Его недѣлимость и тѣлесность—лишь предположенія, удобно объясняющія извѣстные физическіе и химическіе процессы; но возможно и другое объясненіе, что доказывается существованіемъ динамической теоріи, защищаемой извѣстными естествоиспытателями, теоріи, по которой атомы—лишь пространственно раздѣленные центры группъ силъ, дѣйствующихъ другъ на друга. Ничто не мѣшаетъ предположить, что атомы химическихъ элементовъ разложимы на атомы наиболѣе легкаго элемента, напр., водорода или же на атомы міровово эфира. О послѣднемъ положительно извѣстно очень мало, его существованіе—лишь предположеніе, къ которому физики вынуждены прибѣгнуть благодаря *закону причинности*, т. е. *логическому закону*, объективное существованіе котораго такъ же мало можетъ быть доказано, какъ существованіе пространства и времени, но такъ же мало можетъ быть отрицаемо; это—неизбѣжныя предпосылки научнаго познанія вещей, такъ сказать, заповѣдь практическаго разума.

Однимъ словомъ, чистый или абсолютный матеріализмъ такъ же спиритуалистиченъ, какъ чистый или абсолютный

идеализмъ. И тотъ и другой отождествляютъ мышленіе и дѣйствительность, хотя исходные пункты ихъ различны. Въ концѣ концовъ они различаются лишь въ способахъ выраженія. Новѣйшіе матеріалисты, напротивъ, подобно крупнѣйшимъ изъ современныхъ естествоиспытателей, рѣшительно становятся на почву философіи Канта *). Если большая часть естествоиспытателей избѣгаетъ теперь называть себя матеріалистами, то это является либо уступкой обычному предразсудку, либо же объясняется тѣмъ, что они опасаются употреблять терминъ, съ которымъ связано представленіе о безусловномъ культѣ матеріи. Однако современные физики отбросили также понятіе силы, замѣнивъ его понятіемъ энергіи, хотя съ представленіемъ о силѣ не связано никакихъ подобныхъ предразсудковъ. Съ болѣе точнымъ разграниченіемъ понятій дѣлаются необходимыми новыя названія; ничего нѣтъ хуже и ничто не вызываетъ такъ недоразумѣній, какъ желаніе оставить старыя названія для новаго пониманія вещей. Введенный Гексли терминъ агносцизмъ (отъ ἄγνοστος—непознаваемый) представляетъ болѣе общій образъ мысли, чѣмъ опредѣленное теоретическое убѣжденіе. Всякій научный изслѣдователь, какъ таковой, агностикъ, т. е. считаетъ послѣднія причины вещей непознаваемыми. Введенный въ новѣйшее время, если не ошибаемся, Гекелемъ терминъ *монизмъ* свободенъ какъ отъ этой неопредѣленности, такъ и отъ вызываемыхъ словомъ „матеріализмъ“ недоразумѣній; онъ приписываетъ послѣдней субстанціи міра, называемъ ли мы ее матеріей, или какъ-нибудь

*) Напр., Strecker, который въ своей книгѣ: Welt und Weisheit“ хотя и полемизируетъ съ Кантомъ, но въ концѣ концовъ кончаетъ совершенно въ духѣ Канта: „*мы вѣримъ* въ атомъ“. Изъ числа естествоиспытателей назовемъ Benj. Vetter'a, зоолога, извѣстнаго редактора „Kosmos'a“, который на стр. 32 и 146 своего сочиненія: „Die moderne Weltauschauung и человѣкъ“ заявляетъ совершенно въ духѣ Канта: „Сила, субстанція, пространство и время, безконечная дѣлимость, передача движенія отъ одного тѣла къ другому и т. д.—все это произвольные или вынужденные свойствами нашего воспріятія знаки и выраженія, посредствомъ которыхъ мы производимъ наши вычисленія и прекрасно передаемъ другъ другу свои мысли, не постигая однако ихъ первичнаго и настоящаго смысла, который навсегда останется для насъ непостижимымъ.

иначе, единство протяженія жизни („души“) *). Безъ этой предпосылки объясненіе возникновенія сознанія едва ли было бы возможно иначе, чѣмъ путемъ сверхъестественнаго вмѣшательства.

Вернемся, однако, къ соціализму. Никто не отрицаетъ того, что первоначально соціализмъ былъ чистѣйшей идеологіей. Каковы бы ни были внѣшнія причины, побудившія отдѣльныхъ лицъ къ созданію соціалистическихъ плановъ и теорій и массы къ воспріятію этихъ ученій—ихъ обоснованіе было чисто идеологическое; христіанство, справедливость, равенство—вотъ „идеи“, во имя которыхъ требовались эти измѣненія.

Что измѣнило въ этомъ научное зданіе современнаго соціализма, подъ которымъ надо понимать созданное Марксомъ и Энгельсомъ и основанное на историческомъ матеріализмѣ ученіе? Покончило ли это ученіе со всякой идеологіей въ соціализмѣ? Очень многіе отвѣтятъ утвердительно и не затруднятся въ доказательствахъ своего утвержденія.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ“, пишетъ Энгельсъ въ своемъ введеніи къ „Анти-Дюрингу“, т. е. съ открытіемъ того, „что вся прошедшая исторія была исторіей классовой борьбы“, что эта борьба коренится въ *экономическихъ* отношеніяхъ соотвѣтственной эпохи и что „экономическая структура общества образуетъ реальное основаніе, изъ котораго должна быть объяснена въ послѣднемъ счетѣ вся надстройка изъ политическихъ и правовыхъ учрежденій, равно какъ религіозныхъ, философскихъ и другихъ представленій;“ вмѣстѣ съ этимъ открытіемъ „*идеализмъ былъ изгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища—изъ пониманія исторіи*: было дано матеріалистическое пониманіе исторіи и найденъ путь для объясненія сознанія людей изъ ихъ бытія, вмѣсто того чтобы объяснять ихъ бытіе изъ сознанія“ **). Если эту фразу можно еще толковать въ томъ смыслѣ, что она относится лишь къ *объясненію* историческихъ и проч. явленій, то у Энгельса и Маркса нѣтъ недостатка и въ такихъ выраженіяхъ, которыя направлены противъ всякаго рода раньше развитыхъ

*) Ср. статью Штерна: „Экономическій и естественно-историческій матеріализмъ“. Die Neue Zeit 1896—97 Bd. II стр. 301.

**) Anti-Dühring. 3. Aufl. pag 12.

идей объ устройствѣ соціалистическаго общества, противъ всякой попытки вывести соціалистическія требованія изъ правовыхъ или этическихъ воззрѣній и противъ признанія постоянныхъ основныхъ принциповъ нравственности. Рядомъ съ различными заявленіями въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ особенно важна въ этомъ отношеніи слѣдующая фраза Маркса въ письмѣ по поводу проекта Готской программы: „я остановился подробнѣе „на полномъ доходѣ отъ труда“, на „равномъ правѣ“ и его „справедливомъ распредѣленіи“, чтобы показать, насколько велико преступленіе, когда реалистическое пониманіе, которое съ такимъ трудомъ привито партіи и которое уже пустило въ ней корни, снова извращается идеологической, правовой и иной фразеологіей, столь обычной у демократовъ и французскихъ соціалистовъ“.

Кажется, нельзя болѣе рѣзко отрицать идеологію. Спрашивается, однако, дѣйствительно ли марксизмъ далъ и могъ дать то, что утверждается въ приведенной фразѣ?

Прежде всего очевидно, и это было хорошо извѣстно Марксу,—что, за исключеніемъ чисто инстинктивной дѣятельности, люди не дѣлаютъ ничего, чего бы они предварительно не придумали въ головѣ. Отличіемъ самаго плохого каменьщика отъ пчелы, пишетъ Марксъ въ „Капиталѣ“, является то, что первый сначала готовитъ домъ въ головѣ, прежде чѣмъ начать его постройку. То, что здѣсь сказано относительно каменьщика, безусловно справедливо относительно всѣхъ дѣйствій человѣка, разсчитанныхъ на болѣе или менѣе отдаленное будущее. Они представляютъ выполненіе плановъ, намѣреній, *идей*. Само собой разумѣется, что эти идеи могутъ быть очень различны; они могутъ корениться въ очень низкихъ побужденіяхъ или же въ очень возвышенныхъ безкорыстныхъ побудительныхъ мотивахъ, въ основаніи ихъ могутъ лежать воображаемыя или дѣйствительныя отношенія—но всякая причина нашихъ поступковъ, проходя черезъ голову, становится идеей или рядомъ идей. „Непослѣдовательность его (стараго матеріализма) состоитъ не въ томъ, что имъ были признаны *нормальныя движущія силы*, но въ томъ, что эти послѣднія не были сведены къ своимъ движущимъ причинамъ“. Такъ говоритъ Энгельсъ въ своей ра-

ботѣ о Фейербахѣ. „Вліянія внѣшняго міра на людей“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „отражаются въ его головѣ, какъ чувства, мысли, влеченія, волевые акты, однимъ словомъ, какъ идеальныя теченія, и въ этой формѣ они становятся идеальными силами. Если то обстоятельство, что человѣкъ слѣдуетъ „идеальнымъ влеченіямъ“ и „идеальнымъ силамъ“—если это его дѣлаетъ идеалистомъ, *то всякій немного нормальный человѣкъ—идеалистъ*, да и какъ, вообще, могутъ тогда еще существовать матеріалисты“?

Здѣсь не мѣсто разбираться подробнѣй въ заключительной фразѣ. Обратимъ вниманіе лишь на то, что вліяніе „идеальныхъ силъ“ на дѣятельность Энгельсъ считаетъ вполнѣ нормальнымъ фактомъ. Критерій, дозволяющій различать допустимыя идеальныя вліянія отъ недопустимыхъ, лежитъ въ самихъ идеальныхъ теченіяхъ.

Какія „идеальныя силы“ историческій матеріализмъ признаетъ справедливыми движущими силами соціалистическаго движенія?

Прежде всего, конечно, *интересъ*. На первый взглядъ, названіе интереса идеальнымъ факторомъ, можетъ, покажется простой игрой понятіями. Но, во-первыхъ, для того, чтобы интересъ служилъ движущимъ мотивомъ для присоединенія къ извѣстному движенію, онъ долженъ быть *сознательнымъ*; индивидъ долженъ имѣть „идею“ о своемъ интересѣ, чтобы рѣшиться на соотвѣтствующее ему дѣйствіе; во-вторыхъ, дѣло идетъ о посредственномъ, а не чисто личномъ интересѣ. Это даже не профессіональный интересъ, но интересъ всего *класса*, и охраненіе его требуетъ, по крайней мѣрѣ, временнаго пожертвованія *личными* выгодами. Такимъ образомъ, интересъ, который предполагаетъ марксизмъ, тѣсно связанъ съ *соціальнымъ* или *этическимъ* элементомъ и въ этомъ смыслѣ является не только *интеллектуальной*, но также и моральной—коротко—идеальной силой.

Вторая „идеальная сила“ соціализма уже была упомянута; это—*познаніе*. Идеальный характеръ этой силы—очевиденъ; но дѣло идетъ не только объ общей *способности* познанія, но о вполнѣ *опредѣленномъ* родѣ познанія, о воспріятіи *опредѣленныхъ* идей о государствѣ, обществѣ, хозяйствѣ, исторіи. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о „пролетаріатскихъ“ идеяхъ;

часто даже въ партійной литературѣ высказывается взглядъ, по которому эти идеи не только восприняты большинствомъ рабочихъ культурныхъ странъ, но что онѣ представляютъ какъ бы прирожденное свойство ума современнаго рабочаго. Но такой взглядъ въ лучшемъ случаѣ является метафорой, идеалогическимъ образомъ для дѣйствительнаго процесса. Отъ Бабефа до Маркса и Лассаля исторія теоріи соціализма имѣетъ лишь два крупныхъ творческихъ ума, вышедшихъ изъ рядовъ рабочихъ это—Прудонъ и Вейтлингъ. Первый въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ названъ „буржуазнымъ соціалистомъ“, второй же въ настоящее время можетъ возбудить лишь любопытство историка. Сенъ-Симонъ, Овенъ, Фурье, которыхъ Энгельсъ называетъ предшественниками научнаго соціализма, не принадлежали къ рабочему классу, точно такъ же, какъ самъ Энгельсъ и Марксъ. Какъ ни незначительно само по себѣ это обстоятельство, но мы должны указать на него въ виду того, что отмѣченная выше метафора обыкновенно совпадаетъ съ такимъ примѣненіемъ слова „наука“ къ теоріи современнаго соціализма, которое можетъ повести къ недоразумѣніямъ. О „научномъ соціализмѣ“ говорится въ такомъ духѣ, какъ будто это уже вполнѣ законченная наука. На самомъ дѣлѣ это выраженіе заключаетъ рядомъ съ *опредѣленіемъ* еще *постулатъ*. Всякая наука, какъ таковая, должна быть „агностической“; поскольку она не ограничивается, какъ нѣкоторые отдѣлы филологіи, строго опредѣленнымъ и отграниченнымъ матеріаломъ, она не можетъ считать своихъ результатовъ *конечными*. Поэтому Энгельсъ въ своемъ произведеніи: „Развитіе соціализма“ въ концѣ второй главы опредѣляетъ соціализмъ, какъ науку, которую нужно разрабатывать дальше во всѣхъ ея подробностяхъ.

Часто это упускается изъ виду. Далѣе, часто забывается, что всякая наука требуетъ высокой степени умственнаго безпристрастія. Я нарочно говорю: „высокой степени“, потому что полное безпристрастіе невозможно, и соціальная наука, менѣе чѣмъ какая-либо иная, можетъ отказаться отъ опредѣленнаго образа мысли. Но она требуетъ изслѣдованія фактовъ, свободнаго отъ всякаго предвзятаго мнѣнія. Въ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи“ Марксъ

замѣчаетъ, что при входѣ въ храмъ науки должна быть поставлена надпись:

„Qui si convien lasciar ogni sospetto
Ogni viltà convien che qui sia morta“. *)

Свободны ли отъ идеологіи, по крайней мѣрѣ, „пролетаріатскія идеи“, т. е. соціалистическое пониманіе государства, общества, экономіи, исторіи идеологіи? Нисколько. Реалистическія по своему направленію, т. е. обращая преимущественно вниманіе на матеріальные факторы развитія, онѣ все-таки представляютъ мысленныя отраженія, выводы, опирающіеся на раскрытую съ помощью мысли связь фактовъ, и поэтому *необходимо окрашены идеологіей*. Если споры объ экономическомъ матеріализмѣ что-либо выяснили, такъ это, какъ правильно замѣтилъ Кауцкій въ своей статьѣ: „Was will und kann die materialistische geschichtsauffassung leisten?“, что сложность объясняемыхъ явленій дѣлаетъ для отдѣльнаго лица задачу ихъ всесторонняго выясненія прямо таки неразрѣшимой. Ни одинъ человѣкъ не можетъ представить себѣ вполнѣ точную картину внѣшняго міра. Поэтому ни одна общественная теорія не можетъ считаться со всѣми подробностями соціальной жизни; всегда приходиться необходимо пропустить безъ вниманія нѣкоторый остатокъ. Изслѣдуются лишь тѣ факты, которые опредѣляютъ общественную жизнь *въ послѣднемъ счетѣ*, и не нужно скрывать отъ себя, что за этимъ словомъ: „въ послѣднемъ счетѣ“

---

*) „Здѣсь нужно оставить всякую злобу и похоронить всякую низость“.

Соціализмъ, какъ наука, имѣетъ другія задачи, чѣмъ соціалъ-демократія, какъ борющаяся партія. Послѣдняя, охраняя опредѣленные интересы, должна быть до извѣстной степени догматической и нетерпимой. Ея рѣшенія, приноровленныя для дѣйствія, имѣютъ обязательную силу до тѣхъ поръ, пока она не отмѣнитъ или не измѣнитъ ихъ сама. То же относится къ тѣмъ параграфамъ ея программы, которые устанавливаютъ характеръ и стремленія партіи. Но по отношенію къ своимъ научнымъ предпосылкамъ она можетъ требовать лишь условнаго признанія, потому что научное изслѣдованіе должно стремиться *указывать путь партіи*, а не *плестись за ней въ хвостѣ*. Этимъ, само собой, не требуется исключительныхъ правъ для лицъ, занимающихся спеціально научнымъ изслѣдованіемъ. Изслѣдователемъ, въ нашемъ смыслѣ, является *всякій*, кто занимается теоретическимъ изслѣдованіемъ основъ движенія.

скрываются очень многія видоизмѣненія. Во всякомъ случаѣ, часто обращаютъ слишкомъ мало вниманія на это примѣчаніе: „въ послѣднемъ счетѣ“.

Сдѣлаемъ, однако, шагъ впередъ. Марксистская теорія считаетъ современнаго промышленнаго рабочаго настоящимъ потенціальнымъ носителемъ соціализма. Его хозяйственное положеніе, его положеніе на фабрикѣ, гдѣ машина уничтожаетъ различія стараго ремесла и все болѣе и болѣе нивеллируетъ рабочихъ, создаетъ въ немъ, такъ сказать, необходимо образъ мысли и стремленія, совокупность которыхъ и есть соціализмъ. Въ широкомъ, общеисторическомъ смыслѣ это несомнѣнно вѣрно. Мы повсюду можемъ наблюдать симптомы и тенденціи этого процесса. И все-таки, какъ сильно отличается дѣйствительность отъ картины, которая вытекаетъ изъ этой теоріи. Почти во всѣхъ странахъ ядромъ и активными элементами соціалистическаго движенія долгое время являются рабочіе не наиболѣе развитыхъ отраслей промышленности, но относительно отставшихъ или побочныхъ производствъ. Рабочіе сигарныхъ фабрикъ, столяры, сапожники, мелкіе хозяева, рабочіе домашней текстильной промышленности, переплетчики и т. под. составляли въ Германіи въ теченіе десятилѣтій ядро соціалъ-демократическаго движенія. Обыкновенно объясняли этотъ фактъ то невѣжествомъ, то угнетеннымъ положеніемъ фабричнаго рабочаго. Но въ современной Англіи фабричный рабочій въ политическомъ смыслѣ нисколько не зависимъ, въ матеріальномъ же отношеніи его положеніе нисколько не хуже, чѣмъ положеніе рабочихъ въ среднемъ и мелкомъ производствѣ, и тѣмъ не менѣе послѣдніе и здѣсь почти вездѣ составляютъ ядро соціализма. На умственное настроеніе рабочихъ оказываютъ вліяніе еще иныя обстоятельства, которыя нельзя замѣтить при поверхностномъ обзорѣ, такъ называемые „невѣсомые факторы“. Такъ, напр., „нивеллировка“ далеко не такъ далеко проникла въ массу современныхъ фабричныхъ рабочихъ, какъ обыкновенно предполагаютъ. Наоборотъ, именно въ наиболѣе развитыхъ фабричныхъ производствахъ мы встрѣчаемъ цѣлую іерархію дифференцированныхъ рабочихъ, при чемъ между отдѣльными группами чувство солидарности развито очень умѣренно.

II.

Жизнь рабочаго протекаетъ не только на фабрикѣ и въ мастерской; и чѣмъ больше она разыгрывается за предѣлами фабрики, тѣмъ большее вліяніе на образъ мысли рабочаго оказываютъ внѣфабричныя условія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать—нисколько не сходя съ почвы историческаго матеріализма,—что болѣе короткій рабочій день англійскаго рабочаго, въ связи съ распространенной въ Англіи системой рабочихъ коттеджей, оказываетъ сильное противодѣйствіе коллективистскому сознанію. Разговоры съ англійскими рабочими дали много примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль. Однимъ изъ „невѣсомыхъ", но тѣмъ не менѣе не незначительныхъ факторовъ, оказывающихъ вліяніе на партійную жизнь и образъ мысли англійскаго рабочаго, является необыкновенное распространеніе и *демократизированіе* въ Англіи *спорта*. Въ другихъ странахъ участіе въ спортѣ принимаютъ лишь ограниченные классы населенія, въ Англіи же имъ занимается широкая публика. Правда, содержаніе бѣговыхъ лошадей составляетъ привиллегію зажиточныхъ классовъ, большинство же держитъ пари и лишь косвенно заинтересовано въ бѣгахъ; поэтому примѣненіе слова „демократизація „къ бѣговому спорту покажется нѣкоторымъ злоупотребленіемъ словомъ. Но за то оно можетъ быть во всякомъ случаѣ употреблено въ примѣненіи къ крикету и игрѣ въ мячъ. Эти игры имѣютъ вполнѣ демократическій и національный характеръ, и классовыя противорѣчія отступаютъ въ нихъ на второй планъ. На ежегодныхъ играхъ сходятся толпами представители самыхъ различныхъ классовъ, и нигдѣ эти игры не носятъ такого общенаціональнаго характера, какъ, именно, въ центральныхъ промышленныхъ графствахъ Англіи; въ смыслѣ этого общаго характера эти игры уже не разъ сравнивались съ Олимпійскими празднествами *).

---

*) Въ послѣднее время къ игрѣ въ крикетъ и въ мячъ прибавился, какъ извѣстно, велосипедный спортъ, оказывающій аналогичное вліяніе. Но велосипедъ, кажется, будетъ имѣть еще иное соціально-политическое значеніе. Въ какой степени они соединяютъ деревню съ городомъ—объ этомъ могутъ разсказать летучіе агитаторы. Въ Англіи, въ которой до послѣдняго времени неудержимо совершалось обезлюденіе деревни, те-

Даже сильно аристократическій характеръ древнихъ университетовъ Оксфорда и Кембриджа не мѣшаетъ тому, что половина страны слѣдитъ съ живѣйшимъ интересомъ за ежегоднымъ состязаніемъ въ бѣгахъ между студентами обоихъ названныхъ университетовъ и жадно читаетъ извѣстія о томъ, побѣдилъ свѣтло-синій или темно-синій цвѣтъ. Сколько нѣмецкихъ рабочихъ интересуются гребной гонкой, напр., между одиннадцатью лейпцигскими и одиннадцатью берлинскими студентами? Кромѣ мѣстныхъ жителей развѣ еще тѣ, кто самъ занимается спортомъ. Иначе въ Англіи; и этотъ всеобщій интересъ къ спорту, о которомъ говоритъ уже распространеніе прессы, посвященный вопросамъ спорта, смягчаетъ и въ другихъ областяхъ жизни рѣзкость противорѣчій.

Рядомъ съ традиціонной любовью англичанъ ко всякаго рода спорту, существуетъ рядъ другихъ исторически выработанныхъ факторовъ, которые смягчаютъ или, если угодно, „извращаетъ" вліяніе производственныхъ отношеній на образъ мысли и дѣйствія рабочихъ. Сюда слѣдуетъ отнести, между прочимъ, исторію политическихъ учрежденій Англіи, характеръ и исторію ея партій и въ высокой степени характеръ и исторію ея религіозныхъ общинъ.

Реальный рабочій нуждается въ извѣстномъ напряженіи абстрагирующей мысли, чтобы вполнѣ освоиться съ образомъ мысли тѣхъ пролетаріевъ, которыхъ предполагаетъ теорія, такъ какъ для этого онъ долженъ абстрагировать отъ дѣйствующихъ на него мѣстныхъ и національныхъ особенностей и историческихъ вліяній. Онъ воспринимаетъ этотъ образъ мысли легче, чѣмъ члены другихъ классовъ, потому что онъ соотвѣтствуетъ его классовому положенію, но это міровоззрѣніе не вытекаетъ непосредственно изъ условій его жизни, а является выводомъ изъ тѣхъ особенностей этихъ условій, которыя общи рабочимъ всѣхъ современныхъ культурныхъ странъ. Поэтому вытекающія изъ этихъ общихъ условій пролетаріата идеи о государствѣ,

---

перь въ послѣднихъ повсюду вырастаютъ и процвѣтаютъ трактиры и другія промышленныя заведенія, разсчитанныя на велосипедистовъ. Это развитіе должно еще ускориться съ удешевленіемъ и распространеніемъ автомобилей.

обществѣ, партіяхъ и т. д. необходимо отличаются въ значительной степени отъ тѣхъ идей, которыя составляются объ этихъ вещахъ въ головѣ рабочаго естественнымъ путемъ, независимо отъ теоріи. Такимъ образомъ, то, что мы называемъ „*пролетаріатскимъ міровоззрѣніемъ*", для пролетаріевъ является въ началѣ—*идеологіей*.

Возьмемъ конкретный примѣръ. Намъ кажется вполнѣ естественнымъ пролетаріатскимъ воззрѣніемъ мысль, что наемный рабочій эксплуатируется предпринимателемъ. На самомъ дѣлѣ требуется долгое развитіе для того, чтобы дѣло явилось рабочему въ этомъ свѣтѣ. Сначала рабочій считаетъ, что его эксплуатируютъ лишь въ томъ случаѣ, когда съ него требуютъ за обычное вознагражденіе особой услуги или когда обыкновенная работа оплачивается ниже средняго. Если же онъ получаетъ плату, дозволяющую ему прилично жить сообразно традиціоннымъ требованіямъ его класса, то для него довольно безразлично въ какомъ отношеніи находится его заработная плата къ цѣнѣ продукта его труда, и ростъ богатства его работодателя кажется ему вполнѣ законнымъ *). Его правовое чувство не возмущается этимъ даже если онъ не одобряетъ неравное распредѣленіе богатства. *Общее* противорѣчіе между богатымъ и бѣднымъ производитъ на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ спеціальное различіе между работодателемъ и наемнымъ рабочимъ.

Это приводитъ насъ къ третьему идеологическому фактору соціализма, именно, къ *нравственному сознанію* или къ *правовымъ воззрѣніямъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы касаемся настоящаго пункта разногласій, потому что никто не будетъ принципіально отрицать роли *интереса и познанія*, тогда какъ въ вопросѣ о значеніи *нравственнаго сознанія* для соціалъ-демократической борьбы въ литературѣ современнаго соціализма высказываются очень различныя мнѣнія.

*) Въ Англіи, рабочіе которой мало склонны къ абстрактному мышленію и въ которой болѣе распространенъ девизъ: „A fair day's wage for a fair day's work" чѣмъ идея „право на полный продуктъ труда", въ промышленныхъ округахъ капиталистическій предприниматель, слывущій за „fair employer'a", имѣетъ всѣ шансы попасть въ Парламентъ, даже въ томъ случаѣ, когда ему противопоставляется представитель рабочихъ союзовъ; недавнимъ примѣромъ можетъ служить избраніе Бернслея (Йоркширъ)

Такъ напр., „Манифестъ“ и другія произведенія Маркса и Энгельса той же эпохи, относятся, на первый взглядъ, вполнѣ отрицательно къ поднятому нами вопросу; почти также отрицательно, какъ и Штирнеръ, съ той только разницей, что на мѣсто „я“ Штирнера, становятся „классъ или партія пролетаріата“. Не дѣлая особыхъ насилій надъ логикой, можно изъ „Манифеста“ и Нищеты философіи сдѣлать выводы, которые изъ нихъ сдѣлалъ Бакунинъ. Но и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Маркса и Энгельса старательно избѣгается прямой призывъ къ нравственнымъ мотивамъ. Основываясь на этомъ, профессоръ Зомбартъ считаетъ отличительнымъ признакомъ марксистскаго соціализма его „антиэтическую тенденцію“; выраженіе, на нашъ взглядъ выбрано неудачно (потому что оно вызываетъ представленіе, будто марксизмъ не имѣетъ ничего общаго съ этикой), но въ томъ смыслѣ, въ которомъ его употребляетъ Зомбартъ, т. е. для обозначенія противоположности марксизма съ ученіями, выводящими соціализмъ изъ этическихъ принциповъ, оно вполнѣ правильно. Въ теоріи Маркса нигдѣ нѣтъ ссылки на этику (какъ на основную силу).

Наоборотъ. Во многихъ мѣстахъ этика упоминается лишь для того, чтобы показать ея непригодность. Въ „Капиталѣ“ купля и продажа рабочей силы, въ которой рабочій „выноситъ на рынокъ свою шкуру“, называется актомъ, при которомъ господствуютъ „свобода, равенство, собственность и Бентамъ“, а относительно обстоятельства, что рабочая сила можетъ произвести больше, чѣмъ она сама стоитъ, тамъ же сказано, что „это лишь особое счастье для покупателя, но *ни въ какомъ случаѣ не несправедливость по отношенію къ продавцу*“. Въ письмѣ, по поводу Готской программы, Марксъ замѣчаетъ по поводу требованія „справедливаго распредѣленія продукта труда“ относительно существующаго распредѣленія: „Развѣ оно не является единственно справедливымъ распредѣленіемъ при существующемъ способѣ производства?“ А Энгельсъ объявляетъ въ предисловіи къ нѣмецкому изданію „Нищеты философіи“, что выведеніе коммунистическихъ требованій изъ того факта, что рабочій не получаетъ въ заработной платѣ эквивалента своего труда, съ экономической точки зрѣнія, *формально не вѣрно*, по-

тому что *„оно является примѣненіемъ этики къ политической экономіи“*. Подобныя же и даже еще болѣе сильныя выраженія встрѣчаются въ „Анти-Дюрингѣ“ и въ статьѣ о „Квартирномъ вопросѣ“.

На первый взглядъ, это отрицательное отношеніе теоріи къ этикѣ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ практикой марксизма. Никто не будетъ отрицать того, что въ „Капиталѣ“ находится масса замѣчаній, въ основаніе которыхъ положено *этическое сужденіе*. Это справедливо уже по отношенію къ выраженію *„эксплуатація“* въ примѣненіи къ отношенію капиталиста къ наемному рабочему, такъ какъ со словомъ „эксплуатація“, въ примѣненіи къ взаимнымъ отношеніямъ людей, связано представленіе о *несправедливомъ* присвоеніи, о *чрезмѣрной выгодѣ*. Въ популярныхъ же изложеніяхъ Маркса прибавочная стоимость прямо называется *грабежомъ, воровствомъ, мошенничествомъ*. Капиталистическій предприниматель, даже если онъ очень честный („fair“) работодатель, является человѣкомъ, присваивающимъ прибавочную стоимость, которая ему не принадлежитъ, рабочій же, даже принадлежащій къ очень хорошо оплачиваемымъ слоямъ рабочаго класса, лишается часто того, что ему принадлежитъ по праву. Правда, что при случаѣ, дѣлается добавленіе, что капиталистъ лично не виновенъ въ присвоеніи, такъ какъ онъ поступаетъ такъ, какъ онъ въ правѣ поступать при существующихъ отношеніяхъ, созданныхъ не имъ, но, именно, въ этомъ извиненіи скрывается мысль, что присвоеніе прибавочной стоимости—*несправедливость*. Экономическая объективность ученія о прибавочной стоимости существуетъ поэтому лишь для абстрактнаго изслѣдователя. Но какъ только дѣло переходитъ къ примѣненію этого ученія, оно немедленно становится этической проблемой, въ какомъ видѣ оно всегда и является въ представленіи массъ*). По

*) Послѣднее, впрочемъ, относится ко всей трудовой теоріи стоимости. Это подтверждается тѣмъ, что соціалистическіе защитники трудовой теоріи стоимости напали на критиковъ этой теоріи, исходящихъ изъ ученія о предѣльной полезности, съ чисто нравственной точки зрѣнія; они проявили въ этой полемикѣ нравственное возмущеніе, которое въ противномъ случаѣ совершенно не мотивировано. Въ этой критикѣ они увидѣли лишь попытку затемнить нравственное значеніе теоріи прибавочной стоимости. Съ другой стороны, трудовая теорія стоимости отри-

этому поводу Энгельсъ замѣчаетъ въ предисловіи къ „Нищетѣ Философіи“: „Если нравственное сознаніе массы считаетъ экономическій фактъ несправедливымъ, какъ было въ свое время съ рабствомъ и крѣпостничествомъ, то это служитъ доказательствомъ того, что факты эти пережили самихъ себя, что народились новые экономическіе факты, въ силу которыхъ первые сдѣлались непригодными и невыносимыми“. Эта фраза отводитъ нравственному сужденію массы извѣстное значеніе при признаніи историческаго права за экономическими фактами; многіе защитники идеалистическихъ теорій остались бы довольны этимъ заявленіемъ, если бы оно не приписывало нравственному сужденію лишь функцію термометра, лишеннаго собственно движущей силы *).

Если мы внимательнѣй присмотримся къ указанному факту и спросимъ себя: почему въ настоящемъ обществѣ очень многіе считаютъ несправедливымъ присвоеніе капиталистами прибавочной стоимости, то мы принуждены будемъ сдѣлать еще дальнѣйшія уступки идеализму или идеологіи.

цается многими защитниками существующаго изъ-за того только, что она неудобна для прибавочной стоимости. Это видно изъ того, что въ большинствѣ случаевъ они совершенно не касаются слабаго мѣста теоріи, распространяясь лишь на тему о полезной функціи рабочаго и капиталиста.

*) Для пониманія этого вопроса, а также всей теоріи стоимости Маркса очень важно слѣдующее заявленіе въ I т. „Капитала“: „*Тайна выраженія стоимости*, равенство и равное значеніе всѣхъ родовъ труда, потому что и поскольку они представляютъ человѣческій трудъ, *можетъ быть открыта* только тогда, когда понятіе *человѣческаго равенства* обладаетъ уже прочностью *народнаго предразсудка*“. (Capital, I. 4. Aufl. 26).

Это же возможно, продолжаетъ Марксъ, лишь въ обществѣ, въ которомъ товарная форма стала общей формой продукта труда, въ которомъ люди противопоставляются другъ другу какъ владѣльцы товаровъ. Поэтому Аристотель, жившій въ обществѣ, покоившемся на нервномъ трудѣ, хотя и постигъ своимъ геніемъ, что въ отношеніи стоимости скрывается отношеніе равенства, но не могъ открыть въ чемъ состоитъ это отношеніе равенства. Противъ этого утвержденія говоритъ слѣдующее замѣчаніе Аристотеля, пропущенное Марксомъ: „Во сколько разъ трудъ и искусство архитектора превосходитъ трудъ и искусство сапожника, столько паръ сапогъ должно быть уплачено за одинъ домъ“. Гдѣ этого нѣтъ, не могъ бы существовать обмѣнъ и, слѣдовательно, никакой общественный союзъ (Этика Никомаха). Этотъ примѣръ показываетъ, какъ легко можно преувеличить зависимость идеологіи отъ существующей формы хозяйства.

Фактъ прибавочной *стоимости* не сознается массами, такъ какъ онъ затемняется механизмомъ капиталистическаго хозяйства. Если соціалистическіе писатели мануфактурной и еще болѣе раннихъ эпохъ высказывали мысли, въ которыхъ уже скрывается идея прибавочной стоимости, то это объясняется простотой и прозрачностью хозяйственныхъ отношеній того времени. Въ новое время тотъ фактъ, что заработная плата рабочаго представляетъ нѣчто совершенно отличное отъ продукта труда этого рабочаго, былъ открытъ теоретиками буржуазной политической экономіи, которые пришли къ этой мысли изъ анализа стоимости товара. Наоборотъ, фактъ *прибавочной работы* былъ всегда понятенъ рабочему. Если онъ ничего не имѣлъ противъ этого факта принципіально, то практически и условно онъ часто протестовалъ противъ него, другими словами, онъ возставалъ не противъ *самого факта* прибавочнаго труда, но противъ его *степени*. Въ самомъ же фактѣ прибавочнаго труда еще не скрывается для него никакого побудительнаго мотива для борьбы съ нимъ. Иное дѣло *съ прибавочной стоимостью*. Разъ рабочій узнаетъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не получаетъ въ заработной платѣ *стоимости* своей работы, то этимъ оскорбляется его естественное чувство справедливости, потому что въ понятіи стоимости скрывается *нравственный* элементъ, *представленіе о равенствѣ и справедливости*. Это возмущеніе *можетъ* быть, конечно, выраженіемъ того, что система наемнаго труда пережила самое себя, но оно *не должно быть необходимо этимъ*. То, что система пережила самое себя, было для Англіи шестьдесятъ лѣтъ назадъ однимъ предположеніемъ, тѣмъ не менѣе среди англійскихъ рабочихъ того времени было сильно распространено стремленіе устранить ее.

Въ нравственномъ сознаніи массъ скрывается *симптомъ* хозяйственнаго развитія. Нравственныя понятія болѣе постоянны, чѣмъ это развитіе, и до извѣстной степени—именно, благодаря своей консервативности—*независимы* отъ послѣдняго. Сказанное относится, между, прочимъ къ понятію справедливаго въ большей степени, чѣмъ это признавали Марксъ и Энгельсъ *).

*) Противъ утвержденія Маркса, что существующее распредѣленіе

Поэтому справедливость является еще и теперь очень сильнымъ мотивомъ соціалистическаго движенія, да и вообще ни *одно длящееся движеніе массъ не существуетъ безъ нравственнаго побужденія*. Извѣстно и установлено опытомъ, что наиболѣе дѣятельные элементы соціалистическаго движенія набираются изъ тѣхъ слоевъ рабочихъ и др. классовъ населенія, которые менѣе всего въ немъ нуждаются;

продуктовъ является „единственно справедливымъ" при существующемъ способѣ производства, Лотмаръ возражаетъ въ своей поучительной статьѣ о справедливости, что Марксъ смѣшиваетъ съ понятіемъ справедливаго, понятіе „правомѣрнаго", „согласнаго съ правомъ". Съ точки зрѣнія аристотелевскаго пониманія справедливости, какъ относительнаго равенства, которое принимаетъ Лотмаръ, распредѣленіе можетъ быть тѣмъ не менѣе не справедливымъ. Бенедето Кроче въ своей статьѣ въ „Devenir social:" „Изложеніе и критика нѣкоторыхъ положеній марксизма" (Fevrier et mars 1898) замѣчаетъ, что, какъ ни правильно данное марксизмомъ общее объясненіе условій нравственнаго развитія, тѣмъ не менѣе спеціальные взгляды его на нравственныя проблемы во многихъ отношеніяхъ ошибочны. Марксъ и Энгельсъ, полагаетъ Кроче, „не были моральными философами и не занимались особенно много вопросами этики... Въ самомъ дѣлѣ, если возможно писать о теоріи познанія Маркса то было, по моему, совершенно безнадежнымъ предпріятіемъ писать объ этическихъ принципахъ Маркса и Энгельса". Мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію. Марксъ и Энгельсъ касались этическихъ вопросовъ лишь полемически, при критикѣ противоположныхъ точекъ зрѣнія, и потому въ ихъ произведеніяхъ преобладаютъ лишь отрицательныя заявленія — выясненіе того, чего нравственность *не* представляетъ. При подобной полемической точкѣ зрѣнія были неизбѣжны преувеличенія и крайности. Въ концѣ концовъ Энгельсъ призналъ въ своемъ „Анти-Дюрингѣ", что соціальное развитіе принесло съ собой *прогрессъ нравственности*, чѣмъ онъ одновемренно призналъ, что въ нашемъ воззрѣніи существуетъ мѣрило нравственности, независимое отъ историческихъ обстоятельствъ; а Марксъ въ статутъ интернаціоналя внесъ фразу, которая говоритъ, что члены Международной ассоціаціи должны соблюдать по отношенію другъ къ другу и по отношенію ко всѣмъ людямъ „*правду, право и нравственность*".

Коснувшись статьи Кроче, я не могу не вспомнить здѣсь прекрасныхъ разъясненій автора относительно несправедливаго отношенія къ наукѣ со стороны многихъ „научныхъ" соціалистовъ, которыя онъ дѣлаетъ вслѣдъ за Лабріола. Чтобы прекратить это явленіе, Лабріола предложилъ замѣнить выраженіе: „научный соціализмъ" новымъ: „критическій коммунизмъ". Первая половина моей статьи была уже напечатана, когда я получилъ окончаніе статьи Кроче. Въ противномъ случаѣ я бы ограничился передачей его относящихся къ этому вопросу соображеній.

это—люди, которые, по приблизительному вычисленію, при равномъ распредѣленіи существующаго общественнаго дохода, прежде всего, потеряли бы. Что ихъ привлекаетъ къ соціализму, такъ это стремленіе къ болѣе планомѣрному и справедливому общественному строю, и при ближайшемъ изслѣдованіи окажется, что въ девяти случаяхъ изъ десяти болѣе *справедливый* общественный строй стоитъ на первомъ планѣ. Не зачѣмъ идеализировать это побужденіе; зависть часто также служитъ источникомъ стремленія къ справедливости, но коренится ли это стремленіе въ возвышенныхъ или низменныхъ побудительныхъ мотивахъ, оно всегда остается *идеологическимъ* факторомъ.

Правда, если придерживаться программы: завоеваніе политической власти съ помощью организованнаго, какъ классъ, пролетаріата, экспропріація капиталистовъ, обобществленіе средствъ производства—то можно, пожалуй, подумать, что всякая идеологія изгнана разъ на всегда. Дѣло идетъ объ очень реальныхъ и конкретныхъ вещахъ. На практикѣ, однако, оказывается, что какъ бы реалистически не представлялись вещи, тѣмъ не менѣе нельзя обойтись безъ хорошей дозы идеологіи.

Какъ много идеологіи скрывается уже въ одномъ выраженіи: „организованный въ классъ пролетаріатъ“; сколько нужно идеологіи, чтобы рабочіе сознавали себя пролетаріатомъ. Какъ много рабочихъ далеки отъ подобнаго сознанія—и притомъ не изъ невѣжества. И именно въ наиболѣе передовыхъ странахъ число такихъ рабочихъ особенно велико. Вообще, понятіе пролетаріата далеко не такъ легко ограничить, какъ обыкновенно полагаютъ. Категорія работающихъ по найму очень разнородна въ отношеніи дохода и условій жизни. Конечно, можно вывести нѣкоторыя общія требованія и интересы для всѣхъ родовъ рабочихъ, но отсюда не слѣдуетъ, что всѣ стремятся къ ихъ осуществленію съ одинаковой силой. Пролетаріатъ, какъ совокупность *наемныхъ рабочихъ* есть *реальность*, но пролетаріатъ, какъ классъ, обладающій общимъ міросозерцаніемъ и дѣйствующій сообразно послѣднему, является даже въ Германіи въ значительной степени еще идеей (Gedankenbild).

Этотъ пролетаріатъ долженъ осуществить обобществленіе

производства. Тотъ, кто не представляетъ себѣ дѣла такъ наивно, какъ французскіе крестьяне въ извѣстной пѣснѣ:

„Рабочій, возьми свою машину,
Возьми свою землю, крестьянинъ"—

согласится, что это обобществленіе необходимо должно будетъ представить болѣе или менѣе долгій процессъ, потому что различныя производства въ различной степени созрѣли для обобществленія. Если предположить, что всѣ *капиталисты будутъ экспропріированы*, такъ сказать, *однимъ ударомъ*, то этимъ самымъ предполагаютъ, что всѣ рабочіе сразу перестаютъ быть *пролетаріями въ смыслѣ теоріи* и поэтому подвергаются опасности *лишиться тѣхъ нравственныхъ побужденій*, которыя развиваются въ немъ специфическимъ капиталистическимъ противорѣчіемъ. Это обстоятельство, вмѣсто того, чтобы упростить задачу обобществленія производства, безконечно усложнило бы ее. Но практика просто не допуститъ, чтобы дѣло дошло до этого. Это вытекаетъ, между прочимъ, изъ способа веденія борьбы современной соціалъ-демократіи.

Исторія человѣчества уже давно не развивается въ томъ смыслѣ, что всѣ ея тенденціи доходятъ до своихъ крайнихъ выводовъ. Хорошей иллюстраціей этой мысли можетъ служить примѣръ дѣтскаго труда въ промышленности.

Два поколѣнія назадъ, не существовало почти никакихъ ограниченій для дѣтскаго труда. Число занятыхъ на фабрикахъ дѣтей возростало съ неимовѣрной быстротой; параллельно увеличивалась эксплуатація женскаго труда, такъ что казалось, что вся семья рабочаго вовлечена въ фабричныя работы. Если бы это развитіе продолжалось безпрепятственно далѣе, то необходимо должно было послѣдовать полное разложеніе старой формы семьи—или совмѣстной жизни половъ, и образованіе новой формы. *Марксъ и сдѣлалъ этотъ выводъ вслѣдъ за Оуэномъ.* Еще въ письмѣ по поводу проекта Готской программы Марксъ заявляетъ *протестъ противъ всеобщаго запрещенія дѣтскаго фабричнаго труда, въ виду революціоннаго значенія ранняго привлеченія дѣтей къ производству.* Тѣмъ не менѣе соціалистическія партіи, въ согласіи съ буржуазными филантропами, неизмѣнно требовали повышенія возра-

ста, ниже котораго работа дѣтей на фабрикахъ должна быть запрещена, и въ большинствѣ странъ добились на самомъ дѣлѣ запрещенія фабричнаго труда до тринадцати и четырнадцатилѣтняго возраста; въ настоящее же время идетъ агитація въ пользу *повышенія* предѣльнаго возраста до 15 и даже 16 лѣтъ. Ясно, что благодаря этому вмѣшательству, ребенокъ остается снова въ семьѣ и послѣдняя на время спасена отъ разложенія *).

Сокращеніе рабочаго дня, котораго добиваются рабочіе какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Однимъ словомъ, въ то время, какъ „естественная" тенденція *капитализма революціонизируетъ семью*, сами революціонныя рабочія партіи, побуждаемыя повседневными потребностями, борются за проведеніе мѣропріятій, противодѣйствующихъ этой тенденціи. Какой бы оборотъ не принялъ дальнѣйшій ходъ дѣлъ—а существуютъ и другіе факторы, содѣйствующіе разложенію семьи—очевидно одно, что развитіе не пойдетъ такъ прямолинейно, какъ предполагала и какъ могла предполагать теорія.

Мы привели лишь одинъ примѣръ, но достаточно внимательнѣе присмотрѣться къ дѣйствительности, чтобы замѣтить рядъ явленій, противодѣйствующихъ аналогичнымъ же образомъ предпосылкамъ теоріи, впрочемъ, не нарушая ея основныхъ мыслей. Теорія не можетъ все предусмотрѣть, она намѣчаетъ лишь тенденціи. На практикѣ же эти тенденціи никогда не развиваются до своихъ послѣднихъ выводовъ. Поэтому, также, наврядъ ли дѣло дойдетъ до всеобщей экспропріаціи. Именно въ современномъ обществѣ съ его крайне развитой демократической жизнью и сношеніями подобный ходъ развитія мало правдоподобенъ. Если катастрофы вызываются прямымъ сопротивленіемъ господствующихъ классовъ требованіямъ времени, и тогда переворотъ, наступающій раньше времени, вноситъ гораздо больше, чѣмъ политическія измѣненія; если же господствующіе классы

*) Въ главнѣйшихъ отрасляхъ англійской промышленности—напр., въ хлопчатобумажномъ производствѣ—работа женщинъ увеличивается относительно медленнѣе работы мужчинъ, хотя *абсолютное* число женщинъ пока еще превышаетъ число мужчинъ.

умѣютъ во время уступить, то само развитіе позаботится о предотвращеніи внезапныхъ и всеобщихъ переворотовъ.

На основаніи всего сказаннаго, всѣ теоріи будущаго развитія, сколько бы онѣ не называли себя матеріалистическими, всегда по необходимости окрашены въ цвѣтъ идеологіи. И утвержденіе это особенно справедливо по отношенію къ той теоріи, которая опирается исключительно на конкретные экономическіе факты, потому что умственныя теченія, этическія воззрѣнія и т. д.—все это *вполнѣ реальныя вещи*, хотя онѣ существуютъ только въ головахъ людей. Марксизмъ отличается отъ другихъ соціалистическихъ теорій не тѣмъ, что онъ свободенъ отъ всякой идеологіи. Отъ идеологіи не можетъ быть свободна ни одна теорія будущаго. Безъ идеологіи, вообще, прекращается всякая дальновидная реформаторская дѣятельность. Марксизмъ уничтожилъ въ корнѣ возможность вывода соціалистическихъ теорій изъ предвзятыхъ идей и, слѣдовательно, возможность всякаго рода произвольныхъ построеній; онъ поставилъ соціалистическую теорію на прочное основаніе реалистическаго пониманія исторіи, которое въ своихъ основныхъ чертахъ непоколеблено.

Естественно, однако, что, въ борьбѣ противъ обычной въ то время переоцѣнки этическихъ воззрѣній, марксизмъ пришелъ къ слишкомъ низкой оцѣнкѣ ихъ. На самомъ дѣлѣ нравственность является, если не при всѣхъ обстоятельствахъ, то очень часто, если не въ безграничной, то все-таки въ значительной степени, *творческой и дѣеспособной силой*, и можно доказать безчисленными примѣрами, что нравственность развитого буржуазнаго общества не равнозначуща съ „мѣщанской“ нравственностью. Поэтому, кто не мечтаетъ о быстромъ скачкѣ въ совершенное коммунистическое общество, тотъ не будетъ смотрѣть на проведеніе реформъ и на развитіе нравственныхъ и правовыхъ воззрѣній, исключительно какъ на дѣло будущаго строя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЪ ЗАЩИТУ СВОБОДЫ НАУКИ.

Подъ помѣщеннымъ выше общимъ заглавіемъ я предлагаю здѣсь собраніе статей, написанныхъ въ отвѣтъ критикамъ моей книги: „Die Voraussetzungen des socialismus und die Aufgaben der Socialdemocratie“. Эти статьи направлены главнымъ образомъ противъ Каутскаго, ставшаго послѣ появленія названной книги во главѣ противниковъ защищаемыхъ мною взглядовъ и опубликовавшаго въ „Neue Zeit“ и „Vorwarts'ѣ“ рядъ статей, въ которыхъ онъ старается доказать ошибочность моихъ взглядовъ, и противорѣчіе съ принятымъ ученіемъ соціализма и вредъ ихъ для дѣла соціалъ-демократіи.

Несомнѣнно, что отдѣльное изданіе полемическихъ статей имѣетъ свои непріятныя стороны. Такимъ образомъ, читателю предлагается односторонняя картина, и удерживаются за собой всѣ выгоды позиціи. Если, тѣмъ не менѣе, я рѣшился издать отдѣльно сборникъ своихъ статей, то лишь потому, что онѣ написаны съ объективностью и удаленіемъ всякаго личнаго элемента, насколько это было возможно при въ высшей степени озлобленной полемикѣ противной стороны. Быть можетъ, я зашелъ въ своей уступчивости даже слишкомъ далеко; Каутскій обвинилъ меня въ томъ, что я желаю, по возможности, смягчить существующія между моими и его взглядами различія и что я даже разыгрываю роль преслѣдуемой невинности. Я долженъ признаться, во всякомъ случаѣ, что всегда старался въ своихъ отвѣтахъ на его нападенія выставить наши разногласія не больше того, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ были въ основныхъ вопросахъ и сохранить возможность въ будущемъ для новой совмѣстной работы.

Предлагаемыя статьи носятъ исключительно характеръ защиты. На нападки Каутскаго, *личный* характеръ которыхъ

виденъ уже изъ заглавій (Бернштейнъ и матеріалистическое пониманіе исторіи, Бернштейнъ и діалектика и т. под.), я отвѣчалъ по возможности въ дѣловомъ тонѣ, выясняя разногласія въ спорныхъ вопросахъ и стараясь придать своимъ отвѣтамъ болѣе, чѣмъ полемическое значеніе. Въ противномъ случаѣ, т. е. если бы я не предполагалъ, что мои статьи могутъ кое-что выяснить въ спорныхъ вопросахъ, я бы никогда не рѣшился вторично издавать ихъ.

Конечно, невозможно было совершенно избѣжать рѣзкихъ отвѣтовъ на нѣкоторыя нелѣпыя обвиненія. Но и въ этихъ случаяхъ я старательно избѣгалъ всего, что бы могло произвести впечатлѣніе ненависти, и прибѣгалъ къ юмору и ироніи, несмотря на естественное желаніе употребить болѣе сильныя прилагательныя.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что полемическія статьи Каутскаго съ нѣкоторыми дополненіями и выводами изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: „Bernstein und die socialdemocratische Programm“. Отвѣтъ на эту книгу читатель найдетъ въ концѣ настоящаго сборника.

Три отвѣта на допросъ.

I. Общій отвѣтъ.

(Отвѣтъ на три статьи Каутскаго, помѣщенныхъ въ „Vorwärts'ѣ“ за 1899 г., 16, 17 и 18 марта).

Полемика, открытая Кауцкимъ на страницахъ „Vorwärts'a“ противъ моей книги: „Die Voraussetzungen des Socialismus“, требуетъ отвѣта. Настоящая статья и посвящена этому отвѣту.

Въ предисловіи Каутскій упрекаетъ меня въ неясности изложенія и говоритъ, будто я уже раньше жаловался на то, что всѣ критики не вѣрно поняли мои статьи о „Проблемахъ соціализма“. Но послѣднее не вѣрно. Если онъ потрудится перечитать въ „Neue Zeit“ отвѣты моимъ критикамъ, то онъ не найдетъ ничего похожаго на такое общее обвиненіе. И въ настоящій моментъ я не считаю себя въ правѣ жаловаться на всеобщее непониманіе. Напримѣръ, изложеніе моей книги въ „Vorwärts'ѣ“ передаетъ вполнѣ правильно ходъ моихъ идей.

Къ сожалѣнію, я не могу сказать того же относительно самого Каутскаго. Я не могу не упрекнуть его въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ даетъ своимъ читателямъ очень извращенное представленіе о важныхъ пунктахъ моей книги. Не желая утомлять читателя безконечными жалобами, я коснусь лишь одного пункта, который къ тому же послужитъ хорошимъ введеніемъ для дебатовъ по существу.

Вторая статья Кауцкаго посвящена, главнымъ образомъ, доказательству того, что я при изложеніи факторовъ, веду-

щихъ къ соціализму, обращаю слишкомъ ничтожное вниманіе *на сознательную борьбу рабочаго класса за высшій общественный строй*. Но уже первый примѣръ, приводимый имъ въ доказательство своего утвержденія, доказываетъ при ближайшемъ изслѣдованіи прямо *противоположное*.

На 179 стр. моей книги я развиваю ту мысль, что вопросъ о томъ, увеличивается или уменьшается число собственниковъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе для побѣды соціализма. Этотъ вопросъ важенъ для теоріи, что же касается „фактическихъ стремленій рабочихъ, то онъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. То или иное рѣшеніе этого вопроса нисколько не измѣнитъ борьбы рабочихъ ни за политическую демократію, ни за демократію въ производствѣ. Будущее *этой борьбы* зависитъ... отъ роста общественнаго богатства, т. е. отъ общественныхъ производительныхъ силъ въ связи съ общимъ соціальнымъ прогрессомъ, особенно же отъ умственной и нравственной зрѣлости рабочаго класса“.

Можно, конечно, соглашаться съ этимъ или нѣтъ, но нельзя отрицать того, что въ приведенной цитатѣ движеніе къ соціализму поставлено въ тѣснѣйшую связь съ борьбой рабочаго класса. Каутскій же цитируетъ приведенное мѣсто, лишь начиная со словъ: „Будущее этой борьбы зависитъ“... и затѣмъ разсуждаетъ о томъ, будто я ставлю побѣду соціализма не въ зависимость отъ борьбы рабочаго класса, а лишь отъ доброй воли имущихъ, отъ роста общественнаго богатства и отъ общаго соціальнаго прогресса. Подобнымъ же образомъ онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я представляю слишкомъ механически развитіе въ Англіи реформъ, тогда какъ я ставлю ихъ въ связь съ англійской демократіей, всеобщимъ избирательнымъ правомъ и вытекающимъ отсюда вліяніемъ англійскихъ рабочихъ на общественную жизнь.

Каутскій обвиняетъ меня въ томъ, что я называю соціализмъ „движеніемъ къ товарищескому строю общества или просто товарищескимъ строемъ общества“. По его мнѣнію, въ словѣ „движеніе“ исчезаетъ всякое сознательное стремленіе, всякая сознательная борьба. Но я отрицаю это самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ словѣ „движеніе“ за-

ключается какъ объективный процессъ, такъ и субъективная борьба. Это слово очень часто употребляется для обозначенія послѣдней.

Интересно, что въ началѣ статьи, въ которой Каутскій обвиняетъ меня въ игнорированіи субъективнаго или активнаго элемента въ соціализмѣ, находится фраза, въ которой тотъ же Кауцкій замѣчаетъ по поводу моего заявленія, что я не ставлю побѣды соціализма въ зависимость отъ „имманентной экономической необходимости" и не считаю ни возможнымъ, ни необходимымъ давать ей матеріалистическое обоснованіе—что это заявленіе находится въ противорѣчіи съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. И это послѣ его же заявленія въ концѣ предшествующей статьи, что моя борьба съ экономической теоріей переворота—борьба съ вѣтренными мельницами *). Каутскій не замѣчаетъ, что онъ запутался въ цѣлой сѣти противорѣчій.

Теорія Маркса—Энгельса, говоритъ онъ, выводитъ необходимость грядущаго краха капитализма изъ роста пролетаріата и его силы и зрѣлости, изъ прогрессивнаго вытѣсненія и подчиненія мелкаго хозяйства крупными капиталистическими предпріятіями, которыя все болѣе пріобрѣтаютъ характеръ монополій, и изъ ростущей тенденціи къ перепроизводству, ведущей либо къ все болѣе рѣзкимъ кризисамъ или всеобщему застою, либо къ развитію картельнаго хозяйства, которое дѣйствуетъ еще болѣе возбуждающимъ образомъ, чѣмъ застой, не только на рабочій классъ, но на все населеніе и ведетъ необходимо къ экспропріаціи

*) Въ то самое время, какъ Каутскій презрительно называетъ теорію экономическаго переворота *созданіемъ моей фантазіи*, Роза Люксембургъ, которая тоже берется противъ моихъ взглядовъ, объявила ее въ лейпцигской „Volkszeitung" *краеугольнымъ камнемъ* соціалистической теоріи.

Недавно, впрочемъ, на интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ—Роза Люксембургъ высказала по этому пункту существенно иные взгляды. „Все болѣе и болѣе вѣроятно, что крахъ капиталистическаго общества произойдетъ не благодаря *экономическому*, но политическому кризису, вызванному міровой политикой". Но, добавляетъ она, „возможно, что капиталистическій строй еще долго просуществуетъ". (Нѣмецкій протоколъ конгресса 27). Я цитирую эту фразу, чтобы показать, что пониманіе несостоятельности упрощеннаго представленія о соціализмѣ, начинаетъ развиваться даже у моихъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ.

картелей, т. е.—въ этомъ случаѣ—всей капиталистической промышленности.

Замѣтимъ, прежде всего, что мы имѣемъ дѣло здѣсь не съ теоріей Маркса-Энгельса, а съ толкованіемъ и развитіемъ этой теоріи Каутскимъ. Я не буду касаться вопроса, насколько это толкованіе примиримо съ главой „Капитала", въ которой Марксъ излагаетъ теорію переворота и въ которой говорится не о ростущей *силѣ* и *зрѣлости* пролетаріата, а о его *вырожденіи* и *рабствѣ*; тѣмъ болѣе, что я самъ постоянно указывалъ на то, что изложенное въ этой главѣ нужно понимать лишь какъ *тенденціи* развитія. Я только утверждалъ, что вмѣстѣ съ плащемъ долженъ пасть и самъ герцогъ.

Присмотримся внимательнѣе къ толкованію Каутскаго. Представляетъ ли оно чисто матеріалистическое обоснованіе побѣды соціализма? Нисколько. Зрѣлость пролетаріата—это *этическій* факторъ, его сила—это факторъ *политическій* или *соціально-политическій*. Но Каутскій привлекаетъ также *всеобщее возмущеніе* противъ картельнаго хозяйства. Это также не экономическій, во всякомъ случаѣ, не чисто экономическій факторъ. Не говоря уже о томъ, что это возмущеніе не должно еще „необходимо" вести къ экспропріаціи картельнаго хозяйства.

Если побѣда соціализма является *„имманентной экономической необходимостью"*, то въ основаніи ея должно быть положено доказательство *неизбѣжности экономическаго* краха современнаго общества. Это доказательство еще не дано и оно не можетъ быть дано. Развитіе совершается во многихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ оно должно было бы совершаться по теоріи необходимаго экономическаго переворота. Но зачѣмъ выводить соціализмъ изъ экономическаго принужденія? Зачѣмъ уменьшать значеніе *предусмотрительности людей, ихъ правового сознанія, воли.* Зачѣмъ переносить теорію несвободы воли индивида—при томъ еще, часто ложно понимаемую—на культурныя общества? Все это я считаю лишнимъ и ненужнымъ. Уже теперь общество дѣлаетъ многое не потому, что это абсолютно необходимо, но потому что это *лучше*. И въ соціалистическомъ движеніи *правовое сознаніе*, стремленіе къ *справедливымъ* отношеніямъ является, по

меньшей мѣрѣ, столь же дѣятельнымъ факторомъ, какъ и матеріальная нужда. Каутскій самъ подчеркиваетъ эту нематеріальную сторону вопроса, когда онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я въ своемъ опредѣленіи соціализма, какъ „движенія къ товарищескому строю общества", упускаю изъ вида „сознательное стремленіе къ высшему строю".

Именно потому, что я считаю *правовое сознаніе* движущей силой общественнаго развитія, я не придаю такого значенія увеличенію или уменьшенію числа собственниковъ, какое придаютъ и должны придавать защитники „имманентной экономической необходимости".

Для меня соціализмъ не теряетъ права на существованіе оттого только, что число лицъ, присваивающихъ прибавочный продуктъ, какъ оказывается не сокращается, а возрастаетъ. Отъ этого измѣняются лишь задачи и возможности борющихся за соціализмъ элементовъ. Мое пониманіе ведетъ не къ политическому квіетизму, какъ полагаетъ Каутскій, а къ *расширенію* задачъ соціалъ-демократіи. Если бы я хотѣлъ проповѣдывать квіетизмъ, то ученіе объ „имманентной необходимости" дало бы мнѣ для этого лучшее орудіе. Я возстаю противъ иллюзій скораго и самостоятельнаго развитія соціализма и поэтому не умаляю, а увеличиваю значеніе сознательной соціалистической дѣятельности.

Каутскій, однако, полагаетъ, что я не привелъ доказательства въ пользу своего утвержденія о ростѣ числа собственниковъ, такъ какъ изъ прироста числа получающихъ болѣе высокій доходъ, чѣмъ, собственно, ограничивается мое доказательство, не вытекаетъ еще увеличенія числа собственниковъ. Однако, въ пользу своего утвержденія я привелъ не только таблицы дохода. А если приводимые мною факты не удовлетворяютъ Каутскаго, то пусть онъ объяснитъ себѣ широкое распространеніе биржевыхъ газетъ и расширеніе биржевого отдѣла ежедневныхъ газетъ, равно какъ возникновеніе и процвѣтаніе обществъ, снимающихъ заботы по помѣщенію денегъ съ мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ. Не есть ли все это симптомы разростанія капиталистической арміи? Онъ указываетъ мнѣ на промышленную статистику. Но на недостаточность этой статистики для вопроса о распредѣленіи собственности я указалъ при

анализѣ цифръ, относящихся къ распредѣленію акціонернаго владѣнія въ Англіи. Статистика собственности говоритъ, что въ одномъ союзѣ англійской хлопчатобумажной промышленности принимаютъ участіе болѣе 12.000 лицъ, въ другомъ же болѣе 5.000; промышленная же статистика говоритъ, что въ первый союзъ входитъ 20, а во второй около 15 фабрикъ.

Впрочемъ, что касается промышленной статистики, то она показываетъ сравнительно болѣе быстрый ростъ числа капиталистическихъ предпріятій, чѣмъ числа рабочихъ. Число послѣднихъ увеличилось въ Германіи въ періодъ 1882—1895 на 39,9%, число первыхъ—на 79,5%.

Правильно лишь то, что въ наиболѣе развитыхъ странахъ число рабочихъ увеличивается быстрѣй, чѣмъ общая цифра населенія. Но мнѣ никогда не приходило въ голову отрицать это. Каутскій вычитываетъ въ моей книгѣ такія вещи, которыхъ тамъ вовсѣ нѣтъ.

Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, будто по моему мнѣнію, теоретическое основаніе соціализма, данное Марксомъ—Энгельсомъ, „въ корнѣ ошибочно". Я не могу согласиться, что такой выводъ слѣдуетъ изъ моей книги.

Я показалъ, что философско-историческое основаніе ученія Маркса и Энгельса получило въ позднѣйшихъ заявленіяхъ Энгельса менѣе детерминистическое толкованіе, чѣмъ то, которое ему давалось его авторами первоначально; я показалъ далѣе, что въ этихъ заявленіяхъ было признано большее, чѣмъ первоначально, вліяніе на общественное развитіе за идеологическими факторами: правовыми и нравственными воззрѣніями. Я присоединился къ этому позднѣйшему толкованію. Относительно ученія Маркса и Энгельса о современномъ обществѣ, я заявляю на стр. 47, что оно въ своихъ основныхъ утвержденіяхъ покоится на вѣрныхъ предпосылкахъ, что указываемыя имъ тенденціи на самомъ дѣлѣ существуютъ. Все это, полагаю, звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ утвержденіе о „коренной ошибочности".

Впрочемъ, сами Марксъ и Энгельсъ признавали, что сдѣланные ими выводы изъ ихъ теоріи во многихъ отношеніяхъ должны быть исправлены. Моя критика въ значительной степени состоитъ въ томъ, что я соединяю эти

указанія и высказываю мнѣніе, въ какомъ направленіи теорія должна быть дополнена и измѣнена. Правъ ли я, или нѣтъ, — это, конечно, вопросъ. Но я не могу согласиться, что соціализмъ что-либо теряетъ во внутренней правдѣ и силѣ, если мои утвержденія правильны.

Соціалистическое движеніе не зависитъ ни отъ какой теоріи. Теорія можетъ его объяснить и указать ему опредѣленный путь, но силу и право движеніе, въ концѣ концовъ, черпаетъ изъ дѣйствительныхъ отношеній и вытекающихъ изъ нихъ потребностей и возможностей.

Что, собственно говоря, является центромъ и исходнымъ пунктомъ моей критики? Борьба противъ воззрѣнія, которое переноситъ всю существенно положительную работу соціалъ-демократіи по ту сторону великаго краха и разсматриваетъ всю дѣятельность, предшествующую этому краху, съ точки зрѣнія неизбѣжности этого событія. Эта мысль, развитая мною въ первой статьѣ „Проблемъ соціализма“, и выражавшая лишь то, что партія проявляла въ практической дѣятельности, хотя въ иной мотивировкѣ, съ тѣхъ поръ все болѣе потверждается событіями. Дѣйствительное развитіе дѣлаетъ вопросомъ дня то, что нѣкогда разсматривалось, какъ дѣло далекаго будущаго, и это обстоятельство открываетъ передъ соціалъ-демократіей все болѣе и болѣе широкое поле для такъ называемой мелкой работы, которая фактически оказывается очень крупной и важной работой. Это справедливо не только относительно Германіи, но относительно всѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ современное рабочее движеніе. Но, по отношенію къ этой работѣ, теорія Маркса и Энгельса, создавшаяся при совершенно иныхъ обстоятельствахъ и исходившая изъ совершенно иныхъ предпосылокъ, *недостаточна* или ведетъ даже къ ошибочнымъ выводамъ.

Предположимъ, что Энгельсъ умеръ не въ августѣ 1895 г., а въ февралѣ, прежде чѣмъ онъ написалъ предисловіе къ „Классовой борьбѣ“; предположимъ, что эти же самыя мысли другими словами высказалъ кто-либо иной; какъ бы были онѣ встрѣчены? Нужно остерегаться быть болѣе правовѣрнымъ, чѣмъ самъ папа.

Каутскій постоянно возвращается къ моему письму Штут-

гартскому партійному конгрессу и говоритъ о немъ въ такомъ тонѣ, какъ будто оно было направлено противъ общей партійной тактики, тогда какъ я десять разъ повторялъ—что, собственно, сказано ясно и въ самомъ письмѣ,—что оно является защитой противъ нападеній и неправильныхъ толкованій Парвуса и его единомышленниковъ. Пока Парвусъ не является призваннымъ толкователемъ партійной тактики, до тѣхъ поръ изъ моего письма не слѣдуетъ ни малѣйшей попытки съ моей стороны навязать партіи новую тактику.

Мое изложеніе отношенія демократіи къ соціализму и задачъ партіи, на мой взглядъ, лишь подчеркиваютъ то, что уже на самомъ дѣлѣ *есть* (существуетъ).

Каутскій не согласенъ съ этимъ и утверждаетъ, что оно представляетъ полнѣйшій отказъ отъ существующаго характера борьбы. Онъ ожидаетъ завоеваніе демократій отъ побѣды пролетаріата и полагаетъ, что до наступленія этой побѣды развитіе будетъ представлять скорѣй всего *удаленіе* отъ демократіи. Онъ считаетъ неизбѣжнымъ увеличеніе „акціонерной массы“. Я же считаю вполнѣ возможнымъ и желательнымъ ея сокращеніе. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что я отказываюсь отъ классоваго характера партіи?

По мнѣнію Каутскаго, однимъ изъ результатовъ моихъ идей было бы слѣдующее. Разъ я утверждаю, что въ нѣмецкой буржуазіи есть элементы, готовые заключить временный союзъ съ рабочей демократіей противъ реакціонныхъ силъ, и что поэтому было бы нецѣлесообразнымъ отпугивать эти элементы революціонной фразеологіей, находящейся въ противорѣчіи съ дѣйствительными отношеніями, то это означаетъ, полагаетъ Каутскій, что я совѣтую рабочимъ заключить съ либеральной буржуазіей союзъ, въ которомъ всѣ невыгоды падаютъ на плечи рабочихъ. Въ потвержденіе онъ указываетъ на то, какъ дорого заплатили англійскіе рабочіе за свой союзъ съ либеральной буржуазіей. Утрата дальновидной классовой политики, раздробленіе пролетаріата въ обособленныя группы съ своими особыми мелочными интересами и т. п.—вотъ результаты этого союза.

Если даже предположить, что избирательный союзъ англійскихъ рабочихъ съ либералами на самомъ дѣлѣ вліялъ

въ этомъ направленіи, что, впрочемъ, нужно еще доказать, то во всякомъ случаѣ онъ не явился первой и главной причиной этого развитія. Причина эта лежитъ гораздо далѣе; ея имя—*паденіе чартизма.* Съ этого момента начинается политическая деморализація англійскихъ рабочихъ. Чартизмъ былъ разрушенъ и вполнѣ дискредитированъ; когда рабочіе заключили въ шестидесятыхъ годахъ союзъ съ либералами, у нихъ уже давно *не было самостоятельной партіи, въ которую они потеряли всякое довѣріе.* Но вполнѣ понятно, что когда соединяются элементы дезорганизованной партіи съ партіей, хорошо организованной, то послѣдняя на долгое время получаетъ преобладаніе.

Отношенія въ современной Германіи прямо противоположны тѣмъ, какія были въ Англіи шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь соціалъ-демократія представляетъ сильную и хорошо организованную партію, либеральная же буржуазія политически безсильна. Мнѣ непонятно, какимъ образомъ ихъ союзъ можетъ повести къ ослабленію силы соціалъ-демократіи? Наконецъ, если это такъ, то какъ могъ Каутскій *защищать* въ вопросѣ о выборахъ въ прусскій Ландтагъ компромиссъ съ либералами?

Но то мѣсто моей книги, которое послужило для Каутскаго поводомъ для разъясненія результатовъ компромисса англійскихъ рабочихъ съ буржуазіей, не имѣло вовсе въ виду подобнаго компромисса. Я намекалъ вообще на фактическое сотрудничество, которое устанавливается помимо формальнаго союза между партіями, борющимися одновременно за требованія, лежащія въ одномъ и томъ же направленіи. Очевидно, что тамъ, гдѣ либеральная буржуазія не вмѣшивается въ дѣло соціалъ-демократіи, въ интересахъ послѣдней поддержать ее въ ея борьбѣ съ реакціонными силами. Поэтому я полагаю, что если считаютъ желательнымъ, чтобы либеральная буржуазія оказала хоть сколько-нибудь значительное сопротивленіе реакціи, то нужно удержаться отъ фразеологіи, которая возбуждаетъ среди либеральныхъ элементовъ совершенно ложное представленіе о намѣреніяхъ соціалъ-демократіи. Каутскій на это возражаетъ, что буржуазію возбуждаютъ противъ соціалъ-демократіи не слова, а факты.

Это правильно лишь съ большими ограниченіями. *Факты* соціалъ-демократическаго нѣмецкаго рабочаго движенія не отличаются качественно отъ фактовъ рабочаго движенія въ другихъ странахъ. Нѣмецкая партія не предъявляетъ ни въ парламентѣ, ни въ общинахъ болѣе радикальныхъ требованій, чѣмъ, напр., требованія англійскихъ соціалистовъ и прогрессистовъ; и такъ же нѣмецкое профессіональное движеніе не отличается бо́льшимъ радикализмомъ, чѣмъ профессіональное движеніе въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и др. странахъ, въ которыхъ не господствуетъ, какъ въ Германіи, реакція. Конечно, эти факты заставляютъ многихъ буржуа взывать къ полиціи и нѣкоторыхъ либераловъ—думать о сближеніи съ консерваторами. Но этого нельзя утверждать въ видѣ общаго правила, какъ дѣлаетъ Кауцкій, потому что буржуазія состоитъ не только изъ получающихъ проценты фабрикантовъ. Поэтому буржуа, подающіе свой голосъ въ пользу реакціонныхъ законовъ, опираются не на наши поступки, а на слова, т. е. не на реальные факты соціалъ-демократіи, а на тѣ, которые имѣютъ въ виду легенду будущаго. А слова, сказанныя или написанныя хотя однимъ изъ членовъ партіи, за которой стоитъ милліонъ избирателей, производятъ впечатлѣніе.

Каутскій спрашиваетъ меня, не понимаю ли я подъ „легендой“ экспропріацію капиталистовъ. На это я отвѣчаю: и да, и нѣтъ. Все зависитъ отъ того, какъ эта экспропріація понимается и обосновывается. Эти различія далеко не такъ маловажны, какъ полагаетъ Каутскій. Одно впечатлѣніе получается, если экспропріація ставится въ зависимость отъ опредѣленной степени концентраціи производства, а также отъ ея полезности для всего общества, и совершенно другое—если она просто провозглашается, какъ революціонный догматъ.

Каутскій полагаетъ, что политическое положеніе Германіи безнадежно. Реакція усиливается, будетъ и должна усиливаться вплоть до великаго политическаго краха. До наступленія этого момента соціалъ-демократія обязана заниматься реформаторской работой, должна укрѣплять свою организацію и избѣгать повода къ катастрофѣ. Но легко ли это при все усиливающейся реакціи? Я не думаю этого.

хотя признаю, что спокойствіе, съ которымъ рабочіе встрѣтили провокаторскіе поступки послѣднихъ лѣтъ, достойно удивленія. Но всему есть предѣлы.

Для меня тактика Каутскаго представляетъ путь, который фатально приводитъ въ глухой переулокъ. Каутскій не желаетъ никакой тактики, разсчитанной на катастрофу, но онъ не желаетъ также тактики, которая бы отнимала почву у всѣхъ плановъ катастрофы нашихъ противниковъ. Въ концѣ концовъ, онъ разсчитываетъ на недальновидность правящихъ классовъ. Я же предпочитаю строить свои разсчеты, опираясь на болѣе извѣстныя величины.

Я не считаю реакціи въ Германіи столь сильной и непоколебимой, какъ полагаетъ Каутскій. Конечно, находясь вдали, я могу ошибаться, но люди, работающіе въ рядахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи и далеко не „смирные демократы" въ своихъ сообщеніяхъ, лишь подтверждаютъ мое предположеніе. Во всякомъ случаѣ, реакція свирѣпствуетъ не во всѣхъ частяхъ Германіи съ одинаковой силой. Въ южной Германіи и на Рейнѣ господствуетъ иное настроеніе, чѣмъ въ Саксоніи и восточной Пруссіи. Точно также въ западно-европейскихъ государствахъ политическая реакція замѣтна еще слабо, хотя на мой взглядъ кое-гдѣ буржуазныя партіи уже заключаютъ союзъ противъ соціалъ-демократіи. Усиленіе исполнительной власти можетъ явиться результатомъ очень различныхъ причинъ: въ Англіи оно покоится на томъ, что государство внутри страны совершенно утеряло значеніе сдерживающаго механизма, но за то расширило свои внѣшнія задачи. Въ другихъ странахъ оно является слѣдствіемъ системы политическихъ группъ, ослабляющей парламентаризмъ, или расширенія задачъ государства. Почти во всѣхъ западныхъ государствахъ буржуазные классы занимаютъ по отношенію къ соціалистическому рабочему движенію оборонительное положеніе, но ни въ какомъ случаѣ не агрессивное. Они стараются ладить съ нимъ посредствомъ періодическихъ уступокъ, но ни одному человѣку не приходитъ теперь въ голову, что рабочее движеніе можно подавить.

Съ другой стороны, во всѣхъ странахъ развивается въ соціалъ-демократіи пониманіе соціалистическаго движенія,

подобное тому, которое я защищаю, видоизмѣненное темпераментомъ или мѣстными традиціями. Въ своей книгѣ я ссылался на заявленія англійскихъ, швейцарскихъ соціалистовъ; я бы могъ цитировать бельгійскихъ, голландскихъ, датскихъ писателей. Здѣсь же я привожу самое послѣднее заявленіе, изъ извѣстныхъ мнѣ:

„Французскій соціализмъ вышелъ изъ кризиса (по поводу Дрейфуса) съ большимъ запасомъ *реализма*. Онъ уже менѣе довѣряетъ четыремъ или пяти традиціоннымъ формуламъ и убѣдился, что,—какъ выразился Жоресъ,—практическіе вопросы еще не рѣшаются одной фразой. Жизнь оказалась болѣе разносторонней, чѣмъ предполагалось традиціонной догмой, а историческое движеніе не представляетъ простой логической цѣли. Классовая борьба получаетъ конкретное содержаніе. Классы уже не разсматриваются, какъ концентрическіе круги, между которыми невозможно ни пересѣченіе, ни взаимодѣйствіе... Въ дѣлѣ Дрейфуса старыя формы столкнулись съ фактами и лопнули. Это—переворотъ метода.

Переворотъ этотъ состоитъ въ томъ, что французскій соціализмъ послѣдуетъ за соціализмомъ другихъ странъ. Соціализмъ будетъ пониматься, какъ *будничный* вопросъ.

Распространится убѣжденіе, что пролетаріатъ не существуетъ внѣ капитализма, и что въ рамкахъ буржуазнаго общества нѣтъ ни одного вопроса, который бы не могъ быть разрѣшенъ въ духѣ соціализма. Капиталистическое общество представляетъ гигантскій клубокъ силъ, съ которымъ не такъ легко покончить, какъ предполагалось раньше, и послѣдніе остатки революціонной тактики мало-по-малу исчезнутъ. Помощь либеральной части буржуазіи въ ея борьбѣ съ консервативнымъ крыломъ буржуазіи не будетъ уже считаться измѣной соціализму".

Такъ пишетъ въ „Mouvement socialiste" Губеръ Лагардель, одинъ изъ представителей юнаго поколѣнія соціалистовъ во Франціи. Это далеко не одинокій голосъ, раздающійся изъ Франціи. Стремленіе къ болѣе реалистическому пониманію движенія, къ освобожденію отъ гнета слишкомъ узкихъ формулъ—становится всеобщимъ въ соціалистическомъ мірѣ. Съ поразительной самопроизволь-

ностью оно возникаетъ за послѣдніе годы во всѣхъ странахъ. Kaуцкій можетъ сравнить это теченіе съ эпидеміей или съ реакціей, но онъ не можетъ этимъ покончить съ самимъ фактомъ. Нѣтъ реакціи безъ причины. Столь всеобщее теченіе должно соотвѣтствовать дѣйствительнымъ потребностямъ, а не пустой прихоти или настроенію.

Я не говорю здѣсь pro domo—дѣло не въ моей личности!—не забочусь я также о смягченіи разногласій. Но я не знаю умно ли преувеличивать ихъ и отыскивать за брошеннымъ вскользь словомъ или фразой больше, чѣмъ изъ нихъ слѣдуетъ по общему смыслу. Въ одномъ мѣстѣ моей книги, желая установить болѣе точно смыслъ слова „демократія“, „демократическій“, я опредѣляю его, какъ отсутствіе классоваго господства. Что на практикѣ демократическія учрежденія не представляютъ отсутствія классоваго господства—объ этомъ я говорю нѣсколькими страницами ниже. Слѣдовательно, изъ-за чего подымать шумъ? Большее, что отсюда вытекаетъ, такъ это, что нужно удивляться, зачѣмъ „Vorwärts“ тратитъ столько бумаги на писанія автора, запутавшагося въ безнадежныхъ противорѣчіяхъ, каковымъ являюсь я. При всемъ томъ демократія остается *формой, въ которой осуществляется соціализмъ.*

Пора кончать. То что я могъ бы еще сказать Каутскому, будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. Но изъ сказаннаго здѣсь, надѣюсь, никто не вынесетъ предположенія, что я хочу смягчить высказанныя въ моей книгѣ мысли. Наврядъ ли кто будетъ отрицать, что въ этой книгѣ я выражался съ полнѣйшей откровенностью. Я не искалъ этой полемики, но былъ принужденъ къ ней. Но разъ я рѣшился вести ее, я считаю себя обязаннымъ не оставить безъ вниманія ни одного изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Лишь одного я хотѣлъ бы избѣжать. Каутскій неоднократно повторяетъ, будто я требую, чтобы партія радикально измѣнила свою программу и тактику. Но этого не приходило мнѣ въ голову. Что касается программы, то я вполнѣ согласенъ съ ея практической частью и не придаю особаго значенія тому, что нѣкоторыя изъ выраженій ея теоретической части не вполнѣ совпадаютъ съ моимъ пониманіемъ хода развитія. Что же касается партійной тактики или дѣятельности, то я остаюсь

при мнѣніи, что я высказалъ лишь то, что существуетъ или, по крайней мѣрѣ, находится въ процессѣ образованія, и почти каждый номеръ партійныхъ газетъ, попадающихся мнѣ въ руки, приноситъ мнѣ новыя подтвержденія — хотя не всегда въ передовыхъ статьяхъ — справедливости моего мнѣнія. Я надѣюсь, что послѣдній часъ для теоріи какъ экономическаго, такъ и политическаго обнищанія пробьетъ до наступленія великаго краха.

II. Устраненіе недоразумѣній.

(Отвѣтъ на три слѣдующія статьи Каутскаго въ Vorwärts'ѣ за 8, 11 и 12 апрѣля 1899 г.).

Каутскій начинаетъ свою вторую полемическую статью противъ меня замѣчаніемъ, что его больше всего удивила въ моемъ отвѣтѣ его краткость. Если этимъ онъ хочетъ упрекнуть меня въ томъ, что я уклоняюсь отъ отвѣта, то я заявляю полную готовность отвѣчать на каждый пунктъ предъявленнаго имъ обвиненія. Я ограничился наиболѣе существенными спорными пунктами, чтобы не увеличивать чрезмѣрно размѣровъ полемики.

Правда, что Каутскій очень затруднилъ мнѣ задачу. Онъ цитируетъ и интерпретируетъ мои выраженія такимъ образомъ, что я съ трудомъ удерживался отъ постояннаго сопоставленія того, что я на самомъ дѣлѣ сказалъ, съ тѣмъ, что онъ влагаетъ въ мои уста. Но подобныя сопоставленія всегда скучны и, потому, я старался ихъ избѣгать. Но никому не бываетъ пріятнымъ видѣть, какъ извращаютъ его мысли, а что Каутскій невѣрно передаетъ мои выраженія,— это я докажу ниже.

Вообще я долженъ замѣтить по этому поводу, что моя книга является по всему своему плану выясненіемъ моихъ разногласій съ соціалистами. Это ни соціалистическая программа, ни агитаціонная брошюра, но произведеніе, посвященное изложенію частью тѣхъ пунктовъ общепризнанной теперь соціалистической доктрины, которые, на мой взглядъ, нуждаются въ исправленіи, частью же ближайшихъ судебъ и задачъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Поэтому, если я оста-

вляю безъ вниманія какой-либо пунктъ доктрины, то естественный выводъ будетъ тотъ, что я не могу ничего существеннаго возразить противъ него. Каутскій же дѣлаетъ какъ разъ обратный выводъ. Онъ обвиняетъ меня въ измѣнѣ тѣмъ пунктамъ программы, которыя я оставилъ безъ критики. Я имѣю въ виду здѣсь ученіе о классовой борьбѣ между рабочими и капиталистами въ современномъ обществѣ, пониманіе борьбы соціалъ-демократіи, какъ движенія, коренящагося въ потребностяхъ и стремленіяхъ *рабочаго класса*.

Въ подтвержденіе своего вывода, онъ ссылается на мой отвѣтъ на его первую критическую статью, именно на то мѣсто отвѣта, гдѣ я говорю о *правовомъ сознаніи*, какъ стремленіи къ болѣе справедливому строю. Такъ какъ я тамъ употребляю не слово: пролетаріи, но *„элементы, борющіеся за соціализмъ"*, то онъ истолковываетъ мое выраженіе, какъ возвращеніе къ наивной библейской вѣрѣ, противъ которой онъ самымъ серьезнымъ образомъ приводитъ мнѣ то мѣсто изъ „Манифеста", гдѣ Марксъ даетъ характеристику буржуазному соціализму.

Я не могу дать лучшаго отвѣта на это истолкованіе моего изслѣдованія, какъ перепечатавъ оттуда нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ я развиваю марксово ученіе о классовой борьбѣ. Въ основаніи ихъ лежитъ мысль, проходящая черезъ всю книгу, что элементы, призванные для борьбы за существованіе соціализма, — это рабочіе, побуждаемые къ этому всѣми условіями ихъ экономическаго положенія. Всѣ предложенія и проблемы изслѣдуются въ моей книгѣ съ точки зрѣнія споспѣшествованія соціальной силѣ рабочаго класса.

Судите сами:

О *потребительныхъ обществахъ:* „Это—средство, дающее рабочему классу возможность, не прибѣгая къ уничтоженію жизней и къ власти, которая далеко не такая простая вещь, присвоить значительную часть общественнаго богатства, которое въ противномъ случаѣ попало бы въ руки имущихъ классовъ и увеличило бы ихъ силу".

О *демократіи:* „При количественно и качественно не развитомъ рабочемъ классѣ всеобщее избирательное право мо-

жетъ долгое время быть правомъ избирать самому себѣ „деспота“, но съ ростомъ числа рабочихъ и ихъ умственнаго развитія, оно становится средствомъ, превращающимъ народныхъ представителей изъ господъ въ истинныхъ слугъ народа“.

О *ближайшихъ задачахъ:* „Но есть ли какой либо интересъ для соціалъ-демократіи, какъ партіи рабочаго класса и міра, заботиться о поддержаніи національныхъ средствъ обороны? Съ принципіальной точки зрѣнія, для соціализма или для рабочаго движенія въ настоящее время совершенно безразлично, достигнутъ ли успѣха новыя колоніи или нѣтъ... При существованіи двухъ условій подобная защита крестьянъ (предлагаемая Каутскимъ въ его Аграрной программѣ), на мой взглядъ, можетъ быть поддерживаема безъ опасеній. Во-первыхъ, при предположеніи, что ей противопоставляется реальная охрана сельскихъ *рабочихъ*, и во-вторыхъ, что... въ государствѣ и общинѣ господствуетъ демократія... Все это повело бы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ тому, что сельскіе рабочіе были бы противопоставлены „реакціонной массѣ“. Рано или поздно въ сельскихъ общинахъ должна образоваться демократія въ смыслѣ соціализма... По всей своей природѣ, муниципальный соціализмъ является необходимымъ средствомъ для образованія и полнаго осуществленія того, что мы назвали *демократическимъ рабочимъ правомъ*... Однако, соціалъ-демократія не опирается исключительно на избирательное право и парламентскую дѣятельность. Соціалистическое рабочее движеніе продолжалось бы даже, если бы парламенты были закрыты... Но что означаетъ этотъ фактъ (ростъ числа собственниковъ) для побѣды соціализма? Лишь спекулятивная доктрина пострадала бы отъ этого; для фактическихъ же стремленій рабочихъ это совершенно второстепенный вопросъ... Развивающійся, прогрессивный классъ нуждается въ здоровой нравственности. Самое важное заключается въ томъ, чтобы ихъ цѣли были одухотворены опредѣленнымъ принципомъ, выражающимъ высшую ступень хозяйственной и всей общественной жизни, чтобы они были проникнуты соціальнымъ міровоззрѣніемъ, которое въ развитіи культуры означаетъ прогрессъ, высшую мораль и правовое сознаніе. Въ этомъ смыслѣ я не могу

согласиться съ утвержденіемъ, что рабочій классъ не долженъ осуществлять никакихъ идеаловъ".

Приведенныя цитаты, полагаю, достаточно убѣдительно показываютъ, что для меня соціализмъ совершенно отождествляется съ рабочимъ движеніемъ, что рабочіе, на мой взглядъ, являются классомъ, который придаетъ опредѣленный характеръ соціалъ-демократіи, и потребности котораго опредѣляютъ дѣятельность послѣдней. Поэтому, когда Каутскій истолковываетъ фразу, въ которой слово „движеніе" поставлено случайно безъ слова „рабочій" и въ которой говорится просто о *„правовомъ сознаніи"*, какъ двигающемъ мотивѣ соціалистической борьбы, въ томъ смыслѣ, будто я ожидаю побѣду соціализма отъ безцвѣтнаго движенія и „безсодержательнаго правового сознанія", то я не могу отнестись къ этому иначе, какъ къ *грубому непониманію* моего изложенія.

Мы вѣдь живемъ не на лунѣ. Если я говорю о силѣ правового сознанія въ нѣмецкомъ соціалистическомъ движеніи, то, разумѣется, дѣло идетъ о правовомъ сознаніи тѣхъ, кто ведетъ въ настоящее время эту борьбу, кто составляетъ главную массу соціалистическаго движенія, т. е. *о правовомъ сознаніи рабочихъ*. Лишь тотъ, кто приступаетъ къ моей работѣ съ личнымъ или теоретическимъ предубѣжденіемъ, можетъ въ ней найти нѣчто другое. Каутскій видитъ въ моей фразѣ спекуляцію на правовое сознаніе класса собственниковъ,—а не на *„чувство справедливости"* послѣднихъ. Уже одинъ фактъ, что Кауцкій долженъ былъ выбрать послѣднее слово *вмѣсто употребленнаго мною* (!), чтобы придать своему истолкованію болѣе правдоподобный видъ, долженъ былъ бы показать ему, что его толкованіе не *можетъ* быть правильнымъ. Какого бы низкаго мнѣнія онъ ни былъ о моихъ умственныхъ способностяхъ, все-таки онъ не припишетъ мнѣ нелѣпой мысли, что побѣду соціализма нужно ожидать отъ *правового сознанія* собственниковъ. Вѣдь правовое сознаніе есть сознаніе того, что право на моей сторонѣ.

Впрочемъ, я не скрываю того, что я считаю очень важнымъ факторомъ соціалистическаго развитія, рядомъ съ ростомъ правового сознанія *рабочихъ*, *общій* прогрессъ права и правовыхъ понятій. Этимъ я вовсе не отказываюсь отъ эко-

номическаго обоснованія соціалистическихъ требованій, а также не отрицаю тѣсной связи соціалистическаго движенія съ экономическимъ развитіемъ общества. Я считаю лишь невозможнымъ и ненужнымъ выводить соціализмъ *исключительно* изъ экономики. Сама по себѣ концентрація средствъ производства не ведетъ къ соціализму, еще не доказано, что она не мирится съ другими общественными формами. Соціализмъ становится необхомымъ лишь съ того времени и лишь постольку, поскольку къ концентраціи присоединяется *сознательное* стремленіе неимущихъ классовъ изъять концентрированныя средства производства изъ частнаго управленія и принять, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, участіе въ общественномъ завѣдываніи производствомъ. Но сознательное стремленіе или сознательную борьбу я только тогда признаю исключительно экономическимъ или матеріальнымъ явленіемъ, когда Каутскій сумѣетъ объяснить сознаніе чисто матеріалистическимъ путемъ. Въ связи съ этимъ объясненіемъ нужно объяснить также тотъ фактъ, что во многихъ областяхъ съ сильно развитой промышленной жизнью большая часть рабочихъ нисколько не проявляетъ этого стремленія. Даже классовая борьба не можетъ быть объяснена чисто экономически.

Этимъ я закончу отвѣтъ по этому вопросу, такъ какъ болѣе подробно я буду на эту тему писать въ „Neue Zeit". Во второй статьѣ я отвѣчу Каутскому на его критику моихъ выраженій относительно теоріи переворотовъ и въ связи съ этимъ поговорю на тему о демократической партіи реформъ.

II.

Каутскій начинаетъ свое второе опроверженіе моей критики теоріи переворотовъ новымъ нападеніемъ на мои данныя относительно роста числа собственниковъ.

Онъ называетъ нелѣпымъ утвержденіе, что число капиталистическихъ предпріятій ростетъ быстрѣй, чѣмъ число наемныхъ рабочихъ. Приводимыя мною цифры изъ промышленной статистики относятся къ *занятымъ лицамъ*, къ которымъ причислены также рабочіе единоличныхъ предпріятій

и собственники самыхъ мелкихъ хозяйствъ, число которыхъ сократилось.

Послѣднее правильно и установлено также и мною въ моей книгѣ. Только я не могу рабочихъ или „собственниковъ" единоличныхъ предпріятій признать *собственниками* въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно понимается, т. е., въ смыслѣ лицъ, получающихъ, благодаря своей *собственности*, высшій доходъ. По своему классовому положенію они принадлежатъ къ рабочимъ и являются, на самомъ дѣлѣ, первыми борцами соціалистической арміи. Когда рабочіе домашней промышленности или мелкіе ремесленники переходятъ въ ряды фабричныхъ рабочихъ, то это измѣняетъ физіономію рабочаго класса, но не числовое отношеніе послѣдняго къ имущему классу.

Этимъ я отвѣчаю также на остроту Каутскаго, будто по моему мнѣнію выходитъ, что всѣ слои населенія возрастаютъ быстрѣе чѣмъ общее число населенія. Она сводится къ *придиркѣ къ словамъ*. Послѣ того, какъ я установилъ, что карликовыя хозяйства сокращаются и абсолютно, и относительно, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что когда я говорю дальше о всеобщемъ приростѣ среднихъ предпріятій, то я исключаю карликовыя хозяйства, какъ собственно и поступаютъ, насколько мнѣ извѣстно, всѣ экономисты и статистики.

А теперь обратимся къ приросту числа собственниковъ. Для Каутскаго всѣ мои разсужденія по этому вопросу кажутся вполнѣ бездоказательными. Я здѣсь не войду въ болѣе подробное изслѣдованіе его возраженій, но лишь ограничусь указаніемъ того, что число прусской статистики богатствъ вполнѣ подтверждаетъ мое утвержденіе, что большинство лицъ, получающихъ высокій доходъ, является также собственниками, т. е. владѣльцами земли или капитала. 347.328 лицамъ съ *доходомъ* болѣе 3.000 марокъ (для 1897—1898 г.) противопоставляются 385.000 лицъ съ владѣніемъ свыше 32.000 марокъ.

Каутскій полагаетъ, что акціонерныя предпріятія увеличиваютъ не число собственниковъ, но число не занятыхъ собственниковъ. Это было бы правильно, если бы „единоличное хозяйство" дѣлало собственникомъ. Впрочемъ, что означаетъ это противопоставленіе собственниковъ празд-

нымъ собственникамъ? Не имѣетъ ли оно цѣлью показать, что я „заинтересованъ“ въ развитіи класса капиталистовъ въ классъ паразитовъ. Насколько не у мѣста это утвержденіе, (направленное на возбужденіе подозрѣнія къ моимъ намѣреніямъ) видно изъ приводимой ниже цитаты изъ моей книги: „Будетъ ли общественный прибавочный продуктъ скопленъ въ рукахъ 10.000 лицъ, или раздѣленъ между полумилліономъ лицъ — это довольно безразлично для десяти милліоновъ семейныхъ рабочихъ, которые при этой торговлѣ ничего не получаютъ. Ихъ стремленіе къ болѣе справедливому распредѣленію или къ организаціи, включающей болѣе справедливое распредѣленіе, не становится отъ этого менѣе обоснованнымъ, или менѣе необходимымъ... Наоборотъ... *паразитные элементы хозяйства высасываютъ соки не изъ капитала, а изъ самихъ рабочихъ*“.

Зачѣмъ я подчеркиваю увеличеніе числа капиталистовъ — потому что праздные собственники не менѣе капиталисты, чѣмъ не праздные—въ современномъ хозяйствѣ? Никто не станетъ утверждать, что я дѣлаю это съ цѣлью представить современный строй въ розовомъ цвѣтѣ. Въ своемъ изслѣдованіи я хочу дать оцѣнку объективныхъ и субъективныхъ препятствій, стоящихъ на пути къ осуществленію общественнаго строя, къ которому стремится соціалъ-демократія. То, что слишкомъ низкая оцѣнка этихъ препятствій можетъ быть очень опасной—противъ этого не будетъ спорить и Каутскій, хотя ему въ настоящій моментъ путь можетъ казаться усыпаннымъ розами. Онъ не можетъ также спорить противъ того, что въ той степени, какъ ростетъ число собственниковъ, экономическій переворотъ капиталистическаго общественнаго строя затрудняется, и тактика, разсчитанная на него, становится ошибочной.

Но, утверждаетъ онъ, марксистская теорія переворота представляетъ теорію *общественнаго*, а не *торгово-промышленнаго* переворота. Дѣло идетъ объ экономической необходимости общественнаго переворота съ точки зрѣнія *историка*, а не *торговца*. Эта необходимость будетъ существовать и тогда, если „экономическія отношенія создадутъ необходимо *политическія* и *этическія* силы, обусловливающія крахъ существующаго строя“.

Но въ такомъ случаѣ, изъ-за чего весь шумъ? Гдѣ я отрицалъ развитіе этихъ силъ. Но вопросы, на которые я отвѣчалъ и не удовлетворилъ своимъ отвѣтомъ Каутскаго, были поставлены иначе. Тамъ было сказано: тотъ, кто отрицаетъ необходимость *экономическаго* переворота, отказывается отъ матеріалистическаго обоснованія соціализма. Но мы находимся въ царствѣ діалектики, гдѣ всѣ понятія „текучи" и имѣютъ кромѣ своего обычнаго еще праздничное значеніе. Такъ какъ у меня нѣтъ никакой охоты спорить изъ-за словъ, то я ограничусь лишь указаніемъ на то, что опредѣленіе Кауцкаго даетъ совершенно не ту теорію переворота, противъ которой я боролся, какъ противъ заблужденія.

Для обоснованія моего пониманія „экономической необходимости" привожу цитату изъ „Анти-Дюринга" Энгельса: „Лишь когда средства сообщенія и производство *дѣйствительно* переросли управленіе ими при помощи акціонерныхъ обществъ, и такимъ образомъ, обобществленіе, на самомъ дѣлѣ, стало непредотвратимымъ *въ экономическомъ отношеніи*, лишь въ такомъ случаѣ обобществленіе означаетъ экономическій прогрессъ, даже если оно производится современнымъ государствомъ".

Можно ли понимать слова Маркса относительно переворота, въ которыхъ говорится о ростущемъ числѣ, объединеніи и опытности пролетаріата, въ смыслѣ роста *зрѣлости и силы* пролетаріата, или нельзя,—это зависитъ отъ того, какъ примиряются зрѣлость и сила съ ростущимъ *вырожденіемъ* и *закрѣпощеніемъ* пролетаріата, о которыхъ говорится въ той же главѣ. Я далекъ отъ мысли придираться къ словамъ, но мнѣ кажется, что между ростомъ числа, объединенія и опытности—послѣдняя понимается преимущественно въ смыслѣ политической опытности — съ одной стороны, и ростущей силой и зрѣлостью—съ другой—существуетъ большая разница, приблизительно такая, какъ между временной побѣдой и прочнымъ господствомъ.

То же, что сказано относительно цитатъ, дѣлаемыхъ Каутскимъ изъ Маркса, нужно сказать относительно цитатъ его изъ Энгельса. Вполнѣ естественно, что Энгельсъ съ восторгомъ привѣтствовалъ избирательныя побѣды нѣмецкой соціалъ-демократіи. Другой вопросъ, не преувеличивалъ

ли онъ нѣсколько значенія этихъ побѣдъ. Дѣйствительный ходъ вещей показалъ, что его разсчеты были слишкомъ оптимистичными, и одно это обстоятельство должно было бы помѣшать Каутскому направлять противъ меня замѣчаніе Энгельса о „правѣ на революцію" и т. п. Подобные выговоры при существующихъ отношеніяхъ для меня являются пустыми, громкими фразами. Когда у саксонскихъ рабочихъ отняли избирательное право въ Ландтагѣ, и они не сдѣлали никакого употребленія изъ своего „права на революцію", то они, вѣроятно, имѣли на то свои мотивы. Во всякомъ случаѣ, нравственное право было бы въ этомъ случаѣ на ихъ сторонѣ. То, что я тогда писалъ по этому поводу, и въ настоящее время является моимъ убѣжденіемъ.

Фразы изъ статьи Лагарделя, которыя цитируетъ Каутскій, не уменьшаютъ симптоматическаго значенія цитированныхъ мною фразъ того же автора. Первыя представляютъ такъ называемую „музыку будущаго", вторыя же относятся къ *современности*. Но рѣшающее значеніе имѣютъ послѣднія. Къ тому же въ республиканской Франціи, экономическія условія которой дѣлаютъ еще на долгое время мало вѣроятнымъ соціальный переворотъ, ссылка на „право на революцію" можетъ быть объяснена исключительно національной традиціей. При оцѣнкѣ публицистическихъ вещей чужихъ странъ необходимо принимать во вниманіе эти обстоятельства.

Вообще невозможно просто переносить примѣръ одной страны на другую страну. Въ подобныхъ случаяхъ необходимо отдѣлить общее отъ спеціальнаго. Классовая борьба рабочихъ съ капиталистами интернаціональна, но въ способѣ ея веденія въ различныхъ странахъ существуютъ очень крупныя различія. Поэтому, для меня непонятно, какимъ образомъ могъ Бебель увидѣть опроверженіе моихъ мыслей въ образованіи соціалъ-демократической партіи въ Цюрихскомъ кантонѣ. Что оно не является опроверженіемъ, видно изъ приводимаго ниже отвѣта, даннаго органомъ цюрихскихъ соціалистовъ, „Volksrecht'", консервативно-либеральному листку: „Neue Zuricher Zeitung", откуда Бебель заимствовалъ свою цитату. Вотъ этотъ отвѣтъ.

„Старательное отграниченіе демократической партіи отъ

соціалъ-демократической нисколько не исключаетъ совмѣстной работы въ вопросахъ тактики; *наоборотъ*, оно впервые создаетъ *основаніе* для такой совмѣстной работы, которая не была бы унизительной или непріятной для одной изъ сторонъ“. И на самомъ дѣлѣ, во время послѣднихъ кантональныхъ выборовъ „старательно разграниченныя партіи“ во многихъ мѣстахъ шли рука въ руку.

Мнѣніе Бебеля, что вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ прогрессомъ политическая борьба должна принять во всѣхъ странахъ тѣ же формы, какъ и въ Германіи — я чуть было не сказалъ, въ сѣверной Германіи—опровергается политическими отношеніями въ большинствѣ развитыхъ странъ. Конечно, вездѣ существуетъ борьба—противъ этого никто не споритъ—но формы ея мѣняются сообразно исторіи и учрежденіямъ страны и характеру ея населенія. Это особенно справедливо въ примѣненіи къ отношенію соціалистовъ къ буржуазнымъ партіямъ. Бебель, между прочимъ, придаетъ слишкомъ мало значенія традиціямъ и демократическимъ учрежденіямъ. Не вездѣ условія борьбы тѣ же, какъ въ восточной Пруссіи.

То, что Каутскій возражаетъ мнѣ въ вопросахъ тактики, такъ неопредѣленно, что мнѣ трудно ему отвѣчать. Онъ обвиняетъ меня въ томъ, будто я требую, чтобы партія отказалась отъ соединенія реформаторской дѣятельности съ революціонной пропагандой, которое состоялось въ шестидесятыхъ годахъ. Вмѣсто отвѣта, я спрошу его, что онъ понимаетъ подъ революціонной пропагандой? Если это означаетъ подготовленіе умовъ для осуществленія соціализма, выясненіе рабочимъ ихъ классоваго положенія и классовыхъ интересовъ, то наврядъ ли онъ будетъ утверждать, что я что-либо изъ этого отрицаю. Если же это означаетъ подготовленіе умовъ къ предстоящей революціонной катастрофѣ, то партія никогда не знала подобной тактики. Такимъ образомъ, большее, что остается—это представленіе о всеобщей экспропріаціи, которое въ настоящій моментъ можетъ быть составлено въ самыхъ общихъ чертахъ. Я не думаю, что Каутскій разумѣетъ именно это; во всякомъ случаѣ, партія никогда не вела подобной пропаганды—ни въ шестидесятыхъ годахъ, ни въ позднѣйшее время. Ея первыя про-

граммы были гораздо скромнѣе. Идея переворота стала популярной лишь во время господства исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ, фраза же о диктатурѣ пролетаріата введена въ обращеніе лишь опубликованіемъ программнаго письма Маркса. Если это должно служить критеріемъ, то признаюсь, что я не считаю плодотворной пропаганду, которая руководствуется подобнымъ девизомъ. Партія сдѣлалась сильной и великой, какъ партія соціалъ-демократіи, благодаря ея рѣзко демократическому характеру, какъ рабочая демократія и, этого, на мой взглядъ, вполнѣ достаточно въ настоящее время для ея борьбы. Если Каутскій не удовлетворяется этимъ отвѣтомъ, то пусть онъ точнѣй формулируетъ свой вопросъ и тогда я не замедлю отвѣтить болѣе подробно.

На вопросъ Каутскаго, какіе изъ шести отдѣловъ теоретической части партійной программы согласуются еще съ теперешними моими взглядами, я отвѣчу вполнѣ прямо: въ существующей редакціи я согласенъ лишь съ шестымъ отдѣломъ, да и то предпочиталъ бы замѣнить слова: „можетъ только“ словами: „должно главнымъ образомъ“. Остальныя выраженія составлены въ слишкомъ общей и аподиктической формѣ, чтобы соотвѣтствовать моему теперешнему представленію о дѣйствительномъ развитіи. Авторъ „Аграрнаго вопроса“ наврядъ ли и самъ будетъ утверждать, что по отношенію къ крестьянамъ можно говорить вообще о ростѣ нищеты, угнетенія, крѣпостной зависимости и т. под.

Такимъ образомъ, я бы придалъ шести отдѣламъ другую форму. И если Каутскій считаетъ это нужнымъ, я готовъ точно выяснить мои разногласія по отношенію къ каждому пункту.

Но, съ своей стороны, я не считаю нужнымъ предлагать измѣненіе партійной программы. Теоретическая часть программы является выраженіемъ одной изъ фазъ идеологическаго развитія, но вовсе не таблицей догматовъ. Партія требуетъ отъ своихъ членовъ признанія своихъ цѣлей и требованій, т. е. признанія программы en bloc, но не касается вопросовъ научной совѣсти и не спрашиваетъ, напр., какъ ты думаешь объ упадкѣ средняго сословія и крестьянства? Фактически она поступаетъ такъ, какъ поступаютъ соціа-

листическія партіи заграницей, ограничивающіяся установленіемъ въ своихъ программахъ общей цѣли и практическихъ требованій и предоставляющія теоретическое обоснованіе партійной литературѣ.

Мнѣ кажется, что я достаточно ясно установилъ свою точку зрѣнія. Я не отрицатель теоріи, но именно потому, что я ее высоко цѣню, я полагаю, что ей не мѣсто въ программѣ боевой партіи. Здѣсь она всегда окажется въ томъ или иномъ отношеніи слишкомъ узкой, если только она не ограничится, какъ французская программа, немногими общими фразами, характеризующими тенденцію развитія.

Въ заключеніе, еще одно личное замѣчаніе. Кто участвуетъ въ общественной жизни, долженъ терпѣть критику и даже извращеніе своихъ взглядовъ. У меня нѣтъ ни времени, ни охоты полемизировать съ тѣми рецензентами моей книги, которые неправильно изложили содержаніе послѣдней; я вынужденъ ограничиться отвѣтомъ на критику Каутскаго въ „Vorwärts'ѣ“ и „Neue Zeit“. Полагаю, что этого будетъ вполнѣ достаточно для выясненія тѣхъ пунктовъ, которые еще вообще слѣдуетъ выяснить.

III. Ограниченіе разногласій.

(Отвѣтъ на статью Каущкаго въ „Vorwärts'ѣ“ за 26 апрѣля 1899 г.).

Упрекъ Каутскаго въ томъ, что я стараюсь, по возможности, смягчить существующія разногласія, вынуждаетъ меня къ возраженію, которымъ закончится моя полемика на страницахъ „Vorwärts'а“.

Я считаю этотъ упрекъ, поскольку онъ касается моего отношенія къ теоріи, очень тяжелымъ, но полагаю, что я его не заслужилъ. Скорѣй меня можно упрекнуть въ противоположномъ. Въ своей книгѣ я изложилъ свои разногласія безъ всякаго принужденія со стороны съ полной откровенностью, которую анархистъ Ландауэръ, стоящій въ данномъ спорѣ на сторонѣ Каутскаго, назвалъ даже „цинизмомъ“. Меня можно упрекнуть въ чемъ угодно, только не въ недостаткѣ откровенности въ литературной дѣятельности.

Правда, я не дѣлаю изъ своихъ заявленій тѣхъ выводовъ, которые изъ нихъ дѣлаетъ Каутскій. Но почему выводы, дѣлаемые Каутскимъ, являются дѣйствительно необходимыми выводами? Что касается устройства ума, то къ счастью не всѣ люди созданы по одному шаблону. Что для одного является необходимымъ выводомъ, то другому совершенно не кажется таковымъ. По мнѣнію Каутскаго, соціалъ-демократія теоретически или существуетъ, или нѣтъ въ зависимости отъ того или иного отвѣта на вопросы, въ которыхъ мы расходимся. Но какъ въ самой Германіи, такъ и за границей есть рядъ извѣстныхъ дѣятельныхъ соціалистовъ, стоящихъ ближе скорѣй къ моимъ воззрѣніямъ, чѣмъ къ его. Я назову здѣсь лишь *Ванъ-Коля*, статья котораго въ „Revue socialiste“: „Долой догматы!“ (Октябрь, 1898 г.), конечно, извѣстна Каутскому. Въ своей статьѣ Ванъ-Коль пишетъ, что „теорія стоимости должна быть подвергнута строгой критикѣ“, что „стремленіе, вывести всестороннюю историческую теорію изъ экономическихъ измѣненій“ „кончилось неудачей“, что „коммунизмъ превратился въ коллективизмъ“, а „желѣзный законъ заработной платы“ сталъ „старой ветошью“, что положеніе рабочаго класса не ухудшается, и что цѣль не „зависитъ исключительно отъ соціальныхъ учрежденій и лучшаго способа производства. „Развѣ, благодаря этому, заслуженный борецъ голландской соціалъ-демократіи пересталъ быть соціалъ-демократомъ? Я имѣю основаніе полагать, что Вандервельде и другіе вожаки бельгійской соціалъ-демократіи въ обсуждавшихся мною вопросахъ находятся на моей сторонѣ; развѣ они поэтому не соціалъ-демократы? Извѣстно, что большинство французскихъ и англійскихъ соціалистовъ лишь отчасти согласны съ ученіемъ Маркса. Тѣмъ не менѣе, они принадлежатъ къ соціалъ-демократической арміи. Каутскій долженъ былъ бы составить длинный списокъ, если бы онъ пожелалъ исключить изъ рядовъ соціалъ-демократіи всѣхъ соціалистовъ, расходящихся съ нимъ во взглядахъ такъ же, какъ и я.

Онъ говоритъ, что не хочетъ, чтобы полемика выродилась въ споръ двухъ монаховъ. Но то, что онъ пишетъ о моемъ отношеніи къ теоретической части Эрфуртской программы, очень напоминаетъ подобный споръ. Я вполнѣ

точно показалъ, почему я не могу согласиться съ пятью первыми отдѣлами теоретической части программы въ ея теперешней редакціи, а именно, брагодаря *ея слишкомъ аподиктической формулировкѣ*. Напр., по моему мнѣнію, не вѣрно или только отчасти вѣрно, что „частная собственность на средства производства является въ настоящее время лишь средствомъ для экспропріаціи крестьянъ". Въ дѣйствительности мы часто встрѣчаемъ прямо противоположное явленіе. Поэтому, если мнѣ предлагаютъ инквизиторскій вопросъ, согласенъ ли ты еще съ пятымъ отдѣломъ программы, то моя научная совѣсть заставляетъ меня сказать: нѣтъ!, потому что тамъ, между прочимъ, помѣщается приведенная выше фраза. То же относится къ вопросу о кризисахъ (отдѣлъ 4), къ вопросу о формѣ,—а не о фактѣ—классовой борьбы (отдѣлъ 3), къ вопросу о размѣрѣ обѣднѣнія (отдѣлъ 2), къ вопросу о формахъ владѣнія средствами производства (отдѣлъ 1).

Но развѣ пониманіе *формъ* дѣйствительнаго развитія создаетъ соціалиста, т. е. пониманіе того, чѣмъ *должно* быть общество: создаетъ ли оно соціалистическое *міровоззрѣніе, волю?* Классовая борьба между рабочими и капиталистами остается классовой борьбой и въ томъ случаѣ, если она совершается не на улицахъ, а въ законодательномъ собраніи и въ органахъ самоуправленія и проявляется не въ періодическихъ забастовкахъ рабочихъ союзовъ, но въ постоянныхъ организованныхъ смѣшанныхъ комитетахъ для установленія заработной платы. Она остается классовой борьбой и въ томъ случаѣ, когда движущей силой рабочаго движенія является не крайняя матеріальная нужда, но растущія культурныя требованія рабочихъ, ихъ повышающійся культурный уровень и ростъ сознанія ихъ равноправія. Даже болѣе, лишь въ послѣднемъ случаѣ классовая борьба можетъ вести и ведетъ къ обобществленію производства. Что касается самаго обобществленія, то я не считаю ни возможнымъ, ни желательнымъ одновременное и однообразное введеніе его во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни. Въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ" Каутскій это призналъ по отношенію къ сельскому хозяйству. Болѣе подробное знакомство съ положеніемъ промышленности повело бы его,

вѣроятно, къ убѣжденію, что и въ этой области дѣло не можетъ пойти иначе.

Я изложилъ свои общіе взгляды по этому предмету два года назадъ въ статьѣ: „Соціально-политическое значеніе пространства и числа“, и тогда Каутскій не сдѣлалъ ни одного возраженія. Примѣчаніе, которымъ онъ снабдилъ мою статью, не говорило ни о малѣйшемъ теоретическомъ разногласіи.

Это—между прочимъ. Упрекъ Каутскаго, будто я ограничиваю свои взгляды оговорками, совершенно неоснователенъ. Онъ видитъ оговорки тамъ, гдѣ я ничего не скрываю, потому что чуждъ всякаго догматизма. Съ теченіемъ времени во мнѣ все больше и больше укрѣплялось убѣжденіе, что вмѣстѣ съ ростомъ соціалистическаго движенія все менѣе возможно заключить его въ немногихъ формулахъ. Какъ удачно выразился французскій соціалистъ (марксистъ) Шарль Бонье въ „Devenir Social“, современное движеніе уже вышло изъ первыхъ двухъ стадій развитія, т. е. стадіи *вѣры* и *концентраціи*, и вступило въ третью стадію—*приспособленія*, почему становится неизбѣжнымъ постоянное нѣкоторое разрыхленіе его догматовъ. Потому что всякое *осуществленіе* идеи кажется ея *порчей*, такъ какъ оно представляетъ *соединеніе ея съ традиціей.* Никогда еще міръ не видѣлъ вполнѣ новаго творчества, но лишь обновленіе существующаго. Вещи не развиваются, какъ логическія понятія, потому что дѣйствительность всегда сложнѣй нашей способности представленія.

Каутскій старается доказать—и конечно, вѣритъ въ это—что онъ защищаетъ пролетаріатскую борьбу, а я—какой-то этическій, оппортюнистическій, фабіанскій и, Богъ вѣсть, еще какой „буржуазный“ соціализмъ. Но эти подраздѣленія существуютъ только въ его головѣ и нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Онъ не больше пролетарій, чѣмъ я, и я не меньше защищаю борьбу рабочаго класса, чѣмъ онъ. Я лишь имѣю другіе взгляды на ближайшіе возможные результаты этой борьбы, а кто изъ насъ болѣе правъ—покажетъ будущее.

Такъ же мало находится мое сужденіе о теоретической части партійной программы въ „рѣзкомъ противорѣчіи“ со всѣмъ тѣмъ, что до сихъ представляла партія. Отожде-

ствлять партію съ теоретическимъ изложеніемъ, которое при всемъ талантѣ автора содержитъ лишь относительную истину—это значитъ выдавать партіи плохое свидѣтельство. Притомъ же я ве отрицаю заключающихся въ этомъ изложеніи основныхъ мыслей, но лишь ихъ формулировку.

Наконецъ, Каутскій, полагаетъ, что дѣло идетъ не объ отношеніи *къ моей личности*, а *къ моей книгѣ*. Въ данномъ случаѣ онъ не дѣлаетъ выводовъ, которые уже сдѣланы другими моими критиками, находящимися въ одномъ лагерѣ съ Каутскимъ. Если въ партіи нѣтъ мѣста для моихъ взглядовъ, то въ ней не можетъ быть мѣста также и для моей личности. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-то личныхъ соображеніяхъ. Во всякомъ случаѣ я менѣе всего претендую на нихъ. Боевая партія—не академическій клубъ.

Такимъ образомъ, защищая свои взгляды, я борюсь вовсе не за себя лично. Каутскій согласенъ, что это — не только мои личные взгляды; но онъ изображаетъ положеніе такъ, какъ будто дѣло идетъ о ничтожномъ меньшинствѣ. Правильно, однако, лишь то, что лишь меньшинство даетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; большинство же поступаетъ оппортюнистически, не ломая себѣ головы надъ теоретическимъ обоснованіемъ своихъ поступковъ. То направленіе, котораго придерживается Каутскій, исповѣдуется также лишь меньшинствомъ партіи.

То что Каутскій выражаетъ въ формѣ намека, открыто требуется его болѣе горячими соратниками; это—„старательнаго отграниченія". Такъ какъ при этомъ дѣло будетъ итти не только о моей личности, то я могу сказать по этому поводу нѣсколько словъ, не возбуждая подозрѣнія, что защищаю собственное дѣло.

Въ настоящей полемикѣ рѣчь неоднократно заходила о чартизмѣ. Но если существуютъ причины неудачи чартизма, то онѣ заключаются въ его стремленіи къ „чисткѣ". Пусть не думаютъ, что „чистку" легко закончить. Партіи никогда не дѣлятся „на чисто". Едва произошелъ расколъ, какъ въ каждой изъ образовавшихся группъ возникаетъ своя правая и лѣвая, которыя скоро даютъ поводъ къ новой чисткѣ. Чартисты и „отчищали" себя до тѣхъ поръ, пока нечего было уже и чистить.

Конечно, до этого въ Германіи не дойдетъ: движеніе слишкомъ сильно. Но вредъ, который принесла бы подобная отчистка, былъ бы громаденъ. То, что оно потеряетъ въ нравственномъ значеніи, не можетъ быть покрыто большимъ единствомъ. Партія, состоящая изъ сотенъ тысячъ членовъ, не можетъ быть единой въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ Каутскій. Если онъ и оперируетъ въ теоріи съ понятіемъ единаго пролетаріата, то дѣйствительный рабочій классъ не пріобрѣтаетъ отъ этого единства.

Я представляю рабочій классъ менѣе абстрактно и тѣмъ не менѣе—или именно поэтому—я питаю большее довѣріе къ рабочему движенію. Я не боюсь его соприкосновенія съ „эпиками“ или „катедрсоціалистами“. Рабочее движеніе выросло изъ той фазы, когда ему могла угрожать опасность отъ чрезмѣрной кротости. Но если эта опасность и существовала, то не но могли бы никакія „отчистки“. Чѣмъ болѣе партія будетъ заботиться о своей чисткѣ, тѣмъ менѣе она будетъ имѣть общую связь съ профессіональнымъ движеніемъ. Она становится дѣйствительной партіей рабочаго класса, именно благодаря тому, что расширяетъ свои рамки, поскольку это допускается идеей соціализма. Сохранить этотъ характеръ — вотъ задача, которая имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ сохраненіе революціонной фразеологіи, или устарѣвшей или же излишней.

Каутскій хочетъ установить между своей точкой зрѣнія и точкой зрѣнія, защищаемой мною и моими друзьями „непримиримое противорѣчіе двухъ міровоззрѣній“. Конечно, если бы это было правильно, то расколъ былъ бы неизбѣженъ. Но я отрицаю существованіе такого „непримиримаго противорѣчія“. Существуютъ противорѣчія въ отдѣльныхъ вопросахъ, какъ это всегда бываетъ. Они не больше того противорѣчія, которое нѣкогда повело къ расколу французскихъ соціалистовъ на марксистовъ и поссибилистовъ. Въ настоящее время эти двѣ фракціи стоятъ другъ къ другу ближе, чѣмъ когда-либо. На практикѣ онѣ почти ни въ чемъ не расходятся. Неужели нѣмецкая соціалъ-демократія должна повторить теперь ошибку французовъ 1882, когда послѣдніе находятся на пути къ ея исправленію?

Необходимость въ природѣ и исторіи.

Отвѣтъ на статью Каутскаго: Бернштейнъ и матеріалистическое пониманіе исторіи (Die Neue Zeit. 1898 — 99 Bd. II. pag. 4.).

Каутскій начинаетъ свою критику той части моей книги, которая касается теоріи соціализма, изслѣдованіемъ моихъ разсужденій о детерминизмѣ матеріалистическаго пониманія исторіи.

Въ этомъ вопросѣ я долженъ признать его критику отчасти справедливой. По отношенію къ выраженіямъ, мое изложеніе во многихъ мѣстахъ оставляетъ еще многаго желать, ему не достаетъ точности. Но что касается сути дѣла, то я не вижу, чтобы Каутскій опровергъ что-либо изъ того, что мною сказано.

Спорнымъ пунктомъ теоріи является вопросъ о вліяніи хозяйства въ исторіи, т. е. вопросъ, въ какой степени общественная жизнь людей, ихъ учрежденія, идеологія и ихъ измѣненія опредѣляются производственными отношеніями, т. е. способомъ производства и производительными силами матеріальной жизни. Или, выражаясь еще точнѣе, противопоставляютъ ли люди—и если да, то поскольку—свои нравственныя воззрѣнія и правовыя учрежденія, какъ нѣчто самостоятельное, экономическимъ факторамъ. Такъ какъ матеріалистическое пониманіе исторіи, какъ уже показываетъ само названіе, находится въ тѣснѣйшей связи съ общимъ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ, то въ своей книгѣ я разбираю эту теорію въ связи съ послѣднимъ, т. е. въ связи

съ ученіемъ, по которому все совершающееся въ мірѣ человѣка и природы опредѣляется неизмѣнными законами движенія матеріи, наполняющей вселенную. Въ своей книги я недостаточно сильно подчеркиваю роль *матеріи*, такъ что можетъ показаться, на основаніи нѣкоторыхъ выраженій, что я вижу характерное отличіе матеріалистическаго міровоззрѣнія отъ всѣхъ другихъ—въ значеніи, придаваемомъ имъ закону причинности. Каутскій высмѣиваетъ эту ошибку, и я не хочу нарушать его удовольствія. Но его тріумфъ исчерпывается этимъ и нѣсколькими подобными же неправильностями въ выраженіяхъ.

Все остальное, что онъ возражаетъ противъ меня покоится на смѣшеніи и отождествленіи причинности и необходимости, философскаго и экономическаго детерминизма.

Причинность и необходимость—два различныя, хотя очень родственныя понятія. То, что ничего не совершается безъ причины, и что между причиной и слѣдствіемъ существуетъ необходимая связь, такъ что одна и та же причина при однихъ и тѣхъ же условіяхъ всегда вызываетъ одно и то же слѣдствіе—представляетъ предположеніе, къ принятію котораго насъ вынуждаетъ устройство нашего ума, и которое подтверждается опытомъ. На немъ покоится всякая цѣлесообразная сознательная дѣятельность, направленная на будущее,— безразлично, идетъ ли дѣло о завтрашнемъ днѣ, или о будущемъ столѣтіи. Въ развитіи понятія причинности, въ *исканіи* причинъ коренится всякая религія, а также и положительное знаніе. Но такъ какъ наше познаніе ограничено, и мы всегда встрѣчаемся съ вопросомъ „почему?", на который положительное знаніе не даетъ отвѣта, то категорія причинности не только не исключаетъ вѣры въ Бога, но служитъ для послѣдней наиболѣе благородной защитой. То, что все совершающееся должно имѣть причину, еще не означаетъ, что все совершающееся должно имѣть естественную причину, не связанную ни съ какими сверхчувственными силами. Еще менѣе это значитъ, что все совершающееся должно быть сведено къ механическимъ причинамъ. Эти выводы и требованія не могутъ быть основаны на одномъ принципѣ причинности.

Такимъ образомъ, утверждать причинность всего совер-

шающагося,—это не значитъ еще то же, что утверждать физическую *необходимость* всего совершающагося. Что все случившееся необходимо *должно* было случиться—это предположеніе, въ извѣстныхъ предѣлахъ очень вѣроятное, но оно никогда не можетъ стать безусловной *достовѣрностью*. Оно, напр., находится въ явномъ противорѣчіи съ предположеніемъ безконечности мирового процесса и безграничности пространства. При послѣднемъ предположеніи былъ бы немыслимъ рисовавшійся въ воображеніи Лапласа духъ, который „позналъ всѣ дѣйствующія въ данный моментъ въ природѣ силы", и для котораго не существовало бы „*ничего неизвѣстнаго* ни въ прошломъ, ни въ будущемъ" *). Какъ могъ бы этотъ духъ выразить въ одной формулѣ, изъ которой исключено все *неизвѣстное*, безконечно большое количество единицъ пространства, матеріи и движенія? Разъ время и міровая субстанція безконечны, то тогда никогда нельзя сказать относительно случившагося, что оно *должно* было случиться именно въ тотъ самый моментъ и въ томъ самомъ пунктѣ пространства, и тѣмъ самымъ образомъ, какъ оно случилось. Поэтому послѣдовательные детерминистические матеріалисты прибѣгаютъ къ помощи представленія о „конечномъ мірѣ въ безконечномъ пространствѣ" и признаютъ безконечность времени лишь въ одномъ направленіи. Когда Энгельсъ отбросилъ это предположеніе, онъ также значительно ограничилъ, на мой взглядъ, понятіе физической необходимости. Но даже, если принять это предположеніе, то благодаря немыслимо большому количеству единицъ времени, пространства и субстанціи въ ограниченномъ, такимъ образомъ, мірѣ, представленіе о безусловной физической необходимости *всего* совершающагося является ничего не говорящей гипотезой.

Остается еще, т. наз., *законосообразная необходимость*, составляющая одно изъ слѣдствій закона причинности, различныя проявленія которой мы называемъ *естественнымъ закономъ*. Я не буду останавливаться на ней, поскольку дѣло идетъ о физическихъ явленіяхъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, и обращусь къ интересующему насъ вопросу *о за-*

*) Ср. Дю-Буа-Реймондъ:—„Границы естествознанія".

кономѣрности или *необходимости* человѣческихъ поступковъ.

Обыкновенно этотъ вопросъ называется вопросомъ о свободѣ воли, что даетъ поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ. Свобода—это въ значительной долѣ отрицательный принципъ; она означаетъ свободу *отъ* чего-либо, отъ принужденія или вліянія. Такъ какъ существуютъ очень различныя силы и вліянія, которыя могутъ дѣйствовать на волю, то между людьми, оспаривающими свободу воли, можетъ быть разногласіе относительно *рода* и *степени* зависимости воли. Тѣ же разногласія могутъ быть относительно *рода* и *степени* самой свободы. Никто не утверждаетъ полной независимости воли. Скорѣй господствуетъ единодушное мнѣніе, что дѣйствія, совершаемыя рефлекторно и подъ вліяніемъ сильнаго аффекта, должны быть разсматриваемы, какъ не свободныя. Тамъ, гдѣ разнузданы страсти и влеченія, воля связана; именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда она, кажется, является господиномъ, она на самомъ дѣлѣ—рабъ. Если тѣмъ не менѣе нѣкоторые мыслители утверждаютъ, что эта связанная воля именно и является свободной волей, то это объясняется тѣмъ, что они употребляли слово „воля" въ особомъ смыслѣ, не какъ обозначеніе сознательнаго рѣшенія, но какъ названіе *влеченія*. Вопросъ о свободѣ воли есть вопросъ о *свободѣ сознательнаго рѣшенія* и, такимъ образомъ, въ послѣднемъ счетѣ—о свободѣ мышленія.

Каждому рѣшенію предшествуетъ хотя самое краткое размышленіе, потому что, гдѣ нѣтъ взвѣшиванія доводовъ, тамъ нѣтъ рѣшенія. Рѣшеніе показываетъ, на какой сторонѣ находился въ данный моментъ времени болѣе сильный поводъ. Такъ какъ это рѣшеніе часто приходитъ въ противорѣчіе съ личнымъ интересомъ и еще чаще съ физическими влеченіями, то очевидно, что интеллектуальные мотивы *могутъ* оказывать болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ животные или грубо-матеріальные. Мысль одерживаетъ побѣду надъ „плотью". Но свободна ли сама мысль? Существуетъ ли въ нашемъ мыслительномъ организмѣ какая-либо свобода?

Въ этомъ собственно и заключается центръ вопроса. И наука не дала на него рѣшительнаго отвѣта, точнѣй, въ

научномъ мірѣ нѣтъ признаннаго, неоспоримаго отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому, наиболѣе выдающіеся представители научной психологіи, какъ, напр., великій Вундтъ, являются лишь неопредѣленными детерминистами въ вопросѣ о волѣ. Въ своей „Этикѣ“ Вундтъ борется противъ представленія о рѣшеніи, свободномъ отъ причинности, но также не менѣе рѣзко онъ возстаетъ противъ стремленія свести душевные процессы къ механическимъ вліяніямъ, какъ должны дѣлать послѣдователи философскаго или естественно-историческаго матеріализма.

Можно считать неоспоримымъ, что мышленіе находится въ связи съ механическими процессами въ мозгу—напр., съ измѣненіемъ пространственнаго отношенія или напряженія частицъ мозговой субстанціи. Но это не объясняетъ, почему опредѣленное механическое раздраженіе въ клѣткахъ мозговой коры должно необходимо вызывать опредѣленную мысль или составную часть мысли. Напротивъ, происходящій постоянно въ человѣческомъ тѣлѣ обмѣнъ веществъ ведетъ къ предположенію, что мысль передается отъ „атома“ къ „атому“, т. е., что каждая малѣйшая часть мозговой субстанціи обладаетъ способностью воспринимать и воспроизводить, др. словами, превращать въ сознаніе каждое впечатлѣніе. Но всѣ попытки локализировать въ мозгу мыслительные процессы (за исключеніемъ опредѣленныхъ центровъ ощущенія и представленія) до сихъ поръ кончались неудачей; точно также нѣтъ никакой возможности объяснить превращеніе физическаго раздраженія въ сознаніе. Это подразумѣваетъ обратную невозможность напередъ исключить существованіе принципа, который вступаетъ во взаимодѣйствіе съ механическимъ принципомъ и который до извѣстной степени независимъ отъ послѣдняго. Если предположить подобный принципъ, въ пользу котораго говорятъ различныя соображенія, то механическій детерминизмъ, конечно, былъ бы удаленъ, но это не означало бы отказа отъ закономѣрности мышленія и отъ причинности поступковъ. При подобномъ предположеніи становится невозможной лишь упомянутая выше „міровая формула“.

„Если хотя единственный мозговой атомъ“, пишетъ Ланге, „могъ бы быть хотя бы на одну милліонную долю мили-

метра отклоненъ отъ своего пути, котораго онъ долженъ придерживаться по законамъ механики, силою мысли, то міровая формула не имѣла бы никакого смысла и никуда бы не годилась". Спрашивается, что бы мы потеряли, собственно говоря, съ этой формулой, съ ея безчисленными перемѣнными, не говоря уже о томъ, что мы могли бы ее спасти введеніемъ указаннаго выше принципа? Важнѣе второе возраженіе Ланге, именно то, что законъ сохраненія силы не имѣлъ бы никакого смысла, если бы процессы мозга представляли исключеніе изъ него. Но съ тѣхъ поръ, какъ Ланге писалъ эти строки, сами физики значительно измѣнили формулировку этого закона, что видно уже изъ того, что они говорятъ теперь не о сохраненіи силы, а о сохраненіи энергіи, что представляетъ нѣсколько иное. Но знаніе на этомъ не останавливается. Знаменитый физикъ *Генрихъ Герцъ*, въ оставленномъ, послѣ смерти, произведеніи, пытается покачнуть и представленіе объ энергіи. Я не спеціалистъ, и потому не могу сказать, правъ ли онъ. Но для меня важенъ самъ фактъ и его гносеологическое значеніе. Само собой разумѣется, что законъ сохраненія энергіи не опровергается теоріей Герца, но, во всякомъ случаѣ, ограничивается ею, о чемъ собственно и идетъ вопросъ.

Въ своей механикѣ Герцъ исходитъ, какъ видно изъ предисловія Когена къ пятому изданію „Исторіи матеріализма" Ланге, изъ трехъ основныхъ представленій: времени, пространства и массы и замѣняетъ понятія силы и энергіи новой, еще непознанной категоріей, которая сама, возможно, сведется къ „движенію и массѣ", если бы мы могли отличать ее отъ извѣстныхъ намъ формъ движенія и массы. „То, что мы обыкновенно называемъ силой и энергіей", говоритъ Герцъ, „для насъ представляетъ не что иное, какъ слѣдствіе массы и движенія, хотя нѣтъ необходимости, чтобы она всегда являлась слѣдствіемъ грубо-чувственной массы и грубо-чувственнаго движенія". По его мнѣнію, дѣло идетъ о гораздо болѣе свободной формѣ движенія, чѣмъ то, которое нами обыкновенно воспринимается, и объ „опредѣленномъ математическомъ ограниченіи возможной связи природы".

Поскольку новѣйшія физическія открытія подтверждаютъ

теорію Герца, объ этомъ можетъ судить лишь спеціалистъ; для меня же кажется очень вѣроятнымъ, что она служитъ для нихъ опорными пунктами.

Во всякомъ случаѣ и второй аргументъ Ланге не имѣетъ принудительной силы, и развитіе естествознанія заставляетъ насъ все болѣе и болѣе суживать границы зависимости человѣческаго мышленія отъ внѣшнихъ механическихъ процессовъ, на что уже, впрочемъ, указываетъ ростъ массы нашего сознанія. Такимъ образомъ, если въ свое время познаніе зависимости человѣческаго мышленія отъ матеріальной среды (въ широкомъ смыслѣ) было значительнымъ прогрессомъ и останется навсегда необходимымъ для многихъ практическихъ цѣлей, то дальнѣйшій прогрессъ знанія идетъ не къ усиленію физическаго детерминизма, а къ ограниченію его. Человѣкъ, какъ индивидъ, остается зависимымъ отъ своей среды, но человѣческій духъ, познаніе, подвигается все впередъ и противопоставляетъ себя все сувереннѣе грубо-чувственнымъ силамъ природы. Универсальная необходимость превращается во все болѣе и болѣе абстрактное понятіе, чѣмъ далѣе подвигается познаніе *условной необходимости и ея связей.* Мысль, что существующій міръ является именно такимъ, какимъ онъ и долженъ быть, представляетъ назидательное представленіе матеріалистовъ, которые нуждались въ утѣшеніи при видѣ низости міра.

Поэтому, если бы я на самомъ дѣлѣ сказалъ, что Марксъ и Энгельсъ были сначала матеріалистами и детерминистами, позже же ограничили свой детерминизмъ, то это бы не значило еще, будто я сказалъ, что Марксъ и Энгельсъ сначала были послѣдовательными мыслителями, а потомъ стали непослѣдовательными. Суть въ томъ, что Марксъ и Энгельсъ всегда были лишь условными матеріалистами.

То, что я говорилъ въ своей книгѣ о детерминизмѣ относилось къ историческому матеріализму. Относительно послѣдняго я замѣтилъ, что Марксъ и Энгельсъ представляли его сначала въ болѣе детерминистическомъ видѣ, чѣмъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Я пораженъ тѣмъ, что Каутскій считаетъ нужнымъ оспаривать это, тогда какъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Энгельса, который писалъ въ 1890 г. слѣдующее: „Мы должны были, въ борьбѣ съ сво-

ими противниками подчеркивать *главный принципъ*, отрицаемый послѣдними (т. е. экономическій факторъ), и при этомъ мы не могли въ достаточной степени указать на остальные моменты, входящіе во взаимодѣйствіе". Но если участвующіе во взаимодѣйствіи элементы не получили должнаго признанія, то это значитъ, что детерминирующее значеніе „главнаго принципа" было преувеличено по сравненію съ дѣйствительностью, а я именно объ этомъ и говорилъ.

Каутскій ссылается на то, что законъ не отрицается тѣмъ, что на практикѣ его дѣйствіе измѣняется другими законами. Это правильно, но кто это отрицалъ? Дѣло вѣдь идетъ лишь объ оцѣнкѣ преобладанія одного—именно, экономическаго фактора надъ остальными факторами народной жизни, объ установленіи *степени*, какъ я и указывалъ въ своей книгѣ. Каутскій говоритъ, что спорить о правильности историческаго матеріализма, значитъ заниматься схоластикой, нужно провѣрить его правильность на историческихъ фактахъ. Но не такъ уже давно онъ самъ занимался этой схоластикой; неужели полтора года могли такъ дискредитировать разсужденія о принципіальныхъ вопросахъ? Впрочемъ, чтобы провѣрить теорію по исторіи, нужно сначала выяснить, что представляетъ эта теорія, и во-вторыхъ, дѣло идетъ не только о теоріи для историковъ, но и о доктринѣ, которая является ученіемъ *партіи* и употребляется, какъ средство агитаціи. Именно, какъ таковую, ее защищали противъ моей критики нѣкоторые изъ товарищей Каутскаго.

Каутскій заявляетъ, до тѣхъ поръ, пока я не приведу въ пользу своего утвержденія о индетерминистическомъ характерѣ историческаго пониманія Маркса - Энгельса болѣе сильныхъ аргументовъ, чѣмъ тѣ, которые приведены въ моей книгѣ, онъ долженъ будетъ считать мое утвержденіе невѣрнымъ. Я очень жалѣю, но другого доказательства, при всемъ желаніи, я не могу дать.

Весь споръ вращается около различнаго пониманія слова: *детерминизмъ*. Въ томъ смыслѣ, въ которомъ я его употребляю, оно означаетъ *матеріально устанавливаемую необходимость* и въ примѣненіи къ исторіи ведетъ къ *фатализму*. По отношенію къ этому пункту, моя книга не оставляетъ

никакого сомнѣнія для всякаго, кто прочиталъ ее безъ предвзятаго мнѣнія. Въ подтвержденіе привожу заключительныя строки главы:

„Значеніе исторической теоріи Маркса-Энгельса вытекаетъ изъ важной роли, придаваемой ею хозяйству; то новое, что она внесла въ историческую науку, покоится на познаніи и оцѣнкѣ экономическихъ фактовъ. Экономическое пониманіе исторіи не означаетъ, что признаются только экономическія силы и экономическіе мотивы; оно указываетъ лишь на то, что хозяйство служитъ рѣшающей силой, центромъ великихъ историческихъ движеній. Со словомъ „матеріалистическое пониманіе исторіи“ связаны напередъ недоразумѣнія, вызываемыя вообще понятіемъ матеріализма. Философскій или естественно-историческій матеріализмъ носитъ детерминистическій характеръ, чего нельзя сказать относительно исторической теоріи Маркса-Энгельса, которая не признаетъ за экономическимъ основаніемъ народной жизни безусловнаго опредѣляющаго значенія по отношенію къ этой жизни“.

Опредѣляемый такимъ образомъ детерминизмъ, я рѣзко отдѣляю отъ историческаго матеріализма, какъ я дѣлалъ это и раньше. Каутскому трудно будетъ найти во всемъ, что я писалъ за послѣдніе 6—7 лѣтъ, хотя бы одну фразу, въ которой я заявилъ бы что-либо принципіально противное. Никто не отрицаетъ причинности въ исторіи; мнѣ не приходило также въ голову отрицать сильное вліяніе развитія производства на образованіе правовыхъ и другихъ учрежденій. Но я не могу согласиться съ детерминизмомъ, который стремится свести чисто механически всѣ человѣческія учрежденія къ первобытной исторіи не только человѣчества, но и нашей планеты. Каутскій, вѣроятно, будетъ отрицать, что его изложеніе ведетъ къ такому пониманію детерминизма, тѣмъ болѣе, что онъ самъ возстаетъ противъ идеи механическаго развитія соціальныхъ отношеній. Но если онъ не предполагаетъ чисто *механическаго* мірового процесса, въ которомъ люди являются автоматами, какъ бы сознательно они не поступали, то безусловная необходимость теряетъ всякое основаніе, и остается лишь *относи-*

тельная необходимость, вытекающая въ каждый данный моментъ изъ взаимодѣйствія суммы силъ.

* *
*

Во всей полемикѣ противъ меня, Каутскій имѣетъ въ виду, рядомъ съ теоріей и даже больше чѣмъ теорію—практику. По его мнѣнію, когда я доказываю, что взгляды Энгельса и Маркса на историческій матеріализмъ, претерпѣли измѣненіе, то я лишь излагаю развитіе, которое теорія претерпѣла въ моей головѣ; это развитіе представляетъ *удаленіе отъ* теоріи Маркса-Энгельса; вмѣсто углубленія она даетъ поверхностно плоское пониманіе, вмѣсто точности—неопредѣленность и расплывчатость, которая означаетъ въ практикѣ соціалъ-демократіи компромиссъ необходимости экономическаго развитія со свободой утопизма, классовой борьбы съ примиреніемъ классовъ посредствомъ духа общественности.

„Я не вѣрилъ своимъ глазамъ“ и т. д. пишетъ Каутскій. Прежде всего, изъ за чего шумъ? Я написалъ, что въ современномъ обществѣ общій интересъ играетъ все большую роль по сравненію съ частнымъ. По мнѣнію Каутскаго это—такое неслыханное утвержденіе, за которое я долженъ быть осужденъ на вѣчныя муки, или, по меньшей мѣрѣ, причисленъ къ „моралистамъ“, что съ его точки зрѣнія — почти то же. Говорить объ общемъ интересѣ въ то время, когда аграріи, крупные и мелкіе фабриканты помышляютъ только о своихъ особыхъ интересахъ, противорѣчащихъ общимъ интересамъ! Развѣ существуетъ теперь иной классъ, кромѣ рабочихъ, который бы имѣлъ въ виду общіе интересы?

Этому „историческому“ пониманію Каутскаго я противопоставлю „купеческое“ замѣчаніе, что человѣкъ имѣетъ въ груди двѣ души, такъ сказать двойную моральную бухгалтерію. Какъ членъ опредѣленной группы или класса, онъ стоитъ въ болѣе или менѣе ясно выраженномъ противорѣчіи со всѣмъ обществомъ; и изъ этого правила никто не представляетъ исключенія, даже рабочіе, хотя интересы послѣднихъ больше, чѣмъ интересы другихъ, совпадаютъ съ общими интересами. Но въ современномъ государствѣ, которое не знаетъ правового раздѣленія на сословія, каждый его членъ является также гражданиномъ и какъ таковой

долженъ проявлять интересъ ко *всему обществу*, хотя онъ и старается по возможности свалить издержки, связанныя съ этимъ интересомъ, на плечи другого класса. Ареною столкновенія противоположныхъ интересовъ является частью экономическая конкурренціонная борьба (къ которой относится и борьба профессіональныхъ союзовъ), гдѣ противорѣчіе интересовъ проявляется въ его простѣйшей формѣ, частью же—и все въ растущей степени—*законодательство*; въ послѣднемъ случаѣ изъ столкновенія противоположныхъ интересовъ мало-по-малу возникаетъ *общій интересъ*, и это происходитъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ демократичнѣй общественная жизнь. Съ развитіемъ демократіи, классовая борьба должна принять другія формы, чѣмъ въ государствѣ, въ которомъ существуютъ классовыя политическія привиллегіи. Борьба продолжается, но она ведется словами, въ прессѣ, съ помощью избирательнаго листа, и всякая партія, желающая получить голоса въ демократіи, обязана считаться съ общимъ интересомъ.

Конечно, дѣло не обходится безъ лицемѣрія, но лицемѣріе въ подобномъ случаѣ, на самомъ дѣлѣ, представляетъ дань, которую классовый эгоизмъ уплачиваетъ — часто съ скрежетаніемъ зубовъ—общему интересу. Добровольно ли это совершается, или нѣтъ — результатъ получается одинъ и тотъ же: *классовые интересы отступаютъ, сила общаго интереса увеличивается.* Законодательство все расширяется, противопоставляясь борьбѣ экономическихъ правъ, и завладѣваетъ, въ концѣ концовъ, тою областью, гдѣ господствовала слѣпая борьба обособленныхъ интересовъ. Это и есть та растущая свобода общества, о которой я говорилъ, противопоставляя ее экономическимъ факторамъ. Это не „свобода утопизма“, какъ утверждаетъ Каутскій, *но свобода организованнаго общества* налагать узду на эксплуатацію, ограничивать конкурренцію, удалять производство изъ сферы частной эксплуатаціи и превращать его въ общественное хозяйство и т. д. Будетъ ли это развитіе совершаться постепенно, или же оно будетъ прерываться конвульсіями и скачками—это еще вопросъ. Но суть дѣла отъ этого не мѣняется; она признана Марксомъ въ „Капиталѣ“, и я ее неоднократно излагалъ на страницахъ редактируемаго Каут-

скимъ журнала, противопоставляя ее догматическому пониманію теоріи классовой борьбы, по которому, послѣдняя неизбѣжно ведетъ къ насильственному столкновенію.

Фраза, возмущающая такъ Каутскаго, говоритъ о растущей силѣ *общаго интереса* лишь какъ о результатѣ *общественнаго развитія*. Но общій интересъ представляетъ нѣчто иное, чѣмъ *„общее чувство“*, которое Каутскій *неправильно* влагаетъ мнѣ въ уста. Правда, я ни на одно мгновеніе не задумался бы аппелировать къ общему чувству и не вижу основанія отрицать ростъ въ современномъ обществѣ общаго чувства. Но это уже второстепенное явленіе, о которомъ я не говорилъ въ моей книгѣ. Все разсужденіе Каутскаго о развитіи „этическаго“ направленія является противъ его воли потвержденіемъ моей мысли. Что иное показываетъ растущее число послѣдователей этической школы, какъ не знаменіе времени, какъ не растущее познаніе необходимости противодѣйствовать рабочему движенію не только мѣрами притѣсненія? И если теоретики классовой борьбы гордо отталкиваютъ отъ себя представителей этической школы, то ея практики, т. е. сами борющіеся рабочіе, очень охотно идутъ имъ навстрѣчу. И они имѣютъ на это право, потому что вѣрить въ серьезную опасность для рабочаго движенія и соціализма отъ этической школы можетъ только тотъ, для котораго классовая борьба является не *исторической* необходимостью, обусловливаемой и создаваемой опредѣленными предпосылками, но необходимостью *телеологической*, т. е. для котораго она является не необходимымъ продуктомъ опредѣленныхъ *отношеній*, но необходимостью въ виду опредѣленной *цѣли*. Если классовая борьба и необходима исторически, то она не связана съ опредѣленными формами веденія и проявленія.

Для этики, желающей смягчить формы проявленія современной классовой борьбы, пишетъ Каутскій, *нѣтъ мѣста въ предѣлахъ матеріалистическаго пониманія исторіи.* Это утвержденіе находится въ *противорѣчіи* съ предисловіемъ Маркса къ „Капиталу“, въ которомъ говорится о возможности смягченія и болѣе гуманныхъ формъ процесса переворота, а также въ противорѣчіи съ заявленіемъ Энгельса въ. Анти-Дюрингѣ“, въ которомъ авторъ говоритъ о прогрессѣ нрав-

ственности въ развитіи человѣчества. Не менѣе сильно Каутскій противорѣчитъ Энгельсу, когда онъ называетъ мое утвержденіе, что съ ростомъ силы общаго интереса надъ частнымъ интересомъ соотвѣтственно ослабѣваетъ стихійное господство экономическихъ силъ, утопическимъ „примиреніемъ исторической необходимости съ нравственной свободой". Потому что, если мысль о постепенномъ освобожденіи общества отъ принудительной силы необходимости, осуществляющейся помимо или противъ ихъ воли, есть утопія — „компромиссъ необходимости экономическаго развитія со свободой утопизма",—то, что представляетъ фраза Энгельса, что обобществленіе средствъ производства есть „прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости, въ царство свободы?" Моя фраза говоритъ гораздо мягче и осторожнѣе о прекращеніи экономической необходимости, чѣмъ фраза Энгельса, и именно потому, заявленіе Каутскаго гораздо болѣе относится къ Энгельсу, чѣмъ ко мнѣ.

Каутскій ищетъ вокругъ себя классъ, въ которомъ люди, какъ я утверждаю, все болѣе подчиняютъ себѣ экономическія силы, и находитъ, что это можетъ быть сказано лишь относительно магнатовъ капитала. Но если, послѣдніе представляютъ организованныя средства производства, то рабочіе союзы представляютъ организованную живую рабочую силу, которая, конечно, тоже есть экономическая сила. Но надъ обоими возвышается *организованное* общество, выражаемое *законодательствомъ*. Для послѣдняго, какъ кажется, тоже нѣтъ мѣста въ рамкахъ матеріалистическаго пониманія исторіи Каутскаго, потому что, хотя онъ и заявляетъ, что ищетъ „общество", которое все болѣе господствуетъ надъ экономическими силами, но онъ не находитъ ни *общества, организованнаго* въ *государство* и *общину*, ни растущаго механизма для соціальнаго управленія, контроля и прямого веденія отраслями производства. При такой слѣпотѣ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ въ заключеніе заявляетъ, что я долженъ привести иные факты, чѣмъ приводимые мною, чтобы убѣдить его въ правильности моихъ положеній. На это я могу только отвѣтить, что я потерялъ всякую надежду убѣдить Каутскаго, до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ смотрѣть на мои произведенія другими глазами.

Діалектика и развитіе.

Отвѣтъ на статью Каутскаго „Бернштейнъ и діалектика“. (Die Neue Zeit. 1898—99. Bd. II, pag. 36).

Замѣчанія мои о пагубномъ вліяніи гегелевской діалектики на доктрину Маркса-Энгельса навлекли на меня настоящій градъ поученій о діалектикѣ. Но большинство изъ нихъ представляютъ лишь описанія того, что говорили о діалектикѣ Марксъ и Энгельсъ, и не заключаетъ ничего, что бы мнѣ не было уже давно извѣстно и чего бы я самъ въ свое время не писалъ съ усердіемъ. Однако, рядомъ съ защитниками традиціонныхъ взглядовъ, нашлись также люди, которые согласны съ тѣмъ, что я дѣйствительно коснулся больного мѣста, но полагающіе, что я невѣрно опредѣлилъ зло. Способъ моихъ выраженій можетъ повести къ ошибочному выводу, будто я являюсь принципіальнымъ врагомъ діалектическаго метода, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, я больше разсматриваю вещи въ духѣ діалектики, чѣмъ мои противники. Послѣдніе и особенно Каутскій и являются въ противоположность мнѣ *анти*-діалектиками.

Я считаю возможной плодотворную полемику лишь въ томъ случаѣ, если противники отказываются защищать то, чего нельзя защитить. Поэтому я напередъ признаю, что я бы точнѣй выразилъ въ своей книгѣ свою принципіальную точку зрѣнія, если бы объявилъ, что моя критика лишь постольку касается гегелевской діалектики, поскольку послѣдняя отразилась въ соціалистической теоріи.

Очевидно, что никакой здравомыслящій человѣкъ не мо-

жетъ вполнѣ отказаться отъ діалектическаго мышленія. То что Энгельсъ въ своемъ „Анти-Дюрингѣ“ противопоставляетъ діалектическому мышленію, какъ мышленіе метафизики, это—крайность, которая въ такой формѣ не встрѣчается ни у одного человѣка, способнаго къ сужденію. Общепризнаннымъ считается теперь положеніе, что невозможно никакое разумное мышленіе безъ разсмотрѣнія вещей какъ въ ихъ *отдѣльности*, такъ и *связи* или взаимномъ *отношеніи*, а слѣд. и въ ихъ *развитіи*. Вопросъ ставится не о допущеніи или отрицаніи діалектическаго способа изслѣдованія, но объ относительной цѣнности выставленныхъ для него Гегелемъ *формулъ*, о *границахъ* ихъ примѣнимости.

Въ своей книгѣ о Людвигѣ Фейербахѣ Энгельсъ опредѣляетъ діалектику, какъ „пониманіе міра не въ видѣ комплекса законченныхъ *вещей*, но въ видѣ комплекса *процессовъ*, въ которыхъ мнимо-неподвижныя вещи, равно какъ ихъ мыслительныя отраженія въ нашей головѣ, т. е. понятія—претерпѣваютъ непрерывное измѣненіе, возникаютъ и исчезаютъ, въ результатѣ котораго (т. е. измѣненія) оказывается прогрессъ“. Энгельсъ добавляетъ, что со времени Гегеля эта великая мысль „настолько проникла въ общее сознаніе, что въ такомъ общемъ видѣ она наврядъ ли встрѣтитъ съ чьей-либо стороны возраженіе“. Это принципіально вполнѣ правильно, и, именно, поэтому нелѣпо разсматривать возраженія противъ нѣкоторыхъ примѣненій діалектики, какъ возраженія противъ теоріи развитія. Споръ вращается, на самомъ дѣлѣ, около совершенно иного вопроса. Его можно формулировать слѣдующимъ образомъ: какъ должны мы понимать въ приведенной выше фразѣ Энгельса выраженіе „непрерывное измѣненіе“, насколько важна лежащая въ основаніи этого выраженія мысль?

Возьмемъ для примѣра упоминавшійся уже выше фактъ обмѣна веществъ въ человѣческомъ тѣлѣ. По изслѣдованіямъ физіологовъ всѣ элементы тѣла возобновляются каждые десять лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія, человѣкъ въ каждый данный моментъ уже не тотъ, которымъ онъ былъ за минуту до того. И тѣмъ не менѣе, онъ остается все одной и той же *личностью*. Его физическая физіономія, духовныя способности, его темпераментъ — въ существенныхъ чер-

тахъ остаются тѣми же. Конечно, онъ становится старѣе и соотвѣтственно измѣняется или *развивается.* Но даже если это развитіе и обусловливается упомянутымъ обмѣномъ веществъ, тѣмъ не менѣе оно носитъ совершенно *иной характеръ.* Оно опредѣляется даннымъ организмомъ даннаго человѣка и хотя и можетъ быть ускорено и замедлено процессомъ обмѣна веществъ, тѣмъ не менѣе, этотъ процессъ не можетъ создать индивида другого вида. Такимъ образомъ, „непрерывный процессъ" не измѣняетъ человѣка, какъ *существо извѣстнаго вида* или *какъ личность.* Посредствомъ особаго способа питанія можно развить человѣка въ извѣстномъ направленіи, но его нельзя превратить въ другую личность, въ человѣка другой расы или въ существо другого вида животныхъ. И въ то время, какъ біологическое ученіе о развитіи (Дарвинизмъ) говоритъ о происхожденіи всѣхъ живыхъ существъ отъ немногихъ основныхъ формъ, оказывается невозможнымъ произвести, при помощи скрещиванія индивидовъ двухъ развитыхъ породъ, индивидовъ другой развитой породы того же самаго вида.

Поэтому, выраженіе: „міръ долженъ быть понятъ не какъ комплексъ законченныхъ вещей, но какъ комплексъ процессовъ", не совсѣмъ правильно. Если мы хотимъ понять міръ, то мы должны представить его какъ комплексъ законченныхъ, въ данный моментъ, вещей и процессовъ. Рядомъ съ процессами, которые приходятъ къ своему концу менѣе, чѣмъ въ одну секунду, существуютъ процессы, которые для своего довершенія нуждаются въ тысячелѣтіяхъ и которыя въ практическихъ цѣляхъ могутъ считаться „вѣчными". Когда я опускаюсь въ потокъ, то около меня ни на одну секунду не остается тотъ же самый аггрегатъ изъ частицъ воды, но тѣмъ не менѣе я нахожусь въ одномъ и томъ же потокѣ, который течетъ по одному и тому же руслу, можетъ быть, уже цѣлыя тысячелѣтія, и возможно, что еще тысячелѣтія будетъ течь по тому же руслу, до тѣхъ поръ, пока вода не изсякнетъ или не уйдетъ въ песокъ. Вода потока и самъ потокъ съ точки зрѣнія *вѣчности* преходящи т. е. представляютъ „процессъ", и какъ таковой, они *однородны.* Но вода, какъ опредѣленное соединеніе элементовъ, и потокъ, какъ опредѣленная форма собравшейся массы воды,

представляютъ *законченныя вещи*, какъ и ихъ умственныя отраженія, т. е. понятія „воды" и „потока". Какъ законченныя вещи, вода и потокъ *отличаются* другъ отъ друга, оба въ своемъ родѣ „неизмѣнны", т. е. химическое соединеніе H_2O въ рамкахъ извѣстной температуры и давленія *всегда* остается водой, и вода при извѣстныхъ условіяхъ поверхности *всегда* остается потокомъ.

Ошибка діалектическаго способа изслѣдованія состоитъ въ томъ, что оно часто ведетъ къ абстрагированію отъ специфическихъ особенностей вещей, вполнѣ законному и даже необходимому для опредѣленныхъ цѣлей изложенія и изысканія—также въ томъ случаѣ, когда подобное абстрагированіе, благодаря ли природѣ объекта, или благодаря цѣли изслѣдованія, совершенно недопустимо или же допустимо только въ опредѣленныхъ границахъ. Что Гегель не желалъ подобныхъ результатовъ, само собой понятно. Мнѣ не приходило въ голову унижать этого мыслителя, но я хотѣлъ лишь указать на опасности его діалектики.

Для нашего изслѣдованія не важно, былъ ли Гегель, на самомъ дѣлѣ, идеалистомъ въ томъ смыслѣ, какъ утверждали Марксъ и Энгельсъ, именно, что онъ считалъ созидающей силой дѣйствительности мыслительный процессъ, или „идею", или же—какъ утверждаютъ новѣйшіе знатоки философіи—гегелевская творческая „идея" была, по крайней мѣрѣ первоначально, лишь абстрактнымъ возведеніемъ объективныхъ законовъ движенія и развитія дѣйствительнаго міра въ универсальный основной законъ, изъ котораго упомянутые частные законы должны быть выведены, какъ его спеціальныя проявленія (мы бы теперь сказали: какъ его формы и примѣненія, появляющіяся при извѣстныхъ условіяхъ); другими словами, что спиритуализмъ Гегеля заключается лишь въ способѣ выраженія, но не въ міропониманіи. Мы не знаемъ послѣдняго основного закона, какъ эмпирически установленнаго факта и можемъ его постигнуть лишь въ абстракціи, какъ продуктъ нашихъ выводовъ изъ научно установленныхъ фактовъ. Въ этомъ смыслѣ, у всѣхъ, кто создаетъ подобное единое представленіе о мірѣ — будь это Гегель или простой смертный — мыслительный процессъ является творцомъ дѣйствительности (не говоря о томъ, что

вообще всякое явленіе становится *для насъ* „дѣйствительнымъ" лишь при посредствѣ процесса мысли). И въ особенности это относится къ тѣмъ, кто отрицаетъ кантовскую „вещь въ себѣ".

Но какъ бы Гегель не пришелъ къ своему всеобщему понятію вещей и міра, ясно, что это понятіе, представляющее лишь „моменты" въ реальномъ бытіи вещей, скрываетъ въ себѣ всѣ противорѣчія, заключающіяся въ дѣйствительномъ развитіи этихъ вещей, или всѣ формы, черезъ которыя проходитъ дѣйствительность. Съ этой точки зрѣнія, діалектика или логика противорѣчій, т. е. логика, покоющаяся на устраненіи перваго положенія формальной логики, которое говоритъ, что вещь не можетъ быть одновременно чѣмъ-то отличнымъ отъ самой себя,—имѣетъ раціональный смыслъ. Когда мы, при помощи абстракціи, образуемъ понятіе „животнаго", то мы получаемъ представленіе, скрывающее въ себѣ величайшія противорѣчія; за этимъ понятіемъ можетъ скрываться тигръ, дождевой червь или инфузорія. Но эти противорѣчія заключаются лишь въ *понятіи*, въ дѣйствительности же хотя и существуютъ различія между тигромъ, дождевымъ червемъ и наливочнымъ, но нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что тигръ не представляетъ одновременно дождевого червя. Такимъ же образомъ разрѣшаются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ противорѣчія діалектики. Кто интересуется этимъ вопросомъ, можетъ прочесть упомянутую уже выше ясную статью д-ра Шидловскаго *), въ которой онъ найдетъ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, задаваемыхъ Энгельсомъ въ „Анти-Дюрингѣ" „метафизикамъ". Мнимыя противорѣчія въ природѣ оказываются, на самомъ дѣлѣ, противорѣчіями въ пониманіи природы.

Дѣло, въ концѣ концовъ, сводится къ слѣдующему. Наше познаніе міра не совершенно, отчасти благодаря временнымъ несовершенствамъ средствъ познанія, отчасти же благодаря постояннымъ препятствіямъ нашего воспріятія. Если мы признаемъ это, и будемъ считать отношенія вещей, лежащія за предѣломъ нашего познанія, „вещью въ себѣ" до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ въ состояніи расширить границы

*) Deutsche Worte 1896.

познаваемаго, то мы освободимся для области, лежащей въ границахъ познаваемаго, отъ логическаго противорѣчія со всей его двусмысленностью. Если же мы будемъ отрицать существованіе подобной границы, то мы внесемъ во все наше міровоззрѣніе противорѣчіе и подвергнемся опасности принести право нашего разсудка въ жертву высшему мистическому разуму и противорѣчивой діалектикѣ. Діалектика тогда становится уже не средствомъ для болѣе нагляднаго представленія познанныхъ уже отношеній и формулировки проблемъ, но побужденіемъ для произвольныхъ построеній, *препятствіемъ* для истинно научнаго изслѣдованія вещей. Въ естествознаніи въ настоящее время конструированіе изъ понятій настолько дискредитировано, что опасность діалектики не велика. Иначе—въ области общественной науки.

Каутскій старается опровергнуть правильность, по отношенію къ марксизму, того, что я говорю объ опасности произвольныхъ построеній на почвѣ діалектики, противопоставляя мнѣ заявленія Маркса и Энгельса, въ которыхъ они отрицаютъ справедливость подобнаго упрека. Особенно, онъ указываетъ на прекрасную фразу Маркса, въ послѣсловіи ко второму изданію перваго тома „Капитала", гдѣ Марксъ говоритъ: лишь послѣ того, какъ изслѣдователь усвоилъ матеріалъ во всѣхъ подробностяхъ, онъ можетъ перейти къ изображенію дѣйствительнаго движенія. Если это удается, продолжаетъ Марксъ, то со стороны можетъ показаться, что передъ вами „апріорное построеніе". Это мѣсто, полагаетъ Каутскій, ясно показываетъ, какъ ошибочно принимать у Маркса за апріорныя построенія то, что на самомъ дѣлѣ является „результатомъ глубокаго проникновенія въ дѣйствительность".

На это нужно отвѣтить, при всемъ уваженіи къ Марксу, что утвержденіе и даже твердое убѣжденіе писателя въ томъ, что онъ работалъ на основаніи тѣхъ или иныхъ принциповъ, не служитъ еще достаточной гарантіей послѣдовательнаго проведенія этихъ принциповъ. Менѣе всего служитъ это утвержденіе гарантіей по отношенію къ „Капиталу", который является въ такой высокой степени тенденціознымъ произведеніемъ. Несомнѣнно, что это произведеніе заключаетъ въ себѣ необозримый научный матеріалъ и

является результатомъ глубокаго проникновенія въ дѣйствительность. Но вся книга въ цѣломъ не представляетъ только объективнаго изложенія изслѣдованныхъ подробностей, но также является боевымъ и полемическимъ произведеніемъ. И, какъ человѣкъ, точно знакомый съ этой книгой вотъ уже почти двадцать лѣтъ, я могу сказать, поскольку она соотвѣтствуетъ требованіямъ объективности и научности, и поскольку авторъ пожертвовалъ научной объективностью тенденціи или діалектическимъ построеніямъ. Нельзя отрицать того, что Марксъ себѣ часто противорѣчитъ въ „Капиталѣ“, что онъ часто упускаетъ изъ виду важныя явленія, установленныя имъ самимъ, и это должны открыто признать, именно, его ученики, такъ какъ въ противномъ случаѣ они будутъ поддерживать убѣжденіе, что съ раскрытіемъ этихъ противорѣчій опровергается вся книга.

Очевидно, напр., что между тѣми главами „Капитала“, въ которыхъ изображается развитіе ремесленнаго производства въ капиталистическое, и главой: „Историческая тенденція капиталистическаго накопленія“, существуетъ различіе, вытекающее не только изъ того, что въ первыхъ изображается дѣйствительный процессъ, во второй же—его будущее. Различіе это заключается скорѣй въ томъ, что въ первомъ случаѣ діалектическій методъ является лишь вспомогательнымъ средствомъ изслѣдованія дѣйствительныхъ фактовъ, при чемъ послѣдніе нисколько не насилуются, поскольку дѣло идетъ объ изслѣдованіи развитія вещей, во второмъ же случаѣ дается одностороннее и недостаточное изображеніе фактовъ, чтобы приспособить его къ заранѣе діалектически построенной схемѣ. Тѣ, кто отрицаетъ это, пусть вспомнятъ, что названная схема не содержитъ ни одной мысли, которой бы уже не было въ „Манифестѣ“ или даже „Святомъ семействѣ“. Этимъ генеалогія схемы еще не исчерпывается, но для изслѣдуемаго здѣсь вопроса, достаточно указать лишь на то, что весь „Капиталъ“, какъ я уже развилъ это въ моей книгѣ, сводится къ одной тезѣ, которая была готова у Маркса задолго до того времени, когда онъ приступилъ къ своему изслѣдованію.

Ни одинъ методъ изслѣдованія и изложенія не даетъ такихъ удобныхъ условій для подобнаго рода построеній, ни

одинъ не облекаетъ его въ такую правдоподобную внѣшность, какъ діалектика, и отсюда ея опасность, потому что очень немногіе изъ примѣнявшихъ этотъ методъ выполняли правила, которыя предписаны самимъ Гегелемъ.

Поэтому, когда Каутскій цитируетъ заявленіе Энгельса, что діалектика была ихъ (т. е. Маркса и Энгельса) „лучшимъ рабочимъ средствомъ“, наиболѣе острымъ оружіемъ, то позволительно отнестись къ этому заявленію съ нѣкоторымъ скептицизмомъ и не забывать при этомъ, что діалектика—обоюдоострое оружіе.

„Что же остается отъ марксизма, если у него отнять діалектику?“, восклицаетъ Каутскій и указываетъ мнѣ на примѣръ Дюринга, который уже въ 1875 г. говорилъ о марксизмѣ почти тоже самое, что и я, только съ большей логической силой. На это я отвѣчу, что вопросъ и примѣръ Каутскаго страдаютъ недостаткомъ—діалектики. Если то, что я говорю о діалектикѣ, „почти“ тоже, что говорилъ по этому поводу Дюрингъ, то значитъ, что это все-таки не то же, иначе незачѣмъ было прибавлять: „почти“. Поэтому я вовсе не обязанъ выводить изъ моей критики тѣ же выводы, какъ и Дюрингъ. „Дерево сгнило въ самомъ корнѣ“, заявляетъ А. „Дерево неправильно разрослось, нужно срѣзать нѣкоторые сучья“, говоритъ В. Значитъ ли это, что В заявляетъ „почти“ то же самое, что и А? Конечно, отвѣчаетъ Каутскій. „Сукъ или стволъ, во всякомъ случаѣ должны быть срублены, и этого достаточно“. Вотъ образчикъ діалектики, которому я отказываюсь слѣдовать.

Было бы очень плохо для ученія Маркса, если бы оно не могло существовать безъ того, что я назвалъ въ своей книгѣ предательскимъ элементомъ діалектики.

„*Движущей силой* всякаго развитія является борьба *противорѣчій*“, заявляетъ Каутскій, и спрашиваетъ меня, считаю ли я ошибочнымъ это ученіе, или лишь особыя его формы въ доктринахъ Гегеля, Маркса и Энгельса. На это я отвѣчу вопросомъ: Если утвержденіе Каутскаго правильно, то что станетъ съ „конечной цѣлью“ соціализма, съ общественнымъ строемъ, основаннымъ на гармонической совмѣстной жизни его членовъ? Развѣ въ немъ прекратится всякое развитіе?

Я не придерживаюсь воззрѣнія, что борьба противорѣчій

является движущей силой *всякаго* развитія. Совмѣстное дѣйствіе родственныхъ силъ является также великимъ двигателемъ развитія.

Но поскольку положеніе правильно, оно не представляетъ открытія Гегеля.

„Средство, которымъ пользуется природа, чтобы развить всѣ свои задатки,—это ихъ *антагонизмъ въ обществѣ*... Вся *культура*, украшающая человѣчество, наиболѣе прекрасный общественный *порядокъ*, являются лишь плодомъ *анти-общественности*“ (т. е. преслѣдованія обособленныхъ интересовъ).

Эти строки написаны въ 1784 г. ни кѣмъ инымъ, какъ *Кантомъ* въ его „Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht“. А Кантъ резюмируетъ лишь мысль, которую провозгласили борцы за экономическій либерализмъ XVIII вѣка.

Если пониманіе того, что противорѣчіе является одной изъ наиболѣе значительныхъ движущихъ силъ развитія и есть лучшее оружіе марксизма, то онъ его нашелъ не только въ философіи Гегеля. Эта мысль проходитъ черезъ всю радикальную литературу той эпохи. Элементы, вошедшіе въ составъ зданія историческаго матеріализма, были взяты изъ окружающей исторической среды. Тѣ изъ нихъ, которыхъ мы не находимъ у представителей либеральной экономической науки, провозгласившей борьбу хозяйственныхъ интересовъ носителемъ всякаго прогресса, мы встрѣчаемъ у романтиковъ, а то чего нѣтъ у послѣднихъ, есть у соціалистовъ.

„Я скоро замѣтилъ, что между обѣими науками (исторіей и политической экономіей) существуетъ столь тѣсная связь, что одной нельзя изучить ни углубить безъ другой... Первая доставляетъ факты, вторая же даетъ причины... Я слѣдилъ за развитіемъ великихъ событій... Всегда существовало лишь двѣ противоположныхъ партіи: партія людей, желавшихъ жить своимъ трудомъ, и партія людей, желавшихъ жить трудомъ другихъ... Патриціи и плебеи, рабы и вольноотпущенники, красная и бѣлая роза, кавалеры и круглоголовые, свободные и крѣпостные—все это различныя формы одного и того же видового явленія“.

Такъ писалъ въ 1825 г. Адольфъ Бланки (экономистъ).

Онъ принадлежалъ тогда къ сенъ-симонистской школѣ, а извѣстно, какъ сильно подчеркивали сенъ-симонисты противорѣчіе между буржуазіей и пролетаріатомъ, какъ основной принципъ современной соціальной борьбы, и какъ они прославляли пролетаріатъ.

Объясненіе историческаго развитія противорѣчіемъ интересовъ, сведеніе къ экономическому основанію борьбы въ исторіи, пониманіе исторіи, какъ измѣняющихся формъ классовой борьбы—все это древнѣе, чѣмъ марксизмъ, и открыто безъ знанія гегелевской діалектики. Точно также выводъ соціалистическихъ требованій изъ развитія производства, какъ показываетъ литература школы Овена, Сенсимона, Фурье, былъ сдѣланъ безъ помощи діалектики Гегеля. Указаніе на концентрацію капитализма также не является отличительнымъ признакомъ марксистовъ по сравненію съ ранними соціалистами. Мы его встрѣчаемъ—не говоря уже объ англійскихъ произведеніяхъ, въ книгѣ Франсуа Видаля (1838 г.):

„Соціальная экономія интересовъ торговли, промышленности, земледѣлія и цивилизаціи подъ вліяніемъ примѣненія пара". Машина, какъ сила, объединяющая рабочихъ и уничтожающая мелкое хозяйство въ промышленности и торговлѣ, необходимость соединенія промышленности и земледѣлія, расширеніе торговыхъ домовъ, ростъ значенія публичныхъ службъ, постепенное вымираніе политическаго государства—все это развито уже въ книгѣ Видаля. И все это безъ всякой ссылки и, вѣроятно, безъ всякаго знакомства съ гегелевской діалектикой *).

А если мы обратимся къ Марксу и Энгельсу, то найдемъ, что добавленіе, сдѣланное ими къ научному труду ихъ соціалистическихъ предшественниковъ сводится скорѣй къ болѣе точной формулировкѣ, внесенной школой Спенсера въ ученіе объ эволюціи, чѣмъ къ знаменитому „отрицанію отрицанія". Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, считаю нужнымъ замѣтить, что спенсеровскія формулы: дифференціація и интеграція, спеціализація и новыя соединенія—нисколько не находятся въ принципіальномъ противорѣчіи

*) Ср. напр., прекрасную главу о развитіи формъ производства въ первомъ томѣ „Капитала".

съ ученіемъ Гегеля о развитіи; онѣ лишь выражаютъ мысль Гегеля въ новой формѣ, которая менѣе ведетъ къ недоразумѣніямъ и ошибочнымъ выводамъ, чѣмъ законы Гегеля. И это, въ концѣ концовъ, вовсе ужъ не такое малое дѣло. Каутскій, конечно, правъ, что можно дѣлать ложные выводы и произвольныя построенія, опираясь на какой угодно методъ. Но развѣ этимъ что-либо сказано противъ моихъ замѣчаній относительно той роли, которую играютъ въ марксизмѣ гегелевскія формулы?

* *
*

Одно изъ двухъ: или мы твердо придерживаемся мысли о необходимости научнаго обоснованія и развитія соціалистическаго ученія, или же мы отказываемся отъ этой мысли. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, вся настоящая полемика— лишь праздная забава. Въ первомъ же нужно бросить нехорошую привычку высмѣивать, какъ „схоластику", анализъ методовъ и понятій особенно же послѣ того, какъ этотъ же высмѣивающій авторъ придавалъ, нѣсколькими днями раньше, громадное значеніе строжайшему соблюденію тончайшихъ оттѣнковъ метода и предмета изслѣдованія и видѣлъ доказательство невѣжества въ не совсѣмъ точномъ выраженіи. Подобный полемическій пріемъ самъ вызываетъ насмѣшку. Методологическій анализъ представляетъ важную сторону въ развитіи науки *).

Каутскій отрицаетъ, что мои примѣры доказываютъ вліяніе діалектики противорѣчій на выводы Маркса и Энгельса.

---

*) Это очень хорошо изложено и доказано въ примѣненіи къ общественной наукѣ д-ромъ Кистяковскимъ, въ его произведеніи: „Gesellschaft und Einzelwesen". „Чтобы достигнуть прогресса науки", пишетъ авторъ, нужно сговориться относительно простѣйшихъ понятій. Если же одни и тѣ же явленія называются различными именами или различныя явленія—одними и тѣми же именами, то нельзя прійти ни къ какимъ общимъ выводамъ (32). Нельзя отрицать того, что марксизмъ часто грѣшилъ противъ этого правила. Въ какихъ, напр., различныхъ значеніяхъ употребляются понятія матеріализма и матеріальнаго. Къ какой путаницѣ повело употребленіе въ самыхъ различныхъ случаяхъ понятія „общественно-необходимаго рабочаго времени". Систематическій анализъ употребляемыхъ въ „Капиталѣ" понятій былъ бы очень полезной работой.

Принципіально я долженъ, по этому поводу, замѣтить слѣдующее. Мнѣ никогда не приходило въ голову утверждать или предполагать, что Марксъ и Энгельсъ когда-либо дѣлали свои выводы относительно будущихъ событій или того или иного исхода событій, опираясь прямо на законъ отрицанія. Подобнаго дѣтскаго отношенія къ предмету я бы не искалъ и у послѣдняго клубнаго оратора, не говоря уже объ авторахъ „Манифеста". Что я утверждалъ и продолжаю утверждать — это, что названная формула діалектическаго развитія неоднократно вмѣшивалась въ ихъ политическіе разсчеты, придавая имъ, по выраженію Маркса, нѣсколько „софистическій" характеръ. Документально этого нельзя доказать, потому что никто не скажетъ о себѣ ничего подобнаго съ полной откровенностью; возможно лишь психологическое обоснованіе. Но такъ какъ каждая фактическая ошибка допускаетъ различныя объясненія, то трудно надѣяться убѣдить тѣхъ, кто уже составилъ подобное объясненіе. Это и имѣетъ мѣсто въ случаѣ съ Каутскимъ. Для него, напр., ошибки Маркса и Энгельса относительно развитія вещей въ Германіи объясняются просто и удовлетворительно тѣмъ, что авторы „Манифеста" преувеличивали значеніе нѣмецкой буржуазіи, что нѣмецкій либерализмъ по своей силѣ и энергіи всегда оказывался ниже ихъ ожиданій.

Однако, это правдоподобное объясненіе опровергается уже тѣмъ, что Марксъ и Энгельсъ *начали* свою соціалистическую карьеру съ самымъ низкимъ мнѣніемъ о нѣмецкой буржуазіи. Я сошлюсь здѣсь лишь на статью Маркса: „Къ критикѣ философіи права Гегеля", помѣщенной въ „Нѣмецко-французскомъ ежегодникѣ", въ концѣ которой въ чисто гегеліанскихъ выраженіяхъ устанавливается, что въ Германіи политическое освобожденіе отъ абсолютизма возможно лишь посредствомъ *пролетарской* революціи. Въ Германіи „все буржуазное общество рушится, прежде чѣмъ либерализмъ будетъ праздновать свою побѣду"... „Невозможность постепеннаго освобожденія родитъ здѣсь полную свободу". „Когда пролетаріатъ требуетъ *отрицанія* частной собственности, то онъ лишь возводитъ въ общественный принципъ то, что воплощено уже въ немъ безъ его содѣйствія, какъ

отрицательный результатъ общества". Въ „Германіи невозможно разбить никакого рабства, не свергнувъ *всей* рабской системы... Эмансипація нѣмцевъ есть эмансипація человѣка. Головой этой эмансипаціи является философія, сердцемъ же — пролетаріатъ" *).

Подобнаго рода діалектическую аргументацію я имѣлъ въ виду, когда писалъ въ своей книгѣ слѣд. слова: „То, что потребовало для своего осуществленія цѣлаго поколѣнія, казалось, при свѣтѣ философіи развитія черезъ противорѣчія, непосредственнымъ результатомъ политическаго переворота, который на самомъ дѣлѣ создалъ лишь условія для развитія буржуазіи **). Но догматъ о неспособности нѣмецкой буржуазіи, сколько бы въ немъ не заключалось преувеличенія, все-таки имѣлъ раціональное основаніе и не находился въ такомъ противорѣчіи съ собственно исторической теоріей, какъ упоминаемая въ моей книгѣ фраза „Манифеста", относительно того, что предстоящая (1847 г.) буржуазная революція можетъ быть непосредственной прелюдіей пролетарской революціи. Каутскій хочетъ оправдать слово „непосредственный" ссылкой на великую англійскую и французскую революцію, которыя создали въ своихъ нѣдрахъ „зачатки пролетаріатскаго революціоннаго движенія" — первая — левелеровъ, вторая — бабувистовъ. Если бы нѣмецкая буржуазная революція при наличности болѣе прегрессивныхъ условій приняла аналогичный характеръ, то логически вполнѣ правильно предположеніе, что выдвинутое ею пролетаріатское революціонное движеніе повело бы къ совершенно инымъ результатамъ, чѣмъ въ 1648 и 1793 гг. На самомъ дѣлѣ это и случилось. Доказательство: когда вспыхнула революція, она превратилась въ общеевропейскую революцію и создала іюньскую борьбу. И Каутскій съ торжествомъ восклицаетъ: „Можно ли видѣть неосновательность выводовъ Маркса и Энгельса и называть эти выводы „мечтаніями" потому лишь, что событія, ожидаемыя ими въ Германіи, имѣли мѣсто въ средней Европѣ"?

Это я называю діалектикой! Дѣло идетъ о предполагаемыхъ результатахъ буржуазной революціи въ *Германіи*, и.

**) Voraussetzungen, pag. 23.

*) Стр. 83—85.

какъ доказательство логической правильности предсказанія, приводятся факты изъ исторіи Франціи, которая тогда была далеко впереди Германіи, какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ отношеніи! По мнѣнію Шидловскаго, гегелевская логика противорѣчій возможна лишь для философіи, признающей идеальность пространства и времени. Каутскій собственнымъ примѣромъ подтверждаетъ правильность этого мнѣнія; онъ обращается съ пространствомъ и временемъ крайне идеалистически. Немного ниже того мѣста, въ которомъ онъ предлагаетъ только что указанный примѣръ идентичности пространства, онъ съ такой же легкостью побѣждаетъ и время, опровергая мои замѣчанія, относящіяся къ сдѣланному въ 1847 г. въ „Манифестѣ“ предсказанію близости пролетарской революціи, цитатой изъ заявленія Маркса, написаннаго противъ Виллихъ-Шопера, въ сентябрѣ 1850 г., т. е. тремя годами позже *).

На самомъ дѣлѣ ни движеніе левелеровъ, 1648—49 г., ни движеніе бабувистовъ 1795—96 г. не было началомъ пролетарскаго революціоннаго движенія. Въ обоихъ этихъ движеніяхъ напрасно искали бы пролетаріата. Поэтому въ своей книгѣ о левелерахъ я старательно избѣгалъ употреблять въ примѣненіи къ нимъ терминъ „пролетаріатъ“, называя движеніе плебейскимъ и радикальнымъ; точно также въ послѣсловіи къ книгѣ Девиля я настойчиво показывалъ,

*) Это заявленіе напечатано въ „Разоблаченіяхъ относительно Кёльнскаго процесса коммунистовъ“ по поводу раскола въ Коммунистическомъ Союзѣ. То, что Марксъ говоритъ здѣсь относительно способности нѣмецкихъ рабочихъ къ политическому господству, не только радикально отличается отъ сказаннаго на эту тему въ „Манифестѣ“ („непосредственно“ слѣдующая пролетарская революція растягивается здѣсь въ пятидесятилѣтнюю эпоху гражданскихъ войнъ и народной борьбы)—но отличается также совершенно отъ сказаннаго Марксомъ семь мѣсяцевъ назадъ (мартъ, 1850) въ циркулярѣ Исполнительнаго Комитета „Союза Коммунистовъ“. Въ послѣднемъ говорится также о близкой французской революціи, которая должна превратиться въ „прямую побѣду“ рабочаго класса, что удивительно, если я хочу объяснить подобное заявленіе, сдѣланное человѣкомъ, такъ прекрасно понимавшимъ соціальныя отношенія тогдашней Франціи, діалектическимъ методомъ, толкающимъ на путь ложныхъ умозаключеній. Если я и обошелся въ моей книгѣ нѣсколько непочтительно съ Гегелемъ, то во всякомъ случаѣ не для того, чтобы унизить Маркса и Энгельса.

что „равные" не были вожаками пролетаріатской партіи, такъ какъ тогда не было таковой. Въ 1648 и 1793 гг. пролетаріатъ играетъ вполнѣ подчиненную роль. Съ другой стороны—и это относится къ заблужденію, очень распространенному въ соціалистической литературѣ—классъ, который можно назвать по преимуществу буржуазіей, т. е. зажиточные купцы и промышленники, вели себя въ 1642—49 и 1789—94 гг. не иначе, чѣмъ нѣмецкая буржуазія въ 1848 г. Политическое руководство въ 1648 и 1793 г. взяли на себя въ парламентахъ адвокаты, духовенство, врачи и т. под. (во Франціи также литераторы), однимъ словомъ, буржуазная интеллигенція, тогда какъ внѣ парламента движущая революціонная сила образовалась изъ элементовъ, доставляемыхъ мелкой городской буржуазіей съ ея рабочими и крестьянствомъ. Эти элементы, а позже революціонная армія, придали революціямъ ихъ героически-драматическій характеръ; что касается торговой и промышленной буржуазіи, то она очень скоро лишь неохотно допускаетъ революцію, а затѣмъ начинаетъ и прямую борьбу съ ней. Совершенно ошибочно искать въ поведеніи нѣмецкой буржуазіи объясненія того, что въ Германіи революція 1848 г. пошла совершенно иначе, чѣмъ революціи 1642—48 гг. и 1789—94 гг. Немногочисленная буржуазія, существовавшая тогда въ Германіи была бы не въ силахъ остановить революцію, если бы *другіе классы проявили большую страсть.* Также мало виновато въ безсиліи революціи то слабое рабочее движеніе, которое существовало въ 1848 г. въ Германіи; наиболѣе интеллигентная часть берлинскихъ рабочихъ, именно, рабочіе машиностроительныхъ заводовъ, присоединились къ *буржуазной демократіи.* Не менѣе сочувственно отнеслись къ буржуазной демократіи рабочіе конгрессы. Конечно, ужасныя событія во Франціи содѣйствовали этому духу компромисса, однако, они не могутъ его удовлетворительно объяснить. Важнѣе было то, что къ экономическимъ противорѣчіямъ присоединились *національныя*, что правительства крупныхъ нѣмецкихъ государствъ имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе сильное войско и армію чиновниковъ, чѣмъ Карлъ I и Людовикъ XVI. Стихійная сила революціи 1848 г. была также ослаблена болѣе совершенными средствами со-

общенія, передвиженія и т. д. Коротко, двѣ-три шаблонныя фразы, какъ „классовая борьба“, „буржуазія“, „пролетаріатъ“ далеко не достаточны для объясненія различій между ходомъ нѣмецкой, французской и англійской революцій.

Никто, конечно, не вздумаетъ упрекать Маркса за то, что онъ передъ 1848 г. недостаточно позналъ нѣкоторыя различія въ условіяхъ и не оцѣнилъ вліянія этихъ различій на ходъ предполагаемой революціи. Во всякомъ случаѣ, съ моей точки зрѣнія, въ этой „сверхъ-мудрости послѣ событія“ есть какая то нетактичность. Ошибка, на которую я настойчиво указываю, представляетъ проступокъ противъ теоріи самого Маркса. Предположимъ, что всѣ остальныя предположенія Маркса оправдались, что и въ Германіи революція развивалась crescendo (для чего, конечно, нужно было, что бы она началась иначе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ), могла ли бы она даже тогда быть непосредственной прелюдіей пролетарской революціи. Конечно, нѣтъ; потому что для этого нужно было бы совершенно иное экономическое общественное основаніе. Нужно было, чтобы Германія обладала гораздо болѣе развитой промышленностью, гораздо болѣе многочисленнымъ и развитымъ пролетаріатомъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ въ 50-хъ годахъ. И здѣсь ничего не могла помочь та „постоянная революція“, которая, по мнѣнію Каутскаго, была возможна. Inter arma silent artes—развитіе промышленности прекращается въ эпоху подобной революціи, когда исчезаетъ всякое довѣріе къ прочности вещей. Эта революція могла бы выдвигать послѣдовательно на верхи общества различные классы, но она могла бы очень мало измѣнить строй и силу промышленности. И поэтому я продолжаю настаивать на моемъ утвержденіи, что цитированная фраза изъ „Манифеста“ и циркуляръ „Коммунистическаго Союза“ отъ марта 1850 г. и ея террористическія приложенія въ устахъ человѣка, обладавшаго знаніемъ и силой мысли, какими обладалъ Марксъ, могутъ быть объяснены лишь какимъ-либо вліяніемъ ложной діалектики. Объясненіе же Каутскаго, состоящее въ томъ, что въ 1847 г. Марксъ и Энгельсъ переоцѣнили значеніе не пролетаріата, а буржуазіи, вмѣсто того, чтобы уменьшить ихъ теоретическую ошибку, на самомъ дѣлѣ еще увеличиваетъ ее. Но это

объясненіе совершенно неправильно. Несомнѣнно, что они *преувеличили* значеніе *тогдашняго* пролетаріата.

Перейдемъ теперь къ предисловіямъ Энгельса къ послѣднимъ изданіямъ „Процесса коммунистовъ“ и „Квартирнаго вопроса“. Что касается воздѣйствія этихъ произведеній на позднѣйшихъ „молодыхъ“, то наиболѣе компетентными судьями въ этомъ вопросѣ являются сами „молодые“. Каутскому не безызвѣстно, что поводомъ къ оппозиціи противъ фракціи рейхстага со стороны „молодыхъ“ послужили не только дополнительные выборы 1890 г. и вопросъ о майскомъ праздникѣ. У меня подъ руками въ настоящую минуту нѣтъ тогдашнихъ газетъ и поэтому подробнаго доказательства моимъ утвержденіямъ я дать не могу. Однако, я помню, что „Sächsische Arbeiter Zeitung“, бывшая тогда однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ органовъ „молодыхъ“ перепечатала на своихъ страницахъ, между прочимъ, упомянутый выше циркуляръ „Союза коммунистовъ“, какъ козырь противъ политики руководителей партіи. „Молодые“ толковали это произведеніе на свой манеръ, Каутскій теперь его толкуетъ на свой,—и смотря потому, какія выраженія мы подчеркиваемъ, правильнымъ будетъ одно или другое толкованіе.

То же самое относится къ опредѣленію, которое Энгельсъ въ „Квартирномъ вопросѣ“ даетъ мелкобуржуазному соціализму въ соціалъ-демократіи. Каутскій понимаетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что Энгельсъ выводитъ отношеніе мелкаго буржуа къ соціализму просто изъ его классоваго положенія. Молодые же понимали это мѣсто нѣсколько иначе и относили его, между прочимъ,—чтобы не упоминать живыхъ,—къ Гриленбергу, а Мерингъ недавно, въ вызванной мною полемикѣ, выдвинулъ его, какъ аргументъ противъ соціалистовъ, выступающихъ въ пользу основанія промышленныхъ товариществъ. И дѣйствительно, съ помощью его можно покончить, какъ съ „мелкобуржуазнымъ“ занятіемъ, со всякой дѣятельностью, не направленной прямо на завоеваніе политической власти въ цѣляхъ превращенія всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность.

По мнѣнію Каутскаго, то, что я приписываю выраженіе плохому пониманію, объясняется просто тѣмъ, что я самъ

чувствую себя имъ задѣтымъ. Я не буду останавливаться на этомъ мѣстномъ психологическомъ объясненіи, замѣчу только, что если кто-либо меня называетъ мелкобуржуазнымъ соціалистомъ, то это меня также мало волнуетъ, какъ если меня называютъ этическимъ соціалистомъ. Эти опредѣленія въ своей общности говорятъ ужасно мало. Кто изъ насъ не упрекалъ кого-либо въ мелкобуржуазности, и кто не получалъ самъ подобнаго упрека?

Но развѣ въ своемъ произведеніи я не воспѣваю хвалы Прудону? „Могъ ли Энгельсъ предвидѣть въ 1887 г.", восклицаетъ Каутскій, „что редакторъ цюрихскаго „Соціалъ-демократа" будетъ реабилитировать Прудона?" На это я прежде всего отвѣчу, что Каутскій имѣетъ слишкомъ короткую память.

То, что я говорю въ моей книгѣ о Прудонѣ, по существу не отличается отъ того, что я писалъ о немъ еще въ 1896 г. въ „Die Neue Zeit", и тогда Каутскій не возразилъ мнѣ ни однимъ словомъ *). При томъ же представляетъ ли реабилитація Прудона такое неслыханное дѣло, если тѣ самые люди, которые больше всего напали на него, на самомъ дѣлѣ способствовали реабилитаціи его идей.

„Прудонъ, бывшій раньше остроумнымъ человѣкомъ, но никогда не бывшій экономистомъ"—такъ пишетъ Лассаль въ своемъ Бастіа-Шульце. Но если вѣрить Родбертусу, тотъ же Лассаль оставилъ послѣ своей смерти планъ ассоціаціи, совершенно совпадающій съ соціально-политическими идеями Прудона.

Но есть другой человѣкъ, реабилитировавшій Прудона.

Извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ Марксъ отзывается въ своей „Misère de la philosophie" о „конституированной (установленной) стоимости" Прудона, т. е. объ идеѣ установленія трудовой стоимости каждой работы и обезпеченія дѣйствительному производителю (рабочему) производимой имъ стоимости. Въ „Misère" рѣчь еще не шла о средствахъ, предлагаемыхъ Прудономъ, но сама идея отвергается, какъ совершенно ошибочная.

Однако, если мы присмотримся къ нарисованной Марк-

*) Proudhon als politiker und Publicist (Die Neue Zeit 1897—98, II).

сомъ въ 1875 г., въ письмѣ по поводу проекта Готской программы, картинѣ коммунистическаго общества, развивающагося изъ капиталистическаго общества — т. е. къ той общественной ступени, которая для живущихъ теперь соціалистовъ имѣетъ, во всякомъ случаѣ, болѣе важное значеніе, чѣмъ болѣе отдаленныя возможныя формы коммунизма — то мы встрѣчаемъ неожиданно къ нашему величайшему изумленію — установленную трудовую стоимость. При распредѣленіи средствъ потребленія, заявляетъ Марксъ, „господствуетъ *тотъ же принципъ, какъ и при обмѣнѣ товарныхъ эквивалентовъ, а именно обмѣнивается опредѣленное количество труда въ одной формѣ противъ равнаго количества труда въ другой формѣ*“ *). Тотъ же смыслъ имѣетъ слѣдующее мѣсто въ третьемъ томѣ „Капитала“: „Во-вторыхъ, послѣ уничтоженія капиталистическаго способа производства, но при сохраненіи общественнаго производства, *установленіе стоимости* продолжаетъ играть преобладающую роль въ томъ смыслѣ, что регулированіе рабочаго времени и распредѣленіе общественнаго труда между различными производственными группами, наконецъ, веденіе соотвѣтствующихъ счетныхъ книгъ, будетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ когда-либо“ **). Въ приведенномъ мѣстѣ ясно говорится о „конституированной“ стоимости. Предполагаемыя средства — иныя, но суть дѣла отъ этого не измѣняется. Я уже указывалъ въ своей книгѣ на то, что Марксъ и Прудонъ въ области политики пришли одинаково къ федерализму.

Можно безъ особаго труда въ полемикѣ разбить писателя, можно объявить его произведенія уничтоженными, но такимъ путемъ большее, чего можно достигнуть, это уничтоженія его слабыхъ сторонъ и фантазій. Но такимъ образомъ нельзя уничтожить жизнеспособныхъ идей, созданныхъ и развитыхъ этимъ писателемъ.

Но Прудонъ былъ реабилитированъ не только указаннымъ теоретическимъ путемъ; практическая жизнь — и это гораздо важнѣе — воплотила многія изъ его идей. Въ современномъ кооперативномъ движеніи образуется производ-

*) Die Neue Zeit, 1890—91 Bd. I pag. 567.

**) Das Capital III Bd. 2 Theil, pag. 388.

ственный и распредѣлительный федерализмъ, напоминающій живо въ своихъ основныхъ чертахъ планы Прудона. Въ центрѣ находятся не производительныя, но распредѣлительныя товарищества; и эти учрежденія создаются не мелкими буржуа, а рабочими; это—органы рабочаго движенія, достигающіе наибольшей силы и жизнеспособности тамъ, гдѣ крупная промышленность соединяетъ рабочихъ въ большія массы.

Всемірная исторія заключаетъ въ себѣ много ироніи. Въ то самое время, когда Энгельсъ считалъ себя въ правѣ написать по отношенію къ роли Прудона въ рабочемъ движеніи: „Теоретически окончательно опровергнутый, практически же отодвинутый въ сторону“, идеи Прудона начали пускать ростки и именно тамъ, гдѣ Прудонъ нѣкогда потерпѣлъ величайшее пораженіе—въ фламандской Бельгіи *). Конечно, эти идеи принадлежали не только Прудону; но мысль, воплощающаяся въ современномъ кооперативномъ движеніи, усердно имъ пропагандировалась и носитъ его имя. Прудона „реабилитируетъ“ не редакторъ „Цюрихскаго Соціалъ-демократа“, но само рабочее движеніе, выступающее отчасти подъ знаменемъ марксизма.

Исторія съ Прудономъ представляетъ хорошій примѣръ исторической діалектики, и если бы я имѣлъ пристрастіе къ формуламъ, то увидѣлъ бы въ ней, пожалуй, „отрицаніе отрицанія“. Но я этого не утверждаю. Если Марксъ не уничтожилъ Прудона, то Прудонъ еще менѣе уничтожилъ Маркса. Отношеніе между этими двумя писателями напоминаетъ отношеніе между Шульце-Деличемъ и Лассалемъ. Шульце, какъ и Прудонъ въ настоящее время менѣе „мертвъ“, чѣмъ десять или двадцать лѣтъ назадъ — онъ ожилъ въ современномъ нѣмецкомъ кооперативномъ движеніи, за права котораго онъ въ свое время боролся съ удивительной настойчивостью. Но и Лассаль продолжаетъ жить, хотя тѣ пункты его ученія, которые онъ защищалъ съ особенной страстью, и которыми хотѣлъ уничтожить Шульце,— а именно желѣзный законъ заработной платы и производи-

*) „Въ Бельгіи фламандцы оттѣснили валлоновъ отъ руководящей роли въ движеніи, низвергли прудонизмъ и сильно двинули впередъ движеніе“ (Энгельсъ. Въ предисловіи къ „Квартирному вопросу“).

тельныя товарищества съ государственнымъ кредитомъ— считаются теперь уже устарѣвшими. Жизненную силу сохранили не формулы, въ которыя онъ заключилъ, въ цѣляхъ агитаціи, свои мысли, но сами эти мысли. Точно также многія изъ утвержденій, которымъ Марксъ придавалъ особенное значеніе, окажутся ошибочными, откуда не слѣдуетъ, что должно рушиться все зданіе марксизма.

Что означаетъ формула: *превращеніе всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность*, осуществленіе которой, какъ писалъ Энгельсъ въ 1887 г., мелко-буржуазный соціалистъ считаетъ возможнымъ лишь въ неопредѣленно отдаленномъ будущемъ? Какъ произошло бы это осуществленіе? Если мы представимъ себѣ богатство формъ хозяйственной жизни современнаго общества, крайнее разнообразіе различныхъ отраслей производства и хозяйственныхъ единицъ, то мы должны будемъ сказать, что эта формула можетъ выражать или лишь общій *принципъ* высшаго права собственности государства, какъ это и осуществляется на самомъ дѣлѣ уже и теперь въ прогрессивномъ развитіи законодательства, или же—если не ждать, пока развитіе не приведетъ къ полному единообразію всѣхъ областей—для осуществленія этой формулы потребуется точно такое же *разнообразіе* соціалистическихъ хозяйственныхъ формъ. Исторія не допускаетъ альтернативъ. Ея девизъ: какъ то, такъ и другое. Чѣмъ дальше исторія подвигается впередъ, тѣмъ менѣе встрѣчаются въ ней эпохи, надъ которыми господствуетъ единый принципъ въ полной чистотѣ, и было бы совершенно не въ духѣ діалектики предполагать, что такой сложный продуктъ многовѣковой эволюціи, какимъ является наше общество, можетъ быть измѣненъ въ ближайшемъ будущемъ на основаніи единой формулы. Общество приближается къ соціализированію производства не однимъ, а многими путями. Никто не можетъ сказать, какъ долго будетъ длиться этотъ путь, потому что здѣсь играютъ роль какъ техническіе и организаціонные, такъ и психологическіе факторы, которые не могутъ быть вычислены a priori. Общество, поскольку оно выражается государствомъ, провинціей или общиной, можетъ превратить нѣкоторыя производства въ государственныя, провинціальныя или общин-

ныя производства, но оно не можетъ *приказать* своимъ членамъ: устраиваніе коопераціи. Коротко, *формула Маркса можетъ войти въ общую программу лишь какъ принципъ, какъ правовая идея*. Въ области же хозяйственной практики рядомъ съ ней будутъ еще долгое время существовать другія хозяйственныя формулы. Исторія человѣчества въ этомъ отношеніи совершается въ республиканскомъ духѣ: она не признаетъ „никакого короля въ соціальномъ царствѣ“. По отношенію къ системамъ она поступаетъ, какъ „эклектикъ“, по отношенію же ко времени,—какъ „мелкій буржуа“.

Въ заключеніе Каутскій считаетъ нужнымъ защитить Энгельса отъ обвиненія въ томъ, что онъ въ своемъ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ исправилъ все, что угодно, кромѣ ошибокъ 1848 г. Энгельсъ подвергаетъ критикѣ лишь тогдашній способъ борьбы, но не способъ борьбы нѣмецкой соціалъ-демократіи въ 1895 г. Но гдѣ же я утверждалъ что-либо иное? Каутскій просто на просто отождествляетъ тактику нѣмецкой соціалъ-демократіи съ воззрѣніями на этотъ предметъ Маркса, которыхъ онъ придерживался съ 1848 г. Но этого тождества не было уже давно. Письмо Маркса по поводу проекта Готской программы, его заявленія, вродѣ того, что всеобщее избирательное право въ современномъ государствѣ никогда не можетъ быть ничѣмъ большимъ, какъ показателемъ зрѣлости пролетаріата—все это на мой взглядъ достаточно ясно показываетъ, что существуютъ большія различія между воззрѣніями Маркса и нѣмецкой партіей на способъ борьбы. Никогда еще Энгельсъ не признавалъ такъ рѣшительно значенія всеобщаго избирательнаго права, какъ въ своемъ предисловіи. Это признаніе является, несомнѣнно, лишь *подтвержденіемъ* тактики нѣмецкой соціалъ-демократіи. Это, именно, я и утверждаю; критикую же я не эту тактику, а стремленіе внести въ нее девизы и аргументы устарѣвшей тактики 1848 г. Этотъ выводъ, на мой взглядъ, вытекаетъ изъ предисловія Энгельса.

„Нѣтъ“, говоритъ Каутскій, „Энгельсъ продолжаетъ оставаться въ этомъ предисловіи тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и раньше—старымъ революціонеромъ“. Въ подтвержденіе своей мысли онъ цитируетъ фразу Энгельса относительно права

на революцію и сообщаетъ, что первоначально Энгельсъ написалъ иное заключеніе къ предисловію, чѣмъ появившееся въ печати, но что, по желанію своихъ друзей, нашедшихъ первоначальную редакцію слишкомъ „революціонной", онъ ему придалъ болѣе мягкую форму. Каутскій требуетъ, чтобы я опубликовалъ это заключеніе, если оно находится между бумагами Энгельса. Оно покажетъ, какъ мало я имѣю основанія ссылаться на Энгельса.

На это я долженъ, прежде всего, отвѣтить, что я впервые слышу о существованіи не напечатаннаго заключенія, а затѣмъ, что подобной рукописи *нѣтъ* среди находящихся у меня бумагъ Энгельса. Этимъ я не думаю опровергнуть сообщаемый Каутскимъ фактъ. Очень возможно, что рукопись существуетъ, но что она не находится лишь среди попавшихъ мнѣ бумагъ. Но она можетъ находиться среди бумагъ, оставленныхъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Во-вторыхъ, революціонное заключеніе подтвердило бы лишь то, что я говорилъ, ничего не зная о немъ, именно, что Энгельсъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ, вытекающихъ изъ главныхъ мыслей его предисловія. Прославленіе „долгой, терпѣливой работы", „медленной работы пропаганды и парламентской дѣятельности" и заявленіе, что единственнымъ препятствіемъ прогрессу движенія можетъ быть крупное столкновеніе съ военной силой—все это плохо мирится съ „революціоннымъ заключеніемъ".

Однако, Энгельсъ далеко не былъ такимъ не логическимъ мыслителемъ. Правда, онъ любилъ сильныя заключительныя выраженія, но писать заключеніе, противорѣчащее всему сказанному ранѣе—это было не въ его духѣ. Въ концѣ своего предисловія Энгельсъ говоритъ объ извѣстномъ „законодательномъ проектѣ переворота", который тогда былъ въ Германіи злобой дня. Возможно, что „слишкомъ революціонное заключеніе", о которомъ говоритъ Каутскій, и имѣло въ виду этотъ проектъ. Но тогда оно не находилось бы въ противорѣчіи съ содержаніемъ предисловія.

Что касается „права на революцію", то его нельзя ни утверждать, ни отрицать, потому что революціи совершаются не на основаніи права. Рѣшающимъ моментомъ въ

дѣйствительности являются впечатлѣнія, не поддающіяся контролю и „невѣсомыя" вліянія: общее настроеніе и, особенно, политическая коньюнктура. Народы низвергали свои правительства по очень малымъ поводамъ и спокойно выносили очень тяжелый гнетъ. Въ общемъ же, понятно, что чѣмъ свободнѣе учрежденія страны, тѣмъ менѣе поводовъ къ революціонному возстанію, и что насильственное низверженіе народомъ правительства, избраннаго посредствомъ демократическаго избирательнаго права, является такимъ дѣйствіемъ, котораго никто не можетъ одобрить.

Постоянное упоминаніе о „правѣ на революцію" представляетъ въ большинствѣ случаевъ послѣднее средство, къ которому прибѣгаютъ, чтобы хотя формально поддержать дѣло, вѣра въ которое утеряна. Это—своего рода попытка оживить поливаніемъ искусственные цвѣты.

Это стремленіе воскресить мертвые, искусственные цвѣты и есть то, противъ чего я борюсь, и что отличаетъ меня отъ Каутскаго. „Право на революцію" при существующихъ въ Германіи отношеніяхъ означаетъ не болѣе, какъ право летать. Если бы наступили такія условія, которыя вынудили бы нѣмецкихъ рабочихъ прибѣгнуть для охраненія своихъ правъ къ этому средству, то они, вѣроятно, это сдѣлали бы сами, поскольку обстоятельства дозволятъ. Но до тѣхъ поръ, пока я не могу предложить имъ летательной машины, я не буду считать своей обязанностью обращать ихъ особенное вниманіе на ихъ право летать, но буду настойчиво указывать на тѣ средства движенія впередъ,—т. е. борьбы за освобожденіе,—которыя современное развитіе даетъ въ распоряженіе рабочимъ.

Не было никакой надобности напоминать мнѣ о законѣ Гегеля, по которому въ исторіи никогда не повторяются одинаковыя условія. Эта мысль, настойчивое указаніе на различіе современныхъ отношеній отъ отношеній, среди которыхъ жили авторы „Манифеста" въ эпоху его составленія, проходитъ красной нитью черезъ всѣ мои работы за цѣлый рядъ лѣтъ. Задача всѣхъ этихъ работъ—вывести для соціалистическаго ученія выводы, вытекающіе изъ могучихъ измѣненій въ фактическихъ отношеніяхъ. Въ эту эпоху измѣнилась вся общественная жизнь, политическія учре-

жденія, правовыя отношенія, и соціальныя понятія пріобрѣли новый характеръ, возникли новые органы для объединенія и охраненія соціальныхъ элементарныхъ силъ, образовались новыя формы экономической дѣятельности, необыкновенно развились средства сообщенія, и весь культурный уровень повысился. И я считаю естественнымъ выводомъ изъ діалектическаго пониманія исторіи, что при новыхъ обстоятельствахъ борьба за освобожденіе рабочаго класса не должна необходимо повести къ катастрофамъ подобнымъ тѣмъ, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ сопутствовали переходу политическаго — а не экономическаго — господства къ буржуазіи, что не только измѣненіе военной техники дѣлаетъ невозможной уличную борьбу, что ростъ классовой борьбы вовсе не означаетъ необходимо ростъ грубыхъ формъ этой борьбы, но что, напротивъ, соціалистическое преобразованіе общества возможно и вѣроятно и произойдетъ посредствомъ расширенія существующихъ уже теперь политическихъ и экономическихъ учрежденій.

Трудовая цѣнность или полезность?

(Отвѣтъ на статью Каутскаго: „Бернштейнъ о теоріи цѣнности и о классахъ. Neue Zeit. 1898—99 Bd. II pag. 68).

Петръ и Павелъ стоятъ противъ ящика съ минералами. „Здѣсь лежатъ геміедрическіе кристаллы съ параллельными плоскостями“, говоритъ Петръ. „Это сѣрный колчеданъ“, говоритъ Павелъ.

Кто изъ нихъ правъ?

Минералогъ отвѣчаетъ: „Оба правы“. „Сказанное Петромъ относится къ формѣ, сказанное же Павломъ къ содержанію.“

Правильность такого заключенія въ приведенномъ случаѣ очевидна, потому что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ предметомъ, въ которомъ легко отличить форму отъ содержанія. Между людьми съ нормальными способностями не можетъ итти споръ о томъ, служитъ ли матеріаломъ для покрывала шерсть *или* плюшъ; споръ можетъ итти о томъ, сдѣлано ли покрывало изъ шерсти или нѣтъ, есть ли это плюшевая ткань, или нѣтъ. Разумные люди еще могутъ спорить о томъ, что существенно для даннаго куска матеріи: есть ли это матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, или способъ его фабрикаціи. Если они ведутъ свой споръ основательно, то придутъ къ заключенію, что особенности матеріала сводятся—къ свойствамъ шерстяныхъ волоконъ, особенности же плюша—къ свойствамъ ткани, и споръ будетъ вращаться, въ концѣ концовъ, около вопроса, опредѣляется ли характеръ ткани свойствами волоконъ, или способомъ тканья.

Таковъ въ сущности споръ, который ведется уже въ

теченіе нѣсколькихъ поколѣній въ политической экономіи. Противорѣчіе между матеріаломъ и способомъ изготовленія ткани здѣсь превращается въ противорѣчіе между трудовой цѣнностью и полезностью. И какъ въ приведенномъ случаѣ обѣ стороны хорошо знаютъ, что безъ волоконъ нельзя ничего соткать, и что никакой необработанный матеріалъ не дастъ настоящаго покрывала, точно также экономисты обоихъ лагерей отлично знаютъ, что экономическая цѣнность вещи, не стоющей никакого труда, равна нулю, какъ бы ни была велика его полезность, и что никакой вложенный въ предметъ трудъ не придастъ ему цѣнности, если этотъ предметъ не соотвѣтствуетъ какой-либо человѣческой потребности или требованію.

Слѣдовательно, скажутъ мнѣ, весь споръ не имѣетъ никакого объекта? Однако, это будетъ слишкомъ скорое заключеніе. Споръ относительно матеріала и ткани не имѣетъ смысла лишь, когда онъ ведется абсолютно, безъ отношенія къ какой-либо опредѣленной цѣли или опредѣленному примѣненію. Гдѣ-нибудь на таможенной границѣ онъ можетъ быть совершенно у мѣста.

То же относительно вопроса объ экономической цѣнности. Хозяйственная жизнь современнаго общества очень сложна и можетъ быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія, въ зависимости отъ цѣли изслѣдованія. Отвергать напередъ извѣстный способъ изслѣдованія—было бы также неосновательно, какъ отвергать какую-либо дисциплину естествознанія въ пользу другой, потому лишь, что она разсматриваетъ тѣ же явленія съ другой стороны. Экономическая цѣнность, какъ мы узнали, имѣетъ двойственный характеръ: она заключаетъ въ себѣ моментъ *полезности* (потребительная цѣнность) и моментъ *издержекъ производства* (трудовая цѣнность). Какой изъ этихъ моментовъ опредѣляетъ *величину* цѣнности?

Очевидно, что ни одинъ изъ названныхъ моментовъ, взятыхъ въ отдѣльности. Это признаетъ и Марксъ въ различныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія. Даже болѣе, онъ очень энергично вводитъ въ понятіе общественно-необходимаго рабочаго времени, опредѣляющаго цѣнность предмета, моментъ потребности. Этотъ моментъ вводится имъ какъ

въ рабочее время, нужное для воспроизведенія единства товаровъ (Wareneinheit) при нормальной техникѣ производства, такъ и въ рабочее время, нужное для производства извѣстнаго товара *въ количествѣ*, требуемомъ рынкомъ.

Все это прекрасно. Но, полагаетъ Марксъ, по самой природѣ капиталистическаго хозяйства, послѣдняя величина не можетъ быть точно опредѣлена и въ дѣйствительности стоимость никогда не реализуется*). Но, въ такомъ случаѣ было бы невозможно развить категорію прибавочной стоимости; чтобы выйти изъ затрудненія, Марксъ предполагаетъ, что товары отчуждаются по ихъ трудовой стоимости, ссылаясь на то, что въ теченіе извѣстнаго промежутка времени спросъ и предложеніе всегда приблизительно выравниваются. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, Марксъ опредѣляетъ стоимость технически необходимымъ рабочимъ временемъ, абстрагируя отъ остальныхъ факторовъ, вліяющихъ на образованіе стоимости. По моему, эта абстракція вполнѣ законна, при условіи, однако, что она постоянно имѣется въ виду.

Существуютъ, однако, люди, утверждающіе, что установленная такимъ способомъ стоимость Маркса вовсе не представляетъ дѣйствительной стоимости, лежащей въ основаніи обмѣна товаровъ. Истинная теорія стоимости, полагаютъ эти люди, можетъ свести стоимость къ одному свойству товара. Но это свойство не трудъ, а *потребность* или *полезность*, которая и опредѣляетъ въ дѣйствительности величину стоимости товара. Товаръ, не удовлетворяющій никакой потребности, не имѣетъ стоимости, сколько бы не было затрачено труда на его производство, и товаръ, на который существуетъ большой спросъ, имѣетъ большую стоимость, хотя бы на его производство было затрачено мало труда. Стоимость не представляетъ присущаго товару свойства, но есть результатъ рыночной оцѣнки. Не нужно, конечно, забывать того, что издержки производства играютъ большую роль при образованіи величины стоимости. Никто не будетъ долго доставлять на рынокъ товаръ, который не покрываетъ при продажѣ издержекъ производства, а

*) Или реализуется лишь случайно, что наука не можетъ принимать во вниманіе. Ср. „Капиталъ“ III т. Глава 10.

если товаръ продается на рынкѣ выше издержекъ производства, то возникающая конкурренція скоро понижаетъ его цѣну. Но этимъ не объясняется величина стоимости въ каждый данный моментъ. Эта величина можетъ быть объяснена лишь изъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ, а потому проблема стоимости сводится къ анализу потребности, спроса, который естественно зависитъ отъ покупательной способности различныхъ классовъ, совокупность которыхъ образуетъ рынокъ.

Такова аргументація, лежащая въ основаніи теоріи *предѣльной полезности*, какъ основанія стоимости. Эта теорія разработана въ различныхъ странахъ авторами, обладающими удивительно яснымъ умомъ *). Она имѣетъ значительное число послѣдователей, въ томъ числѣ не мало англійскихъ соціалистовъ, и, по моему мнѣнію, она на самомъ дѣлѣ вполнѣ законна для опредѣленныхъ цѣлей изслѣдованія.

Каутскій не понимаетъ или не желаетъ понять, что къ этому взгляду можно прійти, не отказываясь отъ всего ученія Маркса. Бемъ-Баверкъ, говоритъ онъ, считается самымъ сильнымъ противникомъ теоріи стоимости Маркса. Его теорія и теорія Маркса исключаютъ другъ друга. Необходимо принять или одну, или другую.

На это я отвѣчу, что покрывало не сдѣлано *или* изъ шерсти, *или* изъ плюша, но и изъ шерсти, и изъ плюша, т. е. изъ хорошаго шерстяного плюша.

Здѣсь не мѣсто для всесторонняго изслѣдованія этого вопроса, замѣчу лишь, что я высказался по этому поводу съ достаточной опредѣленностью уже около трехъ лѣтъ назадъ въ статьѣ „Соціалистическая политическая экономія въ Англіи“ *).

Въ довершеніе отчаянія Каутскаго я пошелъ въ своей книгѣ еще дальше и отозвался съ похвалой о книгѣ русскаго писателя Льва Буха, которая представляетъ попытку, исходя и опираясь на ученіе Маркса, развить трудовую стоимость въ теоретически измѣряемую величину. Уже въ упомянутой статьѣ я указывалъ на недостаточность обыч-

*) Курно и Вальросъ во Франціи, Стенли Джевонсъ—въ Англіи, Госсенъ—въ Германіи, Бемъ Баверкъ, Визеръ, Менгеръ—въ Австріи.

*) Die Neue Zeit. 1896—97 pag. 50.

наго сведенія различныхъ конкретныхъ видовъ труда къ абстрактному труду. Съ одной стороны, при этомъ стоимость труда представляется какъ нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ заработной платой, съ другой—она должна представлять теоретически опредѣленную величину. Я видѣлъ въ этомъ пробѣлъ теоріи, при существованіи (наличности) котораго все ученіе о трудовой стоимости виситъ въ воздухѣ, покоится на фикціи. Въ „Капиталѣ“, правда, есть выраженіе, приводящее стоимость труда въ прямое отношеніе къ заработной платѣ. „Если стоимость этой силы (рабочей силы) выше“, говоритъ Марксъ, „то она проявляется въ высшемъ родѣ труда и воплощается поэтому въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени въ *сравнительно высшей стоимости*“. Въ приведенной цитатѣ заработная плата опредѣляетъ трудовую стоимость, благодаря чему послѣдняя получаетъ совершенно иной видъ, чѣмъ обычное представленіе о ней, опирающееся, впрочемъ, на заявленія того же Маркса.

Бухъ пытается разрубить гордіевъ узелъ, строго различая два рода стоимости, смѣшиваемыхъ Марксомъ воедино, а, именно: стоимости вообще и относительной стоимости. Къ первой примѣнима трудовая теорія; она опредѣляется по Буху прямо заработной платой и рабочимъ временемъ, причемъ онъ, опираясь на физіологію, создаетъ понятіе „предѣльной плотности труда“ (чѣмъ короче рабочій день и чѣмъ больше доля рабочаго въ создаваемомъ продуктѣ, тѣмъ выше предѣльная плотность труда). Совершенно иной характеръ носитъ *оцѣночная стоимость* продукта, которую послѣдній пріобрѣтаетъ на рынкѣ. Эти два рода стоимости должны быть строго разграничены. Эксплуатація рабочихъ должна быть объяснена не изъ стоимости труда, но изъ отношенія стоимости труда къ оцѣночной стоимости.

Я не считаю, что теорія Буха безупречна; но я полагаю, что она представляетъ шагъ впередъ и дѣлаетъ попытку заполнить упомянутый пробѣлъ въ теоріи Маркса. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется болѣе цѣлесообразнымъ оперировать съ двумя понятіями стоимости, чѣмъ давать одному и тому же понятію опредѣленіе, включающее два нейтрализирующіе другъ друга принципа, какъ это имѣетъ мѣсто въ случаѣ съ „общественно-необходимымъ рабочимъ вре-

менемъ". Такъ какъ я знакомъ только съ первой частью труда Буха, то я удерживаюсь отъ окончательнаго сужденія.

Но развѣ я обязанъ, какъ полагаетъ Каутскій, потому лишь, что я признаю заслугу за работой Буха и придаю относительное значеніе теоріи предѣльной полезности, имѣть свою собственную теорію стоимости, представляющую синтезъ всѣхъ трехъ?

На мой взглядъ, значеніе теоріи трудовой стоимости крайне преувеличено, и при томъ Каутскій его ищетъ не на правильномъ пути. По поводу моего заявленія, что вопросъ о вѣрности или ошибочности ученія Маркса о стоимости не имѣетъ значенія для доказательства существованія прибавочнаго труда, Каутскій замѣчаетъ, что указаніе на существованіе прибавочнаго труда еще не выясняетъ намъ особыхъ свойствъ капиталистическаго способа производства; оно не выясняетъ, почему въ капиталистическомъ обществѣ продуктъ прибавочнаго труда попадаетъ въ руки землевладѣльцевъ и капиталистовъ, откуда возникаетъ классовое противорѣчіе между капиталистами и пролетаріями, и какимъ образомъ погоня за относительной и абсолютной прибавочной стоимостью становится могучимъ стимуломъ для развитія человѣческаго труда. Между тѣмъ именно это и слѣдуетъ объяснить, и объясненіе это дается открытіемъ законовъ прибавочной стоимости.

На это я отвѣчу, что явленія, на которыя указываетъ Каутскій, были не только извѣстны, но также въ главныхъ чертахъ объяснены задолго до того времени, какъ Марксъ началъ писать свой „Капиталъ". Заслуга Маркса заключается въ болѣе послѣдовательномъ развитіи понятій и болѣе глубокомъ анализѣ нѣкоторыхъ относящихся сюда явленій, но фактически его изслѣдованіе представляетъ развитіе мыслей, высказанныхъ его предшественниками.

Напр., различіе между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью, конечно, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ большей наглядности, но тотъ фактъ, что увеличеніе прибавочной стоимости можетъ быть достигнуто не только посредствомъ удлинненія рабочаго дня (абсолютная прибавочная стоимость) но также посредствомъ повы-

шенія производительной силы труда и соотвѣтственнаго пониженія стоимости рабочей силы (сгущеніе труда, относительная прибавочная стоимость) и что поэтому борьба за прибавочную стоимость или—съ точки зрѣнія капиталистовъ — за прибыль становится могучимъ стимуломъ для развитія производительности человѣческаго труда, этотъ фактъ былъ давно извѣстенъ и объясненъ. Онъ даже представлялъ излюбленный аргументъ защитниковъ экономическаго либерализма.

Еще менѣе можно согласиться съ тѣмъ, что лишь открытіе Марксомъ законовъ прибавочной стоимости объяснило, почему продуктъ прибавочнаго труда въ капиталистическомъ обществѣ достается капиталистамъ и землевладѣльцамъ. Даже самъ Марксъ пытается дать отвѣтъ на это „почему“ не въ главахъ, трактующихъ о законахъ прибавочной стоимости, но въ главѣ о процессѣ накопленія, причемъ наибольшее значеніе имъ придается *первоначальному накопленію*, вытекающему не изъ законовъ прибавочной стоимости, но являющемуся продуктомъ насилія, правовыхъ привилегій и т. д. На самомъ дѣлѣ, присвоеніе прибавочнаго продукта есть слѣдствіе *преимуществъ положенія*, вытекающихъ теперь обыкновенно изъ владѣнія капиталомъ или земельной собственностью, а также изъ разнаго рода другихъ привилегій (патентовъ, классовыхъ монополій etc). Опираясь на эту мысль, многіе соціалисты (Родбертусъ, Дюрингъ и т. д.) называютъ всѣ роды дохода, не вытекающіе непосредственно изъ труда, *рентой*, а англійскіе соціалисты, принявшіе ученіе о предѣльной полезности, развили эту мысль о привилегированномъ доходѣ или рентѣ до ея крайнихъ выводовъ. Такимъ образомъ, они приходятъ по отношенію къ вопросу о доходѣ къ тѣмъ самымъ выводамъ, къ которымъ приходятъ марксисты, опирающіеся на теоріи трудовой стоимости и прибавочной стоимости.

Для результата борьбы противъ дохода, выростающаго на почвѣ какихъ-либо привилегій, безразлично, разсматривается ли этотъ доходъ, какъ прибавочная стоимость, или какъ рента, вопросъ же о средствахъ и пріемахъ покоится вообще на другомъ основаніи. Въ этой области такъ же возможны разногласія между послѣдователями одной теоріи,

какъ и между послѣдователями другой. Большинство марксистовъ не помышляетъ объ одновременномъ уничтоженіи всѣхъ родовъ собственности на средства производства; точно также большинство послѣдователей Джевонса не думаетъ объ одновременномъ уничтоженіи всѣхъ родовъ ренты. Опытъ показываетъ, что обѣ теоріи могутъ привести къ однимъ и тѣмъ же практическимъ результатамъ.

Каутскій указываетъ, какъ на главное преимущество теоріи стоимости Маркса, на „открытіе фетишистскаго характера товара". Въ чемъ же заключается это открытіе? По изложенію Каутскаго, въ томъ, что стоимость представлена „какъ скрытое подъ вещественной оболочкой отношеніе людей", что отношеніе стоимостей продуктовъ выражено, какъ „общественное отношеніе, возникающее при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ, а, именно, при товарномъ производствѣ", и „создающее новыя общественныя отношенія, которыя отчасти перекрещиваютъ первыя". „Она проявляется", пишетъ Каутскій, „какъ *тенденція*, господствующая надъ дѣйствительными мѣновыми отношеніями, не какъ величина, доступная измѣренію, но тѣмъ не менѣе, какъ дѣйствительное отношеніе, а не только созданіе мысли, какъ полагаетъ Бернштейнъ". Можетъ быть, что для послѣдователей Прудона или Родбертуса важна возможность измѣренія стоимости каждаго рода товаровъ, „*мы же, марксисты, въ теоріи стоимости ищемъ лишь ключъ къ механизму капиталистическаго способа производства*".

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, прежде всего, что Каутскій смѣшиваетъ двѣ различныя вещи. Въ одномъ случаѣ, подъ отношеніемъ стоимости продуктовъ труда, онъ понимаетъ *общее свойство продуктовъ труда, выступающихъ въ качествѣ товара*, относиться къ другимъ товарамъ, какъ стоимость. Но это *общее* отношеніе стоимости, представляющее историческое основаніе или предпосылку явленія стоимости, необходимо отличать отъ *спеціальнаго* отношенія стоимостей товаровъ, или отъ величины стоимости, которую должна анализировать всякая теорія стоимости, желающая оправдать свое названіе. Глава о фетишистическомъ характерѣ товара и его тайнѣ является, конечно, наиболѣе ясной въ произведеніи Маркса и имѣетъ громадное значе-

ніе для пониманія его книги; но то, что онъ въ ней говоритъ относительно исторической природы товара и отношенія стоимости, т. е. о *формѣ* стоимости, не представляло чего-либо новаго для экономистовъ и соціологовъ той эпохи. Не было ни одного значительнаго экономиста, ни одного соціалиста, который принципіально бы не подчеркивалъ исторической природы товарной формы. Что касается спеціально соціалистовъ, то у нихъ мы встрѣчаемъ то самое противопоставленіе первобытнаго натуральнаго, мѣнового и будущаго соціалистическаго хозяйства, которое развиваетъ въ указанной главѣ и Марксъ, чтобы придать большую наглядность фетишистскому характеру товара *). „Мы—марксисты“ въ этомъ случаѣ опять таки являемся plus marxist, чѣмъ самъ Марксъ, который въ названной главѣ говоритъ лишь о „*части экономистовъ*, обманутыхъ фетишистскимъ характеромъ товара и кажущимся вещественнымъ видомъ общественныхъ отношеній“. Если бы задача Маркса состояла лишь въ выясненіи общественнаго характера отношенія стоимости, то онъ могъ бы не писать большей части своихъ изслѣдованій о стоимости.

Мнѣ не приходило въ голову изображать, какъ почему-то утверждаетъ Каутскій, это *общее* общественное отношеніе, какъ „чисто умозрительный образъ“, но я выставилъ, какъ таковой, *трудовую стоимость*, которую Марксъ кладетъ въ основаніе своего анализа названнаго отношенія стоимости и, какъ мнѣ кажется, доказалъ свое утвержденіе. Удалось ли мнѣ это доказательство, или нѣтъ—это вопросъ другой, но возраженія Каутскаго не только не опровергаютъ моей аргументаціи, но даже *не касаются* ея. Если „мы, марксисты“, какъ утверждаетъ Каутскій, ищемъ въ понятіи *стоимости* ключъ къ механизму капиталистическаго способа производства, то это „понятіе“, которое должно представлять „отраженіе дѣйствительныхъ исторически развивающихся отношеній“, не можетъ быть, ни чѣмъ инымъ, какъ „чисто умозрительнымъ настроеніемъ“.

Я указываю въ своей книгѣ на работу Буха, какъ на заслуживающую вниманія попытку придать трудовой стои-

*) Изъ нѣмецкихъ авторовъ укажемъ здѣсь, хотя бы, Родбертуса.

мости характеръ, допускающій теоретически измѣреніе. Каутскій дѣлаетъ отсюда заключеніе, что я требую отъ теоріи стоимости, чтобы она давала возможность измѣренія величины стоимости каждаго отдѣльнаго товара. При немного болѣе спокойномъ отношеніи къ моей книгѣ, онъ бы увидѣлъ, что мысль о приданіи трудовой стоимости характера, допускающаго *теоретически измѣреніе*, не имѣетъ ничего общаго съ подобнымъ требованіемъ. Послѣднее сводится къ практической измѣримости. Требованіе же теоретической измѣримости исполняется, разъ есть возможность выразить стоимость, математической формулой.

Каутскій оканчиваетъ словами: „Безъ теоріи стоимости всякая экономическая теорія остается недостовѣрнымъ эмпирическимъ знаніемъ, не видящимъ дальше поверхности явленій“. На это я отвѣчу, что достовѣрность, опирающаяся на смѣшеніе самыхъ разнородныхъ понятій, никогда еще не предохраняла отъ спотыканія и паденія.

Изображеніе моей эмпирической недостовѣрности въ области ученія о стоимости служитъ лишь прелюдіей къ болѣе серьезному обвиненію, касающемуся моего отношенія къ ученію о классовой борьбѣ. Изслѣдованію этого обвиненія посвящена слѣдующая статья.

Классовая борьба, какъ догматъ и какъ дѣйствительность.

Отвѣтъ на статью Каутскаго: Бернштейнъ о теоріи стоимости и о классахъ (Die Neue Zeit., 1898—99 Bd. pag. 68).

Каутскій замѣчаетъ: онъ удивленъ, что я въ своей книгѣ нигдѣ не высказываюсь точно о своемъ отношеніи къ классовой борьбѣ. Тѣмъ не менѣе одно для него очевидно, а именно: *стремленіе показать*, что какъ внутренняя солидарность рабочихъ, такъ и антогонизмъ между ними и капиталистами *„очень ничтожны"*.

Въ доказательство своего тяжелаго обвиненія Каутскій приводитъ мою фразу, въ которой я говорю, что современные наемные рабочіе не представляютъ однородной, несвязанной семьей, ни собственностью, массы, какъ предпологалось въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", и что именно въ наиболѣе развитыхъ отрасляхъ производства существуетъ цѣлая іерархія дифференцированныхъ группъ рабочихъ, между которыми чувство солидарности весьма умѣренно.

Каутскій признаетъ, что въ условіяхъ существованія современныхъ рабочихъ имѣются различія. Онъ отрицаетъ лишь то, что эти различія отражаются (за исключеніемъ Англіи) во взаимныхъ чувствахъ рабочихъ.

Но въ такомъ случаѣ, позволительно спросить, куда дѣлся историческій матеріализмъ и діалектика? Развѣ ближайшимъ слѣдствіемъ историческаго матеріализма не является мысль, что различія въ условіяхъ и образѣ жизни отражаются въ образѣ мысли и взаимныхъ отношеніяхъ

соотвѣтственныхъ слоевъ населенія? И развѣ подобное заключеніе не соотвѣтствуетъ діалектическому пониманію вещей?

Въ статьѣ объ исторической необходимости я предупреждалъ противъ смѣшенія классовой борьбы, *какъ естественнаго историческаго явленія*, съ классовой борьбой, какъ *цѣлью*. Послѣдняя представляетъ вопросъ цѣлесообразности, и обсуждать ее можно съ точки зрѣнія *намѣреній* или *агитаціи*; первая же есть прежде всего *дѣло познанія, объективнаго изслѣдованія*. Такое изслѣдованіе можетъ лишь пострадать отъ внесенія въ него элемента чувства.

„Пролетаріатъ", какъ единство современныхъ наемныхъ рабочихъ, былъ въ свое время чисто абстрактнымъ построеніемъ, не говоря уже о томъ, что это слово въ новѣйшей исторіи употреблялось въ риторическихъ цѣляхъ въ довольно неисторическомъ смыслѣ. Послѣднее видно ужъ изъ того, что это понятіе возникло не въ Англіи, гдѣ классъ наемныхъ рабочихъ развился раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, но во Франціи, въ которой этотъ классъ тогда былъ исключеніемъ. То, что мы называемъ классовымъ сознаніемъ пролетаріата, образовалось очень медленно, не какъ причина современнаго рабочаго движенія, но какъ слѣдствіе его. Первыя самостоятельныя проявленія современнаго рабочаго движенія вылились въ форму групповыхъ или профессіональныхъ движеній; лишь постепенно и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ радикально-соціалистической пропаганды движеніе принимаетъ межъ-классовый характеръ. Каутскій самъ подтверждаетъ эту мысль, констатируя, что континентальные рабочіе давно уже поняли, „*благодаря соціалистической теоріи* и *преобладанію политической борьбы*,— что коренные интересы пролетаріата солидарны и что пролетаріатъ не можетъ безнаказанно забывать объ этомъ". Но англійское рабочее движеніе въ свое время носило такой же характеръ; тамъ тоже преобладающую роль играли политическая борьба и интенсивная соціалистическая пропаганда; однако, это не помѣшало тамъ возникнуть такимъ явленіямъ, которыя изображены Веббами, и которыя Каутскій предъявляетъ мнѣ въ качествѣ обвиненія. Эти явленія двоякаго рода. Во-первыхъ, споры о взаимныхъ границахъ

между отдѣльными профессіональными союзами. Эти споры въ нѣсколько иной формѣ знакомы и нѣмецкимъ рабочимъ. Въ настоящій моментъ, впрочемъ, большая часть ихъ устранена и при томъ средствами самого профессіональнаго движенія: большой сѣверный союзъ рабочихъ въ металлической и кораблестроительной промышленности положилъ конецъ подобнымъ спорамъ. Второе явленіе, отмѣченное Веббами, состоитъ въ *самоувѣренности, духѣ борьбы, нетерпимости по отношенію ко всякому чувству, филантропіи и идеализму*, господствующихъ въ нѣкоторыхъ профессіональныхъ союзахъ, въ самодовольномъ прославленіи результатовъ своей борьбы и въ презрительномъ отношеніи къ неудачнымъ борцамъ, однимъ словомъ, *въ купеческомъ образѣ мысли.*

Веббы пишутъ какъ соціалисты, симпатизирующіе профессіональному движенію, однако, относящіеся къ нему критически и не упускающіе случая при изложеніи тѣневыхъ сторонъ движенія воскликнуть по адресу либеральныхъ англійскихъ экономистовъ: „Смотрите, именно самые несимпатичныя стороны профессіональнаго движенія соотвѣтствуютъ вашимъ теоріямъ, представляютъ лишь иное воплощеніе торговаго духа“.

Англичане, которыхъ судьба избавила отъ проституированія (опошленія) понятія гражданственности (citizenship), называютъ то, что въ Германіи извѣстно подъ именемъ „буржуазныхъ воззрѣній“ „торговымъ, или купеческимъ духомъ“. Изслѣдованіе Веббовъ показало, что среди англійскихъ рабочихъ существуетъ то, что Лассаль назвалъ „буржуазнымъ міровоззрѣніемъ“. Присмотримся, однако, ближе къ тѣмъ свойствамъ, которыя онъ изображаетъ, какъ результатъ „политики спроса и предложенія“; дѣйствительно ли они такъ ужъ отличаются отъ свойствъ, развиваемыхъ классовой борьбой? „Нетерпимое отношеніе къ всякаго рода сантиментализму, филантропіи, идеализму“, „сильно развитый духъ самоувѣренности и борьбы“, „прославленіе собственныхъ успѣховъ“ и „презрѣніе къ неудачнымъ борцамъ“— все это вещи, которыя вовсе не такъ ужъ сильно отличаются отъ духа, отразившагося въ „Манифестѣ“, какъ ни различны практическія проявленія этого духа отъ предполагавшагося

въ этомъ произведеніи. Въ дѣйствительности, вещи обыкновенно происходятъ иначе, чѣмъ на бумагѣ, а съ принципіальной точки зрѣнія, теорія классовой борьбы Маркса представляетъ лишь выводъ изъ теорій буржуазнаго философскаго радикализма.

Впрочемъ, профессіональная борьба не мыслима безъ нѣкоторой жестокости. Даже презрительное отношеніе къ неудачнымъ борцамъ имѣетъ свое основаніе, если безрезультатность является слѣдствіемъ нелѣпаго, необдуманнаго образа дѣйствій. Профессіональный союзъ защищаетъ опредѣленные интересы, и потому въ немъ мало мѣста для сантиментальнаго идеализма. Этимъ, конечно, не одобряется вовсе узкій духъ цеховой исключительности.

Но совершенно ошибочно взваливать отвѣтственность за изображенныя Веббами явленія на „союзъ англійскаго пролетаріата съ радикальной буржуазіей". Вообще, англійскій пролетаріатъ не заключалъ подобнаго союза. Часть англійскихъ рабочихъ, составляющая, однако, меньшинство всего рабочаго класса, на выборахъ подаетъ голоса въ пользу радикаловъ, и небольшая доля этой части участвуетъ въ радикальномъ клубѣ. Другая часть англійскихъ рабочихъ находится въ аналогичномъ отношеніи къ консерваторамъ; третья часть находится въ лагерѣ соціалистовъ; большинство же въ политическомъ отношеніи индиферентно.

Неправильно также отождествлять современныхъ англійскихъ либераловъ съ тѣмъ „либерализмомъ", для котораго характерны описанныя выше явленія. Современная либеральная партія имѣетъ въ прессѣ и парламентѣ представителей, придерживающихся въ области соціальной политики гораздо болѣе прогрессивныхъ взглядовъ, чѣмъ профессіональные союзы, о которыхъ говорятъ Веббы.

Но если даже согласиться со всѣмъ тѣмъ, что Каутскій приводитъ для объясненія коммерческаго духа англійскихъ рабочихъ, какой смыслъ имѣетъ его восклицаніе: „Но мы знаемъ борющійся пролетаріатъ съ другой стороны?"

Я бы могъ отвѣтить: „Мы также", потому что я имѣлъ счастье знать на континентѣ и въ Англіи многихъ рабочихъ, къ которымъ не подходитъ характеристика Веббовъ. Если Каутскій хочетъ сказать, что соціалистически мысля-

щіе рабочіе не придерживаются коммерческихъ воззрѣній, то кто это отрицаетъ? Но если онъ хочетъ сказать, что на континентѣ нѣтъ подобныхъ явленій, то онъ утверждаетъ то, что совершенно не доказано, и что не можетъ быть доказано.

Что преобладаніе въ Германіи и вообще на континентѣ политическаго движенія надъ чисто профессіональнымъ парализуетъ нѣкоторыя проявленія указаннаго духа, это установилъ я самъ въ моей книгѣ. Но вліяніе политической борьбы не всегда было достаточно сильно, чтобы восторжествовать надъ борьбой рабочихъ противъ рабочихъ же, вытекающей изъ экономической дифференцировки и противорѣчія хозяйственныхъ интересовъ. При этомъ въ Германіи борьба профессіональнаго союза противъ другого профессіональнаго союза почти всегда происходила до сихъ поръ изъ-за спора о *формѣ* организаціи или объ общихъ принципахъ политики профессіональныхъ союзовъ. Хотя эти вопросы въ главныхъ чертахъ уже рѣшены, тѣмъ не менѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ они еще играютъ роль. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ централизованный профессіональный союзъ и мѣстная организація, промышленный и профессіональный союзъ находятся во враждебныхъ отношеніяхъ. Въ послѣднее время различные нѣмецкіе профессіональные союзы ввели помощь безработнымъ, подчиняясь не столько своему убѣжденію, сколько необходимости. Они должны были это сдѣлать, чтобы придать большую прочность организаціи и помѣшать постоянной смѣнѣ своихъ членовъ*). Въ добрый часъ: какъ только профессіональный союзъ выплачиваетъ помощь безработнымъ, нѣкоторые промышленные вопросы получаютъ для него совершенно иное значеніе. Право его членовъ на извѣстныя работы становится при извѣстныхъ обстоятельствахъ для него вопросомъ существованія. Нужно представить себѣ конкретно дѣло, и тогда въ отмѣченной выше борьбѣ мы увидимъ не только объектъ для мораль-

*) Въ этомъ отношеніи нѣмецкое профессіональное движеніе повторяетъ путь, пройденный англійскими рабочими. Такъ наз. новые уніонисты 1889—90 гг. были вынуждены измѣнить свой первоначально „чистый профессіональный“ характеръ и организовать кассы взаимопомощи.

наго возмущенія. Задача состоитъ въ томъ, чтобы найти средство, разрѣшающее эти раздоры и недопускающее до прямой борьбы. Англичане уже нашли это средство, и нѣмецкіе профессіональные союзы послѣдуютъ ихъ примѣру, если ихъ промышленные союзы и генеральная комиссія не является уже достаточнымъ средствомъ для предотвращенія подобныхъ столкновеній.

Англійское профессіональное движеніе развилось въ высшей степени независимо отъ какихъ-либо постороннихъ вліяній. Отсутствіе политическаго гнета и господствующей политической партіи имѣли слѣдствіемъ, что всѣ свойства могли развиваться безпрепятственно. Поэтому англійское профессіональное движеніе представляетъ прекрасную область для наблюденія и изслѣдованія нѣкоторыхъ естественныхъ тенденцій и слѣдствій экономической борьбы. Даже самыя несимпатичныя проявленія этой борьбы въ высшей степени поучительны. Я давно уже стараюсь безпристрастно изслѣдовать подобныя явленія и открыть ихъ *причины*. При этомъ я почти всегда приходилъ къ иному выводу, чѣмъ предварительно составленному на основаніи „принциповъ". Напр., со стороны, горнорабочіе Нортумберланда по сравненію съ горнорабочими среднихъ графствъ являются чудовищами эгоизма, такъ какъ они заставляютъ своихъ мальчиковъ работать десять часовъ, чтобы обезпечить себѣ шести и семичасовой рабочій день, тогда какъ въ среднихъ графствахъ потребованъ общій восьмичасовой день. Болѣе внимательное изслѣдованіе условій труда, однако, показываетъ, что рабочіе Нортумберланда на самомъ дѣлѣ не болѣе эгоисты, чѣмъ рабочіе среднихъ графствъ, и что даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они больше заботятся о своихъ малолѣтнихъ помощникахъ, чѣмъ ихъ товарищи. Но постановка проблемы у нихъ иная, потому что—иныя условія производства и сбыта. Установленіе максимальнаго 8-ми часового рабочаго дня повело бы въ Нортумберландѣ къ гораздо болѣе глубокимъ измѣненіямъ въ веденіи хозяйства, чѣмъ въ большинствѣ шахтъ среднихъ графствъ. Возможно, что рабочіе преувеличиваютъ важность и трудность этихъ измѣненій, но тѣмъ не менѣе нельзя просто осудить ихъ, и соціалистическая теорія не является здѣсь всеисцѣляющимъ

средствомъ. Когда въ 1894 г. либеральный министръ Асквитъ внесъ проектъ фабричнаго законодательства, который, между прочимъ, запрещалъ ночную работу юношей, организованные рабочіе въ стеклянномъ производствѣ Іоркшира послали въ Лондонъ депутацію съ просьбой отмѣнить запрещеніе. Во главѣ депутаціи находился Фред. Гринвудъ, горячій соціалистъ хорошій другъ Элеоноры Марксъ.

Мнѣ не приходитъ въ голову утверждать, что всѣ явленія, наблюдаемыя въ англійскомъ профессіональномъ движеніи должны повториться въ томъ же видѣ въ Германіи. Совершенно иныя политическія отношенія Германіи. другой характеръ фабричныхъ законовъ, нѣкоторыя различія въ образѣ жизни—особенно, въ воспитаніи — особенности національнаго характера, все это обусловливаетъ то, что однѣ и тѣ же экономическія причины порождаютъ не совсѣмъ одни и тѣ же способы борьбы. При всемъ томъ съ развитіемъ нѣмецкаго профессіональнаго движенія въ немъ возникаютъ аналогичныя внутреннія противорѣчія, какъ и въ Англіи. И послѣдователь историческаго матеріализма не долженъ въ этомъ видѣть ничего страннаго.

Уже въ теченіе многихъ лѣтъ я боролся на страницахъ „Der Neuen Zeit“ противъ упрощеннаго пониманія классовой борьбы, съ точки зрѣнія котораго современный рабочій классъ представляетъ однородный пролетаріатъ; въ особенности я развилъ свой взглядъ въ послѣсловіи къ нѣмецкому переводу „Исторіи тредъ-юніонизма“ Веббовъ, гдѣ я указалъ, что разнообразіе типовъ профессіональныхъ союзовъ объясняется не одинаковыми ступенями развитія и условіями существованія промышленности и ея рабочихъ, и что мы еще очень далеки отъ того единообразія въ развитіи, которое предполагается „идеей вполнѣ единообразнаго и и одновременнаго преобразованія промышленныхъ отношеній“.

Ни Каутскій, ни кто-либо другой не замѣтили тогда въ этомъ заявленіи, равно какъ и во многихъ другихъ аналогичныхъ фразахъ „*стремленія* представить классовую солидарность рабочихъ между собой, какъ нѣчто очень слабое и ничтожное“ *). Эти фразы представляютъ результатъ по-

*) Упомянутое предисловіе показалось редакціи соціалистическаго журнала „Devenir social“ настолько безвреднымъ, что она предпослала его въ видѣ *предисловія* французскому изданію книги Веббовъ.

ниманія, которое выработалось, во мнѣ постепенно благодаря внимательному изученію рабочаго движенія, и измѣнило мои взгляды на ходъ соціалистическаго развитія. И менѣе всего я ожидалъ, что эти факты станетъ отрицать Каутскій.

„Дѣйствительное движеніе никогда не будетъ соотвѣтствовать идеалу психологическаго побужденія. Поэтому идеалиста, идеи котораго не вытекаютъ изъ пониманія условій классовой борьбы, можетъ оттолкнуть движеніе пролетаріата... Тамъ, гдѣ господствуетъ утопическое пониманіе исторіи, разногласія, которыя вездѣ существуютъ, такъ какъ еще никто не владѣлъ полной истиной, принимаютъ болѣе острый характеръ, чѣмъ тамъ, гдѣ принято матеріалистическое пониманіе, предполагая, конечно, равными всѣ другія условія, какъ силу пониманія, темпераментъ, среду."

Такъ писалъ полтора года назадъ Каутскій противъ Бельфорта Бакса. Теперь онъ дѣлаетъ то самое, за что тогда упрекалъ Бакса, а именно, старается довести разногласія до крайнихъ предѣловъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать прямо таки идеальному примѣру дѣятельности Маркса въ интернаціоналѣ—употребляемъ выраженіе самого Каутскаго—онъ придерживается системы Бакса и соціалъ-демократической федераціи, которую онъ недавно подвергалъ критикѣ. Для полнаго согласованія съ этой системой онъ заявляетъ, что Джонъ Бернсъ и англійскіе фабіе все болѣе и болѣе становятся либералами.

Это утвержденіе во всѣхъ отношеніяхъ не вѣрно. Оно не вѣрно, поскольку предполагаетъ болѣе мѣстную связь съ теоретическимъ либерализмомъ, чѣмъ-когда либо существовавшая у фабіевъ, и не менѣе не вѣрно, поскольку оно предполагаетъ растущую зависимость фабіевъ отъ либеральной партіи. Фабіанцы держатъ себя теперь такъ же независимо по отношенію къ либеральной партіи, какъ пять или десять лѣтъ назадъ. Если они и находятся съ какой-либо политической партіей въ болѣе тѣсной связи, то это съ независимой рабочей партіей, выдающіеся дѣятели которой, какъ Бернсъ, Питъ Кэранъ, Кейръ-Гарди, Макдональдъ, Джонъ Пенни и др. состоятъ членами фабіанскаго общества. Никто же не упрекнетъ независимую рабочую партію въ зависимости отъ либераловъ. Письмо, написанное фа-

біанцемъ Бернадомъ Шоу банкету, данному этой весной въ честь Либкнехта, Жореса и Вандервельда, и рѣчь, произнесенная на томъ же банкетѣ фабіанцемъ Оливье, меньше всего говорятъ о подобной зависимости.

Съ другой стороны, Каутскій совершенно ошибается, утверждая, что усилія фабіевъ распространить соціалистическія идеи среди либераловъ потерпѣли полное фіаско. Противъ этого свидѣтельствуютъ уже хотя бы тревожные крики либеральныхъ доктринеровъ о томъ, что партія удаляется отъ стараго либерализма; укажу, напр., на недавно появившіяся статьи Джемса Ананди въ „Reynolds Newspaper“ и въ „Daily News“. Старые либералы жалуются, что партія подпала вліянію фабіевъ. Это, конечно, преувеличено, но также односторонне утвержденіе, что либерализмъ оказался сильнѣе фабіанцевъ.

Въ своей полемикѣ Каутскій охотно употребляетъ обвиненіе въ утопизмѣ; онъ направилъ его также и противъ меня. Въ моемъ развитіи произошелъ поворотъ къ утопизму, потому что я даю мѣсто, рядомъ съ экономической необходимостью, волѣ, предвидѣнію, правовому сознанію, и считаю, что осуществленіе соціализма зависитъ не только отъ первой, но и отъ вторыхъ. Несмотря на это обвиненіе, Каутскій присоединяется къ тѣмъ моимъ противникамъ, для которыхъ побѣда соціализма является лишь вопросомъ *политической* силы. Его особенно возмутили мои разсужденія о границахъ политической силы относительно уничтоженія классовъ.

Онъ обвиняетъ меня по тремъ пунктамъ.

Во-первыхъ, въ томъ, что я цитирую фразу Энгельса, въ которой онъ ставитъ уничтоженіе раздѣленія на классы въ зависимость отъ высокаго уровня производительныхъ силъ, безъ добавленія, сдѣланнаго самимъ же Энгельсомъ, и которое гласитъ такъ: „Этого уровня развитія производительныя силы достигли впервые въ рукахъ буржуазіи“. Дополненіе это доказываетъ, что, по мнѣнію Энгельса, „мы *уже достигли* нужной высоты развитія производительныхъ силъ“.

Само собой разумѣется, что мнѣ извѣстно и это добавленіе, и мнѣ стоило нѣкотораго усилія не коснуться его въ моей книгѣ. Пусть же это будетъ сдѣлано теперь.

Конечно, это добавленіе можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что Энгельсъ считалъ требуемый уровень развитія производительныхъ силъ уже достигнутымъ и, дѣйствительно, въ своемъ „Анти-Дюрингѣ“, написанномъ двумя годами позже, онъ очень энергично высказывается въ этомъ смыслѣ.

Однако, эти статьи написаны болѣе двадцати лѣтъ назадъ, а со времени опубликованія первой прошло почти *четверть столѣтія*. Если производительныя силы достигли уже тогда требуемой высоты, а капиталистическій строй тѣмъ не менѣе продолжаетъ существовать, то не значитъ ли это, что предпосылки, поведшія къ такому заключенію, скрываютъ въ себѣ какую-то крупную ошибку? Не значитъ ли это одного изъ двухъ: либо производительныя силы еще не достигли требуемой высоты развитія, либо, вообще, выведеніе соціализма изъ экономіи въ этой формѣ не достаточно? По моему мнѣнію, нужно остерегаться ссылаться на Маркса и Энгельса именно въ вопросѣ о срокѣ наступленія соціализма, потому что въ этомъ отношеніи они допустили крупныя ошибки. Какія были тому причины—вопросъ другой, но фактъ тотъ, что въ этомъ вопросѣ Марксъ и Энгельсъ видѣли менѣе ясно, чѣмъ ихъ самые ничтожные противники.

На мой взглядъ, ихъ ошибка заключалась какъ въ *переоцѣнкѣ* достигнутаго техническаго *развитія*, такъ и въ *слишкомъ низкой оцѣнкѣ соціально-психологическихъ* и *организаціонныхъ* факторовъ въ дѣлѣ преобразованія общества.

Интересная работа Атлантикуса, которую, какъ упрекаетъ меня Каутскій, я почему-то игнорирую, не касается послѣдняго вопроса. Атлантикусъ хочетъ лишь показать, что можетъ дать современная техника при соціалистической организаціи народнаго хозяйства. Такимъ образомъ, онъ напередъ предполагаетъ разрѣшенными важные вопросы организаціи. Съ другой стороны, на мой взглядъ, его вычисленія не свободны отъ ошибокъ. Во многихъ отношеніяхъ они слишкомъ оптимистичны. Такъ, напр., Атлантикусъ совершенно игнорируетъ многочисленныя препятствія, которыя ставятся въ земледѣліи на пути всеобщаго примѣненія автоматическихъ орудій обработки разли-

чіями въ поверхности и свойствахъ почвы. Я не могъ въ своей книгѣ войти въ подробное обсужденіе этого вопроса. Для моей цѣли было достаточно упомянуть о томъ, что Атлантикусъ доказалъ фантастическія преувеличенія въ произведеніяхъ Герцка и Беллами.

То же—относительно изслѣдованія Нейпауерса въ „Deutschen Worten“ Пернерсдорфера. Нейпауерсъ касается какъ разъ нѣкоторыхъ пунктовъ, упущенныхъ Атлантикусомъ. Онъ доказываетъ, что экономическая производительность машины была преувеличена, что многіе соціалисты, увлеченные высокой производительной силой прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, которая возможна лишь въ случаѣ машинъ, перерабатывающихъ подобные же матеріалы (проволочныя, бумажныя etc) сдѣлали слишкомъ широкое обобщеніе, при чемъ были совершенно упущены изъ вниманія высокія издержки на изготовленіе машинъ. Его аргументація нисколько не опровергается статистикой движущихъ силъ, противопоставляемой ему Каутскимъ. Въ своей статьѣ онъ какъ разъ показываетъ, какъ мало говоритъ эта статистика о дѣйствительномъ сбереженіи человѣческой рабочей силы въ производствѣ важнѣйшихъ средствъ существованія.

Если мы сравнимъ издержки производства продуктовъ механическаго и ручного труда, то найдемъ, что во многихъ промышленныхъ отрасляхъ преимущества машины, хотя и достаточны, чтобы обезпечить на рынкѣ побѣду за продуктами механическаго производства, но далеко не такъ велики, какъ можно было бы ожидать на основаніи примѣра текстильной промышленности. И это относительное уменьшеніе производительности тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше мы приближаемся къ основѣ всего производства, т. е. къ производству сырыхъ продуктовъ, гдѣ машина играетъ еще очень подчиненную роль. Въ сельскомъ хозяйствѣ, рыболовствѣ, въ извлеченіи руды, въ строительной промышленности и т. д. машина вытѣснила еще сравнительно слабо человѣческій трудъ. Въ большинствѣ производствъ по обработкѣ дерева, кожи и металла, машина хотя и играетъ значительную роль въ промежуточныхъ ступеняхъ производствъ, но тѣмъ не менѣе оставляетъ широкую область для ручного труда въ заключительныхъ ста-

діяхъ обработки. Большая часть машинной силы употребляется для цѣлей, которыя хотя и имѣютъ громадное общественное значеніе, но не имѣютъ никакого отношенія къ личному потребленію. Сюда относится производство средствъ транспорта, путей сообщенія и т. под. Въ общемъ же издержки по удовлетворенію необходимыхъ потребностей—въ жилищѣ, пищѣ—менѣе всего сократились, а между тѣмъ ихъ, именно, и нужно имѣть въ виду, когда идетъ рѣчь о экономическомъ подъемѣ широкихъ слоевъ населенія.

Въ виду сказаннаго, пріобрѣтаетъ такое необыкновенно важное значеніе организаціонная сторона вопроса. Въ области политической экономіи разсуждать о развитіи техническихъ производительныхъ силъ, упуская изъ виду организаціонныя трудности—это то же, что въ области технологіи разсчитывать теоретическую быстроту, не принимая во вниманіе сопротивленія тренія. Но однимъ изъ наиболѣе значительныхъ препятствій въ дѣлѣ организаціи, какъ часто и въ техническихъ вопросахъ, является самъ человѣкъ.

Современная промышленность приспособлена къ рыночнымъ отношеніямъ, вытекающимъ изъ существующаго раздѣленія и расчлененія на классы. Не нужно долгаго размышленія, чтобы убѣдиться, что внезапное измѣненіе въ послѣднемъ отношеніи поведетъ за собой глубокое потрясеніе въ положеніи рынка. Цѣлыя промышленныя отрасли должны были бы прекратить свое существованіе, при чемъ занятыя въ нихъ лица не могли бы, на завтра послѣ приговора, превратиться въ рабочихъ другихъ профессій или въ сельскихъ хозяевъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ переворота была бы дезорганизація промышленности, которая были бы тѣмъ значительнѣе, чѣмъ въ меньшей степени рабочій классъ располагалъ бы своими собственными хозяйственными учрежденіями. Здѣсь необходимо принять въ разсчетъ психическій моментъ, значеніе котораго чисто технологическій матеріализмъ никогда не оцѣнивалъ въ достаточной степени; мы имѣемъ въ виду различіе въ силѣ дисциплины въ капиталистическомъ и кооперативномъ предпріятіяхъ—различіе, которое должно быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ быстрѣй будетъ переходъ и чѣмъ больше онъ совпадетъ съ эпохой всеобщаго возбужденія. Какъ бы меня ни назы-

вали адвокаты соціалъ-революціонизма, они не помѣшаютъ мнѣ высказаться ио этому поводу съ полной откровенностью.

Очень легко отвѣчать на мои аргументы эпитетами вродѣ: „кабинетный ученый", „ипохондрикъ" и т. под., но такая полемика ничего не можетъ опровергнуть. Дѣло идетъ не о мечтахъ, выросшихъ въ кабинетѣ ученаго, но о необходимыхъ выводахъ изъ *наблюденій* надъ жизненной практикой.

Мнѣ не приходило въ голову, какъ заявляетъ Каутскій, утверждать: „Мы *не должны* уничтожать раздѣленіе на классы, потому что производительныя силы не достаточно развиты". Дѣло идетъ не о томъ, что мы *должны*, но о томъ, что мы *можемъ*. Если Каутскій можетъ переѣхать черезъ океанъ въ пять часовъ вмѣсто пяти сутокъ, то я ему не буду препятствовать. Я долженъ здѣсь указать на это, чтобы въ будущемъ Каутскій не сказалъ, что я запрещаю химикамъ производить искусственнымъ путемъ бѣлковыя вещества.

Разсужденія Каутскаго объ уничтоженіи классовъ страдаютъ недостаткомъ, который часто встрѣчается также въ произведеніяхъ Маркса и Энгельса; недостатокъ этотъ состоитъ въ томъ, что экономическія проблемы разрѣшаются очень просто съ помощью политическихъ аргументовъ или опредѣленія. Три большихъ класса современнаго общества, говоритъ Каутскій, это—„наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы. Можно очень легко уничтожить между ними классовыя противорѣчія, отмѣнивъ частную собственность на средства производства, при чемъ культура нисколько не пострадаетъ". Далѣе слѣдуетъ совершенно не идущая къ дѣлу цитата изъ Маркса, въ которой сопоставляются аргументы Аристотеля въ защиту рабства съ аргументами Бастіа и Макъ-Кулоха противъ коммунизма, и затѣмъ вопросъ по моему адресу: неужели я считаю необходимыми для нашей культуры „выдающихся владѣльцевъ прядильныхъ фабрикъ", „крупныхъ фабрикантовъ колбасъ" и „вліятельныхъ торговцевъ ваксой".

На это я отвѣчу съ полной готовностью: до тѣхъ поръ пока государство и община не имѣютъ еще органовъ, а кооперація еще недостаточно развита, чтобы взять на себя хозяйственныя функціи этихъ людей—*да*. Я полагаю, что

фабрикантъ и торговецъ до тѣхъ поръ являются въ своей области такими же необходимыми членами общества, какъ ученый, художникъ или рабочій. Устраняя въ абстракціи капиталистическихъ предпринимателей, мы также мало подвигаемся впередъ, какъ и Аристотель, установившій въ абстракціи ненужность рабства. (Случайное же замѣчаніе, на которое ссылается Марксъ, относилось къ правовому положенію рабовъ).

Кромѣ того, ничто не способно въ большей степени повести къ ложнымъ выводамъ, какъ фраза: „Три большихъ класса, на которые дѣлится современное общество, суть—рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы“. Прилагательное „большихъ“ въ данномъ случаѣ вызываетъ тотъ же самообманъ, какъ и употребляемое въ другой связи выраженіе: „въ послѣднемъ счетѣ“, которое, собственно говоря, никогда не должно было бы употребляться безъ предупрежденія: „Здѣсь скрывается ловушка“.

Марксъ, принимающій въ заключительной главѣ третьяго тома „Капитала“ приведенное выше раздѣленіе на классы, обосновываетъ его на характерныхъ различіяхъ въ источникахъ *дохода*: доходъ съ земельной собственности, капитала и рабочей силы. Въ этомъ смыслѣ подобное раздѣленіе, которое, между прочимъ, сводится къ принципу ренты Рикардо, вполнѣ законно. Но какъ мало оно говоритъ о дѣйствительномъ расчлененіи общества! Марксъ самъ признаетъ, что границы между этими классами затемняются даже въ наиболѣе развитой странѣ, какъ Англія, промежуточными переходными ступенями *). При чемъ онъ добавляетъ: „Хотя въ земледѣліи это имѣетъ мѣсто въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ городѣ“. Но, во-первыхъ, это справедливо лишь по отношенію къ Англіи и такимъ мѣстностямъ, гдѣ существуютъ аграрныя отношенія англійскаго типа, а во-вторыхъ, вмѣстѣ съ ростомъ городского населенія на счетъ сельскаго, этотъ фактъ имѣетъ все меньшее значеніе для общей картины. Къ тому же аграрныя отношенія Англіи развиваются совершенно иначе, чѣмъ предполагалъ Марксъ. Кромѣ того предлагаемое раздѣленіе относится болѣе къ

*) Das Capital, III Bd. 2, Teil., pag. 421.

источникамъ дохода, чѣмъ къ *лицамъ*, получающимъ доходъ. Лишь по отношенію большинства рабочихъ и сравнительно небольшой части землевладѣльцевъ и рантье можно сказать, что они цѣликомъ входятъ въ соотвѣтственныя группы. Вообще же доходъ съ земельной собственности и капитала распредѣляется самымъ пестрымъ образомъ, перемѣшиваясь въ самыхъ различныхъ пропорціяхъ какъ между собой, такъ и съ доходомъ отъ труда, такъ что нѣтъ никакой возможности раздѣлить населеніе на классы на основаніи указанныхъ источниковъ дохода. Марксъ хорошо сознавалъ это, и поэтому онъ говоритъ о „безконечномъ раздробленіи интересовъ и положеній, вытекающемъ изъ общественнаго раздѣленія труда и имѣющаго мѣсто какъ среди капиталистовъ и землевладѣльцевъ, такъ и среди рабочихъ" *). Можно только пожалѣть, что манускриптъ прерывается на этомъ характерномъ мѣстѣ, и что глава, имѣющая такую важность для всего ученія о классовой борьбѣ, осталась лишь въ формѣ наброска. Тѣмъ не менѣе, для разбираемаго нами вопроса важно, что Марксъ самъ *констатировалъ сильное раздробленіе интересовъ и положеній.*

Въ самомъ дѣлѣ, какъ раздробленъ хотя бы доходъ отъ земельной собственности. Мы встрѣчаемся здѣсь не только съ величайшимъ разнообразіемъ по отношенію къ величинѣ земельной собственности и сельскаго хозяйства (при чемъ здѣсь наблюдается растущее раздробленіе), но также съ распредѣленіемъ *ипотекъ*, которыя также способствуютъ крайнему раздробленію дохода съ земли. Правда, Каутскій въ своей книгѣ объ „Аграрномъ вопросѣ" замѣчаетъ, что въ области ипотечной собственности (на землю) „наблюдается рѣшительная тенденція въ сторону концентраціи" **). Если бы онъ, однако, потрудился изслѣдовать болѣе внимательно дѣло, то онъ бы увидѣлъ, что эта концентрація лишь кажущаяся. Въ самомъ дѣлѣ, въ чьихъ рукахъ „централизу-

*) Какъ видно изъ приведенныхъ строкъ, Марксъ не боялся констатировать среди рабочихъ „безконечное раздробленіе интересовъ и положеній. Надо надѣяться, это не навлечетъ на него упрека въ томъ, что онъ стремится уменьшить классовую солидарность рабочихъ, не говоря уже объ упрекѣ, что онъ смотритъ на вещи сквозь англійскія очки.

**) Agrarfrage pag. 325.

ются“ ипотеки? Главнымъ образомъ, въ коллективныхъ учрежденiяхъ, какъ страховыя общества, сберегательныя кассы и т. п., которыя имѣютъ тысячи и даже—какъ сберегательныя кассы—сотни тысячъ и миллiоны участниковъ.

Коротко, въ современномъ обществѣ, какъ это призналъ въ другомъ мѣстѣ и самъ Каутскiй, мы имѣемъ передъ собой нѣчто болѣе сложное, чѣмъ „три большихъ класса“.

Лишь по отношенiю къ одной части двухъ классовъ собственниковъ можно сказать, что она состоитъ изъ праздныхъ потребителей соцiальнаго богатства. *Въ абстракцiи*, конечно, мы можемъ отдѣлить чистый доходъ съ собственности отъ дохода съ труда, фактически же—до тѣхъ поръ, пока вся собственность не будетъ конфискована, что физически неосуществимо—это раздѣленiе имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ доходъ кристализировался въ какой-либо формѣ *ренты*.

Утверждая это, я, конечно, нисколько не отрицаю того, что въ современномъ обществѣ происходитъ борьба классовъ. Я оспариваю лишь правильность шаблоннаго пониманiя этой борьбы, а также то, что она должна совершаться все въ болѣе и болѣе рѣзкихъ формахъ; я отрицаю неизбѣжность обостренiя классовыхъ противорѣчiй, которое должно повести рано или поздно къ катастрофѣ.

Въ этомъ признанiи нѣтъ никакой „капитуляцiи“ передъ буржуазной политической экономiей, какъ полагаетъ Каутскiй, даже если оно и заключаетъ въ себѣ признанiе справедливости нѣкоторыхъ мыслей, высказанныхъ впервые буржуазными экономистами и, можетъ быть, въ борьбѣ съ соцiалистическими писателями.

Прежде всего, Каутскiй дѣлаетъ крупную фактическую ошибку, когда, въ отвѣтъ на мое замѣчанiе, что возраженiя противъ отдѣльныхъ сторонъ ученiя Маркса еще не опровергнуты, онъ категорически заявляетъ, что возраженiя эти сдѣланы буржуазными экономистами. Каутскому не безызвѣстно, что существуютъ критики Маркса и въ соцiалистическомъ лагерѣ. Въ свое время я уже писалъ на страницахъ „Die Neue Zeit“, что произведенiя Кроче, Сореля и др. оказали на меня извѣстное влiянiе. Во-вторыхъ, признанiе фактовъ, выдвинутыхъ впервые буржуазными экономистами, не означаетъ „капитуляцiи“ передъ буржуазной по-

литической экономіей, разъ эти факты принимаются послѣ того, какъ внимательное изслѣдованіе поставило ихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Это лишь капитуляція передъ *истиной*, а на такую капитуляцію я всегда готовъ. Я считаю болѣе достойнымъ уваженія признаніе въ собственной ошибкѣ, чѣмъ стремленіе всѣми способами защищать признанные неправильными взгляды. Наконецъ, въ-третьихъ, что значитъ „буржуазная политическая экономія?“ Существуетъ много экономистовъ, которые, не будучи поклонниками Маркса, въ то же время вовсе не принадлежатъ къ сонму хвалителей капитализма. Каутскій выдаетъ плохое свидѣтельство научности марксизма, окрещивая всѣхъ критиковъ ученія Маркса безъ различія кличкой „буржуазныхъ“. Вообще же слово „буржуазный“ для характеристики научнаго труда у мѣста только тамъ, гдѣ дѣло идетъ *о тенденціозномъ* произведеніи. Въ примѣненіи же къ объективному изслѣдованію, а пять шестыхъ всей экономической литературы принадлежитъ къ этой категоріи, эта кличка *ровно ничего не означаетъ*. Когда Бакунинъ началъ походъ противъ университетской науки, Марксъ потѣшался надъ этимъ, говоря о Бакунинѣ: „Ненависть къ наукѣ“. Если же быть послѣдовательнымъ, то надо избѣгать въ одномъ случаѣ апеллировать къ объективной наукѣ, а въ другомъ—поступать совершенно ненаучно, отдѣляя „буржуазную“ науку отъ „пролетарской“.

То, что мы называемъ марксизмомъ, представляетъ частью анализъ существующаго общества, частью же—теорію соціалистической борьбы. По отношенію къ первому, марксизмъ со справедливой гордостью указываетъ на свою научную объективность, на *свободу отъ всякой тенденціозности*. Энгельсъ, напр., съ упрекомъ называетъ Родбертуса тенденціознымъ экономистомъ, а Марксъ написалъ въ началѣ своей „Zur Kritik der politischer Oekonomie“ заявленіе, что при входѣ въ науку должно быть поставлено изреченіе Данте: „здѣсь должно замолкнуть всякое предвзятое мнѣніе“. Если это—больше, чѣмъ простая фраза, то марксистъ долженъ отказаться отъ притязанія на непогрѣшимость и внимательнѣе прислушиваться къ „буржуазной“ критикѣ.

Каутскій считаетъ, что онъ, въ противоположность мнѣ,

защищаетъ основанiе ученiя Маркса, именно его *методъ*, и упрекаетъ меня въ полномъ отсутствiи какого-либо метода. „Марксизмъ“, пишетъ онъ, „далеко не такое неопредѣленное понятiе, какъ „соцiализмъ“; это вполнѣ опредѣленное воззрѣнiе на общество, не соединимое ни съ какими буржуазными теорiями. Марксъ же самъ считалъ характернымъ для своей точки зрѣнiя пониманiе развитiя экономическихъ общественныхъ формъ, какъ *естественно-историческаго процесса*, при чемъ общество не можетъ *ни обойти, ни уничтожить ни одной изъ фазъ этого естественнаго развитiя*. Это—историческiй *объективизмъ*, который можетъ быть соединенъ съ какимъ угодно буржуазнымъ пониманiемъ общества. Онъ исключаетъ ни антибуржуазное положенiе партiи въ фактической борьбѣ, но всякое апрiорное догматическое пониманiе формъ борьбы и перехода къ новому общественному строю. Каутскiй утверждаетъ, что для того, чтобы признавать правильность буржуазной критики и все-таки продолжать считать себя марксистомъ, нужно предварительно устранить изъ марксизма самые существенные элементы. Каутскiй хочетъ превратить марксизмъ въ ученiе церкви. Sit ut est aut non sit. Съ другой стороны Каутскiй самъ признаетъ, что нѣкоторые выводы Маркса и Энгельса уже устарѣли. Но гдѣ высшая инстанцiя для рѣшенiя, что въ ученiи Маркса и Энгельса устарѣло, и что—нѣтъ? Мнѣ кажется, я доказалъ многими примѣрами, какъ Каутскiй долженъ насиловать факты, чтобы согласовать ихъ съ традицiонными формулами доктрины. По моему мнѣнiю это гораздо худшая „капитуляцiя“, чѣмъ открытое признанiе того, что въ первоначальномъ пониманiи и примѣненiи метода допущено много одностороннихъ выводовъ.

Я уже не разъ задавалъ вопросъ, что было бы, если бы появились извѣстныя письма Энгельса, въ которыхъ онъ высказывается объ историческомъ матерiализмѣ, и не появился бы третiй томъ „Капитала“, въ которомъ Марксъ внесъ свои ограниченiя въ законѣ стоимости, и если бы тѣ же самыя (критическiя) мысли относительно традицiонныхъ взглядовъ были высказаны кѣмъ-либо изъ насъ? На этотъ вопросъ я до сихъ поръ не получилъ отвѣта, но если Каутскiй можетъ относиться къ себѣ критически, то онъ

долженъ будетъ признать, что онъ обвинилъ бы критика въ томъ, что онъ *„превращаетъ въ ничто до сихъ поръ не превзойденный никѣмъ методъ марксизма, не ставя на его мѣсто ничего, кромѣ эклектизма, чуждаго всякому методу“*. Что значитъ эклектизмъ? Что значитъ чуждый всякому методу?

Всякій методъ, желающій достигнуть правильныхъ результатовъ, долженъ соотвѣтствовать изслѣдуемому матеріалу. Но нѣтъ болѣе разносторонняго матеріала, чѣмъ современное общество,—продуктъ развитія, продолжавшагося сотни, или вѣрнѣй, сотни тысячъ лѣтъ. Разматривать его только съ одной точки зрѣнія, хотя бы съ такой важной, какъ развитіе производительныхъ силъ и производственныхъ учрежденій—это значить неизбѣжно прійти къ ошибочнымъ выводамъ. Мы должны принять во вниманіе множество другихъ факторовъ, а такъ какъ математическая формула, изображающая отношенія силъ этихъ факторовъ еще не найдена, то мы должны по возможности отыскивать эти отношенія эмпирическимъ путемъ. Такимъ образомъ, мы по необходимости должны придерживаться эклектическаго способа изслѣдованія, что вовсе не значитъ, какъ полагаетъ Каутскій, что мы отказываемся отъ всякаго методологическаго изслѣдованія. Слово „эклектизмъ“ дѣйствуетъ на него, какъ красный платокъ на саксонскаго жандарма.

Однако, его раздражаетъ лишь слово, но не сущность дѣла. Еще не такъ давно, онъ проповѣдывалъ на страницахъ „Neue Zeit“ тотъ самый политическій „эклектизмъ“, въ которомъ онъ теперь обвиняетъ меня. Тогда онъ находилъ, что смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія агитатора—совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія политика, и защищалъ право послѣдняго противъ вмѣшательства односторонней агитаціонной точки зрѣнія, которую онъ теперь выставляетъ противъ меня. Онъ тогда признавалъ, что буржуазное общество „распадается на самые различные классы съ самыми различными интересами, перекрещивающимися самымъ различнымъ образомъ, совокупное взаимодѣйствіе которыхъ создаетъ историческое движеніе“. Онъ заявлялъ, что „въ настоящее время пролетаріатъ еще не достаточно силенъ, чтобы руководить практической политикой“, что онъ можетъ достигнуть успѣха

„лишь въ соединеніи съ другими родственными классами", и что *нѣтъ никакой опасности* въ заключеніи временнаго компромисса для совмѣстнаго дѣйствія съ сосѣдними партіями или классами. Далѣе онъ приходитъ къ выводу, что другія партіи лишь временно, а не надолго соединяются для борьбы съ соціалъ-демократіей, и что „то одинъ, то другой изъ ея противниковъ преслѣдуетъ бижайшія цѣли, общія съ ближайшими цѣлями соціалъ-демократіи". Все это написано въ „Die Neue Zeit" отъ 7-го августа 1897 г. т. е. не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ.

Каутскій можетъ возразить: да, я это тогда писалъ, но я настойчиво указывалъ, что все это возможно при условіи сохраненія партіей ея пролетарскаго характера.

Но во всей моей книгѣ нѣтъ ни одной фразы, которая бы говорила о необходимости уничтожить характеръ соціалъ-демократіи, какъ партіи рабочаго класса. Я боролся и продолжаю бороться лишь съ революціонной фразеологіей, находящейся въ противорѣчіи съ дѣйствительными отношеніями, но я ни однимъ словомъ не намекнулъ на то, что партія должна оставить свою самостоятельность.

Но что значитъ отказъ отъ завоеванія политической власти и отъ „легенды о катастрофѣ"?

Что касается перваго пункта, то предполагать, что я хотѣлъ отговорить партію отъ борьбы за политическое господство, это значило бы приписывать мнѣ непозволительную глупость. Развѣ всѣ мои предложенія не сводятся къ усиленію и укрѣпленію политическаго вліянія соціалъ-демократіи? Годятся ли эти предложенія, или нѣтъ—это уже другой вопросъ. Точно также совершенно иной вопросъ, правильны ли *предпосылки*, изъ которыхъ я исхожу, или нѣтъ. До сихъ поръ, однако, насколько я могу судить, событія не опровергли моей точки зрѣнія.

Что касается „легенды о переворотѣ", то я вполнѣ ясно указалъ, что я подъ ней разумѣю, такъ что на этотъ счетъ для читавшихъ мою книгу не должно быть никакихъ недоразумѣній. Я имѣю въ виду фразеологію, которая предполагаетъ грядущую всеобщую, одновременную и насильственную экспропріацію, или которая получаетъ смыслъ только при предположеніи послѣдней. Идею подобной экспропріаціи я хочу

изгнать изъ соціалъ-демократіи. Эта идея противорѣчитъ, какъ дѣйствительному экономическому развитію, такъ и общему культурному прогрессу. Исторія не даетъ ни одного примѣра подобной экспропріаціи. Даже уничтоженіе феодализма произошло совершенно инымъ образомъ, чѣмъ мы обыкновенно предполагаемъ и чѣмъ предполагали еще Марксъ и Энгльсъ въ эпоху выработки своей теоріи. Когда феодализмъ палъ, буржуазная собственность была уже вполнѣ развита*). По всѣмъ признакамъ, паденіе капиталистической собственности—я нарочно употребляю это выраженіе—совершится тѣмъ же путемъ. Коллективная собственность разовьется не вслѣдствіе насильственнаго уничтоженія капиталистической собственности, но, обратно, послѣдняя исчезнетъ, когда коллективная собственность достигнетъ высокой ступени развитія. Будетъ ли это развитіе прервано, ускорено или замедлено политической катастрофой—это вопросъ, котораго я здѣсь не могу касаться. Онъ не имѣетъ никакого прямого отношенія къ факту классовой борьбы, и я достаточно выяснилъ въ другомъ мѣстѣ, что я думаю по этому поводу.

Этимъ я закончу. Я не буду касаться по понятнымъ причинамъ даваемаго Каутскимъ психологическаго объясненія, почему я уклонился съ пути истины. Какъ ни просто перевернуть шутку и дать историко-матеріалистическое объясненіе, почему Каутскій отказался отъ своихъ собственныхъ взглядовъ, цитированныхъ выше, однако, я предпочитаю не вступать на этотъ путь психологической вивисекціи и бороться посредствомъ аргументовъ, относящихся прямо къ предмету спора.

Наврядъ ли я сумѣю вернуться къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя Каутскій называетъ послѣдовательнымъ марксизмомъ. Имѣю ли я при этомъ право называть себя марксистомъ—этотъ вопросъ приходится оставить безъ отвѣта за неимѣніемъ непогрѣшимаго судилища.

*) При составленіи своей книги объ англійской революціи XVII столѣтія, я усердно искалъ матеріала относящагося къ соціальнымъ измѣненіямъ, которыя Марксъ изображалъ въ „Neue Reinische Zeitung" какъ характерныя черты этой революціи. Результаты моихъ поисковъ были крайне ничтожны. Связь тогдашней революціи съ устраненіемъ феодализма крайне слаба и незначительна.

Въ сущности противорѣчіе, выразившееся въ настоящей полемикѣ, представляетъ явленіе, которое всегда имѣло мѣсто тамъ, гдѣ великіе, оригинальные умы оставляли послѣ себя школу. Въ письмѣ къ Антоніо Лабріоло, опубликованномъ въ „Avanti", я упомянулъ о противорѣчіи между сенъ-симонистами и Кантомъ, т. е. между свободной, обширной школой и догматизирующей церковью. При этомъ я не забываю ни генія Канта, ни его заслугъ въ области соціальной науки, а также ошибочныхъ выводовъ нѣкоторыхъ сенъ-симонистовъ.

Съ тѣхъ поръ прошло два поколѣнія, въ теченіе которыхъ соціалистическое движеніе пережило великія перемѣны; многіе учителя приходили и уходили. Если представить это движеніе въ видѣ личности, то оно могло бы сказать по адресу теорій вмѣстѣ съ Ландманомъ:

„Die fremden Eroberer kommen und gehen
Wir gehorchen, aber wir bleiben stehen" *).

Движеніе остается, его же формы и теоріи – приходятъ и уходятъ. Но и онѣ не вполнѣ исчезаютъ. Онѣ оставляютъ послѣ себя слѣды, плодотворное вліяніе. То, что мы теперь называемъ теоріей соціалистическаго движенія, есть запасъ знанія и пониманія, который накопился въ результатѣ трудовъ многихъ мыслителей. Но каждый отдѣльный мыслитель оставлялъ послѣ себя не то, чему онъ самъ придавалъ въ своей теоріи наибольшее значеніе. Исторія переоцѣниваетъ научные вклады, она отбрасываетъ ученія, вродѣ желѣзнаго закона заработной платы, и извлекаетъ на свѣтъ Божій ученія, которыя казались давно уже опровергнутыми. Каковъ будетъ ея окончательный приговоръ о наслѣдіи Маркса и Энгельса? Никто въ настоящее время не можетъ этого сказать. Одно мы знаемъ достовѣрно: что бы не выкинула исторія изъ марксизма, она не уничтожитъ рабочаго движенія: борьба рабочаго класса за соціальную эмансипацію будетъ продолжаться. И въ этомъ сознаніи независимости движенія отъ судьбы той или иной теоріи лежитъ залогъ

*) Чужіе завоеватели приходятъ и уходятъ, мы подчиняемся, но остаемся.

духовной свободы, которая единственно дѣлаетъ возможной безпристрастную критику традиціонныхъ ученій и взглядовъ. Не нужно забывать того, что доля участія теорій въ фактическомъ рабочемъ движеніи нисколько не больше того участія, которое принимало рабочее движеніе въ образованіи соціалистическаго ученія. Современное движеніе не столько слѣдствіе, сколько причина теорій. Въ наше время, когда борьба рабочихъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни приводитъ къ болѣе дѣйствительнымъ результатамъ, чѣмъ когда-либо, право, не стоитъ разстраивать себя изъ-за того, что догматъ классовой борьбы потерпѣлъ нѣкоторый ущербъ.

Отвѣтъ на книгу Каутскаго: „Бернштейнъ и соціалъ-демократическая программа“.

Книга Каутскаго появилась слишкомъ непосредственно передъ партійнымъ конгрессомъ, чтобы я могъ ей посвятить болѣе длинное опровержeніе. Къ тому же интересъ читателей къ настоящей полемикѣ уже исчерпанъ. Поэтому я ограничусь нѣсколькими словами въ собственную защиту.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Каутскій заявляетъ, что онъ разочарованъ результатами полемики по поводу моей книги: она осталась вполнѣ безплодной.

Если это и правда, то позволителенъ вопросъ: по чьей винѣ?

Каутскій сваливаетъ всю вину на меня. Онъ надѣялся ясно установить противорѣчія, но чѣмъ дальше подвигалась полемика, тѣмъ больше я жаловался на „непониманіе—на намѣренное непониманіе“.

На этотъ упрекъ, который Каутскій повторяетъ при всякомъ случаѣ, я могу отвѣтить лишь слѣдующее: когда я говорю: дважды два—четыре, а кто-либо утверждаетъ, будто я говорю, что дважды два—пять, то возможны два случая: мы здѣсь имѣемъ дѣло или съ непониманіемъ или съ злымъ намѣреніемъ. Правило всякой приличной полемики—предполагать всегда сначала первое.

Если Каутскій укажетъ мнѣ хотя бы на одно мѣсто, гдѣ я бездоказательно упрекаю его въ непониманіи, то я разрѣшаю ему сколько ему угодно насмѣхаться надъ моею „идіосинкразіей“. До тѣхъ же поръ да будетъ мнѣ позволено смо-

...рѣть на эти насмѣшки, какъ на легкое средство выйти изъ затруднительнаго положенія.

Приведу нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ, какъ Каутскій старается правильно меня понять.

Въ своемъ письмѣ Штутгартскому партейтану я, между прочимъ, замѣчаю:

„Число собственниковъ не уменьшилось, но увеличилось. Громадное возрастаніе общественнаго богатства сопровождалось не уменьшеніемъ числа капиталистическихъ магнатовъ, но растущимъ числомъ капиталистовъ всѣхъ размѣровъ. Средніе классы измѣняютъ характеръ, но они не исчезаютъ съ соціальной лѣстницы“.

Противъ этого мѣста моего письма Каутскій рѣзко возсталъ на Штутгартскомъ конгрессѣ. Если бы это было правильно, объявилъ онъ, то тогда, значитъ, было бы ошибочно основаніе, на которомъ построено все наше міровоззрѣніе, и мы бы никогда не достигли нашей цѣли.

Послѣ этого я употребилъ всѣ усилія, чтобы доказать съ помощью статистическихъ цифръ правильность своего утвержденія, въ пользу котораго достаточно говорятъ безчисленныя явленія общественной жизни. Да и самъ Каутскій при случаѣ соглашается съ этимъ. Марксъ и Энгельсъ, пишетъ онъ, „никогда не отрицали того, что число капиталистовъ увеличивается“. Если это такъ, то изъ-за чего такой шумъ. Заявляя это, Каутскій, какъ толкователь Маркса и Энгельса, вполнѣ отказывается отъ того самаго утвержденія, противъ котораго я возражалъ, именно, отъ утвержденія, что „число магнатовъ капитала постоянно уменьшается“. Однако, вмѣсто того, чтобы открыто признать это, онъ старается подорвать мою аргументацію. Мнѣ, конечно, не приходило въ голову утверждать, что эта послѣдняя исчерпываетъ вопросъ. Но, на мой взглядъ, она была достаточна, чтобы поставить фактъ внѣ всякаго сомнѣнія. И то, что Каутскій возражаетъ противъ нея, не уменьшаетъ ея силы.

Такъ какъ статистика распредѣленія собственности еще очень несовершенна, то я долженъ былъ главнымъ образомъ остановиться на распредѣленіи дохода. Каутскій отдѣлывается отъ центральнаго пункта моего доказательства нѣсколькими плоскими остротами, спрашиваетъ, гдѣ для

меня начинается граница крупнаго дохода, и прикрываетъ свое отступленіе ироническимъ замѣчаніемъ на счетъ того, что я смѣшиваю понятіе капиталиста съ понятіемъ собственника, тогда какъ послѣднее вовсе не характерно для классоваго положенія, такъ какъ и пролетарій владѣетъ небольшой собственностью.

Къ сожалѣнію, это смѣшеніе проходитъ черезъ всю соціалистическую литературу, не исключая и составленной Каутскимъ Эрфуртской программы. Въ первыхъ трехъ параграфахъ этой программы рѣчь идетъ о капиталистахъ, въ четвертомъ же неожиданно говорится о растущей пропасти между собственниками и неимущими. Я не знаю, согласится ли теперь Каутскій съ тѣми, кто считаетъ, что программа нуждается въ пересмотрѣ. Если судить по его возраженіямъ противъ меня, онъ бы долженъ былъ такъ поступить. Но если онъ откажется отъ этого, на томъ основаніи, что никто изъ прочитавшихъ эту фразу не вообразитъ, что рѣчь идетъ о пропасти между собственниками дюжины сигаръ и тѣми, кто этой роскошью не обладаетъ, то позволительно и мнѣ ожидать отъ моихъ читателей достаточно сообразительности для пониманія того, въ какомъ смыслѣ мною употреблено слово „собственники". Впрочемъ, понятіе „капиталистовъ" не менѣе растяжимо, и капиталисты далеко не составляютъ однороднаго класса. Для обозначенія основного противорѣчія пригодно какъ одно, такъ и другое выраженіе, для спеціальнаго же опредѣленія класса оба понятія слишкомъ растяжимы и неопредѣленны.

Перейдемъ къ спеціальному вопросу о распредѣленіи дохода. Каутскій упрекаетъ меня въ томъ, что я воспользовался лишь ничтожной долей того матеріала, который предлагаетъ статистика доходовъ Саксоніи. Онъ дополняетъ приводимыя мною данныя, пользуясь для этого таблицей, помѣщенной въ „Рабочемъ вопросѣ" Геркнера. Но что доказываетъ эта таблица? Судя по этой таблицѣ, въ Саксонскомъ королевствѣ доходъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Размѣръ дохода.			1879	1894	Приростъ.	
					Абсолютный.	Въ процентахъ.
	До	800 марокъ	828.686	972.257	143.571	17,3
Отъ 800	„	1.600 „	165.362	357.974	192.612	116,4
„ 1.600	„	3.300 „	61.810	106.136	44.326	71,6
„ 3.300	„	9.600 „	24.072	41.890	17.818	74,0
„ 9.600	„	54.000 „	4.683	10.586	5.835	154,4
	Свыше	54.000 „	238	886	648	272,0
	Всего		1.084.851	1,489.661	Въ среднемъ	37,3

Каутскій дѣлаетъ изъ этихъ цифръ выводъ, что „*исключая*“ класса съ низшимъ пролетарскимъ доходомъ, который, однако, является самымъ многочисленнымъ, „медленѣе всего растутъ“ средніе классы. Если бы онъ потрудился сдѣлать подсчетъ, который я привожу въ концѣ таблицы, то онъ бы убѣдился, что эти оба средніе класса все-таки возрастали *значительно быстрѣй*, чѣмъ все число лицъ, внесенныхъ въ списки, а классы съ среднимъ буржуазнымъ доходомъ почти *вдвое быстрѣй послѣдняго: 74% вмѣсто 37,3%*. Я никогда не отрицалъ того, что болѣе зажиточные классы растутъ еще быстрѣй. Я оспаривалъ лишь мнѣніе, что число магнатовъ капитала сокращается. Если какая-либо статистика подтверждаетъ *рѣшительно все*, что я писалъ Штутгартскому конгрессу, то это именно Саксонская, и я могу только изумляться храбрости Каутскаго, который хочетъ опровергать меня съ помощью этихъ цифръ. Для насъ не важно, что число лицъ съ мелкимъ и среднимъ буржуазнымъ доходомъ увеличивается сравнительно медленнѣе, чѣмъ число лицъ съ среднимъ пролетарскимъ доходомъ. Вопросъ заключается въ томъ, какъ относится ростъ среднихъ классовъ къ росту пролетаріата. И если мы, чтобы установить это отношеніе, сложимъ два первыхъ класса съ доходомъ до 1600 марокъ, то мы получимъ приростъ съ 994.048 на 1.390.231, т.-е. на 33.8%, такъ что вся таблица получаетъ слѣд. выводъ:

	Приростъ въ процентахъ.
Лица съ пролетарскимъ доходомъ	33,8
Рабочіе съ высшей платой и мелкіе буржуа	71,6
Средніе буржуа	74,0
Крупные буржуа	154,2
Магнаты капитала	272,0
Средній приростъ	37,3

И эта таблица должна опровергнуть мое утвержденіе: „Средніе классы не исчезаютъ (повторяю, однако, что я прибавилъ: „они измѣняютъ свой характеръ"), „число собственниковъ увеличивается абсолютно и относительно".

Гораздо менѣе благопріятны для класса съ среднимъ пролетарскимъ доходомъ числа прусской подоходной статистики для періода 1876—1890 г. Но и эти цифры показываютъ болѣе быстрый ростъ числа лицъ съ буржуазнымъ и крупнокапиталистическимъ доходомъ, чѣмъ ростъ всего числа зарегистрованныхъ лицъ. Процентъ первыхъ, по отношенію къ общему числу, увеличился съ 5,22 на 5,71; вторые—съ 0,10% на 0,13%. Большаго я и не хотѣлъ доказать этими цифрами. Вмѣсто того, чтобы признать это, Каутскій лишь констатируетъ, что цифры прусской статистики показываютъ болѣе быстрый ростъ лицъ съ низшимъ пролетарскимъ доходомъ, чѣмъ съ среднимъ,—и патетически восклицаетъ: „Это Бернштейнъ называетъ приростомъ имущихъ, *смягченіемъ соціальныхъ противорѣчій*, которыя такъ очевидны, что было бы глупостью, скрывать ихъ отъ себя".

Я не буду оцѣнивать по достоинству это восклицаніе. Ограничусь лишь замѣчаніемъ, что приведенная фраза принадлежитъ Каутскому, а не мнѣ. Подобной фразы я нигдѣ не писалъ.

Нѣсколькими страницами раньше Каутскій утверждаетъ, что цифры прусской подоходной статистики, внушающія тяжелыя опасенія даже „доброму буржуа" Геркнеру, „наполняютъ меня чувствомъ удовлетворенія". И тѣмъ не менѣе, добавляетъ Каутскій, Бернштейнъ не буржуазный экономистъ и называетъ себя соціалъ-демократомъ и марксистомъ!

Какъ слабы должны быть доказательства Каутскаго, если онъ вынужденъ прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ полемики.

Я не далъ ему ни малѣйшаго повода для подобнаго сопоставленія. Моя точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ точкой зрѣнія Геркнера. Для меня такъ же не важно въ какихъ цѣляхъ приводитъ Геркнеръ свою таблицу, какъ не важны размышленія редактора „British Review" по поводу цифръ, заимствованныхъ мною изъ этой газеты. Для меня было вполнѣ достаточно того, что эти цифры совпадали по

всѣмъ признакамъ съ тѣмъ представленіемъ, которое образовалось во мнѣ на основаніи знакомства съ оффиціальными таблицами и трудами извѣстныхъ статистиковъ. Самъ Каутскій не даетъ ровно ничего, чтобы ихъ опровергало. Онъ ограничивается лишь указаніемъ на то, что большая часть богатства Англіи получается изъ колоній. Однако, какъ бы это ни было правильно, въ другихъ странахъ, не имѣющихъ колоній, можно наблюдать по отношенію къ пункту, котораго касалось мое изслѣдованіе, тѣ же явленія, какъ и въ Англіи. Кромѣ того, мое изслѣдованіе касалось распредѣленія національнаго богатства исключительно въ передовыхъ странахъ Европы, и я самъ *ясно указывалъ* на различіе между національнымъ прибавочнымъ продуктомъ и понятіемъ богатства, включающимъ также вывозящія страны. Но все это не защищаетъ меня отъ—да позволено будетъ мнѣ это сказать—*непониманія* Каутскаго. Онъ опровергаетъ тѣ цифры статьи въ „British Review", которыя я совершенно не приводилъ въ моей книгѣ—да и всего-то на всего я заимствовалъ оттуда *восемь цифръ*, — и затѣмъ восклицаетъ съ негодованіемъ: „Эта поверхностная вульгарная статья, написанная съ точки зрѣнія гармоніи интересовъ, есть тотъ научный источникъ, изъ котораго Бернштейнъ черпаетъ свои *лучшіе аргументы* противъ марксизма".

Подобные пріемы полемики говорятъ сами за себя (не нуждаются въ оцѣнкѣ).

Каутскій, между прочимъ, цитируетъ изъ статьи англійскаго соціалиста Macrosty о концентраціи промышленности и торговли замѣчаніе относительно того, что дешевые рестораны Лондона принадлежатъ пяти акціонернымъ обществамъ. Не знающій Лондона долженъ отсюда заключить, что дешевые рестораны, не принадлежащіе акціонернымъ обществамъ, представляютъ въ Лондонѣ исключеніе. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго. Все дѣло въ томъ, что за послѣднее время очень распространился опредѣленный родъ ресторановъ, введенный впервые Aerated Bread Company. Примѣру этой компаніи послѣдовали четыре другихъ компаніи—двѣ крупныхъ и двѣ небольшихъ—но рядомъ существуетъ множество ресторановъ—большихъ и ма-

лыхъ, стараго и новаго стиля—принадлежащихъ отдѣльнымъ хозяевамъ.

Статья Макрости характеризуетъ явленіе, заключающееся въ общей тенденціи къ концентраціи, которое я не только не отрицаю, но самъ рѣшительнѣйшимъ образомъ подчеркиваю. Самъ Макрости, въ своемъ отзывѣ о моей книгѣ въ послѣднемъ нумерѣ „Fabian News“, вполнѣ присоединяется къ моей борьбѣ съ преувеличеніями по отношенію къ концентраціи, и выражаетъ желаніе, чтобы моя книга появилась въ англійскомъ переводѣ.

О каждомъ изслѣдованіи нужно судить по его цѣли. Какова же цѣль моей книги? Я указазалъ ее съ достаточной ясностью. Нѣсколькими строками ниже того мѣста, гдѣ приводятся цифры изъ англійской подоходной статистики, я говорю вполнѣ опредѣленно, что я борюсь съ „суевѣріемъ“, по которому „будущее соціализма зависитъ отъ концентраціи собственности, или, если угодно, отъ высасыванія прибавочной стоимости все болѣе и болѣе сокращающейся кучкой капиталистическихъ піявокъ“. Я указываю, что вопросъ о томъ дѣлится ли общественный прибавочный продуктъ между десятью тысячами или полъ милліономъ капиталистовъ, съ принципіальной точки зрѣнія безразличенъ для девяти или десяти милліоновъ отцовъ семействъ, которымъ ничего не достается при этомъ дѣлежѣ, что *отъ этого не зависитъ* ихъ стремленіе къ общественной организаціи, обѣщающей *болѣе справедливое распредѣленіе*. Я стремлюсь поставить соціалистическое ученіе на такое основаніе, при которомъ оно безъ всякаго ущерба можетъ отказаться отъ положеній, оказавшихся ошибочными. А Каутскій утверждаетъ, что *я доволенъ* положеніемъ, которое приводитъ въ смущеніе даже „добраго буржуазнаго экономиста“, видящаго въ немъ „серьезную угрозу экономическому прогрессу“.

Не удивительно, что его книга встрѣчена съ восторгомъ Розой Люксенбургъ.

Приведенные образцы являются типичными для метода всей книги, поскольку она носитъ полемическій характеръ. Вся эта книга—сплошное и тяжелое обвиненіе, но я *отрицаю его по зрѣломъ размышленіи и убѣжденъ, что сумѣю доказать это по каждому пункту, который пожелаетъ выста-*

вить противъ меня Каутскій. Въ какую главу книги Каутскаго вы не загляните —въ главу ли о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, или о теоріи стоимости, теоріи обѣднѣнія или катастрофъ — всѣ онѣ написаны по одному и тому же методу, одной и той же системѣ, цѣль которыхъ во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами втоптать въ грязь своего противника.

Никто не можетъ быть судьей самого себя. Но я долженъ указать на то, что многія партійныя газеты и журналы дали очень благопріятные отзывы о моей книгѣ, хотя Каутскій сдѣлалъ все, что могъ, чтобы сейчасъ же заклеймить книгу, какъ опасное и вредное произведеніе. Его статьи въ „Vorwärts'ѣ“ и „Neue Zeit“ возбудили противъ меня всѣ предразсудки. На его сторонѣ преимущество, которое всегда, естественно, имѣетъ даже и въ радикальной партіи защитникъ традиціонныхъ взглядовъ передъ носителемъ новаго ученія, и онъ постарался основательно воспользоваться выгодами своего положенія. Что онъ, въ концѣ концовъ, выгадалъ? Мнѣ кажется, онъ самъ теперь уже не питаетъ больше никакихъ иллюзій на счетъ того, что поднятый имъ противъ меня походъ —я не скажу потерпѣлъ неудачу, потому что въ подобныхъ вопросахъ никогда не бываетъ яснаго рѣшенія—но что цѣль его не достигнута и не могла быть достигнута. Если полемика по своимъ результатамъ оказалась такъ безплодной, то причина этому лежитъ въ невѣрныхъ пріемахъ спора—если вообще здѣсь можно говорить о спорѣ—введенныхъ съ самаго начала Каутскимъ, а вовсе не въ утверждаемой имъ моей слабости. Я не отказался ни отъ одного положенія,—кромѣ нѣсколькихъ неважныхъ ошибокъ въ выраженіи,—написаннаго въ моей книгѣ и въ относящихся сюда статьяхъ, и не вижу никакого основанія отказываться отъ нихъ. Въ противномъ случаѣ, никакая фальшивая гордость не помѣшала бы съ полной откровенностью признать собственную ошибку...

Мы слишкомъ привыкли защищать во что бы то ни стало нѣкоторыя традиціонныя положенія и формулы. Иллюстраціей можетъ служить возгорѣвшійся теперь споръ по поводу замѣчанія Маркса, что двѣ трети національнаго богатства потребляется пятой частью населенія. Если бы это замѣ-

чаніе было правильно по отношенію къ Германіи, то двѣ трети нашихъ аргументовъ противъ косвенныхъ налоговъ были бы ошибочны.

Я боролся съ представленіемъ, которое ставитъ осуществленіе соціализма въ зависимость отъ *принудительныхъ экономическихъ условій*, но мнѣ не приходило въ голову утверждать, что это осуществленіе вообще независимо отъ *экономическихъ условій*. Каутскій не понимаетъ этого различія, и когда я говорю о свободѣ отъ экономическаго *принужденія*, онъ утверждаетъ, что я говорю о свободѣ отъ экономическихъ *условій* и затѣмъ ему уже не трудно высмѣять мои разсужденія. Я не могу здѣсь касаться частностей и потому ограничусь, высказавъ общее убѣжденіе въ томъ, что за исключеніемъ пунктовъ, въ которыхъ дѣло идетъ о простомъ различіи во мнѣніяхъ, сравненіе статей Каутскаго съ соотвѣтственными главами моей книги доказываетъ полнѣйшую неосновательность его критики.

Каутскій выставляетъ мою книгу, какъ нападеніе на программу партіи. Въ отвѣтъ на это я долженъ отвѣтить, что онъ самъ вовлекъ въ споръ программу, а вовсе не я; я не отрицаю того, что мои взгляды не совпадаютъ съ нѣкоторыми выраженіями въ теоретической части программы, но я не согласенъ, что эти уклоненія, нисколько не касающіяся принципіальной части программы и практическихъ требованій, обязываютъ меня требовать пересмотра программы.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о моемъ отношеніи къ революціи. Каутскій вслѣдъ за Розой Люксембургъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто я противъ всякой революціи и что самое слово понимаю чисто въ полицейскомъ смыслѣ. Въ доказательство онъ цитируетъ *половину* фразы изъ моей книги. Посмотримъ, однако, что говоритъ вся фраза:

„Слово „революція“ употребляется здѣсь и въ послѣдующемъ изложеніи исключительно въ *политическомъ* смыслѣ, какъ равнозначущее съ словомъ „возстаніе“ или „внѣ-законное насиліе“. Для обозначенія же принципіальнаго измѣненія общественнаго строя употребляется выраженіе: „*соціальное преобразованіе*“, которое не указываетъ на путь этого преобразованія. *Это раздѣленіе имѣетъ цѣлью устранить всякія недоразумѣнія и двусмысленность*“.

Мнѣ кажется, что для читающаго эти строки ясно, что я дѣлаю различіе лишь для моего произведенія, („здѣсь въ послѣдующемъ изложеніи“) чтобы устранить всѣ возможныя сомнѣнія относительно того, о чемъ въ данный моментъ идетъ рѣчь.

То, что Каутскій говоритъ по поводу моихъ разсужденій о кризисахъ, совершенно оставляетъ безъ вниманія дѣлаемое различіе между всеобщими, мѣстными и частными кризисами. Мнѣ не приходило въ голову утверждать, что большіе всеобщіе кризисы больше не мыслимы; я лишь высказалъ сомнѣніе, должны ли мы ожидать подобный кризисъ въ ближайшемъ будущемъ. Мнѣ также не приходило въ голову утверждать, что больше никогда не будетъ политическихъ катастрофъ. Я указалъ лишь на фактъ, что съ распространеніемъ демократическихъ учрежденій поводы къ катастрофамъ уменьшаются (становятся рѣже). Мнѣ не приходило въ голову утверждать, что нѣмецкая соціалъ-демократія разсчитываетъ свою политику на грядущую катастрофу. Напротивъ, я боролся со взглядами, которые хотятъ навязать соціалъ-демократіи подобную политику или тактику.

Все это я заявлялъ не одинъ разъ, и тѣмъ не менѣе тѣ же самыя обвиненія снова повторяются въ книгѣ Каутскаго. Поэтому, если онъ принимаетъ на свой счетъ высказанную мною общую сентенцію относительно крючкотворства; то, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, я не могу ему отказать въ правѣ на это.

Вся его книга имѣетъ цѣлью доказать, что я не имѣю права—если не формально то по существу дѣла—принадлежать къ соціалъ-демократіи. Разъ это его убѣжденіе, то онъ имѣетъ полное право его высказывать. Не за это обвиняю я его, но за тѣ средства, къ которымъ онъ прибѣгаетъ при своей аргументаціи. Ему недостаточно доказать ошибочность и вредность моихъ взглядовъ, но онъ употребляетъ всѣ пріемы некрасивой діалектики, чтобы выставить меня, какъ человѣка, въ головѣ котораго господствуетъ полная путаница и который самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ. Онъ разсыпается въ похвалахъ относительно моего прошлаго,

чтобы по отношенію къ настоящему воскликнуть вмѣстѣ съ Офеліей:

„O, welch ein edler Geist war hier zerstört!“

На что, при всемъ уваженіеи къ его психіатрическому діагнозу, могу лишь отвѣтить словами датскаго принца (Гамлета):

„Ich bin bloss toll bei Nordnordwest. Bei Südwind kann ich Euch'nen Hobicht von'nem Reiher unterscheiden“ **).

---

*) О, какой благородный умъ здѣсь погибъ!

**) Я схожу сума лишь при сѣверо-западномъ вѣтрѣ; при южномъ же вѣтрѣ я могу отличить цаплю отъ ястреба.

Заключеніе.

Полемика не закончилась предыдущей статьей. Но такъ какъ книга и безъ того разрослась, а съ другой стороны, въ виду того что мои послѣдующіе отвѣты состояли въ неимѣющихъ общаго интереса исправленіяхъ неправильныхъ толкованій, то я счелъ неудобнымъ ихъ перепечатывать въ настоящемъ сборникѣ. Поэтому я ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими замѣчаніями объ исходѣ и результатахъ полемики.

Въ Vorwarts'ѣ, отъ 10-го октября 1899 г., появился отвѣтъ Каутскаго на помѣщенную выше статью; Каутскій утверждаетъ въ немъ, что въ моей статьѣ написано много противъ его личности, но за однимъ исключеніемъ ровно ничего противъ его точки зрѣнія. Однако, въ моей статьѣ нѣтъ ни одного выраженія, направленнаго противъ личности Каутскаго; правда, что я принужденъ былъ довольно много писать о его полемическихъ пріемахъ.

Исключеніе, о которомъ говоритъ Каутскій, относится къ вопросу *о приростѣ числа собственниковъ*. Продолжая настаивать на томъ, что я пользуюсь результатами подоходной статистики въ цѣляхъ прикрашиванія современныхъ отношеній, (несправедливость этого обвиненія я ужъ не разъ доказывалъ) Каутскій старается доказать, что дѣлаемые мною выводы изъ саксонской статистики неправильны. Онъ иллюстрируетъ свою аргументацію болѣе спеціализированной таблицей, составленной на основаніи этой статистики; но такъ какъ онъ выбрасываетъ изъ своей таблицы *обѣ* низшія ступени, обнаруживающія сильное относительное *сокращеніе*,

то она даетъ совсѣмъ неправильную картину. Она затемняетъ указываемый мною фактъ болѣе быстраго возрастанія классовъ собственниковъ по сравненію съ возростаніемъ всего числа зарегистрованныхъ лицъ, но она не опровергаетъ его.

Это видитъ и самъ Каутскій, хотя онъ и не признается въ томъ; вотъ почему онъ снова обращается къ профессіональной статистикѣ. Если бы я былъ правъ, пишетъ онъ, то побѣда соціализма была бы невозможнымъ дѣломъ. По-моему выходитъ, что число пролетаріевъ уменьшается по сравненію съ остальными классами населенія. (Какъ извѣстно, я утверждаю какъ разъ обратное). Но если это такъ, продолжаетъ Каутскій, то развитіе ведетъ къ тому, что пролетаріатъ будетъ вытѣсненъ среднимъ и мелкимъ буржуа. Но, въ такомъ случаѣ, какой смыслъ имѣетъ весь соціализмъ? На всѣ эти вопросы, утверждаетъ Каутскій, я еще не отвѣтилъ да и не могу ничего отвѣтить.

Изъ послѣднихъ двухъ утвержденій первое не вѣрно, второе же сверхъ того преждевременно. Моя книга о „Предпосылкахъ соціализма" и приведенныя выше статьи показываютъ, что я не оставлялъ еще ни одного вопроса безъ отвѣта. Я не вижу также, почему я не въ состояніи отвѣтить на послѣднюю формулировку постоянно повторяемыхъ Каутскимъ вопросовъ.

Во-первыхъ, *не вѣрно*, что, по моему мнѣнію, число пролетаріевъ, поскольку это слово равнозначуще съ *наемными рабочими*, уменьшается. Правда, что изъ моей таблицы вытекаетъ относительное сокращеніе числа лицъ *съ пролетарскимъ доходомъ*. Но эта группа не вмѣщаетъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ; слѣдующая группа состоитъ изъ *рабочихъ съ высшей платой* и мелкихъ буржуа. Такъ какъ въ моемъ распоряженіи не было болѣе детальныхъ цифръ, то я не могъ отдѣлить въ этой группѣ наемныхъ рабочихъ отъ мелкихъ буржа. Да это для меня и не было важно, такъ какъ я привелъ свою таблицу вовсе не для того, какъ утверждаетъ Каутскій, чтобы доказать относительное сокращеніе числа наемныхъ рабочихъ, но лишь какъ доказательство относительнаго прироста класса собственниковъ. Правда, Каутскій дѣлаетъ выводъ, что если число собственни-

ковъ относительно возростаетъ, то число лишенныхъ собственности (неимущихъ) должно относительно сокращаться; затѣмъ моментально неимущіе превращаются у него въ пролетаріевъ. Но этотъ выводъ покоится на игнорированіи со стороны Каутскаго того обстоятельства, что между классомъ, который я называю, въ согласіи съ обычнымъ словоупотребленіемъ, классомъ собственниковъ, и неимущими классами находятся еще другіе слои населенія. Каутскій поступаетъ здѣсь такъ же, какъ онъ поступилъ, когда ему нужно было высмѣять мои разсужденія о статистикѣ хозяйствъ: онъ тогда просто умолчалъ о томъ, что я самъ установилъ фактъ относительнаго и абсолютнаго сокращенія группы карликовыхъ хозяйствъ.

Впрочемъ, я неоднократно повторялъ, что ставлю осуществленіе соціализма въ зависимость не отъ растущей бѣдности рабочихъ классовъ, но отъ роста ихъ культурныхъ требованій, отъ возрастающаго пониманія общественныхъ связей и ряда другихъ факторовъ, рядомъ съ которыми цифры саксонской подоходной статистики не скрываютъ ничего что бы должно было разочаровать защитника соціалистическихъ требованій. Эти цифры опровергаютъ воззрѣніе на растущую бѣдность, онѣ ничего не говорятъ о предстоящемъ переворотѣ, но онѣ вовсе не говорятъ также, что существующее хозяйственное и правовое положеніе рабочихъ удовлетворительно, что строй производства цѣлесообразенъ и разуменъ, что всеобщее благосостояніе достигло того уровня, какого оно бы могло достигнуть при данномъ состояніи техники.

Въ опроверженіи Каутскаго эта точка зрѣнія совершенно игнорируется. Онъ постоянно выставляетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто вмѣстѣ съ отказомъ отъ *стараго* обоснованія соціализма, происходитъ отказъ отъ всякаго его обоснованія; какъ будто, если общество не развивается по старой, выставленной еще до 1848 года схемѣ, то дѣло соціализма безнадежно Въ противорѣчіи съ такъ часто повторяемыми фразами о развитіи соціализма, въ противорѣчіи съ утвержденіями, что необходимо считаться съ новыми фактами, соціалистическое ученіе выставляется, какъ что-то

окаменѣвшее, застывшее. Что не подходитъ къ старымъ шаблонамъ, то игнорируется или отрицается.

Однако, вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, какъ дѣятельность рабочихъ партій и экономическихъ организацій направлена на то, чтобы придать развитію новыя формы именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ Каутскій выступилъ противъ меня какъ истинный ортодоксъ. Кто придерживается взгляда, что ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи есть работа Пенелопы, что она до сихъ поръ была безплодна для экономической и соціальной жизни, что дорога къ соціалистическому обществу лежитъ черезъ пропасть, за которой находится ожидаемый рай, тотъ вынужденъ принципіально бороться съ моими выводами. Но кто не раздѣляетъ этого взгляда, кто изъ опыта послѣднихъ десятилѣтій вынесъ убѣжденіе, что настойчивая дѣятельность рабочихъ организацій, направленная на медленный подъемъ общаго уровня рабочихъ, *не была напрасна*, что въ этомъ подъемѣ лежитъ лучшій залогъ реформы общества въ духѣ соціализма, тотъ долженъ будетъ въ принципѣ стать на мою сторону, какъ бы онъ не расходился со мной въ частностяхъ. Старый, въ различныхъ отношеніяхъ неправильный прогнозъ соціалистическаго развитія долженъ быть оставленъ, какъ по отношенію къ своимъ устарѣлымъ предпосылкамъ, такъ и по отношенію къ своей доктринѣ, тѣмъ болѣе что онъ уже давно перестaлъ служить руководящей нитью въ *практикѣ* рабочаго движенія.

Дебаты на Ганноверскомъ партійномъ конгрессѣ, который, какъ извѣстно, занялся также моей книгой, лишь укрѣпили во мнѣ это убѣжденіе. Я не могу дать лучшаго отвѣта на произнесенныя на конгрессѣ противъ меня рѣчи, какъ пригласивъ читателя, а также нѣкоторыхъ изъ ораторовъ теперь, т.-е. по прошествіи трехъ лѣтъ, и слѣдовательно съ полнымъ спокойствіемъ, перечитать главу, относящуюся къ теоріи катастрофъ, возбудившую противъ себя наибольшее негодованіе, и безпристрастно отвѣтить на вопросъ, представляетъ въ настоящій моментъ соціалъ-демократическое движеніе иную картину, чѣмъ изображенная въ общихъ чертахъ въ моей книгѣ; преслѣдуетъ ли реальная борьба рабочихъ существенно другія цѣли, чѣмъ указанныя

тамъ; опредѣляется ли тактика иными предпосылками и опровергаетъ ли фактическое развитіе въ какомъ-либо пунктѣ намѣченный въ моей книгѣ путь. Три года—небольшая эпоха, но въ наше быстро текущее время она все-таки достаточно продолжительна, чтобы для внимательнаго наблюдателя, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени опредѣлилось направленіе происходящаго передъ его глазами развитія.

Вскорѣ послѣ Ганноверскаго конгресса моя книга о Предпосылкахъ соціализма и отвѣтъ Каутскаго появились во французскомъ переводѣ съ новыми предисловіями, которыя затѣмъ были опубликованы и на нѣмецкомъ языкѣ. Написанное мное предисловіе: „Къ моимъ критикамъ“ не носило личнаго характера. Оно напечатано въ первой книжкѣ 1900 г. „Socialistsiche Monatsschrift“. Предисловіе Каутскаго носитъ названіе: „Бернштейнъ и резолюція Бебеля“ и опубликовано въ „Neue Zeit“ (№ 22, 1899—1900). Такъ какъ въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано по поводу моего замѣчанія о резолюціи Бебеля (я замѣтилъ, что могу присоединиться съ небольшими оговорками къ резолюціи Бебеля на Ганноверскомъ конгрессѣ), что это есть съ моей стороны „хитрая уловка“, чтобы избѣжать убійственныхъ послѣдствій рѣшенія конгресса, то я былъ вынужденъ отвѣтить въ статьѣ: „Мое отношеніе къ резолюціи Бебеля“ („Neue Zeit“, № 31). Примѣчаніе, сдѣланное Каутскимъ къ этой статьѣ, убѣдило меня въ томъ, что я давно подозрѣвалъ, а именно, что я не могу болѣе сотрудничать въ „Neue Zeit“ и потому я объявилъ о выходѣ изъ этого журнала.

Въ упомянутомъ примѣчаніи Каутскій жалуется на то, что полемика помимо его вины превратилась изъ „спора объ основахъ нашего движенія въ непріятную личную перебранку“. Другими словами, онъ обвиняетъ меня, что я низвелъ эту полемику на уровень личной перебранки. Слыша это обвиненіе, трудно сохранить спокойствіе. На самомъ дѣлѣ полемика Каутскаго противъ моей книги была съ самаго начала не *споромъ*, но *доносомъ*, и при томъ доносомъ, сопровождаемымъ всевозможными унизительными инсинуаціями, какія только можно взвалить на голову писателя. Я не избѣжалъ даже психіатрическаго испытанія, изъ котораго я вышелъ, какъ политически близорукій человѣкъ, не видящій

дальше завтрашняго дня. Какія обвиненія взваливались на меня, можно видѣть изъ предшествующихъ статей. Отъ желанія Каутскаго зависѣло удержать полемику на той высотѣ, о которой онъ говоритъ, и никто бы охотнѣе не пошелъ на встрѣчу такому желанію, чѣмъ пишущій эти строки. Я позволю даже указать на то, что вскорѣ послѣ выхода моей книги я сдѣлалъ Каутскому предложеніе, заключавшее въ себѣ необходимыя гарантіи подобной полемики. Но это предложеніе было отклонено. Каутскій съ самаго начала хотѣлъ превратить споръ въ сраженіе.

Если я это пишу, то не потому, что страдаю излишней литературной или политической чувствительностью. Я указываю лишь на то, что Каутскому самому хорошо извѣстно, и указываю на это для того, чтобы хотя отчасти дать ему понять близорукость и узкосердечіе его поведенія въ данномъ вопросѣ.

Въ одной изъ своихъ статей онъ пишетъ, что я не отличаю въ немъ принципіальнаго разногласія отъ личной непріязни. Какъ ни мало интересны для широкаго круга наши личныя отношенія, тѣмъ не менѣе извѣстно, что при началѣ полемики между нами не было личной непріязни. Тѣмъ болѣе характерно, что, несмотря на эти благопріятныя условія для чисто дѣлового обсужденія, полемика съ самаго начала приняла непріязненный характеръ.

Дѣло въ томъ, что Каутскій, возражая мнѣ, боролся съ цѣлымъ направленіемъ и старался по возможности сдѣлать его безвреднымъ. Имѣлъ ли онъ на это право или нѣтъ, я не буду объ этомъ спорить, замѣчу только, что поведеніе его крайне близоруко. Если бы дѣло шло объ отдѣльной личности, которая лишь могла бы пріобрѣсти послѣдователей, то тогда было бы еще цѣлесообразнымъ постараться сдѣлать эту личность безвредной, хотя и это обыкновенно не удается. Но если дѣло идетъ о личности, которая становится опасною, потому что она даетъ пароль уже существующему теченію, то является крайней близорукостью воображать, что можно чего-либо достигнуть такого рода полемикой. Въ лучшемъ случаѣ эта полемика можетъ привести къ побѣдѣ надъ *личностью*, и въ данномъ случаѣ Каутскій съ нѣкоторымъ правомъ можетъ воскликнуть: это и

достигнуто! Но уваженіе отъ этого поистинѣ мало пострадало. Оно существуетъ и будетъ развиваться не потому только, что его представителями являются во многихъ мѣстахъ знающіе, талантливые и вліятельные люди, не нуждающіеся ни въ какомъ паролѣ со стороны, но также потому, что оно соотвѣтствуетъ практической потребности; потому, далѣе, что старая доктрина перестала удовлетворять уже благодаря своей общности, при которой она не можетъ дать вѣрныхъ указаній въ спеціальныхъ проблемахъ, выдвигаемыхъ ростомъ движенія и новыми формами общественной жизни; потому что соціальное познаніе расширяется не только по отношенію къ спеціальнымъ экономическимъ явленіямъ, но также по отношенію къ проблемамъ организаціи и управленія въ широкомъ смыслѣ этого слова, и потому что благодаря этому возникаютъ противорѣчія между доктриной и практикой, которыя могутъ быть устранены только всесторонней, чуждой духа ортодоксальности, теоретической критикой.

Подобная критика, если она ведется честно—а наврядъ ли даже Каутскій упрекнетъ меня въ нечестности—является необходимостью, и нужно много бездушія, чтобы морально запретить ее.

Но такова цѣль полемики Каутскаго. Съ самаго начала тонъ ея былъ безусловно враждебный. Напрасно въ ней будете искать тотъ примитивный духъ, который можетъ быть присущъ даже самой рѣзкой критикѣ, не нарушая нисколько ея фактическаго значенія, который безъ особыхъ условныхъ фразъ вѣжливости можетъ заставить видѣть даже въ нападеніяхъ извѣстное уваженіе къ противнику. Я не претендую вовсе на непогрѣшимость и заявлялъ не разъ, что многія мои уклоненія являются лишь различіями во мнѣніяхъ, которымъ я не придаю серьезнаго значенія. Но безъ всякаго самохвальства, полагаю, я могу съ увѣренностью сказать, что моя книга представляетъ нѣчто болѣе, чѣмъ несвязное нагроможденіе ошибокъ и нелѣпостей, какъ хочетъ представить Каутскій. Читающій его критику долженъ придти къ выводу, что до сихъ поръ еще не было такой глупой и плохой книги, какъ моя.

Такая критика, дискредитирующая личность, еще понятна,

когда дѣло идетъ о защитѣ только что нарождающагося движенія. Въ такихъ случаяхъ извѣстная сектантская нетерпимость является условіемъ существованія. Такіе пріемы понятны также въ моментъ дѣйствительной опасности, когда дѣло идетъ о жизни и смерти. Ничего подобнаго не имѣется въ данномъ случаѣ. Соціалъ-демократія давно доказала свою жизнеспособность, преодолѣла гораздо болѣе серьезныя препятствія и находится въ прогрессивномъ развитіи. Нужно особое пониманіе, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ поднять крестовый походъ противъ книги, которая, поистинѣ, не заявляла чрезмѣрныхъ претензій, какъ будто Римъ находится въ опасности.

Я назвалъ рядъ статей, посвященныхъ оборонѣ противъ этого похода, въ защиту свободы науки. Возможно, что это названіе возбудитъ возраженія. Противная сторона сочтетъ несправедливымъ предположеніе, что она противъ свободы науки. Она будетъ утверждать, что ея критика относится лишь къ ложной наукѣ, къ научнымъ заблужденіямъ. Но это возраженіе не имѣетъ силы. Свобода науки, конечно, не исключаетъ борьбы съ тѣмъ, что кажется ошибочнымъ и проявляется не въ равномъ отношеніи къ истинѣ и заблужденію. Но она проявляется въ томъ духѣ, съ съ которымъ она приступаетъ къ критикѣ новыхъ идей, въ признаніи и содѣйствіи борьбѣ за расширеніе умственнаго горизонта и запаса традиціонныхъ идей, однимъ словомъ, она проявляется въ *оружіи*, посредствомъ котораго она борется, и въ *критеріѣ*, которымъ она мѣритъ новыя идеи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ I.

Въ защиту традиціоннаго пониманія марксистскаго ученія.

Стр.

Предисловіе 1

Задачи соціалъ-демократіи въ парламентахъ 5

Къ вопросу о желѣзномъ законѣ заработной платы 21

Объ отношеніи естественныхъ наукъ къ обществовѣдѣнію . . . 103

Границы дѣятельности международныхъ конгрессовъ 130

Борьба классовъ и компромиссъ 140

ЧАСТЬ II.

Проблеммы соціализма.

Утопизмъ и эклектизмъ 157

Развитіе аграрныхъ отношеній въ Англіи 166

Соціально-политическое значеніе пространства и времени 183

Теорія переворота и колоніальная политика 204

Политическія партіи и экономическіе интересы въ Англіи 238

Реалистическій и идеологическій моментъ въ соціализмѣ 252

ЧАСТЬ III.

Въ защиту свободы науки.

Три отвѣта на допросъ 279

Необходимость въ природѣ и исторіи 309

Діалектика и развитіе 322
Трудовая цѣнность или полезность? 347
Классовая борьба, какъ догматъ и какъ дѣйствительность. . . . 357
Отвѣтъ на книгу Каутскаго: „Бернштейнъ и соціалъ-демократическая программа“ 380
Заключеніе 391